Вера Огнева

КОГДА ПРОСНЕТСЯ МАРС

От номинанта премий «Интерпресскон» и «Новые Горизонты»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вера Огнева – творческий псевдоним молодого автора фантастических романов. Писатель – номинант премий «Интерпресскон» и «Новые горизонты», победитель литературных конкурсов «Революция NEXT», «Русская фантастика 2017» и «GoWest».

Роман «Когда проснётся Марс» – вторая книга дилогии «Новый Рим», написанной на стыке жанров: боевика, научной фантастики и киберпанка.

Далёкое будущее. Земля и другие обитаемые планеты находятся под властью Империи – высокотехнологичной наследницы Древнего Рима. Хозяева жизни – патриции, а у плебеев даже не всегда есть имена. Не было имени и у главной героини. Её называли по номеру – I45. Но лишь до тех пор пока она не узнала правду о себе. Оказалось, что девушка – ребенок племени имманес – пришельцев с других планет и обладает уникальными способностями, которые могут поставить всю империю на колени. Попытка уничтожить героиню в предыдущей книге не удалась, и теперь она вернется назад, чтобы отомстить. За себя и того, кого потеряла. Чем обернётся вторжение имманес в империю? Вас ждёт новая встреча со всеми героями первой книги и развязка этой увлекательной истории.

- Вера Огнева
  - I. Iupitter
    - День 304
    - Управление гневом
    - Бычий форум
    - По лезвию
    - Снижение
    - Падение
  - II. Morpheus
    - Из памяти
    - Правила тоннелей
    - Ему бы понравилось
    - Ей бы понравилось
    - Циклопы
    - Враги моих врагов
    - В полымя
    - Энцо и его бабы
    - Тау Тельца
    - Rei gerundae causa

- III. Vulcanus
  -
  - Черный легион
  - Casus maior
  - Без сна
  - Твари
  - Мертвый зов
  - Дави жука
  - Некроночь
- IV. Mars
  -
  - Буду ее воспевать
  - Не она
  - Малая
  - Минотавр голоден
  - Когда-то мы были людьми
  - Триумф
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2

Вера Огнева
Когда проснется Марс (цикл «Новый Рим», книга вторая)

Мне кажется, под кожей
Я принесла войну,
Саван на голове моей,
И под ногтями гной.[1]

Уорсон Шир

I. Iupitter

Я – твой лабиринт.

Ницше «Жалоба Ариадны»

День 304

Луций Цецилий Авианий Марс проснулся.

Голова болела, словно ее прострочили от затылка к вискам. Во рту пересохло так, что язык не ворочался, в ушах стоял мерзкий писк. А за болью и писком мелькали обрывки прошлого вечера. Музыка в баре. Стопки какой-то местной гадости, которую поджигали, прежде чем выпить. Соль на губах, запахи мускуса и табака. Ноги, сильно обхватившие его талию. Горячая кожа под ладонями – гладкая, цвета карамели.

Луций потянулся к соседней подушке, но рука легла на прохладную ткань.

Ушла, причем давно.

Он приподнялся на локтях и огляделся. Вещей Бритвы в комнате не было; на полу валялись только его собственные штаны. Чуть дальше лежала рубашка – форменная, синего цвета, с нашивками и засохшими пятнами крови. Презервативы, скомканные салфетки. Ну и бардак.

С трудом поднявшись, Луций прошел в ванную и забрался в душ. Прохладная вода забарабанила по лицу и плечам, принося хоть какое-то облегчение. Мысли плыли, как дохлые амебы: что-то об имманес, сбежавшей на орбиту, об Аларихе без головы. О баночке «гелиоса», которая полетела с обрыва в море. О ней Луций жалел особенно.

Помывшись и кое-как замазав медгелем рану на макушке, он оделся и вывалился в густую курортную жару. По шоссе у мотеля летали кабриолеты туристов и самодельные аэроциклы местных жителей. За дорогой и полосой листвы виднелась песчаная коса, обнимавшая море. Искусственный песок, искусственное море. Отец любил сорить деньгами в таких местах.

– Эй! Ты здесь? – крикнул Луций, постучавшись в номер Бритвы этажом ниже. Глухо, ни ответа, ни привета. Он приложил ладонь к экрану блокировки, и дверь открылась.

Номер был пуст. Кровать не расстелена, пакетики с санитарным гелем не тронуты. Значит, уехала. Может, жалела о том, что произошло ночью? Сам-то Луций не жалел ни капли, но, похоже, значения это уже не имело.

Он только собрался уходить, как заметил блеск на полу у окна. Прошел бы мимо, не упади солнечный свет под определенным углом. Луций присел рядом и тронул ворс напольного покрытия. Осколки пластика, похоже, от коммуникатора. Кто-то растоптал его – прозрачная крошка лежала ровным слоем.

Коммуникатор? Зачем он Бритве? Стоит предупредить ее, чтобы не таскала с собой лишние трубки. Никаких средств связи, кроме некса, – так говорится в Уставе.

Также Устав запрещает спать с коллегами, но об этом Луций предпочел не вспоминать.

Уже из профессионального любопытства он отодрал крышку мусорного бачка и заглянул в пластиковое брюхо. Ничего, только сменный пакет. Под кроватью тоже пусто. Видимо, Бритва забрала коммуникатор и выбросила в другом месте – если он вообще принадлежал ей.

Луций попытался вызвать ее по нексу, но связи не было. Бритва отключила служебную линию.

Как интересно.

– А давно она уехала? – спросил он у дежурного в лобби на первом этаже.

Дежурный промокнул лоб и щеки бумажным платком. Он буквально плавился за стойкой – стекал с кресла вместе с потом. Духота и правда стояла дикая. Кондиционер не работал, если вообще имелся в этом клоповнике.

– Кто?

– Моя напарница, – процедил Луций. – Три-Два-Шесть.

Дежурный что-то набрал в блокноте, лениво постукивая пальцами по экрану. Сверив найденное, хмыкнул.

– Она не вернула ключ. Если ее нет в номере, то с вас двести денариев.

Луций поднял глаза к потолку, чувствуя, как чешутся кулаки. Казалось, вены под кожей сплелись узлами и раздулись от крови…

Выдох, вдох.

«Спокойно. У тебя просто ломка, Луций. Пройдет».

Аренда машины стоила еще двести. Он бы ни за что не поехал на колымаге, которую ему дали, но, как оказалось, служебный челнок отозвали на срочное задание. Ждать два дня до его возвращения Луций не стал, хоть аренда и ударила по кошельку.

А спустя пару часов и десяток выкуренных сигарет в колымаге закончилось топливо.

Машина чихнула и упала на брюхо прямо посреди шоссе. Выжженная трава слева, выжженная трава справа, ни души вокруг. Ни намека на заправку, мотель или хоть чего-нибудь, где могли находиться люди. Выбравшись из салона, Луций с чувством пнул металлопластиковый бок. Чтоб она взорвалась, колымага…

Стрекотали пустынные цикады, горячий ветер иссушал лицо. Пить хотелось все больше. Через полчаса на горизонте

заклубилась пыль, и Луций вышел прямо на середину дороги, раскинув руки.

Форменная рубашка и клеймо на запястье сделали свое дело, – парочке в синей «кассиопее» ничего не оставалось, как остановиться и отлить Луцию немного топлива. Кое-как он добрался до заправки на границе курортной зоны и Первой курии. Не заправка – одно название, кассовый терминал и пара колонок, которые торчали посреди пустоши, как прыщ на заднице. Других машин не было, у дальнего автомата копался марсианин в рыжей спецовке, тяжелый и неповоротливый, как бочка с горючим. Остальные работники как в Тартар провалились.

Немного подождав, Луций посигналил. Марсианин даже не обернулся. Он что-то открутил, отбросил шланг в сторону, вытащил цилиндр с отработанным топливом. Днище бака звякнуло по асфальту.

Луций был один на клятой заправке, а этот мешок не мог пошевелиться и подойти к его машине?!

– Эй ты! – Он высунулся из окна и одернул рукав, показав клеймо с орлом. – Если не поторопишься, я тебя в Управление отвезу, понял? За отказ в помощи представителю его императорской светлости.

Марсианин развернулся, – покатый лоб, близко посаженные глазки, ничего не выражающее лицо, – окинул взглядом Луция и его руку. Соображал туго, но все же подошел к колонке, что-то неторопливо набрал на сенсорном экране и снял рукав с крючка.

Ну так-то лучше. Так-то…

Из рукава выстрелила струя, прямо на капот Луциевой машины. По лобовому стеклу расплылось темно-зеленое пятно, а включившиеся дворники быстро его размазали.

– Ты что делаешь, говнюк?!

Отстегнувшись, Луций выскочил из машины. Хлопнул себя по бедру, но кобура была пуста. Правильно, распылитель остался в космопорту…

Вонючая струя облила его с головы до ног. Марсианин медленно поднял вторую руку и чиркнул зажигалкой.

– Свободу номерам! – прогудел он.

Твою же…

Луций еле успел отпрыгнуть. Его машина взлетела на воздух, разметав турбины в стороны. Вслед за ней полыхнула и бахнула колонка. А марсианин продолжал ходить и меланхолично поливать заправку из шланга, пока сам не занялся огнем. Так и повалился, как живой факел.

Гребаный шизик.

Сигареты оказались сухими, и Луций чуть не закурил. Вовремя вспомнил, что весь пропитан горючей смесью, смял пачку и зло отбросил ее прочь. Куда уж хуже…

Ухо тонко кольнуло током. Луций защипнул переносицу, сделал медленный вдох, потом выдох, и тронул кнопку некса на мочке.

– Декурион Луций Цецилий.

«Код 304, общая мобилизация, – безразлично ответил электронный голос автоматического оповещения. – *Сбор в ближайшем к вам Управлении».*

Луций оборвал связь.

Триста четыре. Военное положение по всем куриям.

Что-то новое.

* * *

До Первой его подвез бронированный фургон центурии Эоса. Луция соединили с ними по нексу, он сообщил свои координаты и уже через полчаса прел в душном фургоне в окружении десяти вооруженных до зубов легионеров.

Они тоже направлялись в Первую по коду 304. Сами еще не поняли, в чем дело, потому объяснить толком ничего не могли. Какая-то стрельба на улицах, вот единственное, что они знали. Оружие Луцию выдали, – табельный «пиллум», пукалка, а не пистолет. Лишних экзокостюмов у них не было, и пришлось изнывать на жаре, пока остальные дышали через маски, встроенные в шлемы.

Первая курия вымерла. Улица, по которой они ехали, была безлюдна, окна в магазинах выбиты, машины брошены открытыми. Некоторые проулки перекрыты служебными машинами и силовыми заграждениями. Легионеры напряженно всматривались в окошки, хакер что-то строчил в панели и сдавленно матерился – видеонаблюдение не работало. Нигде.

Луций ему не верил. Такого просто не могло быть, скорее, у кого-то руки росли не из того места. Нужно запросить рабочие коды доступа у центуриона и все, делов-то. И он в упор не видел никакой стрельбы.

Пока фургон не взорвали.

Мир заревел огнем, перевернулся раз, второй. Машина упала на крышу. Дым застил глаза, ремни впились в грудь и живот. Луций отстегнулся, выполз следом за всеми из кузова и перебежал в холл магазина с одеждой, где уже засели бойцы из Управления Первой.

Заряд «гидры» просвистел совсем близко, Луций едва успел спрятаться за угол. На стене расползлась и задымилась кислотная клякса. Перемигивались индикаторы распылителей и нейтрализаторов в руках легионеров отряда быстрого реагирования. Рядом гудели готовые к отправке дроны. Они висели в воздухе стальными пчелами, под гладкими животами горели сопла. Поодаль к стене привалился легионер.

Уже мертвый, судя по выжженной груди и натекшей луже крови.

Декурион, судя по двум красным полосам на шлеме.

Воздух дрогнул. С потолка посыпалась крошка лепнины, припорошила плечи Луция и темно-синие экзокостюмы легионеров. Закуток перехода между залами, в котором они теснились, заволокло дымом. На улице жужжали выстрелы, доносились выкрики на языке марсиан.

Совсем как на Иридии десять лет назад. Смрад, выстрелы и безумие. Бессмысленная пальба по своим. Некс разрывался позывными и приказами – Луций оказался автоматически подключен к сети Первого Управления. Бритва на вызовы не отвечала.

– Кто? – крикнул Луций, перекрывая гул дронов.

Легионер обернулся. Его лицо было измазано кровью, глаза за забралом шлема лихорадочно блестели. Он что-то проорал в ответ, но близкий взрыв перекрыл голос. Луций разобрал только «Ы».

– Что?!

– «Псы»!

Легионер подал сигнал. Дроны взлетели, активизировали встроенное оружие и с ускорением стартовали за угол.

– С утра началось! Крысы тоннельные…

– Сколько?

– Спроси чего полегче. Десятки, сотни. Отрубили наблюдение по всему уровню.

Луций поморщился. Значит, хакеру в фургоне не показалось, и зачищать предстояло вслепую, лишь с помощью ограниченного количества дронов-наблюдателей. Не слишком здорово.

Снаружи что-то грохнуло. Мимо пролетела половина стального корпуса дрона и смялась о стену, влепившись ровно в центр кислотного пятна. Она срикошетила к ногам Луция и, кружась, остановилась.

Следом из-за угла выкатилась граната. Луций оттолкнул стоящего рядом легионера и сам бросился в укрытие. На что-то упал. Точнее, на кого-то – под ним лицом вниз лежало тело. Блок питания костюма взорван, голова оторвана вместе со шлемом. Все

еще оглохший от взрыва, Луций выхватил «пиллум», быстро выглянул из укрытия и прострелил подбежавшему марсианину голову.

Где, рвать их за яйца, командный состав? Где нюхачи и воздушная техника? Бред какой-то.

Отстреляв всю батарею, Луций отбросил пукалку прочь и вжал кнопку некса на ухе. При коде 304 его должны были подключить к ближайшей центурии.

– Вызывает Луций Цецилий, декурион Управления Четвертой. Меня слышно?

Тишина.

– Вызывает Лу…

Фон изменился, теперь доносилась глухая стрельба, бахнула граната.

«Центурион Клавдий Намациан. Рядом с вами блокирована Шестая декурия, пересечение Апулиева проспекта и Тринадцатой улицы. Задание понятно?»

Более чем, мать его. Более чем.

Луций облизнул губы, часто дыша. Желая перестрелять «Псов», чтобы кишки по стенам… И как пробраться к пересечению проспекта и Тринадцатой? Где это вообще?

Ладно. Все по очереди.

– Оружие дай! – рявкнул он сидящему рядом легионеру. – Нормальное оружие и костюм!

Управление гневом

Луций потерял в Первой курии полторы недели. Целых полторы недели вместе с другими назначенными бедолагами отстреливал «псов», разыскивал зарегистрированных патрициев и доставлял их в убежища. Задерживал «нюхачей» легиона, которые как с катушек сорвались – отключили систему наблюдения, взорвали взлетные площадки на базах.

Как они могли участвовать в беспорядках? Чипированные номера Управления проходили проверку каждый месяц. Друзья, родственники, иные контакты – учитывалось все. Одного система могла проглядеть, но чтобы сразу всех? Невозможно.

Откуда-то появились бывшие крио. Многих не видели на поверхности десятки лет, что в принципе было невозможно. Нельзя разом спрятать тысячу человек, когда канализацию сканируют каждую пару недель. Для этого они должны быть мертвыми и не испускать тепло.

Однако так обстояли дела.

Пару дней Луций с двумя декуриями осаждал склады на окраине курии. «Псы» с нюхачами перетащили туда оружие (в том числе и табельные распылители из Управления), забаррикадировались и держали оборону не хуже повстанцев с плато Иридия. Подорвать их с воздуха хотелось, но никак не получалось – часть платформы могла обвалиться уровнем ниже, на виллы и жилые колонны. На жилые колонны Сенат чихать хотел, а вот за сенатские виллы легионеров бы выгнали без выходного пособия.

Еще дня два Луций не вылезал из канализационных тоннелей, похожих на норы иридийских червей. Глубоких, сплетенных клубком и опасных. Из-за каждого поворота так и норовила вылезти какая-нибудь вооруженная до зубов дрянь. Говно хлюпало под ногами, изредка в нем проплывали вздувшиеся тела – лицом вниз, будто пытаясь что-то разглядеть на дне стока. Одежда колыхалась плавниками, волосы цеплялись за сапоги легионеров. Опознанием трупов никто не занимался, времени не было.

Как Луций и предполагал, в нижних тоннелях нашлись пустые криокапсулы. Совсем как во время зачистки у Алариха. Скорее всего, оттуда крио и вылезли. Срок последних заморозок колебался от полутора до пяти лет – значит, готовились к бунту давно. Серийные номера легионеры не переписывали и на поверхность капсулы не поднимали.

Времени не было.

На розыск и перепись гражданских Луций потратил несколько следующих дней. Декуриона-сменщика у него не было, решать приходилось самому. Командного состава не хватало – центурионов и декурионов убивали первыми, в самом начале бунта. Их отстреливали из винтовок с оптическим прицелом. Взрывали в личных авто. Вспарывали горло от уха до уха прямо в коридорах Управления. Отличный план, Луций сразу понял. Обездвижить и без того неповоротливую военную машину. Ввести легион в смятение.

В общем, пришлось туго. Луций перевернул всё, от верхнего уровня до канализации. Спал по четыре часа в сутки, видел только пыль, огни дронов, вспышки дальних выстрелов и тела. Номера, легионеры, патриции лежали в стекле и мусоре на улицах, плавали в стоках тоннелей, смотрели пустыми глазами, неестественно вывернув головы в собственных домах, среди разбросанных вещей и битой посуды. Некоторые закрывали лица руками, словно это могло помочь. На стенах сохли кровь и мозги – грязный рисунок войны.

Больницы работали в экстренном режиме. В канализациях центральных курий шла зачистка. Один нюхач взорвал себя в приемной Управления Второй. В другой курии захватили оружейную. На уровнях расцвели мародерство и беспорядки. Отличить «псов» от обычных номеров уже никто не мог, как и держать кого-то в переполненных крио-отделах, и легион просто палил по всем без разбора. По «псам», по гражданским, по своим.

Все это бесило. Верх непрофессионализма, настоящий хаос.

И где-то в этом хаосе потерялась Бритва.

Луций регулярно просматривал файлы задержанных и убитых номеров, но Бритвы среди них не было. Не было ее и в списках отметившихся в Управлении и отстраненных. Может, она успела выбраться на шоссе и застряла на подъезде к Четвертой? Или была где-то на улицах Первой.

Он стоял у окна между лестничными пролетами киберкорпуса Управления Первой, устроил перекур между просмотрами записей видеонаблюдения. Болела голова, саднила царапина на руке, полученная во вчерашней перестрелке. За стеклом мигала огнями развязка, доверху забитая машинами. Все торопились в космопорт, прочь от Земли и ее неуправляемых номеров.

«Защиту Орбитальной взломали».

Голос Тита Пуллия периодически пропадал. Опять проблемы со связью.

«За неделю до кода 304 заключенные угнали грузовой шаттл и спустились на поверхность».

Луций убрал сигарету, чтобы ненароком не подавиться. Мир сошел с ума? Что дальше? Нашествие имманес?

– Много?

«Около пятидесяти».

– Явно не тысяча.

«Не тысяча. Но среди сбежавших Х-908. Эзоп».

Луций о нем слышал. Основатель банды «Псов». Его изловили с большим трудом и с еще большим трудом отправили на орбиту.

– Как в Четвертой?

«Мы справились, можешь не торопиться. И береги голову».

Луций усмехнулся. Похоже, слухи о его приключениях в космопорту добрались и до центуриона.

Мимо гуськом прошли четверо легионеров. Они тащили старую установку экстренной связи, какие обычно стояли на улицах для вызова ближайшего патруля или скорой. Этой не повезло: экран панели расколот наискось, порты для подключения вырваны, в боку дыра, из которой виднелись обугленные провода. Красные, синие. Артерии и вены для информационных потоков.

– Что с Три-Два-Шесть?

«Не найдена».

– Мы можем ее отследить? По нексу, чипу. Она наверняка где-то засветилась.

«Мы уже проверяли, Луций. Последний раз была отмечена в мотеле в Эосе, больше ничего».

Тело. Луцию уже чудилось тело с выжженной грудью, лежащее где-нибудь на окраине курии. Или в канализации. Чип уничтожен, некс выдран на сувенир. Он же много раз видел такое, верно?

Он стряхнул пепел на ящик пожарной сигнализации. На красном лаке собралась приличная горка.

– Объяви ее в розыск.

«Послушай…»

Тит Пуллий умолк. Луций почти видел, как он гладит биометаллическую пластину на своем лице: двумя пальцами обводит окуляр и спускается к стыку челюстного имплантата. Всегда так делал, когда что-то сильно его беспокоило.

«Может, она сама не хочет, чтобы ее нашли? Ты не думал об этом?»

– Ты же не хочешь сказать…

«Во всех куриях проблемы с нюхачами. Семьдесят процентов убиты или бежали. Сенат выпустил указ причислить пропавших без вести к неблагонадежным. Это все, что я хочу сказать».

Арест, допрос и крио, вот что это значит.

Луций прислонился затылком к стеклу. Холод обжег кожу.

Без вариантов – если верить фактам и здравому смыслу. Не нужно ее искать. Да и что делать, если она найдется? Приказ есть приказ, придется сдать ее в крио. Но все же… Все же…

– Сколько у меня времени? – Луций выдохнул дым через ноздри. – Хочу к отцу заехать.

Ни к какому отцу он не собирался, и Тит Пуллий прекрасно это знал. Но он должен понять, он же всегда относился к Бритве не так, как к другим номерам.

По крайней мере, Луцию так казалось.

«Дня три. Неделя, если что-то случилось. Обращайся, если потребуется помощь».

– Обязательно.

Луций размазал окурок по крышке ящика, тронул мочку уха, сменив канал связи. Сбежал по лестнице, запрыгнул в лифт и нажал знак подземного уровня.

«Да», – центурион Управления Первой был привычно неприветлив. Голос холодный и стальной, как кабина, в которой ехал Луций.

– Луций Цецилий. Меня вызывают в Четвертую, срочно. – Он на миг зажмурился. Вранье, какое же вранье. Докатился… – Вынужден покинуть курию.

«Принято. Покинуть курию разрешаю».

Луций уставился на смутное отражение в стальной глади. Глаза казались черными впадинами. Он будто смотрел на себя с другой стороны реальности.

Он знал, с чего начать поиск. Но впервые не знал, что сделает, когда найдет искомое.

* * *

Пусто, темно. Спертый воздух. Кухонный модуль выключен.

Дома Бритва не появлялась.

В стенном шкафу Луций нашел два черных костюма для аэроцикла, пару маек, штаны с встроенными наколенниками, нетронутую после химчистки форму с ровным слоем пыли на плечах и… Он нахмурился, вытащил вешалку на свет.

И платье в пол. Из тягучей серебристой ткани, на бретельках. С магазинной биркой.

Неожиданно.

Но за платьем вполне ожидаемо таился сейф с оружием. Луций ввел код, общий для всего командного состава центурии, и замок щелкнул. С внутренней стороны дверцы высветился

перечень содержимого, всего, что было зарегистрировано на номер Три-Два-Шесть: распылитель, спица, нейтрализатор, сборный короткоствольный «цицеро», три запасные батареи и нож. Внизу отметка службы контроля, охраны и конвоирования – последняя проверка месяц назад. Распылителя и нейтрализатора не хватало. Распылитель Бритва брала с собой в Эос, Луций его помнил. А вот куда делся нейтрализатор? Может, тоже увезла?

Или захватила перед тем, как сбежать.

В ящиках нижнего отделения внавалку лежало белье, коробка с какими-то женскими примочками, тюбик бальзама для губ, использованные разменные карты, упаковка сменной пластины для имплантата. В углу комнаты гантели и свернутый коврик. На столе пакет с протухшей соевой лапшой и ключи от аэроцикла. Хозяйка из Бритвы явно была неважной. На койке остался отпечаток ее тела; покрывало смято, словно на нем лежали. Лицом к стене, поджав ноги. Так, как она лежала перед поездкой в Эос.

Вид из окна закрывала стена соседнего здания. Черная, со следами старой рекламы: видны остатки нарисованной руки, в пальцах дымится сигарета. В щели между домами блестел и жужжал вечерний проспект. Мигали красные бусы разделительных линий. Снаружи было шумно, а на этаже общежития – тихо, как вакууме. Большинство номеров поувольняли или разогнали, и Управление будто лишилось ног. Голова работала, но таскать эту голову было некому.

Вызов некса заставил Луция вздрогнуть. Он тронул мочку уха.

– Луций Цецилий.

«Декурион, ничего».

На связи был Юлий Ветурий, новичок из его декурии, спец по чипам и денежным потокам. Как всегда неприветливый и настороженный – родственная душа.

– Уверен?

«Не был бы уверен, не звонил бы. Декурион», – добавил он, чуть подумав. Позволил себе чуть больше, чем диктовал Устав, но на этот раз Луций не стал делать замечание. Сам попросил Юлия об одолжении, и хорошо, что тот согласился. Юлий Луция уважал, но не слишком любил. Впрочем, как и все легионеры Управления Четвертой.

«Еще что-то, декурион?»

– Нет, спасибо.

Луций отключил некс и сел на подоконник.

Куда теперь?

Он снова осмотрел комнату. Задержался на оружии в сейфе.

Прикинув все за и против, глянул в зеркало и потер щетину. Хорошо, что забыл побриться.

Луций одернул рукава куртки и натянул перчатки, спрятав наградной браслет и орла на запястье. Собрал «цицеро» из сейфа, предварительно продув широкий ствол. Сунул за пояс на спине. Он не любил эти пушечки: слишком мощные для своего размера, с сильной отдачей и неудобной рукоятью. Бессмысленные, как карманный огнемет. К тому же, у них частенько заедала блокировка: могла не выстрелить в нужный момент или, наоборот, стрельнуть в кобуре. От такой перспективы даже задница холодела, чувствовала направленное на нее дуло. Но не со спицей же идти…

Эхо шагов металось по этажу призрачной дробью. Освещение выключено, не видно ни души. Дверь в помывочную в конце коридора выбита, во тьме звонко капало. Луций заложил руку за спину, поближе к рукояти «цицеро», и постучал в ближайшую комнату.

В итоге он сумел поговорить лишь с двумя соседями. Остальных не было дома, или же они просто не желали отпирать.

– Не видел, – пожал плечами седой номер из комнаты напротив. – Давно не появлялась.

– Не знаю такой, – скривилась нюхач в конце коридора. На ее лице цвел густой синяк, пары зубов не хватало. – Я здесь редко бываю, декурион.

Глухо, тупик. Даже если они действительно что-то знали, то вряд ли желали сотрудничать после того, как Сенат спустил на них всех собак. Луций их не осуждал, но очень хотел добыть нужную информацию. Даже кулаками, если потребуется.

Спустившись на парковку, он вынул из кармана ключ – тот самый, со стола Бритвы – и нажал кнопку на брелоке. Где-то за колоннами зарычал мотор, по бетону и припаркованным авто скользнули рыжие отсветы.

Луций застегнул куртку, вытянул капюшон из воротника. Хлопнул по манжетам, и рукава загрубели, превратившись в броню.

Давно он не ездил на аэроцикле.

* * *

– Мне нужен Красавчик, – сказал Луций во втором тоннеле.

Зазывала еле умещался за столом. Под толстыми пальцами мигала встроенная панель. На ее экране лупили друг друга темнокожие бойцы – своего рода реклама, прямая трансляция с

Арены.

– Не по адресу. Педики в Четвертом, – он смерил Луция выцветшим взглядом.

Вот же…

– Это прозвище. Красавчик.

Зазывала устало скривился.

– Слышь, крашу-ногти, я ваще не в курсах, кого и как вы там в вашем курятнике зовете, понял? – Он махнул в сторону шлюза, рядом с которым маялись вооруженные номера. – Идешь, нет?

Рука едва не скользнула за спину, к рукояти «цицеро».

Грязная тоннельная крыса.

Луций коротко выдохнул, привычно сбрасывая гнев. Кивнул и положил на стол разменную карту с двумя сотнями денариев – членский взнос и билет в одном флаконе. Зазывала подгреб карту к себе, проверил ее на сканере и ткнул в экран разблокировки. Шлюз открылся, за ним тянулся тоннель с редкими точками ламп. Никаких опознавательных знаков, только граффити на стенах.

Луций завел аэроцикл и полетел по скату. В ушах заложило, влажный холодный воздух ударил в лицо. Пахло плесенью, на стенах зеленели потеки, в свете фар поблескивали лужи. Видимо, тоннель пролегал под главными стоками канализации. Он вел все ниже, пока не впал в анфиладу помещений – заброшенный распределительный уровень, судя по сломанным и устаревшим системам управления у стен.

Поверх старых щитов висели панели букмекерских автоматов. Рядом с ними толпились номера: совали разменные карты в слоты, подставляли чипы на запястьях под сканеры. По коже бежал луч, и на сенсорном экране возникала сумма к списанию с личного счета. Развертывался список: ставки на количество раундов, на победителя, на нокаут или победу решением судей. Выше сменялись лица бойцов. Их тоже выбирали. Бойцы, получившие наибольшее количество голосов и ставок допускались к рингу. Умное исключение темных лошадок и возможных джекпотов.

Поодаль выстреливали цветом и звуком игровые панели.

Какая нора.

Вонь, жар, духота навалились разом. Куртка и рубашка приклеились к спине влажным компрессом. Тонко пищало в ушах, и «гелиоса» хотелось так, что язык прилип к небу.

Поэтому первым делом Луций выпил. Дрянь в стопке была желтая, с привкусом машинного масла, – видимо, автомат цедил напитки через собственные фильтры, – но этот привкус немного отвлекал.

Выбросив пластиковый стаканчик, Луций огляделся. Нужные ему агенты разгуливали по залам. Отличить их от посетителей было легко: все они вещали в карманные громкоговорители. Воздух у закругленных сводов раскалывался от разноголосого бубнежа, а голова шла кругом.

– Ставим на Дуплекс!

– Шесть-Два, лучший боец сезона! Не прогадаете!

– Эфра! Эфра! Двукратная чемпионка Сатурналий!

Луций долго не мог понять, откуда берутся синяки на лице Бритвы. Думал на дилера, заемщика, дружка с дрянным характером. Но однажды заметил размытые чернила на запястье – остатки печати, которую ставили на Арене вместо пропуска – и все понял. Вполне в ее характере: делать больно другому, чтобы заглушить свою боль. И у нее наверняка имелся агент, как у любого бойца. Но Луций не рассчитал, что на Арене Четвертой курии агентов окажется слишком много.

Столько народа, и ни одного красавчика.

Луций пробился к одному из автоматов и пролистал каталог игроков. Бритвы среди них не было – или же он просто не знал, куда смотреть. Со всех сторон напирали желающие сделать ставку, больно давили под ребра локтями, навалились так, что стало тяжело дышать. Луций потеснился, и его охотно выдавили из скопления тел.

Глотнув воздуха и одернув куртку, он огляделся.

Оставался один вариант.

Он шагнул к первому попавшемуся агенту – здоровяку в желтой спецовке, какую носили разнорабочие. Тот брезгливо глянул из-под сальной челки и отвел руку с громкоговорителем от рта, только увидев полосатую разменную карту на сотню денариев.

Про Красавчика Луций решил больше не спрашивать.

– Хочу поставить на Три-Два-Шесть, – проорал он. Говорить тихо в зале было возможно, но абсолютно бесполезно. – Когда она будет?

Никакой реакции. Луций словно изъяснялся на иностранном языке.

– Бритва, – попробовал он.

На этот раз агент поднял брови и кивнул. Впрочем, радости на его лице не прибавилось.

– Не сегодня.

Луций еле удержался, чтобы не ухватить его за грудки и вытрясти информацию. Прострелить колено. Вытащить на поверхность и сбить спесь в предкрио.

Выдох. Вдох.

Сейчас бы пригодился «гелиос».

– А когда?

– Не знаю, давно не видел.

Агент пожал плечами. Отвернулся, снова приложил коробок громкоговорителя к губам, но осекся – Луций ухватил его за плечо.

– У кого можно узнать?

Поморщившись, агент стряхнул его руку.

– Спроси у Пси. – Он кивнул на тощего номера в углу зала. – Вроде он с ней работал.

Тощий Пси мгновенно почувствовал на себе взгляды. Обернулся и вскинулся, прикидывая, бежать или нет. Глаза опасливо заблестели, крылья тонкого и длинного носа раздулись, как у коня на фронтоне храма Юпитера.

Думал он недолго: сунул громкоговоритель в карман широких штанов и припустил прочь, к стоянке. Луций бросился следом, высматривая рыжеватый затылок. Распихал в стороны пару номеров, некстати вылезших под его ноги. Нырнул в шлюз, оттолкнулся от стены и свернул на девяносто градусов, к стоянке.

– Стой! – Он ухватил Пси за локоть и увернулся от кулака. – Да стой же! Я поговорить!

Кулак просвистел снова. Ничего не оставалось, как врезать в ответ, с локтя в челюсть. Пси отлетел к запаркованным аэроциклам и повалился на них, неуклюже раскинув руки. Пара байков завалилась набок, кровь из носа залила майку.

Неподалеку припарковалась прогнившая тачка. Из нее вылезла компания номеров в куртках с символами банды, намалеванными на спинах. Луций насторожился, но они прошли мимо, даже не глянули на распластанного по байкам Пси.

Каждый сам за себя. Закон тоннелей.

– Красавчик?

Пси вздрогнул.

– Я просто поговорить, – повторил Луций, когда номера скрылись за рядами машин. – Бритву ищу.

Пси подобрался, сполз с аэроциклов на заплеванный бетон.

– А я тут при чем?

– Ты с ней работал. Бритва. Три-Два-Шесть.

Пси сморкнулся, вытер нос, размазав кровь по ладони и татуированным пальцам. Угрюмо глянул на Луция снизу вверх.

– Не знаю такую.

Зато Луций знал таких, как Пси. Врут часто, раскалываются быстро, – стоит лишь поднажать.

Он присел на корточки, оказавшись с парнем лицом к лицу. Вынул «цицеро» и положил его на колено.

– Прострелю пузо, если не заговоришь. Понял?

Пси содрогнулся, увидев направленное на него дуло. Ухватил одной рукой себя за локоть, будто вдруг озяб, и молча кивнул.

Луций улыбнулся. Вот и чудно.

– Давно ее видел?

– Где-то месяц назад.

– Где? Что делала?

– Здесь, на Арене. Дралась. Не дотянула два раунда и сбежала, как ошпаренная.

Дралась на Арене. Три нарушенных статьи Устава. Луций еле сдержался, чтобы не ругнуться.

– Я больше с ней не работаю, так ей и передай, если увидишь, – добавил Пси.

– Она говорила, что собирается делать? Куда-то уехать, может, договаривалась с кем-нибудь?

На все из перечисленного Пси лишь мотал головой. Кивнул лишь на запястья Луция, скрытые манжетами рубашки.

– Напарник ее, что ли?

Луций вскинул брови. Интересно, это Бритва рассказала, что служит в легионе, или Пси сам догадался?

Четыре нарушенных статьи.

Он выдохнул, потер лоб. Не хотел задавать следующий вопрос. Не хотел слышать ответ.

– Ты видел ее с «Псами»?

Пси чуть усмехнулся, но улыбка быстро свернулась, когда Луций приподнял «цицеро».

– Не знаю, не могу сказать.

– Можешь, и еще как.

В груди клокотало от злости. На себя? На Бритву? На глупого агента под дулом пистолета? Луций чуть вдавил кнопку, и «цицеро» недовольно заурчал. Что он мог натворить с близкого расстояния – страшно было подумать.

– Выбирай, плечо или живот?

Пси побледнел. Взгляд метнулся по стоянке, словно их могли подслушать.

– Она тусовалась с ними раньше.

Луция словно ударили под дых.

– Раньше – когда? Где?

– Здесь, на Арене. Года три назад. Была у них типа за свою.

Восемь нарушенных статей Устава и две – закона Римской Империи.

«Во имя Юпитера, чем ты думала?»

Луций встал, снова потер лоб. Тот неистово чесался от пота и напряжения.

Лучше не искать ее. Он узнал достаточно, чтобы сделать выводы. Но очень хотелось заглянуть ей в глаза и спросить лично. Вытащить из норы, куда она забилась, и расписать подробно, кого не следовало обманывать.

– С кем она была? – процедил он. Заметив, как поежился Пси, он едва не ударил его снова. – С кем?!

– Эзоп.

Главарь банды «Псов». Ясно. Все понятно.

Луций сглотнул горечь с языка.

– Еще кто? – Он ткнул дуло «цицеро» Пси в нос. Пси часто заморгал.

– Один парень, Кассий его зовут. Она все время вокруг него терлась.

– Кассий? Патриций, что ли?

Пси повел воспаленными глазами.

– Не, кликуха такая. Номера не знаю. Агент. – Он шмыгнул разбитым носом. – Из Первой приехал. Говорят, отбирает ребят для Пятнадцатой. У него там свои бои вроде.

Вот как. Луций подался вперед. Становилось интереснее.

Может, именно они помогли Бритве сбежать? Раз она крутилась с ними на Арене. Может, даже связалась с ними еще в Первой курии.

– Где искать Эзопа?

– Откуда мне знать?..

– Не ври мне!

– Я правда не знаю, мужик! Никто не знает! Говорят, в крио он. Ты сюда с Марса прилетел, что ли? Облава была, «Псы» ушли отсюда!

– А Кассий? Он же агент, наверняка где-то здесь трется.

Пси пожал плечами.

– Может, в восточных тоннелях, у рынка. Там есть еще арена.

На другом конце курии.

– Где именно?

– Да не знаю я! Где-то у рынка. Они сами по себе, понял? Мне не докладываются.

– Еще кто-нибудь?

Пси покачал головой. В его глазах затаился страх.

Он наверняка мог подкинуть еще парочку имен. Но не успел Луций прикинуть, как их можно выбить, как услышал голоса. К ним торопился уже знакомый здоровяк-агент в компании пары марсиан. Заметив Луция, он прибавил шаг, а Пси замахал руками.

А нет, все-таки не каждый сам за себя. Надо же.

Луций поднялся и зашагал прочь, попутно включив автозапуск. Сунул «цицеро» за пояс, натянул капюшон и прыгнул

на аэроцикл. Тот уже гудел и мелко вибрировал, готовый к взлету.

– Они тебя размажут! – Крик Пси прилетел ему вслед. – Бритва тебя уделает!

Луций поморщился и втопил газу. Аэроцикл сорвался с места, мимо замелькали разрисованные колонны опор, тоннель загудел, отражая рев турбин.

«Бритва тебя уделает». Трижды ха.

Уже уделала.

* * *

Приметы номера и бойца Арены знает любой легионер.

Крепкие кулаки.

Шрамы по всему телу.

Угрюмая небритая рожа.

Стрижка почти под «ноль» – чтобы противник не ухватился.

Все это у Луция имелось.

Еще требовалась чистая история чипа. Небольшой вступительный взнос, спортивные ботинки, дешевые сигареты и привычка сплевывать через каждые два шага.

Это можно приобрести. Номер на шее нарисовать специальной водостойкой краской, у чипа активировать режим дублера – приятный бонус легионерской прошивки. Наградные браслеты распаять и снять, клеймо легиона замазать все той же краской, но уже телесного цвета. Некс закрыть пластиной, имитирующей дешевый имплантат. Обычно легионеры под прикрытием некс удаляли, но Луций не собирался меняться так кардинально. В конце концов, он хотел внедриться на день-другой, а не на пару лет.

Конечно, был риск, что его раскроют. Заинтересуются имплантатом или поговорят с номерами, которые видели его на стоянке. Или выяснится, что Пси никого не рекомендовал, и Луций познакомился с ним совсем не на Арене. Абсолютный блеф. И ждать помощи в таком случае было неоткуда.

Со щитом или на щите, как в старые времена.

Луций повалился на противника. Вдавил предплечье в мясистую татуированную шею, свободной рукой выбил зубы – чтобы больше не кусался. Ободранные костяшки вспыхнули болью, зубы полетели россыпью. Отлетевший осколок клюнул в щеку. Песчаная пыль колола под веками.

Хрип.

Стон.

Сопение.

Марсианин вращал глазами. Вроде подрастерял силы после двадцати минут боя. За годы службы в легионе Луций научился вырубать таких здоровяков максимально быстро и эффективно. Вымотать, нанести несколько точных ударов – лучше в область затылка, где чаще всего устанавливали нейроимплант. Или бить по живому, в болевые точки. Можно в пах. Подло, но на Арене правил не было. Главное, самому не пропустить удар.

Стальные когти впились под ребра, и Луций зашипел. Вот оно, пропустил. Теперь не отцепится. Перед глазами искры заплясали, кровь заструилась по животу.

В Тартар всех марсиан с железками вместо рук. Задушить. Задушить его, пока он не выбрался. Или…

Луций боялся даже представить, во что превратится в случае этого «или».

Он надавил на шею марсианина сильнее. Всем весом навалился на руку, врезал, вбивая в песок.

Еще раз.

И еще, до хруста. Под кулаком что-то промялось. А, может, промялся сам кулак – боль была слабая, приглушенная адреналином. Пока слабая.

Он мало что помнил потом, очнулся, только когда его оттащили. За пеленой плыли татуированные лица, щербатые ухмылки, столь же щербатые стены где-то в темной глубине. Круг рыжих прожекторов, один из которых светил прямо в лицо. Голоса звучали как за толщей воды.

– Принят! – со смехом воскликнул Кассий и хлопнул Луция по голой спине. Шлепок вышел звонкий, кожу обожгло. – Как звать?

Луций мотнул тяжелеющей головой. Его подташнивало, перед глазами плыло. Полосы на халате Кассия казались слишком яркими, кислотно-желтыми…

Снова звенело в ушах. «Гелиоса» бы для разрядки, золотую бляшку за щеку…

– Эй! – еще хлопок по спине.

– Цицеро, – пробормотал Луций, вспомнив о пистолете, который остался в стоке верхнего тоннеля. Не лучшее прозвище, но…

– Цицеро? – Кассий снова расхохотался. – Да ты грозный, я смотрю!

Избитого уволокли за ринг; ботинки прочертили кривой след в песке. Был обычный номер в поисках работы, стал кусок мяса. Не повезло ему на отборочных, напоролся на легионера. Другого он, может, и отделал бы, но не Луция, который прошел три

внешнегалактические операции.

Он едва не ударил Кассия, когда тот взял его руку и поднял ее.

– Цицеро! Наш новый парень! Лютая псина!

Номера засвистели, застучали по скамьям и стенам.

– Псы! Псы!

– Кто нагнул верхние уровни?! – снова Кассий.

– Псы! Псы! – эхом разнеслось в ответ.

Луций кисло улыбнулся. Нагнули, ну как же.

Нагнут *их*. На следующий же день после того, как он узнает все, что ему нужно и окажется на поверхности. Лишь бы номера не надумали бить ему татуировку. Он терпеть не мог чернила на теле, и выводить их потом было сущей морокой.

Но пса Луцию колоть не стали, только вручили тюбик дешевого медгеля, а после начала следующего боя и вовсе забыли о его существовании. Вот и прекрасно.

Он присел на скамью в углу зала, рядом с такими же потными и побитыми бойцами. Намазал гелем царапины на животе, накрыл ладонями саднящее лицо. Глянул на Кассия в щель между пальцами.

Победители агента пока не интересовали. Он пил, смеялся, оценивал, чесал бородку на узком и смуглом лице. Стоял в окружении трех номеров с наколками «псов». Похоже, его парни, охрана. У каждого на бедре кобура. У двух хромированные протезы вместо рук. Свернуть шею такими можно играючи.

Плохо, очень плохо. Луций надеялся, что Кассий договаривается с каждым бойцом лично. Отводит в сторонку, обсуждает оплату. А вышло все совсем по-другому: человеческая свалка, из которой агенты выуживали более-менее подходящее. Общий поток, хаос и гам, слишком много свидетелей. И чем больше времени проходило, тем меньше оставалось шансов поговорить с Кассием по душам – отобранных бойцов уводили «псы». Что-то объясняли в закутке перед шлюзом, забирали коммуникаторы, вводили что-то в сгиб локтя. Может, жучок.

Проклятье. Что-что, а устройство слежения под кожей Луцию не было нужно.

Стоило рискнуть.

Он поднялся и двинулся к Кассию. Тот наверняка был в курсе, где скрывается Бритва, раз они были такими друзьями. Стоило сказать ему о ней. Или же не упоминать ее – кто знал, в каких они теперь отношениях? Чем еще зацепить агента, связанного с «Псами»?..

– Цицеро! Эй, Цицеро!

Кто-то хлопнул его по плечу. Вздрогнув, Луций обернулся.

Ему широко улыбнулся Двадцатка – вертлявый молодой помощник Кассия. Познакомились еще до отборочных боев: Двадцатка ходил вдоль очередей желающих с блокнотом и записывал номера. На этот раз он сунул Луцию в руки стакан с кофе. Луций машинально ухватил его, и пальцы обожгло через пластик.

– Подержи, пока не остынет, – бросил Двадцатка. – Я ща.

Он сорвал с себя майку, запрыгал на месте, красуясь, провел пару ударов. Кривлялся, как клиент психиатрички у святилища Лиссы, явно под кликами. Из-под босых ног поднимались клубы песчаной пыли. К нему присоединился еще один такой же – полуголый, татуированный и пустоголовый, – и они принялись месить друг дружку. Вокруг тут же собрался народ.

Говнюки. Тощие, кривозубые, тупые.

Луций посмотрел на стакан в своей руке. С наслаждением представил, как кислотный заряд гидры прожигает Двадцатку и его спарринг-партнера, после чего оба падают на песок, корчась в судорогах. И пена, пена, зеленая пена изо рта…

– Чего хочешь? – Кассий сбил его с мысли. Он успел обернуться и теперь внимательно смотрел на Луция. Он не был глуп – глаза выдавали. А Луций всегда был плохим лжецом.

Но попытка не пытка, верно?

Луций склонился к его уху и сказал, понизив голос.

– Мне Бритва кое-что передала. Срочно. Насчет «орликов».

Звать себя и всех коллег «орликами» было противно. Но Кассий заинтересовался, а это того стоило.

– Говори.

– Не здесь.

Кассий помедлил, сжал тонкие губы. Затем перевел взгляд на стоящих рядом «псов».

– Еще раз пропустит – заканчивайте, – велел, указав на дерущихся на ринге, и поманил Луция и одного из «псов» за собой. «Пес» был вооружен.

Проклятье.

Луций швырнул стакан с кофе в угол, к остальному мусору, и двинулся следом. Они миновали рынок – анфиладу бывших технических залов, которые приспособили для торговли. Боксы были открыты с одной стороны; внутри пестрела одежда – висела слоями до самого потолка. Чернели спецкостюмы, на лотках лежали запчасти для протезов, машин и аэроциклов – бывшие в употреблении и, скорее всего, ворованные. В закопченных чанах пухла лапша. Белая, без добавок, но пахла жареным мясом. У стен звякали автоматы с выпивкой. Народа собралось много, как и в любой выходной день. Луций задрал голову. Под бетонной чашей

купола кружили механические светляки с камерами вместо голов – самодельные дроны. От таких стоило держаться подальше.

Полосы халата Кассия скользили между людскими потоками ярко-желтым маяком. Луций продирался следом, чувствуя, как по спине чертит дорожки пот. Даже майку не успел натянуть, так и забыл ее у ринга. Хотя в канализации он со своими шрамами не выделялся.

Позади молчаливо топал «пес». И пока в голову не приходило ни одной дельной мысли, как от него избавиться.

За рынком они свернули в боковой тоннель. Миновали многоуровневую стоянку с магнитным подъемником. Поднялись по скату с выщерблинами в бетоне и вышли в прохладный и сумрачный тоннель уровнем выше. В стенах темнели пятна шлюзов – входы в жилые каморки. Людей почти не было, только вдалеке шумела компания номеров. Орали, делали ставки.

Кассий повел Луция в другую сторону. У третьего шлюза остановился, отсканировал руку и жестом пригласил внутрь. Луций нехотя переступил порог. Кассий вошел следом, мощные створки сомкнулись.

«Пес» остался снаружи. Этому стоило порадоваться.

По меркам тоннелей, кабинет у Кассия был неплох. Большая комната с выходом в смежное помещение: во тьме за аркой виднелась спинка дивана и мини-бар с запотевшим стеклом. Половину стены занимала телепанель, на которой целовались две марсианки. Одна гладила прозрачные синтетические груди другой, размазывая глянцево-синюю водку.

Под телепанелью стоял стол на тонких стальных ногах.

А на столе мигал индикатором распылитель. Заряжен, готов к стрельбе. В пяти шагах от Луция. В двух – от Кассия.

– Так что с Бритвой?

Луций поднял взгляд. Сделал вид, будто очень заинтересовался обстановкой, прошелся вдоль стены с полосами светильников.

– Велела передать, что будут новые зачистки, – бросил он. – На этой неделе в Десятой, потом в Одиннадцатой.

Луций оперся ладонями на стол. Совсем близко к распылителю, только руку протянуть.

– Она ж в легионе своя, ты в курсе?

Кассий не кивнул, но и удивляться не стал. Его очень заинтересовало что-то на столе. Луций проследил за его взглядом.

На запястье, из-под смазанной виниловой краски чернел край орлиного крыла.

Кассий бросился в сторону, полез за ворот халата. Луций толкнул стол ногой, отрезав ему путь. Кассий не растерялся, проскользил задом по столу, в руке сверкнула спица. Лазерная игла прошипела в паре миллиметров от глаза. Луций перехватил его запястье, вжал дуло в живот и выстрелил. Звук вышел негромкий, как влажный хлопок. Пыль вырвалась из спины Кассия, опутала их седым облаком. Луций привычно задержал дыхание, пережидая, пока она осядет. Опустил обмякшее тело на пол и вытер вспотевший лоб.

Проклятье. Убийство в его планы не входило.

Кассий невидяще смотрел в потолок.

Спица выкатилась из его руки, подпалив пол.

Марсианки на панели продолжали целоваться.

Луций обернулся на шлюз. Рискнуть или нет? Второго шанса может не представиться. Где-то на карте нейроимплантата Кассия лежала информация о Бритве. Должна была остаться – агенты сохраняли всё, что знали, на случай, если удастся кому-то продать. Жаль, дешифратора с собой не было. Хотя считать данные с мертвеца все равно бы не вышло.

Стоило попробовать кое-что другое.

Он оттащил тело за стол, перевернул его и ощупал кожу на затылке. Как и думал, под пальцами угадывался жесткий рельеф нейроимпланта. Повезло, у Кассия стояла дешевая версия, которую просто вживляли под кожу. Более дорогие – например, легионерские, – устанавливались в затылочную кость и накрывались пластиной. Вскрывать такие было куда сложнее.

Выставив спицу на минимум, Луций вывел лазером аккуратный треугольник на затылке. Кожа зашкворчала. В нос ударила вонь паленых волос и жареного мяса. Луций с трудом оторвал получившийся лоскут, подцепил ногтями плашку чипа. Тот легко вышел из паза имплантата, обнажив нити микросхемы.

Коммуникатор у шлюза зашипел, как оборванный шланг.

– Босс? – гнусаво пробубнили из динамика. – Все в порядке, босс?

Мать, мать, твою же…

Луций сунул чип в карман и прижался к стене у шлюза. В детстве так прятался от няньки, когда не хотел спускаться на очередной раут. Стоял у двери и выскальзывал в коридор, когда представлялась возможность.

Но сейчас нянька куда злее.

Экран блокировки переключился на зеленый. Створки шлюза дрогнули и раскрылись, из тоннеля пахнуло жаркой влагой. «Пес» переступил порог: показался пистолет на вытянутой руке. Затем покатое плечо, обтянутое спецовкой. Низкий лоб и бритый

затылок.

Когда голова поравнялась с прицелом распылителя, Луций нажал спусковую кнопку.

Компании в конце тоннеля уже не было – должно быть, их спугнул выстрел. Луций добежал до нужного поворота и зашагал вниз по скату. Шаги гулко разносились под сводами, отзывались эхом, будто следом кто-то шел. Далеко внизу маячил свет – выход на нижний уровень. Ноги заплетались; казалось, еще немного, и Луций ухнет к маячку света головой вниз.

Спустившись к рынку, он двинулся мимо арены к тоннелю, в котором остался аэроцикл. Завидев светляков-дронов, остановился в тени за колонной. Дроны стайкой пролетели мимо, едва не цепляя камерами металлические ребра тоннеля. Сделали круг над рингом, снимая разминку бойцов. Луций затаил дыхание, следя за ними взглядом. Наверное, так себя чувствовали беглые номера на поверхности: будто за ними отовсюду наблюдают.

И снова писк в ушах. Проклятый, сводящий зубы писк. Луций глубоко задышал, чуть откинув голову назад. Кто бы знал, что слезать с «гелиоса» будет так сложно…

Чья-то рука легла на плечо.

– Эй, Цицеро, – надломленный, очень знакомый голос, от звука которого сердце забилось жестче. – Где мой кофе-то? Беги за новым теперь.

Луций обернулся и с разворота сунул Двадцатке в лицо. Еще – в челюсть, снизу вверх. И еще, под ребра. Двадцатка задохнулся, качнулся вперед. Луций сгибом локтя поймал его за шею и придушил. Стерпел удар в живот, сжал руку еще сильнее.

Двадцатка брыкнулся в последний раз и замер. Отключился. Плохая выносливость, «псу» стоило завязывать с синтетическим кофе.

Писк в ушах исчез, будто его и не было.

* * *

– День добрый.

Юлий Ветурий крутанулся в кресле. Заметив Луция, он изменился в лице и вскочил. Отдал честь. Второй рукой провел по столу за своей спиной, свернув слои.

– Декурион.

Формально, как обычно.

Иногда Луций завидовал Титу Пуллию, к которому рядовые легионеры тянулись сами. Дарили подарки на дни рожденья,

рассказывали о своих проблемах. Даже Луций порой излишне откровенничал в кубике центуриона. Потом проклинал себя за несдержанность – нашел кабинет психотерапевта.

Впрочем, захотел бы он слушать о чужих детях и проблемах? Вряд ли. Тишиной в декурии он был вполне доволен.

– Вольно. Я не при исполнении.

Юлий опустил руку, но садиться не спешил. Следил за Луцием своими темными, глубоко запавшими глазами. Невысокий и жилистый, как пловец или пилот шаттла. Под расстегнутой форменной курткой виднелась футболка с мультяшным псом. Пес улыбался во все сорок два зуба.

– Мне передали, что вас не будет до понедельника, декурион.

Оно и видно – кроме Юлия в декурии никого не было. Только столы со встроенными панелями, в воздухе над которыми висели слои с чатами и недописанными рапортами. На доске, у проекции разыскиваемого номера нарисован кривой шаттл, неуловимо похожий на член. Детский сад. Как будто пару дней назад никто не палил по Управлению – хотя внизу, в холле сохранились выжженные полосы на полу. Угольные звезды с выщерблинами посередине.

Луций опустился за ближайший стол. Мановением руки свернул мигающие непрочитанные сообщения – фотографии, анимированные смайлы, межгалактические иероглифы, которые для краткости использовали пилоты кораблей, – и жестом велел Юлию сесть.

– Меня здесь и нет. Зашел показать тебе кое-что. – Он выудил из кармана прозрачный пакетик с чипом. Пластик был измазан кровавыми полосами. – Сможешь прочитать?

Юлий нахмурился. Явно сообразил, что к чему, но вида решил не подавать.

– Могу сделать, но мне нужен ордер.

Луций коснулся уха, сжал бусину некса на три долгие секунды. Имплантат отключился, кольнув мочку зарядом.

Помедлив, Юлий нехотя отключил свой. Теперь они говорили один на один.

– А ты сотри запись. Всего двадцать минут твоего времени.

Юлий выпрямился, скрестил руки на груди.

– Декурион, это против устава.

– А еще против устава носить гражданское в Управлении, – Луций указал на лыбящегося пса. – И возить напарницу в придорожные мотели.

Да, именно за это его не терпела вся центурия. «Василиск», так его звали. Говорили, что у него взгляд такой – впору сканировать сумки и дроны на лету сбивать. И такта не больше,

чем у мясорубки.

А прозвище следует оправдывать.

На щеках Юлия расцвели розоватые пятна. Он оперся на колени, сцепил пальцы в замок и уставился в пол. Бедняга. Думал, что никто не замечает, как он прыгает вокруг белокурой и, между прочим, замужней Ливией Гракх. Конечно, никаких доказательств не было, но при должном усердии можно накопать что угодно.

Усердия Луция хватало на целую декурию, это все знали.

– Декурион, Ливия и я…

Луций вскинул ладонь.

– Я ничего не слышал и не знаю. *Как и ты*, верно? Мы же одна команда.

Помедлив, Юлий кивнул. Поднялся и забрал пакетик с окровавленным чипом.

– Дайте мне пять минут.

Луций вышел следом за Юлием, проводил его взглядом – плечи напряжены, тело как сжатая пружина, шаг чеканный. Шея под выбритым затылком побагровела. Он это запомнит, Луций сразу понял. Может быть, доложит Титу Пуллию. Может, даже встанет в позу и напишет рапорт.

Плевать, не страшно. И совестно тоже не было. Луций хотел узнать правду во что бы то ни стало.

Он прогулялся мимо битком набитого конференц-зала. По его стене двигались вооруженные «псы» – видео с мест происшествий. «Псы» громили бутики верхнего уровня. Удар биты – и в стороны разлетелся вихрь осколков. Еще удар – и видео поставили на паузу, приблизили и сделали четким изображение лица. Заметив массивную фигуру Тита Пуллия, Луций отвернулся, подался назад. Провел ладонью по колкому ежику волос. На затылке пальцы коснулись шершавой проплешины затянувшейся болячки.

Стоило заскочить в медкорпус. Луций в который раз поправил ремень – «цицеро» впивался в спину. Еще хотелось зайти в оружейную за нормальным оружием, но придется отчитываться за утерянный табельный распылитель, писать кучу объяснительных, а времени сейчас не было.

Блокнот в кармане завибрировал. Луций растянул его и открыл присланный Юлием файл. На экране высветились столбцы – перечень увиденных в тоннелях «псов». Номера, приметы, координаты. Все, что помнил.

«Нагнули верхние уровни», кажется, так номера кричали у Арены?..

Теперь нагнутся они.

* * *

Чип он оставил Юлию. Велел дать ему фору, хотя бы сутки, а сам вылетел обратно в Первую, в космопорт. Казалось, это место никак не могло его отпустить.

Кассий часто летал, в основном из Четвертой, Третьей, Пятнадцатой и Первой курий. Одни и те же координаты и время, которое совпадало с частными рейсами. В день начала бунта, когда пропала Бритва, он летел из Первой в Пятнадцатую. Наземным транспортом Бритва не пользовалась, на регулярные рейсы не регистрировалась. Значит, что? Встретилась с Кассием, и они улетели вместе?

В груди вновь заворочалась злоба. Луций ухватил рычаг справа от панели, потянул на себя. По экрану побежали данные: шасси выпущено, подтверждение диспетчера. Загорелась линия глиссады, светло-зеленая на черном фоне; по ней ползла точка шаттла. Автопилот вел посадку четко.

Короткая встряска – шаттл коснулся земли. Луций включил реверс двигателей, быстро набрал на панели координаты выделенной ему стоянки. Шаттл послушно замедлил бег и направился в указанную точку. По лабиринту полос, вдоль линий голубоватой подсветки, утопленных в бетон.

Идти от стоянки было недолго. Навигатор привел его на отшиб космопорта. Частные ангары, ровное покрытие, модный, похожий на галочку, корабль на взлетной площадке вдали. Чисто, спокойно.

Луций вновь сверился с голограммой карты, выведенной на браслет. Алая точка, означавшая его самого, находилась рядом с пунктом назначения.

Странно. Те ли координаты сообщил Юлий? Может, решил отыграться и просто наврал? Луций уже никому не верил, ничего не исключал.

И он не знал, что делать, когда увидит Бритву. Скажет «привет» – будто совсем не ожидал ее встретить? Выстрелит, если она нападет или попробует сдать «псам»?

Сможет ли?

Луций нахмурился и ускорил шаг. Сможет, еще как сможет. В конце концов, он не трепетная девица. Закон Римской Империи превыше всего. «Един для всех», – повторил про себя.

Он миновал тихие взлетные полосы. На пятом перекрестке повернул направо. Двинулся мимо частных складов, похожих на зону временного хранения, где его подстрелили. Все были закрыты: ворота опущены, горят зеленые глазки сигнализаций.

И опять возник старый вопрос: откуда у «псов» появились

деньги на аренду ангара в космопорте Первой курии? И связи – их явно прикрывал кто-то из легиона, может, «нюхачи». Конечно, у них был доступ к внутренней сети Управления, могли удалять все данные, какие хотели. А командование думало, что следит за всеми. Идиоты.

У нужного склада никого не было. За дверью подозрительная тишина, ни звука. Луций повел тепловизором, но на его экране тоже было пусто. Он ухватился за стальную ручку, вытащил «цицеро» и нажал кнопку разблокировки. Пистолет бесшумно задрожал, рукоять нагрелась. «Лишь бы выстрелил туда, куда надо», – подумал Луций, обливаясь потом. «Цицеро» он боялся больше, чем предполагаемых «псов» за воротами. Сколько было случаев, когда такое вот лютое старье отрывало стрелкам руки по локоть… И, как назло, с собой лишь оно и браслет со встроенной «спицей». Негусто.

Все-таки стоило зайти в оружейную.

Луций рванул дверь, и откатил в сторону, прикрываясь створкой как щитом. Внутри царила тьма, сплошные чернила. Пусто. Луций внимательно осмотрел рельс и пол за ним – ему могли оставить лазерную растяжку в подарок. Но красного огонька тоже не мигало.

Он ступил во тьму, водя «цицеро» по сторонам. Поглядывал на тепловизор, который держал над прицелом во второй руке. Фонарик пока не включал – тот мог его выдать. Луций зажег его, лишь когда убедился, что в ангаре только он, «цицеро» и шустрые точки крыс, шмыгавшие по экрану. Убрал оружие за пояс, предварительно его отключив. Было спокойнее, когда эта пушка стояла на предохранителе.

На полу под трубами ретрасс валялось тряпье – лежаки, пахло потом и грязью. Луций посветил фонариком и сморщился, заметив пятна крови. Пару выбитых зубов. Вдоль стены была насмерть привинчена длинная скоба с царапинами, скорее всего, от наручников.

Похоже, никто не собирался платить бойцам деньги. Накачивали кликами – может, еще в канализации, в фургоне, во время чипирования. Привозили сюда, потом грузили на шаттл и увозили в Пятнадцатую. Перевалочный пункт; его декурия закрыла парочку таких с полгода тому назад.

Хорошо, что он вовремя сбежал.

Из-под одного лежака прыснула стайка крыс – худых и больных, с зелеными следами родентицидной химии на шкурах. Похоже, они что-то жрали.

Луций раскидал тряпье, мысом ботинка подцепил лежак и перевернул его, обнажив грязное прорезиненное основание. Под

ним что-то блеснуло. Маленькая бляшка на кусочке кожи и хряща, кнопка от некса и часть ушной раковины со следами крысиных зубов.

Луций медленно присел, не веря глазам. Вытащил из кармана пакет, одев его на руку, как перчатку, подцепил находку ногтями и обернулся к свету. Некс легионерский. Такой ни с чем не спутаешь.

Он мог принадлежать Бритве. *Наверняка* принадлежал ей – ухо смуглое, женское.

Ее что, пытали? Похитили? Избавились от чипа и имплантатов, чтобы не отследили?

Или просто убили.

От этой мысли в животе похолодело. К горлу подступил ком.

«Спокойно, Луций. Ты же не трепетная девица».

Подрагивающими пальцами он запечатал кусочек уха в пакете, сунул обратно в карман. Для точного анализа требовалась аппаратура из Управления. И время, которого у Бритвы уже нет. Сколько дней прошло с ее исчезновения? Полторы недели? Две?

Он осмотрел лежак и пол вокруг внимательнее, но больше ничего не нашел. Только пыль, сор и песок. Прошелся к дальней стене, вдоль усиленной полосы для стоянки корабля. Отсвет фонарика скакнул по мертвым крановым установкам под потолком. По сетке каркаса и натянутому на ней полупрозрачному тенту.

По шлюзу в дальнем конце.

Он походил на служебный отсек: в таком обычно хранили роботов-уборщиков, запчасти и прочую ерунду, которая может понадобиться при обслуживании корабля. Снова вытащив «цицеро», Луций приложил руку к экрану блокировки. Тот пискнул, тонко и коротко, как предупредительный сигнал ружья перед выстрелом.

Створки шлюза свернулись. Луций придвинулся, следя за вязкой тьмой.

На уровне пояса мигнули алые точки, донесся низкий рык, и из отсека выпрыгнул пес. Черный, в холке Луцию по грудь, с крокодильей пастью. Настоящий мутант. Луций успел вовремя отпрыгнуть, выстрелил. Заряд вырвался откуда-то из стыка между батареей и стволом, обжег ладонь и опалил лицо так, что щетина зашипела. Луций отбросил раскаленную рукоять прочь.

Проклятое старье!

Пес повалил его на пол. У носа щелкнули три ряда зубов, лица коснулось жаркое дыхание. Луций еле успел выставить руки. Держал как мог – предплечьями упирался в шею, так, чтобы пес не дотянулся.

Взгляд упал на хромированную полосу органайзера на запястье. Луций подвел дрожащий палец к браслету, ткнул в нужный знак. Тот загорелся – включилось голосовое управление.

– Десять-шесть, – прохрипел Луций.

Сверкнул зеленый луч, прошил черную шерсть на шее пса. Тот рванулся – почти отхватил Луцию нос. Но содрогнулся, захрипел, закапал кровью на лицо, и обмяк, придавив своей тушей.

Луций скинул его с себя и развалился на полу, тяжело дыша в потолок. Голова кружилась, и мир кружился вместе с ней, покачивался, как понтон на море. Убитая псина лежала рядом, раззявив темную пасть. На мягком, в розоватых пятнах животе был выжжен знак «Псов».

Выбравшись в ночную прохладу, Луций побрел вдоль подсвеченных дорожек к шаттлу. Ветер выстудил лицо и вспотевшее тело. За рядами ангаров с низким рокотом взлетела звезда шаттла. Луций зажмурился от яркости, прибавил шаг, вспоминая межзвездный код космодрома Пятнадцатой курии.

Он задолжал кое-кому извинения.

Бычий форум

Во рту хрустела крошка сломанных зубов. Бритва сплюнула, тронула обломки языком и скривилась. Вот же зараза. Отличные были имплантаты, выглядели как настоящие, Управление поставило. А теперь губы царапать…

– Хреново?

Она подняла взгляд. В шаге от нее стоял мужчина в рабочей спецовке. Такой же, как и сотни других номеров, которые впахивали на заводах дальних курий: бледный, жилистый, с кругами под запавшими глазами. Вид голодный и злой. На голове платок цвета горчицы – такие носили жрецы Юпитера. Никаких имплантатов, никаких татуировок. Серый, неприметный, как асфальт, только на запястьях шрамы от трубок крио. Но Бритва узнала его сразу.

Эзоп во всей своей красе.

Он улыбался одними губами. В неверном свете улыбка эта выглядела жутковато. Хотелось свернуть ему шею, пока чего не выкинул.

Бритва так бы и поступила, не разделяй их силовое поле.

– Смотрю, разморозили тебя, – сказала. – Свеженько выглядишь.

– Спасибо. Лучше, чем «орлики» с орбиты. Жаль, ты не видела, красиво с борта улетели. Так, знаешь, раз, – Эзоп щелкнул пальцами, – и сварились заживо. И качаются, качаются на космических волнах…

Он качнул рукой в такт и усмехнулся. Бритва поджала губы. Бунт на Орбитальной, значит. Пока они гонялись за имманес и Аларихом, настоящая дискотека развернулась на орбите. Наверняка подсуетились легионеры из нюхачей.

– Взломали защиту при помощи ключа из Пятнадцатой курии, – пояснил Эзоп. – Спасибо одному трибуну, разумный попался гражданин.

Вот уж точно, спасибо трибуну. И теперь Эзоп стоял перед Бритвой и хвастался своим побегом.

– Это наш мир, – сказал. – Патрициям нужно привыкать. Пусть не думают о простом народе, а живут среди него.

Еще он любил красивые фразочки. Равенство, свобода – такой дешевый понт. Как будто он не станет таким же, как патриции, дорвавшись до власти.

Бритва усмехнулась. Ситуация, конечно, не из веселых, но к чему впадать в истерику, если та все равно не поможет?

– От меня-то чего надо? – Она щелкнула в Эзопа осколком

зуба. Тот отскочил от невидимой преграды и упал на пол. – Я сделала всё, чего просила твоя шестерка. Тормозила расследование, как могла, дала твоим людям и девчонке уйти в тоннелях.

– Всё, да не всё, – ощерился Эзоп.

Ах да… Бритва цыкнула, вспомнив свой отказ убить Луция Цецилия. На мокруху она не подписывалась. Пускай сами… Или пускай вообще его не трогают. При чем здесь Луций? Дался им какой-то декурион…

Хотя Бритва знала ответ. Конечно, знала.

– И не уговаривай, – бросила она. – Для тебя больше ничего делать не буду.

– Даже не собирался. – Эзоп присел на корточки. Склонился так, что его лицо, немного смазанное рябью силового поля, оказалось напротив лица Бритвы. – Ты мне больше не нужна.

– Тогда застрели. Чего ждешь-то?

Его запавшие глаза блеснули, поймав отсвет ламп.

– Увидишь. Тебе понравится.

Видел Марс, сюрпризы Эзопа никогда ей не нравились.

* * *

Она знала Эзопа давно, вдоль и поперек. Каждую его присказку, каждый его жест. Поначалу он просто от нее фанател. Не пропускал ни одного боя на Арене, снимал всё на блокнот, а после пересматривал в убежище. Ставил любимые моменты на паузу и комментировал, что именно ему понравилось. Давал советы, как сделать бой эффектнее, чтобы зрители визжали. Блеклый внешне, он преображался, когда раскрывал рот, умел говорить так, что слушал любой амбал. Слушал и слушался.

Эзоп любил зрелища, а Бритва с удовольствием их устраивала. Его детская радость тешила самолюбие. У них как-то раз даже случился секс – случайный и не особо запоминающийся. Это она сделала зря, сразу поняла. И, слава богам, после отношения вернулись в прежнее дружеское русло.

По крайней мере, ей казалось, что русло было дружеским. Но, похоже, для Эзопа она стала *особенной*.

И ее предательство тоже.

Она потрогала щеку. Та распухла и отозвалась болью под пальцами. Сволочи, ногами били. Били до операции, когда выдрали некс и одор-имплант вместе с пластиной, после чего наспех и наживо зашили. Били перед тем, как запихнуть в грузовой шаттл – Бритва пыталась бежать, сломала одному уроду

руку. И после того, как с полдня везли в абсолютной тьме и духоте, с мешком на голове, тоже били. При любой удобной возможности.

Куда ее притащили, она пока не понимала. Помнила только перегрузку при снижении, удушающую жару и ветер, который сушил щеки. Тряску в багажнике и скудный паек на подносе в камере. Судя по продолжительности полета и климату, она оказалась в одной из дальних курий. Просидела в вонючей камере два на два шага кучу времени, недели полторы, наверное, пока раны не затянулись и температура не спала. А, может, недели три.

Когда находишься в камере без окон, время течет по-другому.

«Ты мне больше не нужна», – сказал ей Эзоп. Как же, не нужна. Столько возни затеял, и ради чего? Чтобы вот так на нее посмотреть? Грязную, с синей рожей, в камере. Чтобы унизить.

Бритва сплюнула. Это он зря. Попробовал бы встретиться с ней лицом к лицу без силового поля. На Арене, например. Все садисты – трусливые чмошники. Становятся смелыми, лишь когда знают, что им точно не ответят.

Она уставилась в пол, где в складках бетона лежали дорожки красного песка. Почесала плечом корку на ухе. Мочки и половины раковины не было – удалили с нексом. Теперь с правой стороны она почти не слышала. Шов на затылке тоже горел. Хорошо, ничего не загноилось, хотя могло. Видать, сработали уколы, которые ей пару раз всадили. Быстро затянулось.

Всё легионерское из неё вырезали и только одно оставили – клеймо с имперским орлом. Смерти ей хотели, сволочи. А ведь из-за кого она пошла в легион? Чего ради? Чтобы номеров вытаскивать. Но теперь всем плевать.

Какая-то дурацкая надежда еще теплилась, что её станут искать. Может, Тит Пуллий. Или декурион группы нюхачей. Или…

Или Луций Цецилий.

Сердце стукнуло больно, невпопад. И в горле образовался ком. Будто откусила больше, чем смогла проглотить.

Бритва прикрыла глаза. Сползла на пол, растянула гудящее тело по бетону. Стоило отдохнуть, пока была такая возможность.

Ведь ей предстоял сюрприз Эзопа.

* * *

Ее разбудили, перевернув на живот. Не успела она взбрыкнуть, как на запястьях сомкнулись холодные браслеты.

Наручники! Вот же трусливые твари! Она извернулась, успела пнуть державшего ее парня под колено. Тот пошатнулся и врезал в ответ кулаком по лицу.

Мир вспыхнул болью.

Бритва часто задышала в бетон. Проморгалась и лягнула снова, на этот раз мимо. Ее вздернули, поставили на ноги и вытащили в сумрачный тоннель. Какой-то полукруглый и каменный, будто выложенный кирпичом. Очень старый, в центральных куриях давно такого не осталось. Пол тоже каменный; в стенах другие комнатушки, какие-то закрыты силовыми полями, а какие-то – простой ширмой. С таким же слабым, прерывистым освещением, как в ее камере, с одним-двумя жильцами в каждой. Кто-то спал, кто-то играл в блокноте, кто-то, заметив ее взгляд, показал средний палец.

Держали двое; марсиане, как успела оценить Бритва через плечо. Больше разглядеть не успела – ее толкнули, заставив смотреть перед собой. Повели вверх по лестнице со сбитыми мелкими ступенями – как для карликов. Затем был еще тоннель с дюжиной ответвлений, за которыми виднелись крепкие, убористо стоящие дома. Металлические грибы, выросшие на камне и песке. Через щели в потолке слепил апельсиновый свет. Бритва задрала голову и зажмурилась. Солнце в канализации? Неужели она так близко к поверхности?

Мимо с рыком прокатила дикая конструкция – древняя машина на колесах, с единственной турбиной, торчащей сзади из-под днища. Откуда только выковыряли такое чудо? Ободранная, без стекол, дверей и крыши, зато с ярко-алыми полосами и песьей мордой на бампере. Колеса сдвоенные, на дисках острые шипы, которые при движении резали воздух. В кузове стояли парни с размалеванными лицами и голыми торсами. Марсиане. Свой народ она узнала бы даже в кромешной тьме.

Завидев её, они засвистели, заулюлюкали, кто-то выстрелил в потолок, отчего с него посыпалась крошка, и машина скрылась за поворотом. Бритва плюнула вслед. Жаль, не могла сделать больше. Им повезло, что они не встретились на Арене.

Чем дальше её вели, тем сильнее становилось дежавю. Она будто попала на Марс. Была там всего раз, в глубоком детстве, но кое-что запомнила. Холод, красный песок, бескрайние малоэтажные города поверх обугленных руин, сильных людей и грубый язык, которого она до сих пор не знала. Здесь холодно не было, но остальное очень даже совпадало. Похоже, в дальних куриях марсиане чувствовали себя вольготно. Говорили, что здесь и патрициев-то не осталось, одни номера – земляне и залетные с других планет.

Подъемник, дребезжа, потащил Бритву и ее охранников к свету на самом верху бетонной шахты. Поднявшись, он содрогнулся в последней конвульсии и остановился.

Перед ней лежала арена. Поле рыжего песка, яркое под красноватым небом. То тут, то там чернели изрешеченные щиты укрытий. По краю арены гудело силовое поле, за ним высились битком набитые трибуны. Сотни людей, полный аншлаг.

Ей что-то сунули в ладони – тонкую металлическую палочку, магнитный ключ от наручников, – и вытолкнули на песок.

Подъемник лязгнул, закрывшись.

Зрители взревели.

Знакомый звук. Мечты сбываются, верно? Она хотела на арену – она ее получила.

Бритва судорожно выдохнула. Прокрутила в пальцах ключ, потянулась к перемычке между запястьями, где был паз разблокировки. Где-то посередине, с внешней стороны…

На другом конце арены взметнулась пыль. Непроницаемое облако белой взвеси клубилось и росло. Послышался рев турбин. Бритва сощурилась.

В облаке что-то неслось. Прямо на нее.

Она заторопилась, ткнула ключом, но лишь оцарапала ладонь. Еще раз. Снова мимо. Вот же, Марс всех подери!

Облако приближалось, и из него выступили очертания машины. Той самой, из тоннеля. С теми самыми марсианами.

Мечты сбывались одна за другой.

Бритва выругалась и побежала вдоль силового щита, ограждавшего арену. Ключ скользил в пальцах, никак не желал открывать наручники. Может, ей специально дали не тот? Может, она зря пытается?

Толпа на трибунах ревела. «Беги, сука, беги!» – этот марсианский Бритва могла разобрать.

Ладони вдруг опустели.

Похолодев, Бритва остановилась и обернулась. Ключ поблескивал на песке в паре шагов от нее.

Машина с заносом развернулась. Чуть притормозила, когда из ее кузова выпрыгнула пара марсиан, и с ревом набрала скорость. Шипы на дисках крутились, рассекая воздух. Такие могут запросто порвать ногу в клочья.

Бритва вернулась к ключу, неуклюже присела, вслепую шаря пальцами в песке. Нащупав стальной цилиндр, она сорвалась с места. Вовремя – место, где она только что стояла, раздавили четыре ряда колес.

Она бросилась к центру арены. Слишком поздно заметила марсианина слева. Пригнулась, и тонкая легионерская дубинка

свистнула над головой. Перекатилась вбок. Побежала прочь под бешеное улюлюканье. Пока драться она не могла, только не со скованными руками.

Ключ скользил по перемычке.

«Ну давай же. Давай…»

Бритва обернулась, вовремя увидела нацеленный на нее пистолет и подалась в укрытие. Щит был небольшим, шириной в два человека. Слава Марсу, металлический и не прозрачный – на аренах бывали всякие засады.

Она выглянула и тут же спряталась обратно. К ней шли двое. Машина пока кружила в отдалении. Сколько человек в ней было тогда, в тоннеле? Она не могла вспомнить. Шестеро или семеро. Но убивать ее они не спешили.

Ключ наконец провалился в паз, наручники щелкнули, раскрывшись. Бритва сбросила их, растерла запястья. Тряхнула руками, разминаясь.

Марсианин сунулся в ее укрытие. Бритва выбила пистолет из его руки, перехватила и нажала на спуск. Полыхнуло, полголовы у марсианина как не бывало. Кровь и костяная крошка разлетелись по песку, забрызгали лицо. Вой с трибун накатил волной, чувствовался кожей. Глухо, словно издалека. Стук сердца – и тот громче.

Бритва вжалась спиной в бугристый металл. Отдышалась. Быстро проверила оружие. «Пиллум»: скорострельность неважная, дальность большая, но заряд узконаправленный, область поражения небольшая. Батареи хватит еще на десяток выстрелов.

Пойдет.

Зигзагами она побежала к следующему укрытию. Три секунды, пока противник не опомнится и толком не прицелится.

Раз.

Один подбирался справа.

Два.

Песок за ботинками вскипел от выстрелов. Судя по всему, палили из такого же «пиллума». Значит, всех вооружили одинаково легко.

Три.

Она упала за металлическую стенку, прочертила коленями в песке, спрятав голову. Выстрелы зашипели на другой стороне укрытия.

«Тук, тук», – стучало сердце.

– Легионерская сучка! – орали с трибун.

Бритва повернулась к стенке левым боком, перехватила «пиллум». Справа стрелять было бы удобнее, но из такой позиции она бы открыла всю голову и плечи.

Она приподнялась над укрытием, пальнула дважды, не давая противнику прицелиться. Оценила обстановку – с машины спрыгнул еще один, и теперь их снова было двое. Начала с правого, подсекла его выстрелом, и он упал ничком. Второй успел уйти за укрытие. Похоже, был с окуляром – что-то блеснуло на лице.

Плохо, очень плохо.

Над головой что-то прожужжало. Бритва отпрыгнула, упала ничком и накрыла голову руками. Заорала, когда пронеслась взрывная волна. Совсем как на Цезаре-19, совсем как тогда…

В руках снова пусто.

Бритва подняла голову – «пиллум» откатился прочь, не дотянуться. Вскочила, но схватить не успела – получила в челюсть. Перед глазами помутилось, но она вслепую отпрыгнула назад.

Стоять на месте нельзя. И сокращать дистанцию нельзя, только не с этими мордоворотами.

Кое-как проморгавшись, Бритва ушла от прямого удара – этот отключил бы надолго. Увернулась, поставила не очень удачный блок, отчего рука онемела. Пошла вокруг противника, не подпуская его к себе. Машина перестала наворачивать круги и катилась в ее сторону. Видать, забава наскучила.

Противник был больше ее раза в полтора. Он потел, скалился, тряс черным ирокезом. С голым торсом, весь в песьих татуировках и шрамах, с окуляром вместо глаза. К поясу штанов крепились три гранаты.

Вот же самоубийца.

Бритва ухмыльнулась, сплюнула кровью. Шагнула навстречу и ударила ногой под колено. Марсианин покачнулся. Бритва ухватила его за ирокез, дернула, заставив наклониться, и двинула кулаком, снизу вверх. Затем хлопнула по гранатам на его поясе, так, что сразу три индикатора сменили зеленый на красный.

Должно быть, «пес» пытался сорвать гранаты с себя. Бритва не видела. Не оборачивалась. Перед глазами качались трибуны, силовое поле, машина в отдалении… Быстрее… Еще быстрее…

Жаркая волна ударила в спину. Бритва упала, перед лицом мелькнул песок.

Ее тут же ухватили за волосы и потащили. Она ухватилась за держащую ее руку. Подтянулась, ударила всем корпусом по коленям противника. Затем между ног. Противник согнулся, ослабил хватку – получил горсть песка в лицо.

Парой ударов сверху Бритва отправила его в нокаут. Схватила «пиллум», перекатилась. Песок снова кипел от выстрелов, пока далеких и неточных. Она встала на одно колено

и прицельно снесла марсианина из машины. Взмахнув руками, тот вывалился из кузова.

И снова бежать. Ноги заплетаются в песке. Солнце жарит макушку, слепит глаза.

Ровно дышать. Ровно.

Тук, тук.

Кроши ее!

Легионерская сучка!

Машина приближалась. В ней остался один, тот, что за рулем машины? Бритва присмотрелась. Нет, двое.

Выстрелами она заставила бойца в кузове присесть. Что-то мелькнуло в пыли – он спрыгнул, бросился к укреплению.

Пускай бежит, с ним она разберется позже.

Бритва догнала машину, запрыгнула на пассажирское сиденье. Водитель лягнул ее ногой и получил заряд «пиллума» в переносицу. Вытолкнув тело из машины, Бритва села за руль. Втопила газу, так, что турбина под днищем взвыла, и развернулась. Машина виляла, непривычно подпрыгивала на колесах. В пыли маячила черная макушка оставшегося «пса» – тот перебегал к другому укрытию. На раме зашипел заряд.

Бритва пригнулась, выжала газ до упора. Выкрутила руль и наехала на пластину укрытия, разбив капот. Прижала ее к песку, раздавив укрывшегося бойца.

Он даже не успел крикнуть.

Клубы едкого дыма вырывались из-под капота, турбина тоненько свистела. Бритва выбралась из машины. Рассеянным взглядом пересчитала тела на арене. Только сейчас почувствовала, как жарит песок через подошвы ботинок. Как болит тело. Пот щипал глаза. Все вокруг кружилось, сливалось в пеструю ленту. Наверное, зрители на трибунах ликовали, но она не слышала ничего. Тихо, будто оглохла.

В ложе за силовым полем кто-то поднялся: в белой тоге, яркой в солнечном свете. Толпа заорала, трибуны затряслись.

Бритва сощурилась. Рассмотрела тонкие губы с изломом, близко посаженные глаза. Жидкие светлые волосы, которые выбивались из-под платка цвета горчицы.

Эзоп.

Бритва даже оружие выронила. Они что, серьезно? Решали ее судьбу одним жестом? Слушались этого… дохляка? Да он даже не с Марса!

Эзоп выдержал паузу, наслаждаясь ревом толпы. Посмотрел на Бритву – смотрел прямо на нее, сукин сын! Сейчас он вытянет руку и решит ее судьбу в лучших традициях древней Арены. Оттопыренный большой палец – ей хана. Спрятанный – можно

жить.

Эзоп вытянул кулак со спрятанным большим пальцем. Меч в ножнах.

Ноги сами подогнулись, словно у тела отключили питание. Бритва рухнула на колени, пальцы зарылись в горячий песок, рядом впитывались ягодные капли крови. Неужто ее?

Победа.

Победа.

Нужно выбираться. Второго такого раза она не выдержит.

* * *

– Руки, – сказал один. – Руки давай.

Второй не сводил с нее дула пистолета.

Бритва оценила обоих. Крепкие, без имплантатов, с татуировками псов на шеях. Ребята Эзопа. Они теснились в предбаннике за ареной – каморке полтора на полтора, меньше, чем клоповник в общаге Четвертой курии. Позади гудело силовое поле, на арене кто-то стрелял и исходил кровью.

– Руки, – повторил первый.

Обратно в камеру? Из неё не выбраться никак, Бритва пробовала.

Она вытянула руки перед собой. Двинулась к «псу», загребая ногами. Медленно, еще медленнее. Так, будто готовилась хлопнуться в обморок.

Желай Эзоп её убить, он бы давно это сделал, верно? И дал бы ребятам не «пиллум», а распылитель. Думают, она не попытается бежать? Не уйдет дальше первого тоннеля? Ее явно недооценивают.

Бритва остановилась, затем резко ударила «пса» по голени. Выбила из его руки пистолет, кинулась вперед и захватила шею сгибом локтя. Загородилась «псом», как щитом. Грохнул выстрел, затем еще один. Тело «пса» в захвате дрогнуло и обмякло.

Бритва толкнула его на товарища. Прямой удар в лицо, выстрел туда же – и все.

Свобода.

Голова вдруг закружилась. Рука онемела от боли. Бритва глянула на плечо и выругалась. Попали. Она сжала зубы, едва не взвыла при попытке отлепить спецкостюм от раны. Ткань приварилась к коже, пузырилась, пахло паленым.

Не страшно. Ещё не страшно.

Хорошо, не кислотой из «гидры». Крови нет, зарядом прижгло.

Порядок.

Она забрала пистолет, сунула его за пояс. Рванула с одного из убитых майку, наскоро перетянула плечо, затем накинула его куртку на себя. Та была велика, кожа вытерлась до серого цвета, но хотя бы прикрывала повязку на плече.

Путь наверх занял четверть часа. Самую долгую четверть часа на памяти Бритвы, учитывая встревоженных «псов», которые гоняли по тоннелям на аэроциклах, и местных, пристально смотрящих вслед. Может, понимали, что она здесь чужая. А, может, видели всего лишь побитую марсианку, каких было много. Вот белокожему холеному патрицию здесь бы очень не повезло.

Хорошо, что канализация этой курии залегала у самой поверхности. В некоторых местах тоннели даже выходили наружу. Несколько сотен метров в апельсиновой духоте, в окружении гудящих энерготрасс – они черными змеями тянулись вдоль пологих бетонных стен, а над ними слепило чистое небо. Откуда-то ветер приносил песок, сыпал им в глаза. На ступенях жилых боксов курили номера. Кто-то с зубодробительным визгом точил деталь на станке. Искры летели во все стороны, смуглая спина лоснилась на солнце.

Бритва торопилась мимо, пряча раненую руку в карман, а клеймо легиона на ключице – под воротом куртки.

Конечно, можно было пойти в нижние тоннели и найти Эзопа. Хотелось отделать его так, чтобы никакая медкапсула не помогла. Чтобы до конца жизни через трубочку ел.

Но не сейчас. Бритва умела оценивать свои шансы.

Незаметно для себя она оказалась на поверхности. Тоннель просто завершился каменной аркой, за которой летали машины и гомонило какое-то сборище на площади в отдалении. «Бесплатные имплантаты населению. Замена старых запчастей на новые», – алело большими буквами на подрагивающей голограмме-транспаранте. Ниже мигала приписка: «Фонд „Канис“». Номера в очереди орали и толкались, размахивали пластиковыми талонами.

Эзоп как-то говорил о доверии населения. Что-то вроде: «Сперва мы должны завоевать их сердца, а уже после просить о поддержке». Очередные пафосные слова. Но, похоже, это действовало. Вон, сколько народа собралось.

Заметив знакомую синюю униформу, Бритва подалась за угол. Присела, оперлась на стену и опустила голову, так, что спутанные волосы закрыли лицо. Местным орлам она тоже не доверяла. И вообще, было ощущение, что легионерскую форму здесь носили не легионеры. Еще ни в одной курии она не видела, чтобы у декуриона был на башке ирокез.

Легионеры прошли мимо – гулкие шаги отозвались в проулке и стихли. Грязная кликерша-марсианка их не заинтересовала.

Может, буча «псов» в центральных округах тоже была лишь для отвода глаз? Может, настоящая подготовка шла здесь, в богами забытой и никому не нужной курии. Бритва бы не удивилась.

«Нужно связаться с Цецилием», – подумала она, заметив будку коммуникатора в звенящей тени за забегаловкой. Ступила на пластиковую продавленную платформу, заменявшую будке пол, сняла трубку и сунула запястье в оконце сканера.

Нужно позвонить и сообщить свои координаты. Признаться во всем. Бритва закусила губу. Черт, она и подумать не могла, что все зайдет так далеко! Что Эзоп окажется таким психом. Нет, он и раньше нормальным не был, но хотя бы занимался делом. Вербовал «псов», крышевал проституток и устраивал бои. А не устраивал массовые бойни.

Луций поймет. Должен понять.

Хотя, может, он уже забыл о ней и о том, что между ними произошло. Закон превыше всего, верно? Так он говорил. Честь легионера. А тут она со своей работой на «Псов Свободы». Сливала им информацию, затянула операцию в тоннелях Четвертой, дала Алариху ускользнуть. Едва не сорвала дело из-за страха, что жирдяй сдаст ее и других нюхачей на первом же допросе. Хотела прикончить его сама. Сплошные личные мотивы, плюс…

Плюс она стояла уже добрых полминуты, а коммуникатор никак не считывал данные. Бритва глянула на запястье под лучом сканера.

Точно, теперь у нее не было чипа. Вместо него кровила сорванная во время боя болячка.

Она качнула головой, вышла из будки и зашагала вверх по уровню, мимо малоэтажных домишек с зарешеченными узкими окнами. Боль в плече оглушала, но местным врачам доверия не было. И сил не осталось.

Аптечка поможет. Всего-то дотянуть до Четвертой.

Бритва свернула в проулок. Выбрала колымагу с ручной блокировкой, разбила стекло камнем, просунула руку в салон, дернула за ручку – и дверца щелкнула. Пара манипуляций под приборной панелью, и машина заурчала. Спасибо братцу и его урокам. Может, Теленок и был неудачником, но угонять тачки умел.

Она вырулила на улицу и втопила газу, пока пропажу не заметили. Прочь, прочь отсюда. К бетонным пикам небоскребов вдали. Туда, где находился космопорт, и осы шаттлов взмывали

по дуге, оставляя белый след.

Нужно увидеть центуриона Тита Пуллия. Лично.

По лезвию

«Мне бы пару декурий», – с сожалением прикидывал Луций, ведя шаттл по глиссаде с орбиты. Двух десятков легионеров с распылителями широкого действия вполне хватило бы, чтобы зачистить местную Арену сверху донизу. Но теперь никто не поедет спасать номера и нюхача. Придется самому, без поддержки Управления.

Так он думал, когда летел в Пятнадцатую.

А по прибытии обнаружил, что его опередили.

Юлий Ветурий не стал ждать и часа; сообщил об информации на взломанном чипе сразу же. Центурион передал координаты в Управление Пятнадцатой и, не получив подтверждения, выслал запрос в центральный командный пункт Первой курии. После чего в Пятнадцатую вылетела небольшая флотилия. Разведка, ковровая бомбардировка зарядами широкого действия – Луций сразу определил по выжженной земле, вместе с осколками зданий провалившейся уровнем ниже – и порядок был восстановлен. Оставшееся зачистили согласно Уставу – сперва выстрел, а уж после опознание и задержание.

Луция задержали прямо в космопорту. Обыскали, прогнали по базе, выписали пропуск и оружие. Местных легионеров видно не было – сплошь оттиски Первой курии на нагрудниках костюмов. Похоже, всю центурию Пятнадцатой отправили в предкрио. Или в Тартар, причем уже давно. По скупым данным, полученным от Тита Пуллия, при зачистке обнаружили массовое захоронение у местной Арены. На многих телах стояло клеймо легиона. Захоронение ждало и Луция по возвращении в Четвертую, это Тит пообещал ему лично.

Зоны вылета и прилета были забиты до отказа. Раненые лежали на сиденьях и в проходе – ждали своей очереди в медпункт. Кто-то матерился, кто-то грозился жалобами в Сенат, но усталое большинство молчало. Берегли энергию. Худые лица, простые одежды. Патриции Пятнадцатой курии были небогаты. Может, потому спасательные шаттлы для эвакуации подавать не спешили?

Всё это в голове не укладывалось. Полный бардак. И как они до такого докатились?

– Я ищу напарницу, – Луций доложил центуриону в пункте досмотра. – Ее похитили, держали где-то в тоннелях.

Он перечислил приметы. Наученный горьким опытом, про нюхача умолчал. Но центурион лишь качнул головой.

– Послушай, даже если она была там, то её уже нет в живых.

Луций вспомнил выжженный провал, который видел при снижении. Между слоями бетонных плит выглядывала цветная начинка: обломки домов, машин, тела.

В груди мерзко заныло. Везде опоздал.

История его жизни.

– А записи видеонаблюдения? Они сохранились?

Центурион смахнул пот тыльной стороной перчатки, размазав по щеке грязь. Указал в сторону магнитных рамок выхода, за которыми тоже теснились люди.

– Что-то вроде осталось. Спроси у киберотдела в передовом командном.

Луций прошел через двойное кольцо ограждения – не слишком внушительное; должно быть, до зачистки, проникнуть через такое было парой пустяков. Быстро спустился по улице, чеканя шаг и едва не срываясь на бег. Держал распылитель наготове. Жара давила на плечи, одежда мигом прилипла к телу. Дома скалились пробоинами и обломками колонн; на стенах мигали датчики движения. Когда Луций проходил мимо, их камеры активизировались и передавали изображение в штаб.

Командный пункт был в грузовом шаттле, усевшемся на площади старой части курии. Шлюзы открыты, рядом, за силовыми щитами, дежурили вооруженные легионеры. После очередной проверки Луций взбежал по трапу и погрузился в прохладу и сумрак салона. Хакеры сидели на втором уровне, бок о бок, в три ряда. Все что-то строчили на виртуальных клавиатурах. Шеи обмотаны шнурами, подключенными к нейропортам на затылках, в остекленевших глазах отражаются панели со строками данных. То еще зрелище.

Луций поёжился. Сам он никогда бы не вживил нейропорт, хотя в работе тот сильно помогал. Один факт прямого подключения к сети напоминал ему заморозку в крио-капсулах – то же использование человеческого мозга для хранения и прочтения террабайт информации, в которых могла таиться любая зараза. Всё равно что ходить босиком по медицинским отходам.

– Тут многое потерли, – объяснил молоденький легионер за панелью вывода данных. – Вот, – он отсоединил кабель от нейропорта и отъехал в кресле, давая Луцию дорогу. – Всё, что осталось. Смотрите, там же и наши записи.

В тоннелях похожего номера не задерживали. И не убивали – поиск по камерам экзокостюмов ничего не дал. Уличных записей почти не осталось.

– Вы все просмотрели?

– Секунду, – отрезал Луций, не отрываясь от панели. Немного

подумав, он отыскал в базе приметы Эзопа и перенес их вручную. Уменьшил коэффициент совпадения.

В строке поиска выскочила пара отрывков. На одном не оказалось ничего содержательного – похожий мертвец у стены взорванного здания. Вторая была записью экзокостюма. «Легионер Гай Постумий, дек. 1–3» – в углу экрана серым шрифтом, далее следовал номер. Изображение прыгало – легионер шел. Перед объективом мелькнул ствол распылителя (не так держал, кто только учил этого парня и допустил к работе?). В кадре мелькнула крыша космопорта, сетка заграждения с отключенным силовым полем. Больше никого, только космопорт, сетка и выжженная белая земля.

Нет, снова не то.

Луций фыркнул, выпрямился и вытер лоб. Неужели и правда?.. Нет, он отказывался об этом думать.

– А тела… – Голос вдруг сорвался, и Луций откашлялся. – Тела, которые нашли у Арены. Вы сверили все чипы?

Хакер качнул головой.

– Пока не занимались. Приказ оставить до конца операции.

Ясно.

Луций свернул клавиатуру и направился к выходу. Больше здесь ловить было нечего.

– Подождите, – нагнал крик.

Луций остановился и обернулся. Хакер махнул рукой, подзывая обратно. На экране за его плечом замерло изображение лица, нечеткое за тонированным забралом шлема. Легионер смотрел прямо в камеру на своем рукаве.

– Вы не его искали?

Он, точно он. Эзоп в костюме легионера.

Луций нажал воспроизведение. В камеру тут же что-то ударилось, и изображение свернулось.

– Он не знал, что камера работает, – пробормотал Луций и повернулся к хакеру. – Когда это было снято?

– Сегодня утром.

– Проверьте вылеты.

– Я постараюсь. Но ещё не все данные обработаны.

Хакер воткнул коннектор обратно в разъем на затылке и принялся строчить на клавиатуре.

– Из какой вы курии, говорите?

– Четвертая, – отозвался Луций. Встал у него за спиной, чтобы не мешать. По прозрачным слоям над панелью ползли данные. Сменялись папки, мелькали окна доступа в закрытую часть базы.

– Сегодня было десять вылетов. Три несанкционированных,

перед зачисткой.

Хакер обернулся. Его глаза казались черными в сумраке салона.

– Одна марсианка, без чипов, удостоверяющих личность. Сейчас ее конвоируют в больницу.

– В какую?

– Данных в системе пока нет.

– Когда приземлилась?

– Час назад.

Луций открыл рот и молча его захлопнул.

Обратно в Четвертую? Да она издевается.

Снижение

Тело будто водой наполнили. Так, что кожа трещала от натуги. Голова кружилась, и мысли плыли, как ленивые рыбы. Было жарко. Очень жарко.

В отличие от головы, автопилот работал хорошо. Тихо пощелкивал, как встроенный в экзокостюм дозиметр. За прозрачным куполом кабины ползли континенты Старой Земли. Складки гор, пустоты высохших морей, котлованы уничтоженных городов, Ливийский разлом, оставшийся после нейтронной войны. Всё рыжее, с перьями облаков. В поле зрения медленно вплыл атмосферный купол – как мутная капля на песке. Самой курии видно не было, её заволокли облака.

Тупые патриции. Атмосферный купол они придумали, а сделать в нём хорошую погоду не догадались.

Бритва со стоном отстегнула ремни безопасности, откинула спинку в горизонтальное положение и растеклась по креслу.

Угнать челнок оказалось до безобразия просто. Особенно удивляло, что он был легионерский. В Четвертой зона легиона отделялась от общей посадочной и грузовой тремя силовыми полями. Охранялась, как предкрио, – так, словно с минуты на минуту на территорию ворвется вооруженная бригада «псов».

В Пятнадцатой курии шаттлы стояли в дальнем ангаре, разоруженные и под брезентом. За проволочной сеткой. Смех, да и только. Конечно, ангар был опечатан, и пришлось немного повозиться, чтобы отыскать нужного сотрудника и отобрать у него ключ-карту. Но с этим у Бритвы проблем не возникло – успела размяться, пока отключала охранника и напряжение на сетке. Ловкость рук и давний опыт.

Она выбрала «фалько» – легкий и быстроходный корабль для коротких перелетов. Он был заправлен, все показатели на панели управления в норме. Оставалось только включить поиск безопасного коридора для взлета, вбить межзвездный код космопорта в автопилот и молиться, чтобы взлетную полосу не перекрыли. Или не подстрелили с земли. Там уже объяснять ситуацию будет поздно.

Но взлет прошел нормально. Правда, когда набрала высоту, на панели высветилась целая флотилия шаттлов-истребителей. Они пронеслись мимо уровнем выше, и пару секунд спустя на другом конце курии грохнул взрыв. «Фалько» качнулся на воздушной волне. Неужто зачистка? Все это было очень интересно, но Бритва никак не могла остаться.

Теперь она пролетала где-то над Десятой курией. Там-то все

и началось. Если бы не поездка в Десятую, если бы не приказ Тита Пуллия. Если бы пятнадцать лет назад дуру-имманес оставили подыхать. Не вытащили из капсулы, не выдали за человека, не присвоили номер.

Одно сплошное если.

За бортом проплыла заброшенная станция, старая Орбитальная. Груда металла, плавучий лабиринт с дырами в стенах. За ними темно, пусто. Провалы…

Стало тяжело дышать, воздух плавился. Вытекал из салона, что ли?

Щелкал дозиметр. Или автопилот.

Щелк-щелк.

Щелк-щелк.

Щелкщелкщелк…

Перед глазами вдруг поплыло.

Бритва хлопнула по аварийной панели. Повалилась набок – перед глазами мелькнули приборная доска, ножка кресла, прорезиненный коврик. Тело не слушалось, в горле клокотала желчь.

Хорошо, что упала набок. Не захлебнется.

Все хорошо. Все отлично.

Лишь бы сигнал бедствия включился.

Лишь бы его засекли.

Лишь бы…

* * *

– Вы в порядке?

Голос донесся издалека. Бритва хотела спросить, в каком месте у говорящего были глаза. Неужто обморок, жар и обугленная дырка в плече походили на «порядок»? Но не могла выдавить и слова.

Похоже, у неё даже рот не шевелился.

– Вы меня слышите?

Веко оттянули, посветили фонариком.

– Реакция есть. Давайте RG-1.

Что-то кольнуло предплечье, и по руке растеклось тепло.

Будь у нее силы, Бритва бы улыбнулась. Препараты для регенерации колют только патрициям. Похоже, ей помогло легионерское клеймо на ключице, дало кое-какие бонусы.

– Пульс в норме. Первая фаза прошла нормально.

– Готовьте RG-2.

Всего фаз было четыре. После её сунули в капсулу

регенерации, накрыли крышкой и оставили. Сколько времени прошло – Бритва не знала, но казалось, что вечность. Пару раз её бросало в жар. Казалось, тело горит, и Бритва орала, умоляя выпустить. Особенно полыхало плечо, будто по нему растекся заряд «гидры», который нельзя потушить водой или порошком из огнетушителя.

Затем бросило в холод. Бритва тряслась так, что пятки барабанили по стальному днищу. Потом крышка окрасилась зеленым, и Бритва беседовала с умершими родителями. Они вроде как были недовольны. Сказали, что Бритва с Теленком забыли про заначку в шкафу на стене тоннеля за бараками. Бритва хотела ответить, что того шкафа и тоннеля давно нет – их замуровали и засыпали ремонтные службы, но не могла выдавить и слова. А родители продолжали гудеть. Настоящий звон москитов.

Нормально. С регенерацией всегда так. К ней нельзя подготовиться заранее, гадкая штука. Хорошо, если волосы не выпадут. Потом отрастут, конечно, но всё равно неприятно.

Жаль, выбитые зубы не отрастали, придется вживлять новые импланты.

Кажется, на этой мысли она отключилась. Когда пришла в себя, над ней склонился мужчина в тонком спецкостюме, закрывавшем всё, кроме глаз. Они были голубыми, светлее, чем у Луция. Врач разглядывал её пристально, как новую болезнь в микроскоп.

– Можете сесть?

Бритва ухватилась за борта капсулы и села. Глаза резало от света ламп под потолком. Процедурная тоже слепила – белизной стен, пола и шторок по контуру капсулы. Глянула на плечо. На месте раны остался бледно-розовый шрам. Блестящий и мерзкий, как медуза.

– Вы легионер?

Бритва кивнула. Врач пожелал узнать отдел и декурию. Бритва назвала – пробубнила молитвой. Ей выдали одноразовую пижаму и велели перебраться на скамью у стены. Дойти она смогла сама; ноги не дрожали, голова не кружилась. Бритва чувствовала себя на все сто, будто неделю высыпалась. Да здравствуют чудодейственные препараты RG.

Может, у них и «гелиос» имелся? Она, конечно, пообещала Цецилию, что завяжет, но где сейчас Цецилий, и где она?

Врач сделал пометку в блокноте и куда-то испарился, оставив Бритву за задернутыми шторками. Из коридора доносились приглушенные шаги, голоса, звяканье автоматов и ровная болтовня больничного оповещения. Лампы низко гудели. Чем-то

пахло – а, может, ничем не пахло. Обоняние совсем сбилось после удаления одор-импланта.

Дверь процедурной открылась. Шторки всколыхнулись белым пузырем.

– Когда выпишете? – крикнула Бритва. – Мне сегодня нужно. И позвонить, это срочно.

Молчание в ответ. Быстрые шаги пересекли комнату, и, почуяв неладное, Бритва спрыгнула с койки. Занавеска с треском сорвалась с крючков, отлетела в сторону, и между белых полотнищ возник Эзоп. Лицо перекошено, волосы всклокочены, кожа лоснится от пота, а спецкостюм для перелетов – от грязи.

Прилетел за ней? Бритва опустила взгляд. И как-то протащил спицу через рамки досмотра.

Боги, да он и правда двинутый на всю голову.

Бритва сорвала с диагностической панели какую-то металлическую насадку на гибком шнуре. Отбила удар спицы. Насадка зашипела, раскалилась, и Бритва швырнула её в нападавшего.

Эзоп отмахнулся от гнутой железки. Махнул спицей снова, снизу вверх. Загудел рассеченный воздух. Бритва ушла вбок, толкнула в него треногу с капельницей. Эзоп увернулся.

Слишком медленно – Бритва успела ударить его в челюсть с другой стороны. И еще разок, с наслаждением сминая ненавистное лицо. Драки – не конек Эзопа. Его сильной стороной всегда был ум, а не кулаки. И, похоже, ум отказал, раз он полез на лучшего бойца Арены.

Из коридора послышались крики, вой сигнализации. Кто-то вбежал в процедурную – не видно за хлопающими шторками. Эзоп отвлекся и получил за это снова. Сперва по руке, так, что спица выпала, затем по носу – Бритва двинула лбом, до характерного хруста. До кровавых пузырей.

Эзоп выгнулся и вцепился зубами в ухо – то самое, со швами. Бритва взвыла, бросилась вместе с Эзопом к стене. Приложила его раз, другой. Хотела третий, но чьи-то сильные руки оттащили её в сторону. Она рванулась, но держали крепко. На предплечьях сжались пальцы металлической перчатки. Экзокостюм.

Часто дыша, Бритва обернулась.

На нее смотрела защитная маска легионера.

Спустя двадцать минут она снова сидела на койке, уже в наручниках. Разглядывала нависшего над ней легионера с тремя красными полосами на наплечниках. Декурион. Шея в точках седой щетины, лицо квадратное, образцовое патрицианское. На другом конце смотровой цвел синим цветом Эзоп, рядом ходил легионер помоложе. За блокированной дверью встревоженно

шумел персонал больницы.

– Ваш номер.

– Три-два-шесть-четыре. Я из легиона, – Бритва подняла сцепленные браслетами руки и оттянула ворот пижамы, обнажив ключицу с орлом. – Служба контроля и слежения.

– Нюхач?

Бритва кивнула. Назвала легионерский код.

– Чип для сверки, – декурион протянул сканер.

А вот это плохо.

Она показала болячку на запястье. Она столько раз сдирала её во время драки, что место имплантации стало похоже на месиво – будто собаки зубами рвали.

– Чипа нет.

– Как так?

– Удалили, после того как похитили. Чтобы не отследили из легиона. Потом увезли в Пятнадцатую.

Она внимательно посмотрела на Эзопа, но тому, казалось, было крайне весело. И ни капли не страшно.

– Думаешь, тебе поверят? – Он подался вперед, повис на прикованных руках. Впалые глаза лихорадочно блестели. – Ты же сама его вырезала.

– Это правда? – спросил декурион.

Бритва только пожала плечами. Что-то доказывать не хотелось. Здесь и сейчас слова – лишь пустой звук.

– Я мог бы многое рассказать о связях этого номера с «Псами Свободы», – снова встрял Эзоп. – Но не буду портить сюрприз.

– Вот и заткнись тогда, – не выдержал второй легионер. Он давно поглядывал на Эзопа. Похоже, с самого ареста мечтал двинуть ему в челюсть.

Бритва его понимала.

Эзоп обернулся – все с той же поганой ухмылкой.

– Вы, наверное, не поняли…

– Да все мы поняли.

– Вот как патриции позволяют себе разговаривать с номерами, – Эзоп завелся. – Никакого уважения. Никаких прав. У номеров ведь нет прав, верно? Но они поставили вас на место неделю назад. Отлично поставили.

Молодой легионер подался ближе.

– Твои ублюдки убили моего напарника.

– Туда ему и дорога. Вы даже не представляете, что вас всех ждет. Скоро, очень скоро!..

Сверкнул шокер, Эзоп конвульсивно дернулся и с глухим стуком повалился на пол вместе со стулом. Бритва от души расхохоталась. Сама не поняла, что веселило больше: падение

Эзопа или безысходность, в которую она погружалась всё глубже.

Молодой легионер дернулся, глянул на неё. Шокер потрескивал в руке.

– Тоже уложить отдохнуть?

Декурион щелкнул пальцами, привлекая его внимание. Качнул головой на дверь.

– Марк.

Марк как-то сразу съежился. Выключил шокер, сунул его за пояс и вышел. Седой декурион вновь присел на край врачебного стола. Снова что-то набирал в блокноте.

– И как вы добрались до Четвертой курии? – спросил устало.

– Угнала челнок.

Он оторвался от записей. Пару мгновений они с Бритвой мерились взглядами.

– Челнок Управления Пятнадцатой курии? Тот, с которого вас доставили в больницу?

– Так точно.

– Почему не обратились в Управление Пятнадцатой за помощью?

– Сочла, что не могу им доверять, декурион.

– То есть, вы утверждаете, что легионеры Пятнадцатой связаны с «Псами Свободы»?

– Я предполагаю, декурион.

– Вы знали о захоронении на складе рядом с площадью Секста?

– Каком захоронении, декурион?

Он свернул блокнот в трубочку, сунул в нагрудный отсек экзокостюма. Нажал кнопку у ворота. Шлем раскрылся, закрыв голову тонированной скорлупой. Бритва поднялась с места.

– Вынужден заключить вас под стражу до выяснения обстоятельств, – декурион пристегнул её наручники к шлевке на бедре своего костюма. – Согласно приказу о задержании всех не-граждан из Управления.

Номерам и нюхачам больше нет доверия, вот что это значило. Логично. Бритва и сама бы не поверила.

– Сообщите центуриону Титу Пуллию из Четвертого, – попросила, когда её повели к выходу из смотровой, но декурион ничего не ответил. Даже не посмотрел в её сторону.

«Не разговаривать с задержанными после вынесения вердикта о задержании и до доставки в пункт допроса ближайшего Управления», п. 8, ст. 12 Устава Легиона Римской Империи.

Бритва усмехнулась.

Луций все-таки ошибался. В легионе остались принципиальные люди.

Падение

На орбите было оживленно. Проносились челноки-экспрессы и личные шаттлы, грузовые фуры цепляли кузовами алые точки буйков. Сверху по одной трассе, снизу – по другой и в другом направлении. Сбоку – по третьей. В промежутках переваливался оранжевый уборщик, цеплял плавающий мусор клешней и голодно заталкивал себе в брюхо.

Теснее всего было на отрезке 5–4. На снижении к космопорту Четвертой скопилась настоящая пробка. Корабли притиснулись друг к другу и безмолвно покачивались в такт, как на морской волне.

Луций закинул ноги на приборную панель и куснул сандвич. Проследил взглядом за уборщиком. Он как-то вел дело о серийном убийце на нижних уровнях. Выслеживал месяц, никак не мог понять, каким образом тела оказывались в открытом космосе у станции «Вейи». И только потом заметил дежуривший в том квадрате мусороуборщик…

А «Псы» утверждали, что легионерам плевать. Главный аргумент их пропаганды. Да легион только и занимался номерами. Искал, спасал, сажал, вытаскивал полуживых из-под эстакад. Хуже всего было привезти одного такого в больницу и уже на парковке – что там, еще в пути, – знать, что тебе откажут. Что придется тащить его обратно в машину и оставить у ближайшего спуска в канализацию.

Может, за это Луций и не любил номеров. За бессилие, которое испытывал, когда их видел. Бессмысленность своих стараний, невозможность что-либо изменить.

Какой-то «фалько» попытался пролезть уровнем выше. Луций задрал нос челнока, мигнул проблесковым маячком, и «фалько» отступил, вернулся на свое место в полосе.

Луций затолкал в рот последний кусок сандвича и слизнул с пальца сладкий горчичный соус. Сложил обертку в аккуратный квадратик, сунул в щель мусоросборника на двери. Снова покосился на изображение с камер заднего вида. Теперь сзади все вели себя смирно, выстроились хромированной полосой.

В боковых камерах тоже было чисто. Радар почему-то сбоил: изображение на экране панели не пропадало, но точки кораблей то и дело исчезали. Словно над ними проводили большой ладонью. И снова. И еще раз.

Что за черт?

Луций попробовал перезагрузить, но это не помогло. Не везло ему с шаттлами, вечно доставались старые посудины. Лишь бы

система не отключилась при посадке.

Он проплыл мимо модуля орбитальной станции «Сол» – экраны боковых камер показали край пустого стыковочного узла. Чтобы разглядеть станцию целиком, требовалось отлететь от Земли на приличное расстояние. Луций помнил, как она выглядела со стороны: три кольца со шлюзами на внешних сторонах, соединенные жилой осью. На «Соле» останавливались инопланетные, не приученные к земной гравитации. Летучая помойка на орбите, хуже нижних уровней Четвертой курии.

Под станцией зиял космос. Мигали звезды, другие станции и корабли. Яркие точки, будто черную простыню иглой прокололи. Ближе к сектору Первой курии кораблей было больше, целая флотилия. Странное скопление – матово-черные челноки лепились друг к другу без габаритных огней. Просто висели на коррекционных двигателях, видимо, ожидая разрешения на посадку. Должно быть, не имперцы – в Империи Луций таких машин не видел. Может, делегация откуда-нибудь.

Он зевнул, почесал отросшую щетину.

«24-780, подтвердите готовность к посадке», – прошуршало из динамиков над лобовым стеклом, когда корабль подошел к зоне ускорения.

Луций глянул на автопилот. Тот был в норме.

– Подтверждаю.

«Начинайте снижение».

Луций развернул шлем, отдал команду, и корабль нырнул с трассы. Когда он вошел в жиденькую оставшуюся атмосферу Земли, Луций закрыл глаза. Яркий свет выбелил веки, климат-контроль задул сильнее, вытесняя жар. Беззвучный хлопок, перепад давления, и включился режим торможения. Ночная курия перестала лететь навстречу с угрожающей скоростью. Нос прицелился на впереди идущий челнок.

В голове крутились варианты того, что делать дальше. Что сказать Бритве при встрече. Как заставить ее говорить, довериться ему? Её показания нужны всему Управлению, особенно после событий недельной давности.

Конечно, с этими показаниями она тоже отправится в крио. Но, может, есть способ обойти заморозку? Луций уставился на ночные огни курии, снова и снова перебирая Устав и уголовный кодекс Римской Империи. Должно же быть хоть что-то: поблажка за выслугу лет, за сотрудничество, за особо ценную помощь в важном расследовании…

Его оглушил дикий скрип. Некс взвыл высокими частотами, голову как дрелью просверлили. Луций заорал и принялся давить кнопки на ухе, все подряд. Голову наполнил жуткий треск, в ухе

что-то хлопнуло, и по шее потекла теплая струйка крови. Системы челнока чихнули и отключились. Панели просто мигнули и умерли, в салоне потемнело. И все стихло – двигатели, писк датчиков, шум кондиционера.

Осталась тишина.

И быстро приближающаяся земля.

Мир за лобовым стеклом крутился, слился в желто-бурое пятно. Луций ударил по панели, провел ключ-картой по считывателю.

Глухо.

Исправная система посоветовала бы ему катапультироваться. Но она не была исправна. Она мертво молчала.

Уже стали видны верхушки небоскребов – светлые квадраты в шахматном порядке.

Луций затянул ремни, наспех проверил, застегнут ли костюм. Дернул рычаги эвакуации по обе стороны от себя. Купол кабины стрельнул в сторону, навалились шум и ветер, и Луция выдернуло вместе с креслом. Ускорение размазало его по сиденью, кожа на щеках лопнула от перепада давления.

Ещё толчок.

Кресло отцепилось и подбросило Луция в воздух. Раскрылся парашют – Луций не слышал хлопка, оглох еще в кабине. Стропы впились в плечи. Двигатели-доводчики не работали, и пришлось планировать на ветру.

Мимо стальным дождем неслись другие корабли. Внизу, где они приземлялись, расцветали взрывы. Один осколок зацепил плечо, и Луций задохнулся от боли. Мир кружился, полосы на парашюте кружились, кружилась голова…

И всё стихло.

II. Morpheus

Вы – здешние, вы не одинокие, а я – одна.

Еврипид «Медея»

Из памяти

Откуда-то слышен назойливый писк. Он пульсирует в такт биению сердца.

Пи-ип.

И снова.

Пи-ип.

Малая часто дышит. Это больно, но медленнее она не может – воздух густеет. Заканчивается.

Она открывает глаз.

Кругом все белое, яркое. Белые стены, по которым бегут непонятные символы. Белые тонкие пластины, которые нарезают комнату равными частями. По ним тоже бегут столбцы знаков. Под пальцами холодный камень, гладкий как стекло. Запястья и щиколотки притянуты к нему ремнями. Наверху кружат и слепят световые шары.

Над ней склоняется кудрявый юноша с ямочкой на остром подбородк, в черной форме с воротником-стойкой. Лицо незнакомое, а глаза будто принадлежат ей самой: светло-серые, почти прозрачные, чуть вытянутые к вискам. Он смотрит и улыбается.

Странно, но в его улыбке нет тепла.

– С возвращением, бел агии.

Легкий акцент. Имперский в исполнении незнакомца звучит плавно и тягуче. Каждое слово, как белый крем.

Малая хочет спросить, зачем нужна капсула, в которой она лежит? Что за корабль, и мимо какой системы они летят. Где она? Кто она? Но в горле клокочет хрип, будто крошки перекатываются, а язык высох и прилип к нёбу. На щиколотках и запястьях ремни. Они впиваются в кожу все сильнее.

Нужно сказать, чтобы их ослабили.

Нужно сказать.

Малая хрипит, вращает глазами. Кудрявый юноша над ней продолжает улыбаться. Его пухлые губы блестят, как помадой намазанные.

– Зовите меня Арий, – говорит он.

– Я – капитан этого корабля, – говорит он.

– Я могу вам чем-то помочь? – говорит он.

Да! ДА! Ослабить чертовы ремни!

Они передавили руки и ноги так сильно, что те онемели. Кожа тянется, рвется. По пальцам и щиколоткам бегут струйки крови. Теплые, быстрые.

Малая кричит.

– Я не понимаю, – отвечает Арий.

Улыбка, блеск ртутных глаз.

Кости трещат.

– Не понимаю. Прошу, повторите.

Малая кричит снова. Бьётся, извивается на ложе, но все тщетно.

Громкий хруст, вспышка боли…

* * *

Малая заметалась в ремнях безопасности. Датчики среагировали на движение, и крышка капсулы зажглась тёплым светом. Где-то далеко, во многих отсеках от неё, встрепенулись инферио. Они беспокоились всякий раз, когда ей снились кошмары, хотели защитить, убаюкать ее боль. Приставучие, как дети. Их забота не была приятна, она больше напоминала заботу паразита о хозяине.

Малая с трудом выловила себя из потока их сознания. По кусочкам – как делала после каждого пробуждения – собрала цепочку воспоминаний, ведущих к настоящему моменту.

Она – имманес, генетически измененный подвид «помнящая». Беа ар-Моуф.

Нет, это имя она терпеть не может.

Она – I-45-10, номер с регистрацией планеты Старая Земля, Римская Империя. В розыске за ряд преступлений, среди которых есть убийство. Хорошо, несколько убийств.

Но Аларих это заслужил. Они все это заслужили и получат еще, имманес только начали. И она не номер, это уродливое клеймо она переросла.

Она – Малая. Судьба человека, которого давно нет в живых. Половинка без половинки. Без истории и дома. Находится на третьем уровне, между ячейками Ария, капитана, и Эн-Мен, главного пилота. На борту алада, одного из тысячи кораблей, составляющих боевую альфу. Если она проснулась, значит, прыжок завершен, и она где-то рядом с системой Солнца, на окраине Млечного Пути. В границах Римской Империи. Сверхскопление Девы.

Да. Все верно. Точка опоры найдена.

Малая выпуталась из ремней, откинула крышку капсулы. В лицо дохнуло сухой прохладой. Воздух не такой, как под куполами земных курий. Навалилась гравитация; на корабле она была такой же высокой, как и на гиганте Мармаросе. Если бы не вживленные усилители, Малая не дошла бы и до конца палубы.

Она замерла, вспомнив посетивший ее кошмар. Что из него

было правдой? Неужели ей и правда оторвало руки и ноги неисправными креплениями?

Она осмотрела запястья – нет, целые. Ни единого шрама, даже следа от вживленного на Земле чипа не осталось. Всего лишь сон? Или чудеса регенерации? Посетившая ее боль была реальной настолько, что пальцы до сих пор дрожали.

«Конец периода, – в каюте прозвучал нежный голос на эмегир. – *Просьба освободить капсулы и занять свои места. Спасибо».*

Малая чувствовала, что корабль весь гудел, как встревоженный улей. Информация ложилась тяжкими пластами, от неё в животе и под кожей зудело. Имманес вводили данные – сотни, тысячи строк. Странно, с чего вдруг?

Включилось освещение, все поверхности ячейки зажглись изнутри мягким светом. По стенам побежали золотые столбцы: последние новости колонии и данные корабля. На капсуле замигала точка командной строки.

Малая провела по ней ладонью, привычно отстучала знаки команды. Удар средним пальцем, два – указательным, один – мизинцем, большой-мизинец-большой. Готовая команда уплыла наверх по стене, и на её месте высветились координаты. Всё верно: они проходили рядом с орбитой Эриды. Корабль в полной боевой готовности.

Шлюз каюты открылся. Вздрогнув, Малая торопливо прикрыла грудь рукой и повернулась к выходу спиной.

– С пробуждением, помнящая, – сказал Арий.

– Я просила стучать. И пожалуйста, просто Малая, – пробормотала она. Никак не могла привыкнуть, что имманес не воспринимали друг друга, как сексуальные объекты, и у них совершенно не было личного пространства. Обычаи обычаями, и пусть груди как таковой у Малой не имелось, но чужой взгляд всё равно был неприятен. Даже Энцо не видел её обнаженной.

– Простите, – ровно отозвался Арий. – У имманес не принято звать *бел агии* по именам или прозвищам.

Да, он уже говорил. Просто второй Рим какой-то. Стоило избавляться от номера, чтобы тебя звали по рангу. Бел агии. Помнящая.

Арий стоял в проеме, безо всякого выражения на белом лице смотрел на её тело, как смотрел бы на кресло, панель или прочую вещь. Рука лежала на перепонке сложенного шлюза – в черной обтягивающей перчатке, как у хирурга перед операцией. В коридоре за его спиной мелькали имманес, и Малая торопливо скрылась в нише за капсулой. Лишь после сообразила, что на уровне слишком светло. Слишком много народа.

Что-то точно случилось.

Она сдернула форменный черный комбинезон с вешалки, запуталась в тугих штанинах и едва не упала. В который раз пожалела об отсутствии белья – без него чувствовала себя голой. Зато носки были вшиты прямо в отвороты штанин, и ткань теплая и тягучая, приятная телу.

– Это срочно? – крикнула, борясь с узкими рукавами.

– Да, – ответил Арий. – Вас ждут в рубке.

Странно, что он пришел лично, а не прислал сообщение. Неужто капитану больше нечего делать?

Наверное, он решил проверить, как она. Перед прыжком Малая и правда выглядела слишком бледно. Руки тряслись, есть не могла, всё думала о Риме, его легионе, стрельбе, той аварии на орбите… Мутило от одной мысли о возвращении в космос. Корабельный медик даже выдал ей капсулу с успокоительным. «Для приведения баланса в норму», так он сказал.

Она справилась с мудреными застежками – те срослись, не оставив и следа на костюме, – и выглянула из ниши. Арий уже стоял одной ногой в коридоре, собрался уходить.

– Арий… Ты помнишь мой первый день на корабле? Когда я очнулась.

Он глянул через плечо. Свет очертил тонкий профиль.

– Конечно.

– Скажи… – Малая облизнула губы. Не вовремя она решила. Но вдруг подходящее время никогда не настанет? И как спросить? «Ты не помнишь, мне не отрывало руки? Я что-то забыла».

– Тогда… В тот день со мной ничего не происходило?

– Я вас не понимаю.

Прошу, повторите.

Малая вздрогнула. Боги, даже интонация такая же. Даже мурашки по спине побежали.

– Никаких… э-э-э… несчастных случаев?

– Нет. Вы очнулись, спросили, где находитесь. Через четыре часа поели, полностью восстановились, и мы перешли к гиперпрыжку. После чего…

Малая подняла руку, и Арий умолк.

– Спасибо, я поняла. Сейчас буду.

Он кивнул и вышел. Спина прямая, завитки каштановых волос лежат у основания жилистой шеи. Невысокий, как и все имманес, на полголовы выше Малой. Сзади его легко можно было принять за крепкую девчонку. Разве такой мог наблюдать, как лопаются кости? Или управлять боевым кораблем? В Риме его бы даже в легион не приняли. Скорее в академию художеств…

Значит, кошмар. Просто кошмар.

Они посещали Малую все чаще. Вползали на границе между

сном и явью, отравляли каждое пробуждение. Часто путались с реальностью, с голосом Энцо, теплом и силой его рук, и неизвестно, что было хуже и больнее…

«Просьба освободить капсулы и занять свои…»

Малая тряхнула головой. Да, стоило поторопиться.

* * *

Прозрачные перегородки нарезали пространство рубки тонкими ломтями и, казалось, шевелились от бегущих по ним символов. Воздух дрожал от информации. Потоки данных сверлили голову сотнями игл, жужжали на границе сознания, из-за чего Малой захотелось отключить все приборы. Сломать их раз и навсегда.

Хотелось мысленной тишины.

– Что случилось?

Арий кивнул на куб рядом с собой, и Малая села. Поверхность промялась, приняв форму её тела. Материал волной пополз вверх до лопаток, образовывая спинку, и Малая чуть отклонилась, чтобы создать удобный угол наклона.

За куполом рубки были видны другие алады. Машины летели одна над другой, ровный строй черных сплюснутых хвостов и раскаленно-синих полос двигателей. Теснее, чем обычно. Интересно, что это значило?

– Вам лучше пристегнуться, – сказал Арий, не отрываясь от строк управления.

Это еще зачем?

Но никто кроме неё не паниковал. Имманес сидели за панелями неподвижно, только пальцы выстукивали команды. Одинаковые комбинезоны с воротником-стойкой, одинаковые тонкие лица, убранные длинные волосы. И не разберешь, кто есть кто: мужчина или женщина, старый или молодой.

Нахмурившись, Малая сжала подлокотники. Вспомнив инструкцию, выпрямила руки, чтобы ускорение их не сломало. Кресло обволокло ее плечи и талию, притянув лучше любых ремней безопасности. Запястья похолодели от введенного в вены раствора.

– Что теперь?

Арий выстучал последнюю команду на стекле и зафиксировался сам.

– А теперь альфа расцепляется, – сообщил он.

Альфа изогнулась в судороге, и алад Ария ушел вниз с ускорением. Желудок Малой подпрыгнул к горлу, в груди сжало,

стало невозможно дышать. Хотелось кричать. Может, она и кричала, только уши заложило. Ничего не слышно. Казалось, кожа слезает с её лица и растекается по подголовнику.

Снаружи мелькали другие алады. Свистели рядом, чиркая силовыми полями. Казалось, вот-вот какой-нибудь из них точно заденет стекло на мостике, и их с Арием выкинет в открытый космос.

Малая зажмурилась. Почувствовала, как еще один импульс пробежал по сети кораблей. Альфа окружила что-то большое, по системе расходится изображение.

Патрульный корабль легиона!

Алад, в котором находилась Малая, нырнул вниз, потом снова наверх. О боги… Ее вырвало бы, но она не могла даже толком дышать. От блеска, рывков и резких перепадов давления проще было скончаться, чем перенести.

Обрывки света выхватывали из тьмы лицо Ария. Ему как будто совсем не было страшно и вообще не больно. Команды другим аладам разлетались из-под его пальцев. И как он успевал что-либо замечать? Как он мог вообще шевелить пальцами, на таком-то ускорении? Настоящая машина в теле восемнадцатилетнего парня…

Патрульный захлебнулся беспорядочной стрельбой, затем вдруг утих. Светляки двигателей и бортовых огней пропали, словно их выключили нажатием кнопки. Беспилотники прошили вакуум рядом с легионерским кораблем еще раз. Раздулась и быстро пропала голубая сфера взрыва, и всё было кончено.

У легионеров не было шансов. Корпус линкора вывернуло наизнанку, обломки лениво плыли уровнем ниже. В отдалении, на другой трассе приборы отметили ускорение какого-то большого корабля, похоже, межзвездного пассажирского.

Оставалось надеяться, что он перешел к гиперпрыжку прежде, чем заметил неладное на радарах.

Малая отдышалась. Подавила тошноту.

– Это было… быстро.

Арий кивнул.

– Наши технологии позволяют.

Да уж. Имперский линкор даже не знал, по кому стрелять. Большой и неповоротливый в сравнении с сотнями кораблей альфы.

– И зачем вы меня вызвали? – спросила она.

– Расскажите мне о населенных объектах данной системы.

– На спутниках Сатурна три базы, может, больше, – Малая вспомнила школьную программу по космологии и навигации. Ещё на Земле прослушала кучу материалов, восполняя пробелы в

образовании. – Нужно их блокировать… или что вы там делаете.

– Хорошо.

– На второй планете от Солнца есть шахты, людей там совсем немного. И четвертая планета…

– Населена, мы знаем. Она будет представлять опасность, если мы блокируем сигналы?

Малая задумалась, припомнила всё, что изучила и слышала от Энцо. Технологии Марса были старыми, марсиане заняты в основном своими внутрипланетными разборками, а на патрициев и других номеров чхать хотели.

– Нет, – она качнула головой. – Проблем не будет.

– Хорошо, – повторил Арий. На протяжении разговора он ни разу на неё не взглянул, словно она была пустым местом. Гавкающим псом. Нет, блохой на гавкающем псе.

Номером среди патрициев.

О, Юпитер, когда же это закончится? Она так мечтала стать одной из имманес, была так рада обрести новый дом… И всё ждала, ждала, когда наконец её примут. Соглашалась на все, бесконечно кивала… И что? Что в итоге?

Малая обернулась, краем глаза оценила рубку. Похоже, некоторые имманес за панелями следили за ней. Наверняка думали, какая она глупая. Она попыталась встать, но Арий её остановил.

– Вам лучше сесть. Второй корабль засек нас, и теперь мы должны обогнать его сигнал.

Обогнать сигнал? Они что, собирались прыгнуть до Земли за пять минут?

Малая не успела спросить – перегрузка снова вдавила в кресло. На миг показалось, что сейчас вывернет наизнанку, но искусственная железа выпустила в кровь препарат, и стало чуть легче. Совсем немного. Малая зажмурилась, снова и снова повторяя заученные строки. Это отвлекало от лопавшихся костей.

«*Там расселись в покоях мраморных боги…*»

Лучше бы она оставалась в кают-е.

«*… рукой опершись на скипетр из кости…*»

Лучше кошмары, чем общество беленых кукол.

* * *

Небоскреб, в котором живет правитель – башня, так его называют, – кажется нескончаемым. Этажи летят мимо, у Малой даже кружится голова. Шепотом она цитирует «Метаморфозы» Овидия – это помогает. Овидий оказался на земной обучалке,

которую она изучила вдоль и поперек. Его строки завораживают, ввергают в священное состояние. Сердце начинает биться ровно и спокойно, в такт ритму стиха.

> *«Это-то место – когда б в выражениях был я смелее, –*
> *Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.*
> *Там расселись в покоях мраморных боги,*
> *На возвышенье, рукой опершись на скипетр из кости…»*[2]

Лифт замедляет ход, раскрывается, и она выходит в светлый кабинет Бел Шаи. Или же в рабочий зал Бел Шаи. Или на нескончаемый плац имени Бел Шаи – помещение кажется необъятным. В прозрачных стенах мигают строки на эме-гир: столбцы с палочками, точками и концентрическими кругами сменяют друг друга. Малая будто в гигантском блокноте. Информация всюду, пульсирует из каждого угла. Путает мысли.

Малая потирает лоб и идет в дальний конец зала. Садится за стол. По нему тоже бегут знаки. Столбец за столбцом, тонкие, как муравьиные дорожки. Можно кое-что понять. Эме-гир она тоже учит, но пока дается плохо.

Столбец.

Прогноз погоды – солнечно в ближайшие девяносто некро-дней.

Столбец.

Новости дальних систем. Там тоже есть имманес.

Столбец.

Команда запуска онагров.

Малая проводит по столу пальцем. Стол мелко дрожит – словно под напряжением. Как «пёс» в тоннеле. Выгнулся-повалился-забился… Трясущиеся руки в объективе камеры робота…

Когда же это было?

Малая вздыхает. Она голодна, а от местной еды живот только сводит. Хочется чего угодно, только не жидкого пюре из пищевого автомата. Например, мяса. С кровью.

Да, мясо пришлось бы кстати.

Шаи высокий – выше большинства имманес. Стройный, облаченный в черную форму, какую носят все солдаты Мешары – простую куртку и штаны. Воротник-стойка стягивает шею.

Шаи уделяет одежде мало внимания. Предпочитает выглядеть как все. Выглядит он молодо. Интересно, сколько ему лет на самом деле?

Он держит руки за спиной и внимательно изучает Малую. Длинные волосы убраны в низкий пучок. Такие же пепельные, как у самой Малой, а на теле вьется такой же рисунок. Руки и шея, лицо и даже уши – всё покрыто золотым узором.

Малая смотрит на свои предплечья. Точно, один в один.

– Ты очень важна для нашего народа.

Шаи трогает рисунок на её коже.

– Очень редкая мутация. Таких, как мы, рождается мало – ты, я и еще пара имманес в других колониях.

Он щурится – местная звезда с темно-синим гало по краям слепит через стену, колет лучами, так, что глаза слезятся. Переваливается по небу Мармароса, подсвечивая окружающие планету пояса. Имманес зовут её Некро. Они прикладывают два сложенных пальца к виску каждый раз, когда упоминают её. Говорят, что Некро – священная звезда. Что на ней обитают мертвые и жрецы.

В этом имманес похожи на дикарей. Верят в то, что кто-то может выжить в океане бурлящей магмы.

– Ты очень важна, – повторяет Шаи. Садится за стол и берет чашку.

Малая кивает, хотя ей не по себе. Сцепленные на коленях руки дрожат. Может, она и важна, но здесь совсем чужая.

– Нужно подумать о будущем, Беа.

– Малая, – она поправляет уже в который раз.

– Хорошо. Малая. – Бел Шаи отпивает из чашки. Теперь на его губах глянцево-синяя кайма. – Чем планируешь заняться теперь?

Малая не знает. Её мнения редко спрашивают.

– Хочу найти дом. Где-нибудь на Мармаросе.

Не всё же занимать комнаты в башне Помнящего. В них Малая как на привязи. Всегда под наблюдением. Знакомое и неприятное ощущение. Она вообще чувствует себя странно. Здесь ей уделяют слишком много внимания.

Бел Шаи смотрит на нее поверх ободка чашки.

– Ты говоришь неуверенно. Может быть, ты хочешь вернуться в Римскую Империю?

– Только не туда. – Малая качает головой. – Я в розыске.

Шаи щелкает пальцами. Стол и чашка исчезают, теперь между ним и Малой пустота. Зал тоже исчезает. Вокруг разбухает облако тьмы, в котором мерцают звезды – сотни галактик в миниатюре.

– Смотри, – Шаи показывает на тусклую звезду в похожем на ленту скоплении, – Это галактика, в которой находится система твоей планеты. А это, – он кивает на алое облако туманности рядом с Малой, – мир имманес.

Малой хочется потрогать эти звезды. Но стоит потянуться к одной, как та начинает трещать, жжет пальцы, словно язык пламени.

– Люди знают о вас?

Шаи едва виден в сгустившейся тьме. Он качает головой.

– Мы слишком далеко. Люди еще не настолько развили свои технологии, чтобы видеть, что таится в пустоте. В сверхвойдах, как они называют это место. – Он смотрит на Малую. – Ты бы хотела изменить их?

– Кого?

– Людей. Избавить от нищеты и несправедливости, о которых рассказывала.

Малая вспоминает. И правда, рассказывала. Про родителей под мостом, про их смерть. Про патрициев, про гибель экспедиции – обо всем выложила.

– Хочешь, чтобы жители той колонии были равны?

Малая не понимает. Он о номерах под мостом?

– Колонии?

Шаи ходит белой тенью. Неслышно, кругами.

– Планеты. Она нуждается в переменах, и ты можешь сыграть в этом главную роль.

Да ладно. Улыбка так и просится на лицо. Где Малая, и где великие перемены.

Но она может попытаться. Ведь этого от нее ждет Шаи и все имманес. Было бы здорово стать, как они.

– И как вы это сделаете?

– Есть пара способов. – Шаи задумчиво крутит виток серебряной проволоки на пальце. Молча кивает, глядя на карту. Погружен в какие-то свои мысли.

Теперь он выглядит совсем как она, воплотился в неё. Лицо, голос, фигура – точная копия. От этого мороз по коже.

Малая не хочет, чтобы Бел Шаи становился ею. Она – не он. Совсем не он.

– Есть способы, Беа, – повторяет Шаи, и она проваливается в межзвездную пустоту. Пытается ухватиться за белую туфлю правителя, но не успевает.

Шаи становится все меньше

меньше

исчезает в межзвездной тьме.

Малая дрейфует в пустоте. Кружится, ничего не весит, как лоскут пластиковой пленки. Ей подмигивают далекие звезды.

Малая хочет закричать, но в вакууме воздуха нет.

И жизни тоже.

Живой глаз высыхает, стекленеет. Во рту вскипает слюна, язык приваривается к нёбу. Тело распирает…

* * *

Малая вжалась лбом в ледяной иллюминатор. Успокоила инферио, сосчитала пульс. Сердце билось так сильно и громко, что, казалось, его стук перебудил весь корабль.

Малая. Третий уровень. Орбита Старой Земли, Солнечная система, Млечный Путь. Сверхскопление Девы.

Сон. Всего лишь сон.

Жилой уровень корабля спал, истекали пять часов, выделенные на отдых смены. Кругом царила тишина. Ноги мерзли на холодном полу, и спать уже не хотелось. Точнее, хотелось – голова была мутная и тяжелая, – но не спалось.

Малая натянула форму, пригладила сбитые на затылке волосы. Глянула в иллюминатор. Привычно проверила системы алада – корабля, в котором она находилась.

Показатели в норме. Двигатели работают на минимуме, чтобы корабль не дрейфовал. Холодный космос молчит. Молчат далекие пустые планеты, окруженные ядовитым газом. Молчат их спутники – каменные глыбы, – и тысячи стадий пыли вокруг, и красно-черный, выжженный войной Марс. Молчит Земля – её сообщение с другими системами блокировано.

Но земляне ещё об этом не знают. Земляне заняты другим.

Моносознание инферио потянуло глубже, облепило мыслеобразами, как паутиной. В отражении иллюминатора моргнули глаза имманес – чужие, незнакомые. Послышался далекий прерывистый голос. Он торопливо сказал что-то на эмегир, поднялся до булькающего крика и оборвался, захлебнулся в помехах. И тишина.

Малая содрогнулась. Провела пальцами по щеке, и белая девушка в отражении повторила жест. Ничего – ни голоса, ни чужих глаз. Малая шепотом выругалась. Боги, неужели опять?..

Обрывки чужого прошлого она стала ловить недавно. Это походило на глубокую грязь, которая когда-нибудь – Малая подозревала, что очень скоро – утянет её насовсем. Голоса, которые умолкли сотни лет назад. Размытые и блеклые картины. Эмоции – всплески радости и оглушающий холод страха. Инферио, мертвые имманес, хранили их в общей памяти, как сокровища.

В этом они не слишком отличались от людей.

Интересно, какой вид возник первым? И связаны ли имманес и люди? Разве это совпадение, что существа с разных концов Вселенной оказались так похожи? Малая сомневалась.

Конечно, разница тоже была. Имманес выражали мало эмоций, улыбались на удивление одинаково. Без амбиций, холодные, как рыбы, пунктуальные, как машины. Когда чего-то не понимали, просто таращились своими рыбьими глазами, пока не

объяснишь, что имеешь в виду. Рождались, вырастали, превращались в инферио, когда подходил срок.

Их города на Мармаросе строгие, как линии сети, по которым путешествовала Малая: ряды одинаковых башен уходят к водопадам на горизонте. Стеклянная штамповка. Квартиры напрочь лишены индивидуальности: капсула для сна, аппарат, который изо дня в день давит из себя бурду, заменяющую еду и воду. Вместо душа и туалета очиститель – еще одна капсула, которая втягивает отходы и очищает тело специальным газом, – большой и пустой балкон, с которого имманес наблюдают рассветы, закаты, сиреневые водопады, и, разумеется, поклоняются Некро. Каждое утро встают на колени и, не мигая, смотрят на бело-голубой диск, опоясанный плоскими кольцами астероидов. Тысячи имманес молча пялятся на Некро – то еще зрелище.

Та еще жизнь. Ни веселья, ни любви, ни семьи. У имманес же все равны. «Мы давно преодолели этап биологического размножения, – сказал ей Бел Шаи. – Ничье присутствие не должно вас смущать».

«Преодолели этап» – это как понимать? Все одинаковые? Один сплошной средний пол?

И ведь правда, она же ни разу не видела имманес с пышными формами. Костюмы у всех были одинаковые, тела стройные и гибкие, как у подростков. Она определяла некоторых как женщин интуитивно, из-за более тонких черт лица. И лишь после объяснения поняла, что не замечала очевидного. Что нет семейных пар. Что даже в их языке один род. И с чего она вообще взяла, что к ней обращались в женском роде? Хороший вопрос.

Малая решила не гадать и продолжала разделять имманес на мужчин и женщин – для своего удобства. Всё-таки со временем стали видны едва уловимые различия в поведении и манере держать себя. Одни имманес казались строже и внушительнее, другие – улыбчивее и нежнее. Жаль, заглянуть к ним в штаны она не могла.

Интересно, как же выглядели люди там, внизу? Малая знала, что человеческие мужчины другие, не такие, как она, – о да, она помнила одного говнюка в лавандовой машине, и такой штуки между ног у неё точно не было, – но за всю свою жизнь не видела ни одной обнаженной женщины. Сперва потому что не могла видеть физически, а потом как-то случая не представилось. И порно она не смотрела, оно казалось мерзким. Старательно закрывалась от назойливых баннеров, когда сёрфила в сети. Казалось, они все пахли лавандой. Кровью, грязными руками.

Месячных не было, это да. Ни разу за всю жизнь, чему Малая

всегда радовалась – гормональные уколы для прекращения овуляций стоили очень дорого. Малая помнила рекламу: белозубая женщина разламывает пластиковый цилиндр, обнажает иглу и колет ею свою персиковую патрицианскую ягодицу. «Полная защита и комфорт на целых полгода», – говорит и снова улыбается.

Могла ли Малая считаться женщиной в земном понимании? Что если они с Энцо и не могли быть вместе? Ни секса, ни детей. И вообще…

С такими мыслями можно свихнуться. Поэтому Малая отбросила их поскорее. Энцо нет, его не вернешь. А других мужчин она не хотела; ни людей, ни имманес. Нет проблемы.

Никаких проблем.

Пустота.

Снаружи раздался вой корабельного оповещения, сигнал к молитве – «некроповещение», как про себя звала его Малая. Низкий и протяжный звук, от которого в животе начинало свербеть. Здорово, ничего не скажешь. Значит, сейчас опять начнется…

Малая застегнула форму и вышла из ячейки.

В глаза ударил белый свет. Она поморщилась, прикрыла глаза рукой. Впереди, за прозрачной стеной, светилась колонна шагов в сто толщиной. Источник энергии корабля, как ей объяснили. Он начинался где-то на нижних уровнях, в узкой и заостренной корме и заканчивался под рубкой. Вроде как отвечал за гравитацию и ещё что-то, чего Малая не запомнила. Хватало того, что эта штука светила, как десять звезд. Все уровни замыкались вокруг неё кольцом – никуда не спрятаться, только в своей ячейке.

На всех уровнях открылись шлюзы. Имманес выходили и вставали на колени у прозрачной стены, лицом к свету. Все одеты – словно всё утро только и ждали, когда их позовут.

Может, так оно и было.

Малая обошла генератор по кругу, на цыпочках шмыгнула между имманес, которые молились у пищеблока. Постаралась не заслонять свет – это она выучила сразу, как оказалась среди своих. Едва не схлопотала по шее, когда однажды это сделала. Да таких и не хотелось беспокоить на самом деле: лица безжизненные, а глаза пустые и яркие, как фары автомобиля.

Пищеблок был узкой комнатушкой с полосой иллюминатора с одной стороны и дюжиной автоматов с другой. Просто черные, встроенные в стену ящики с углублениями посередине. Малая сунула в один руку, и в ладонь шлепнулся прохладный пакет с трубочкой. Без особого энтузиазма отломив её конец, Малая

привалилась плечом к иллюминатору.

Снаружи один за другим отцеплялись корабли с боевыми роботами на борту, выстреливали к погруженной в тишину Земле. После удара энергопушки планета казалась пустой, и ей это шло. Спокойствие, даже какое-то мёртвое величие. Один бок затенён, ближе к экватору циклопьим глазом смотрит Ливийский разлом. Остался после выстрела с орбиты, вспомнила Малая из учебных программ.

Голос лектора сам зазвучал в голове. «Разлом образовался в пять тысяч шестисот девятом году после того, как по высочайшему указанию императора Тиберия Ливия Друза флотилия Имперской Внешней Сферы применила по отношению к планете оружие класса V. Удар был направлен на центр повстанческой деятельности Старой Земли. Он вызвал незначительное смещение тектонических плит, которое, по утверждению некоторых учёных, привело к ухудшению климатической обстановки на планете. Сейчас Ливийский разлом является самым глубоким разломом Солнечной системы».

Малая втянула безвкусную бурду из трубочки. С трудом проглотила.

Просто взяли и выжгли целую курию. А теперь там радиоактивная пустота.

И никаких проблем.

Сперва Энцо попытался отнять распылитель. За это получил по зубам. Зря полез, конечно, и так еле на ногах держался. Но завидев неопознанную херь в окне, он чуть не взлетел на адреналине.

А херь продолжала стрелять. По легионерской технике, по зданиям. Не по людям – их она просто давила лапами. Похожая на паука, с матовым черным брюшком. Легионеры палили по ней из защитных орудий, установленных по углам крыши поста. Но броня у «паука» была крепкая – шаттл бы давно продырявило, а здесь заряды просто отражались, рикошетили в соседние здания.

«Паук» крутанулся, прицельно пальнул, и защитные орудия смолкли, накрывшись. Затем переступил длинными лапами и двинулся к зданию больницы. По куполу его корпуса блохами сновали зелёные точки прицелов. Описав два круга, они собрались в ровный треугольник.

Уставились прямо на Энцо.

Вот же мать, твою же ма…

– На выход, быстро! – Тит Пуллий толкнул дулом распылителя в бок. Энцо уговаривать не пришлось. Он выскочил из палаты в чём был: босиком, в одноразовой тунике по колено и с разрезом на заднице. В коридор повылезали другие пациенты и больничный персонал. Пока не паниковали, оглядывались, переговаривались, глаза опасливо блестели в полутьме. Кто-то возмущался, пытаясь сдвинуть кресло-каталку с места. Андроиды-помощники стояли, типа все разом сломались. Везде понатыканные инфопанели молчали.

В палате за спиной громыхнуло, и Энцо бросило на пол. Спину опалила взрывная волна. На миг воздух превратился в кипящий криогель, закупорил ноздри и глотку. Здание затряслось, крошка посыпалась с потолка, забарабанила по спине и затылку. Истошные крики смешались с каменным треском.

– Проклятые твари! – рявкнул Тит Пуллий, упавший рядом.

Сам Энцо выразился бы покрепче, но падение вышибло из него дух. Из горла вырывались лишь сипение и свист. С трудом он оттолкнулся ладонями от пола и поднялся. Тит уже вышагивал по коридору, ловил людей и направлял их куда-то в конец коридора. Его мало кто слушал.

В другом конце этажа бахнуло, зарокотало. Погасшие инфопанели вдруг взвыли, выдали ослепительную вспышку, и этаж расчертила молния: от торговых автоматов в дальнем конце, через стеклянные стены, прозрачными перепонками разделяющие

отделение на секции. Стены лопнули одна за другой, осыпались на пол дождём осколков. Энцо инстинктивно прикрыл лицо руками, в голые предплечья впились точки стекляшек.

Гребаный Марс! Гребаный, гребаный Марс, всё твои происки…

Все побежали кто куда. Указаний Тита уже никто не слышал. Энцо торопливо перекатился и отполз на локтях к стене, чтоб не затоптали. Какой-то патриций вцепился ему в плечи, истошно вереща – лицо перемазано кровью, на дряблой шее витки золотых цепочек. Энцо, не долго думая, двинул его локтем и вжался в угол. Патриций тут же пропал под ногами бегущих: босыми ступнями, грубыми ботинками, врачебными туфлями. Сам виноват.

Первое правило тоннелей: если что случилось – не мешайся на дороге.

Снова взрыв. Одна из стен обвалилась, обнажив жилы проводки, щербатый бетон и острые балки. Палата в проломе полыхнула, и отблески огня заплясали по бегущим. Кто-то, оказавшийся рядом, вспыхнул и живым факелом кинулся в толпу.

Интересно, сколько времени надо «пауку», чтобы обрушить здание целиком? Похоже, совсем немного.

Энцо поднялся, сощурился, высматривая указатели аварийного выхода. Ни один не горел, кругом только сумрак и суматошные тени. Кто-то ухватил его за локоть, и, зашипев, он двинул урода вслепую. Его удар профессионально увели в сторону. Вывернули руку так, что Энцо еле устоял на ногах.

Пластина на лице Тита Пуллия блестела вроде начищенного шаттла. Губы сжаты, на щеке кровоточил порез. А Энцо так надеялся, что его затоптали…

– За мной, – бросил Тит. Толкнул плечом створку двойной двери и пропустил Энцо в узкий боковой коридор, тихий и пустой. Сам же встал в проходе, так, что стал виден стационар и потянуло дымом.

– Сюда! – гаркнул пробегающему больному, но тот не обратил внимания. Никто Тита не видел и не слышал, а система аварийного оповещения не работала. Все бежали дальше по этажу, к лестнице или, может, подъёмникам, которые тоже наверняка не работали.

Оставив дверь открытой, Тит прошел вглубь коридора, нырнул в синеватый мрак. Прижал запястье к считывателю у какой-то комнаты. Над входом белела надпись на имперском – вроде бы «охрана». Считыватель не работал, и Тит попросту выстрелил в замок.

– Нормально, – протянул Энцо. Одарив его тяжелым

взглядом, Тит толкнул дверь и включил фонарик. На стенах комнатушки висели три экзокостюма. Свесили полые руки, прям как человек шкуру скинул.

Пуллий взял один, проверил заряд и, когда костюм пискнул, бросил его Энцо. Второй натянул на себя: разделил на две части, сунул ноги в штаны, активировал их кнопкой на бедре. Они сели по фигуре и с щелчком закрылись. Затем проделал то же с верхней частью. Энцо повторил за ним и вздрогнул, когда экзокостюм плотно обхватил задницу. Кто знает, исправна ли эта штуковина? Еще перетянет сильней, чем надо, и прощай бубенцы…

Но нет, между ног все село нормально. Куртка затвердела тугим панцирем, нарастила наплечники и налокотники. Ворот охватил шею, разъём в культе предплечья – того, где раньше стоял имплантат, – кольнуло, и пустые пальцы костюма согнулись. Энцо ухмыльнулся и растопырил пятерню, разглядывая ее с обеих сторон.

– Шлемы где? – отвлек его Пуллий. – Шлемы видишь?

Энцо только развел руками. Он вообще не понимал в легионерских железках. Взломать систему защиты дрона или двери какой-нибудь – пожалуйста, но костюмы он ни разу не примерял. Как эти шлемы должны крепиться? Как вообще выглядят в деактивированном режиме?

Он ощупал ворот, заглянул за опустевший стеллаж. Ничего. Тит выругался через сжатые зубы. Сунулся во встроенный шкаф за дверью и чем-то громыхнул. Шея под бритым затылком блестела крупными каплями пота.

– Ладно, – он шумно выдохнул, выпрямившись. – Смотри.

Он нажал на полосу на предплечье левой руки, предусмотрительно отведя её в сторону. Та коротко полыхнула зеленым и выпустила полосу силового щита. Тот закрывал тело от подбородка до пят, по ширине достаточный, чтобы спрятать плечи.

– Включенным долго не держи, общий заряд костюма на двенадцать часов, – пояснил Тит. – Сожрет гидроусилитель и антигравитацию, и весь вес будешь на себе таскать.

Он коротко рубанул щитом воздух. Силовая полоса с гудением пронеслась рядом, и Энцо инстинктивно отшатнулся. Таким можно и голову снести. Раз – и нет черепушки.

– Можно выставить автоматический режим, при стрельбе в твою сторону развернется сам. Но я бы не советовал, придется всё время за рукой следить.

Энцо осмотрел небольшую панель управления на запястье, пролистал скудные настройки. Щелкнул пару туда-обратно,

включил фонарик на левом плече. Тит тем временем копался в углу. Разбросал пакеты первой помощи, пустые упаковки и ещё какой-то мусор. Наконец махнул рукой, ударил ладонью по экрану замка и шагнул в розоватый полумрак.

Во имя Марса, он серьезно? Идти так, без шлема?

– Оружие-то дай! – рявкнул Энцо вдогонку.

Тит удивленно глянул через плечо.

– Скажи спасибо, что в костюме.

Понятно. Ну конечно, какое там оружие. Бывшему «псу» в руки и дубинки не дадут. Хотя что-то подсказывало, что от тех железяк снаружи не спасут ни распылитель, ни дубинка, ни шлем. Ничего не поможет. Надо бежать и подальше. Пускай легионеры разбираются, наверняка их же техника и взбесилась. Патрицианские разборки, свержение Сената или ещё что-то – Энцо даже не хотел вдаваться.

Костюм слушался, как новенькая «кассиопея», отличная штука. Благодаря антигравитации шагать стало легче, и это для ослабевшего Энцо было полным кайфом, лучше «гелиоса». Металлическая перчатка полностью заменяла отсутствующую руку, как делал когда-то имплантат. Пальцы согнулись, разогнулись. Зацепили край повязки на голове Энцо – очень точно и аккуратно, как живая рука.

Взрывы и крики стали слышнее. Навстречу промчался кто-то в белом халате, оставив след дымного запаха.

Поняв, что идет куда-то не туда, Энцо отвлекся от изучения костюма. Тит топал к двойным дверям, за которыми яростно визжала сигнализация и мигали отблески пожара.

Энцо замедлил шаг и нахмурился. Обратно к палатам? Это еще зачем?

Он обернулся, вгляделся во тьму за спиной. В самом конце коридора что-то мигало, мелькнула тень в белом костюме. Кто-то из персонала. Там наверняка был пожарный выход, эскулапы-то знали, куда линять.

А Энцо чем хуже?

Он сделал шаг в обратном направлении. Затем еще, и еще, и…

Услышав гудение взведенного распылителя, он остановился. Обернулся. Так и есть – на него уставилось дуло. И Тит Пуллий на том конце ствола был очень серьезен.

– Куда собрался? – поинтересовался он.

– Подальше от той хрени, – Энцо махнул рукой в сторону палат. – И тебе советую.

Тит Пуллий коротко качнул головой.

– Туда мы пойдем, но позже. Следуй за мной.

– Куда?

– В стационар.

– Зачем?!

– Помочь с эвакуацией. Человек десять, но вытащим.

Энцо едва слюной не подавился. Прыгать под обстрелом, спасая холёные задницы патрициев, когда даже эскулапы уносят ноги? Серьёзно? Ну нет, на такую херню он точно не подписывался!

– Да ты головой ударился? Какая эвакуация, тут бежать надо, щас рухнет всё! – крикнул он сквозь рев очередного взрыва. – Даже эскулапы линяют!

Палец Тита прижал кнопку спуска, и распылитель еле слышно завыл. Пришлось заткнуться.

– Я возвращаюсь в стационар, и ты возвращаешься со мной, – твердо сказал центурион. – Не будешь помогать – уложу на месте.

Аргумент, чего говорить. Вот сейчас шлем бы очень пригодился. Энцо почти ощущал точку прицела на лбу. Живо представил, как распылитель стреляет, в лоб влетает заряд, и мозги рассыпаются в воздухе. Утекают пылью в щель вентиляции на потолке.

Он поднял руки.

– Хорош. Пойду я с тобой, пойду.

Тит Пуллий кивнул и опустил оружие, но в кобуру не убрал.

И снова гарь и жар больничных отделений. Воняло паленым пластиком и плотью, выли люди и горящие машины. С потолка лило – сработали водяные распылители. Остальные системы пожаротушения не реагировали. Пламя заполнило палаты, плавило воздух, отчего рожу припекало, как на сковороде.

В конце этажа, похоже, у единственной лестницы вниз, собралась толпа. Настоящее месиво. Ясное дело, аварийная подсветка не работала, темнотища, не разберёшь, куда бежать. Тит Пуллий выругался сквозь зубы. Подбежав к визжащему стаду, он запустил в него сразу две руки, ухватил кого-то за шиворот и вытащил двух мужиков. Те очумело уставились на его лицо. Сажа стекала по щекам и имплантату черными нитками, окуляр вспыхивал зеленым в жарком полумраке. То ещё зрелище.

– Центурион-Тит-Пуллий-Управление-Четвертой-курии-держитесь-моего-подчиненного! – как на духу проорал он, указав на Энцо, и кинулся обратно.

– Куда их вести-то?! – гаркнул Энцо.

– Западное крыло! – Тит махнул рукой куда-то в дымное марево, в сторону служебного коридора, где они раздобыли экзокостюмы.

На миг Энцо потерялся. Перевел взгляд на окровавленные

лица мужиков и, опомнившись, повел их в указанном направлении. Втолкнул в узкий коридор, вернулся и отвел новую партию.

В людском месиве уже кого-то давили. Он чуял кровь. Слышал сдавленные хрипы, треск костей, и морщился. Ничего нет хуже паникующего стада. Медиков видно не было – нигде на этаже, сколько бы Энцо ни всматривался. Только пациенты в халатах и рубахах, похожих на его собственную.

– Давай, давай, – подталкивал идущих.

Бабы еле тащились: одна поддерживала другую, закинув руку себе на плечо. Перед ними бежал белокурый мальчонка лет десяти: отбегал на несколько шагов, а после дожидался женщин, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. До дверей им оставалось всего ничего, остальные уже скрылись в красноватой мгле служебного коридора. Энцо шагнул навстречу, ухватил мальчишку за шкирку и потащил к выходу. Подвывая, тот вцепился в его руку заразным клещом.

Тетки сами дохромают. Оставаться в отделении уже нельзя, Энцо чуял это. Воздух превратился в жидкий огонь, такой, что глаза лопались. Ничего не видать: ни толпы в конце этажа, ни Тита Пуллия. И взрывы раздавались все ближе. Хромых таскать уже некогда, нахрен такую обузу.

Второе правило тоннелей: каждый сам за себя.

– Быстрее! – всё же гаркнул через плечо.

Казалось, теток уже жрал огонь. Неверные, дрожащие тени, размытые в мареве, они ковыляли быстрее. Шаг, второй, третий…

Слева полыхнуло. Бахнул взрыв, и Энцо кинулся на пол, машинально закрыв собой мальчишку. Тот запищал. Лицо запорошило пылью, она попала в глаза, нос и рот, набилась в глотку. Энцо согнулся в приступе кашля. По привычке утерся рукавом и заорал, когда щеку ободрал металлический шов. Проклятый костюм…

Кто-то тряхнул его за плечо.

– Вставай! Вставай давай!

Голос был знакомый, приглушенный ревом пламени и звоном в ушах… Добавил какое-то бабское ругательство. Снова Тит Пуллий, надо же…

– П-п-порядок… – еле выдавил Энцо, отмахнулся и снова закашлялся. Его вздернули на ноги так, что в глазах заискрило.

– Шевелись! – рявкнули над ухом, и он пошел, перебирая ногами вслепую, как свежеразмороженный крио. То же поганое состояние – ничего не видно, в ушах гул, голова кружится до блевотни. Его потащили по каким-то ступеням. Вниз… А, может, вверх? Нет, точно вниз, да так быстро, что колени подгибались.

Постепенно зрение вернулось, но кругом всё оставалось темным и мутным. Только луч фонаря метался по ступеням под ногами, изредка проваливаясь в узкий лестничный колодец. Выхватывал мертвые панели, заблокированные двери, ведущие на этажи.

Постепенно Энцо разогнался, двигался ловчее, цепляясь за холодные перила. Перебирал ногами ступени. Теперь костюм только мешал.

Давай, псина, шевелись. Беги, если хочешь жить.

Третье правило тоннелей, вспомнил Энцо.

Откуда-то сверху накатил рокот. Сухой, трескучий звук складывающихся стен. Рука скользит по перилам. Ноги перемахивают через три ступени.

Шевелись, псина…

Рядом бежит кто-то еще. Небольшого роста, со светлой головой.

Малая? Неужто Малая?!

Энцо отвлекся, споткнулся и чуть не полетел кубарем по ступеням. Сморгнул наваждение. Нет, не Малая, какой-то хилый пацан. Наверное, тот, которого он закрыл собой от взрыва в стационаре.

Ступени вдруг закончились, и они вывалились в просторный холл. С высокого потолка свисали лианы проводов, пол усеивали осколки стекол; некоторые торчали из пола стеклянными зубами. Энцо глянул наверх. В стеклянном куполе зияла дыра.

Снова треск за спиной. Лестница обвалилась, выпустив в холл облако пыли. Купол зазвенел, сверху градом посыпались осколки. Один, размером с Энцо, вонзился в пол.

– Мать твою! – Энцо кинулся в сторону. Тит маячил впереди, уже у открытых раздвижных дверей, за которыми виднелась расчерченная белым стоянка.

Еще немного!

Рыкнув, Энцо бросился вперед из последних сил. Споткнулся о мертвое тело, на миг встретился взглядом с белесыми распахнутыми глазами.

Бах! Еще осколок. Его раздавило в стеклянную крошку обвалившейся плитой.

Энцо стартанул с четверенек. Никогда не было так страшно. Даже когда в крио отправляли, даже когда кишки в руках скользили. Даже когда…

Он вылетел на улицу. Ночной воздух выстудил горло, ветер ударил в лицо. Хруст стекол под ногами сменился хрустом песка.

Быстрей. Еще быстрей.

Энцо обернулся. Колонна больницы просела на одной ноге.

Издала натужный стон и повалилась на стоящий за ней торговый центр, давя его верхние этажи. Цементная пыль заволокла небо, запорошила глаза. Энцо прыгнул, перекатился за бетонное заграждение. Чихая, отполз подальше и без сил развалился на камнях. Ногу прострелила боль.

Мир перед глазами медленно замедлял ход.

Рядом кто-то стонал. Неугомонный Тит раздавал указания – его едва было слышно за рокотом падающего дома. Осмотрев троих подростков, которые выбрались с их группой, он выдал одному упаковки армобинтов и медгеля. Марс подери, как они бы пригодились самому Энцо!

И эскулапы там же валялись, отдыхали. Дать бы им в морду за то, что пациентов бросили… Энцо скривился, перевел взгляд на стену дыма, за которой покоились обломки. Сколько там народа погибло? Сотня? Две? А этим всё равно. Дивный патрицианский мир.

Других штуковин с пушками видно не было. Позади был особняк с кривой дырой на уровне центральных этажей, рядом тёмный торговый центр – по парковке размытыми тенями бегали люди. За торговым центром провал на нижний уровень, в котором виднелась крыша жилой колонны. Совсем недавно она поддерживала уровень. Энцо почти чувствовал, как плита прогибается под ним, лишившись опоры. Скоро здесь всё рухнет.

Чуть дальше в небе вспухло облако пыли: обрушилась высотка. Энцо показалось, что он увидел две многолапые машины, прыгнувшие на соседние крыши. «Пауки».

Воспоминание о машине с неба обожгло его. Валить надо, и побыстрее. Валить и прятаться.

Вот только куда?

На краю стоянки, в служебной её части, Энцо заметил небольшой челнок «экстренной помощи», желто-полосатый, единственный не повреждённый обломками. Воровато огляделся – на него никто не смотрел, – поднялся и заковылял через заваленную обломками площадку. Стекло хрустело под ботинками. В стороне, у стены, растеклась темная лужа… Энцо решил не смотреть, чего именно. Он и так знал.

А ну и что. Пошел Тит Пуллий в задницу. Пошли в задницу все его патриции. Энцо сам выберется, один. Хватит с него легионеров и их условий. Дважды сунули его в крио, свинтили хороший имплантат.

Убили Малую.

Энцо нахмурился, засопел. В груди заворочалась злость, расползлась, как чернильное пятно под кожей.

Дверь челнока подалась с трудом. Экран разблокировки на

стекле не реагировал, сколько Энцо ни прикладывал к нему ладонь. Пришлось открывать вручную – что было силы дернуть вверх рукоять аварийной разблокировки. Хорошо, сил хватило, и механизм не проржавел. Пружины тонко тенькнули, дверь поднялась наверх. Энцо забрался в кабину, сел в кресло пилота. Снова бросил взгляд на стайку патрициев. В его сторону все ещё никто не смотрел. Глупые, как песчаные ящерицы, давно бы перестали охать, разбежались по машинам и смылись отсюда. Вот что отличало номеров от патрициев: номера не ждали чьей-то помощи. Если попадали в говно, сами из него и выбирались.

Он провел ладонью по панели управления. Та осталась темной, ни единого символа не загорелось.

Энцо ткнул наобум в кнопки под панелью. Челнок глухо молчал.

– Что, никак? – спокойно поинтересовались сзади.

Энцо сделал глубокий вдох и медленно убрал руки от панели. Нехотя поднял взгляд на Тита Пуллия и дуло его распылителя.

Надо сделать вид, будто так и надо. Будто он собирался завести машину для всех. Поработать на благо общества. Ведь этого хочет орлик? Бывший «пёс» на службе закона.

– Неа. Даже не реагирует. Может, я чего не так делаю, а? – Энцо прищелкнул пальцами, пробежался ими по неживому сенсорному экрану. Тронул разъём для карты и сам обрадовался отличной идее. – Слушай, надо найти пропуск. Наверняка есть у одного из этих.

Он кивнул на охающих врачей в группе спасенных. Но, к удивлению, Тит качнул головой.

– Вряд ли сработает. Посмотри, – он обвел широким жестом уровень и небо. Энцо поднял голову и сощурился.

Понимание пришло не сразу.

В небе было пусто. Ни одного корабля, ни одной движущейся машины на эстакаде вдали. Только дым и дальние залпы. На парковке торгового центра суета между застывших, будто оледенелых тачек.

Работай хоть одна из них, патриции давно бы смылись, верно?

Энцо тихо ругнулся.

Похоже, вся техника курии вышла из строя.

Ему бы понравилось

– Помнящий должен быть сильнее остальных, – говорит Бел Шаи. Его дыхание клубится облачком на губах.

Они в тренировочном зале. В руках копья – у Малой легкое и погнутое от многих тренировок, у Шаи из тяжелого сплава, с толстым древком и светящееся на конце. Энерголезвия сияют, как тысячи ламп. Такие используют все имманес в башне. Они считают стрелковое оружие уделом боевых машин.

– Ты должна быть умнее, быстрее, хитрее, – добавляет Бел Шаи. – Слабые бел агии долго не живут.

Он хлопает по плечам Малой. Разворачивает – будто оценивает исходный материал.

– С физической точки зрения ты лучше любого среднестатистического имманес. Но этот потенциал надо раскрыть. Придется работать над всем телом.

От одного воспоминания об операционном столе Алариха Малой становится плохо. Звон инструментов в лотке, жужжание вакуумного аппарата…

Бел Шаи замечает её отвращение и страх.

– С нашими технологиями реконструкция тела почти безболезненна, – говорит он, накручивая восьмерки острием копья. – Ты же хочешь быть сильной, как инферио?

Как инферио? Малая мотает головой. В такого монстра она точно не хочет превратиться.

Острие копья проносится у лица. Блестит в неверном свете плавающих под потолком ламп.

– А придется.

Шаи сжимает металлическое древко, затем бросает копье на пол. Оно звякает о плиты. На рукояти блестят вмятины от тонких пальцев.

– Тебе понравится.

Шаи оказывается рядом и пробивает грудь Малой ладонью. Проламывает ребра, с треском вминая их внутрь. По белому запястью течет кровь, падает на босые ступни, разбивается на брызги.

Кап.

Кап.

– Сила, – поясняет Бел Шаи.

* * *

Конечно, плевать она хотела на мир во всем мире и справедливость. Кровь – вот чего она желала. Утопить патрициев в их собственной крови. Показать номерам, что возможно изменить существующий порядок и жить нормально, не бояться, не голодать. Хотя сперва придется побояться и поголодать – пока онагры бомбят поверхность, – но это же ради общего блага, верно?

Шагом первым было зеркало.

Имманес блокировали связь. Дублировали входящие-исходящие сигналы систем связи, чтобы никто на Земле, Марсе, разных базах или в других системах Млечного Пути не заметил приближения альфы.

Так велел Бел Шаи.

Шагом вторым была гуманность.

Малая сказала пару слов о добрых намерениях расы имманес. О руке помощи и равноправии, после чего её сообщение передали в Сенат. Сигнал шустро разлетелся по сети, отметив все филиалы Управлений имперского легиона. Светящаяся сетка на трехмерной карте.

После чего имманес отключили всю земную электронику и ударили с орбиты по отмеченным точкам. Бам! – и нет Управлений и легионеров. Разумеется, в некоторых куриях ещё была ночь, и здания пустовали. Но без связи собраться вместе – «ско-ор-ди-ни-ровать действия», как сказал Бел Шаи, – легион уже не мог. Многие легионеры подтягивались к развалинам, видимо, по старой памяти. Их давили онагры – бронированные и тяжеловооруженные роботы с дистанционным управлением, расходный материал имманес.

То был шаг третий. Освобождение.

Первые минуты сопротивления не было. Люди были слишком заняты собой и своей паникой. Шаттлы, машины, средства связи, особо умное оружие – всё вышло из строя. По куриям бродили похожие на пауков онагры. Шагали над брошенными машинами. Лазали по верхним уровням, цепляясь суставчатыми лапами за жилые колонны. Иногда ненадолго взлетали, – один длинный прыжок, – и методично отстреливали все, что походило на экзокостюм. К удивлению Малой, простое оружие и некоторые из легионерских костюмов продолжали исправно работать. По данным сканеров, их было не так уж много, да и заряды у них были не вечны. Легионеры могли стать реальной угрозой лишь с помощью тысяч номеров из тоннелей. Но зачем номерам это делать?

Номера не встанут на сторону патрициев. Они увидят в уничтожении легиона возможность, Малая была уверена. Рано

или поздно, но поймут.

А если не поймут, то промолчат, как делали всегда. Их проблемы.

Удар. Еще удар.

Тренировочный голем отшатнулся. Его сотканный из силового поля живот промялся, рассыпался золотыми бликами. Малая не дала ему опомниться и рубанула голой ладонью наискось, через лицо. Ребро ладони встретило сопротивление, – ощущения приближены к реальному бою, – и голем вздрогнул. Половина его головы отлетела к стене, где истаяла в воздухе.

Малая приостановила программу и осмотрела свою руку. Пальцы и запястья остались такими же тонкими, но материал под кожей изменился. Измененный и укрепленный хитрыми технологиями имманес.

Она подошла к стойке с копьями и взяла одно. От прикосновения оно раскрылось, удлинилось с обеих сторон. Стоило провести пальцем по кольцу на рукояти – и на одном конце вытянулось тонкое, как волос, энерголезвие.

Малая прокрутило древко в пальцах. Сжала так сильно, как только могла, до боли в костях. Металл под пальцами подался, лезвие замерцало и погасло. На древке осталось пять вмятин.

«Твоё тело – твоё оружие», – сказал Шаи тогда. Малая не могла даже представить, чтобы кто-то из чопорных, будто замороженных имманес пошел на преступление. Они умели только пялиться: то ли с отвращением, то ли с непониманием. Но Бел Шаи не стал бы предупреждать зря, верно? Для чего ещё усиливать тело?

И главным её оружием остался разум. Никто из имманес не обладал способностью проникать в сеть, управлять машинами и инферио по своему желанию. Только она и Бел Шаи.

Малая налила себе воды и села на скамью в углу. Прислонилась к холодной стене – голые, влажные от пота лопатки сразу заледенели. Вытянула ноги в похожих на носки ботинках. Они были удобными, почти не ощущались на ноге. Легко бегать, бесшумно ходить. Но при этом подошва была плотной и хорошо защищала ступни.

Вода медленно перетекла с одного бока стаканчика на другой. Малая раскатала её солоноватый привкус на языке. Даже вода у имманес странная. Более плотная и тёмная, тяжело привыкнуть.

Под потолком кружились светильники. Казалось, они пляшут в невесомости, отбрасывая блики. Скучно, тихо.

Малая коснулась стены, вошла в командную часть сети и ввела заученные координаты. Перед ней возникло изображение:

пеньки белых колонн, сломанные спицы балок. Оплавленные зубья купола, под ним сотни кресел, когда-то богатых и мягких, как в роскошной «Пандоре», а теперь грязные, поломанные. Пустые.

Мысленный приказ, и изображение приблизилось максимально. Так, что стали видны дыры в сиденьях, из которых белыми внутренностями лезла набивка. Каменная крошка вперемежку с деревом, позолотой и хрусталем. Лужа, в которой отражались бегущие облака. Чья-то раздавленная рука.

Малая любовалась покинутыми залами Сената уже второй день, никак не могла оторваться. Не могла поверить, что это сделала она. Наконец изменила римскую систему. Многие старались: народные трибуны, «псы», а вышло у неё. У номера из-под моста.

Теперь Сенат никому не нужен. А патриции так его охраняли… Не пускали номеров даже на площадь с фонтаном. И смотрите: фонтан расколот, залы заброшены, а патриции попрятались под землю. Ушли туда, куда загоняли номеров. Сами стали подземными крысами.

Жаль, Энцо не видел.

Ему бы понравилось.

Ей бы понравилось

– Им-ма… Кто?

Энцо почесал в затылке. Нет, он знал эребе – зеленогубых паломников с Эреба. Знал марсиан, знал жрецов-гермафродитов с Церцеи, андроидов из кластеров Ядра, знал серпенов с чешуей вместо кожи – вообще чокнутые мутанты. Но имманос?.. Имманис?..

Как это произнести хоть?

– Имманес, – повторил Тит Пуллий. – Так они зовут себя. Говорят, пришли с миром.

– Говорят? – Энцо вскинул брови. Центурион над ним прикалывался, что ли? – Они еще и трепаться по-нашему умеют?

Тит кивнул. Тени скользили по изборожденному шрамами лицу. Утренний свет блестел на протезе.

– Связались с Сенатом перед ударом. Сообщение передали по всем Управлениям.

– И потом что?

– Без понятия.

А потом у него отключился некс, ага. Энцо глянул на нитку засохшей крови на шее Пуллия, под ухом с кнопками на мочке. Похоже, некс-имплантат сдох. Связи наверняка не было ни у кого из легиона.

Интересно: всё вырубилось, а костюмы и оружие – нет. Может, дело в других источниках питания, жидких кристаллах или тому подобной хрени. Или же вышли из строя только машины с системами связи. Инопланетяне допустили косяк, и это радовало. Значит, была на них управа.

Далеко на горизонте уровня медленно накренилась и повалилась верхушка торговой башни. Только дымный мазок остался на лиловом рассветном небе. Останки близлежащих небоскребов протыкали облака, как обломки черных зубов. Чуть дальше верхний уровень курии ещё был цел, но нигде не горел свет. И в небе всё так же пусто, ни дрона, ни шаттла.

Энцо ускорил шаг, догнал Тита Пуллия. Тот покосился через плечо и что-то сказал.

– Что?

– Интересно, почему они не отключили купола? – повторил Тит. Так спокойно, словно говорил о погоде.

– А, думаешь, могли?

– Думаю, они могут уничтожить нас в любую секунду, но почему-то этого не делают. – Тит повернулся к Энцо. Живой глаз был черен, у губ залегли жесткие складки. – Им что-то нужно.

Энцо лишь пожал плечами. Что могло понадобиться крутым имманес (имманос? имманис?) от Старой Земли? Хотели захватить империю – полетели бы к Ядру, главным системам империи. Всякие-разные ископаемые на Старой Земле подходили к концу; вон, последнее высверливали из шахт. На Марсе тоже пусто. Атмосферы никакой, жить невозможно. Только люди, люди в промышленных масштабах. Типа свиньи на ферме. Энцо однажды работал на такой: десятки рядов с загонами, за силовыми полями которых хрюкают и трутся боками пороси.

Всё для патрициев, всё для них, любимых.

«Надеюсь, Сенат эти имманес взорвали», – подумал он с мрачным торжеством. Сколько раз они с Малой думали о том, куда скатятся патриции без своих красивых домов, машин и шаттлов. Что с ними будет? В кого они превратятся?

Энцо сжал кулаки и усмехнулся.

Должно быть, сейчас им очень страшно. Хорошо. Это правильно, заслуженно. Жаль, Малая не видела.

Ей бы понравилось.

Ровно год тому назад Энцо кружился в железном бублике на орбите, смотрел чужие сны. Залпы кодов штурмовали сознание, превращаясь в обрывки видео, текстов, команд.

Одиннадцать месяцев назад его разморозили. Вытряхнули из тюремной крио-капсулы, как слизняка из раковины. Всю процедурную заблевал гелем. До сих пор тошнило от одного воспоминания. Гель синий, кожа белая, размокшая…

Крио-паек – небольшую сумму, которую выдавали освобожденным – Энцо потратил на экспресс до Десятой курии. Хотел сестру увидеть, а увидел только новый торговый центр на месте её старой общаги. Сама сестра нашлась на муниципальном кладбище за шоссе 10–11. Просто изображение на экране размером с ладонь: электронный номер и дата смерти. И общая подземная урна с пеплом – бетонная щель в земле, из которой тянуло холодом и, казалось, кто-то выглядывает.

Слепые в Новом Риме долго не живут.

Энцо думал, что больше никогда ни к кому не привяжется. Типа будет сам по себе. Найдет работу, комнатуху, может, ещё имплант прикупит. Или вообще улетит на Марс. А десять месяцев и три недели назад он встретил Малую.

Малая.

Он покатал горечь на языке, харкнул и сплюнул. Тит покосился на него через плечо, но ничего не сказал.

Попробовал бы что-нибудь вякнуть, мошонка старая. Только не сейчас, когда в груди противно ноет, и воспоминания обжигают похлеще сопел аэроцикла. И без него противно.

Люди осторожно выбирались из домов и укрытий и примыкали к толпе дальше по улице. Им что-то втолковывал молоденький легионер. Завидев Тита, он кивнул, тронул переключатель у горловины костюма, и его голос вознесся между домами, усиленный системой встроенных динамиков:

«Срочная эвакуация! Всем гражданам, срочная эвакуация!»

– С какого хера он орет?! – крикнул оглушенный Энцо. – Мало бомбили?

– Гражданские должны быть эвакуированы, – крикнул Тит в ответ. – Оповещение согласно Плану имперской обороны.

– И номера тоже? Их тоже сейчас эвакуируют?

На это Тит Пуллий не ответил. Нахмурившись, он двинулся быстрее вниз по улице. Похоже, ему тоже не хотелось находиться рядом с шумным сборищем. От их группы отделились две женщины в больничных робах и смешались с толпой. Ну и скатертью дорога. Вот бы все они остались здесь, Энцо только порадуется. Меньше народу, меньше забот.

Но остальные упрямо следовали за Титом. Вместе они пробились через толпу, свернули налево и миновали белые останки храма. Десятки обломанных колонн подпирали небо. За ними щерился проводами разрушенный купол – внешняя часть рассыпалась, электронная начинка промялась, как старый лист, и искрила. У машины перед ступенями крутилась патрицианка, снова и снова пыталась разблокировать замок. Жрецов видно не было.

Тит подался к другой стороне дороги, подальше от развалин. Энцо заторопился следом. И правда, вдруг железные пауки рядом? Похоже, храм подбили совсем недавно, а, значит, эти штуки неподалеку.

Ему влетели в спину, и он ощерился через плечо, процедив пару ласковых. Баба возмущенно вскинулась, но язык прикусила. И правильно. Теперь ей кто придет на помощь? Никто. Никто не прикроет от вонючего марсианина. Не Тит же, в самом деле, ему и без баб забот хватает. И явно не другие патриции – вон, напыжились за её спиной, но никто и слова не скажет. Трясутся в своих белых пижамах и медкостюмах.

Богатенькие. Не привыкли топать ножками и за жизнь бороться. Значит, недолго протянут. В мире Энцо выживают только самые быстрые.

Храм остался позади. Улица плавно перетекла в эстакаду с пешеходными дорожками по обеим сторонам. Здесь Энцо заметил первое тело, придавленное упавшим столбом. Столб угодил патрицианке прямо по макушке, так, что содержимое головы вывалилось на асфальт. То еще зрелище… Сглотнув, Энцо увел

взгляд и наткнулся на обугленные ноги, торчащие из-под машины. Третье тело валялось у выхода из магазина. Автоматические двери сжали его резиновыми деснами. Стекла выбиты то ли взрывом, то ли мародерами.

Они поднялись еще выше по эстакаде. Часть ее обвалилась на высотки нижнего уровня. Наверняка промяло пару-тройку верхних этажей. Чуть дальше дымила жилая колонна, огонь вырывался из окон-бойниц. По-любому куча номеров сгорела. Но, честно говоря, Энцо не было их жалко. Жили, как черви, и померли так же. Кто мешал им разбомбить патрициев раньше? Примкнуть к «псам» и взорвать верхние уровни, так, чтобы пыль была видна с орбиты. Но все сидели, терпели. Подстраивались, пахали за свои комнатушки в общагах. Вот и получили.

Подумать только, несколько месяцев назад он сам так жил, деньги копил. Идиот.

Он пнул камушки, и те выбили дробь по серебристому боку упавшего шаттла. Сам шаттл дымился, за стеклом двуместной кабины что-то темнело. Энцо предпочел не приглядываться, что именно. Он заковылял быстрее и с горем пополам нагнал Тита Пуллия.

– Далеко еще?

– Прилично. – Тит пожевал губу. Бросил на Энцо быстрый взгляд. – Нам нужно к десятой магистрали. Пересечение с Цицероновым спуском.

Энцо присвистнул. Да это полдня шлепать, если без машины! И нужно спуститься на нижний уровень. Лифты между уровнями наверняка не работают, придется идти в обход по дальним лестницам.

– Это пипец как прилично!

– Не кричи.

– Далековато топать, говорю!

– Ближе бункеров нет.

Бункеров? Энцо насторожился.

– Что за бункер?

– Гражданский. Убежище.

– И что… – Энцо сощурился. – Прям спасет от этих тварей?

– Насчет тварей не знаю, но силовые поля там должны работать. В каждой курии предусмотрены аварийные подстанции.

Это же… Это же джекпот! Конечно, у патрициев есть убежища, типа на крайний случай, куда ж без них.

– И много таких в Четвертой?

Тит скосил на него живой глаз.

– Достаточно. Следи за правым флангом.

Правым флангом, ха. Вот узколобый, да какие еще фланги?

Нашел легион: они двое и куча напуганных медиков с больными.

Энцо облизнул пересохшие губы. Обошел трещину в бетоне. Глянул в нее, потом направо, потом снова оценил патрициев. Трое мужчин, один из которых старик, еще один после операции, с рекреоповязкой на плече. Десять женщин, один ребенок. И не знающий усталости Тит Пуллий. Так и хрустит песком под ботинками, карабкается вверх по мосту, держа распылитель наготове.

Пустят ли Энцо в убежище? Или избавятся, когда отпадет необходимость в его помощи? Конечно, с Титом оставался хоть и слабый, но шанс выжить. Или же сдохнуть по дороге, столкнувшись с паукообразными машинами. Эти патриции еле плелись, громко болтали, привлекали внимание. В одиночку Энцо мог бы забиться в дальние тоннели и переждать. Пускай патриции сами разбираются.

Или же стоит забрать у Тита пушку, прорваться в Управление, взять шлем, оружие помощнее, и навести в тоннелях свои порядки?.. Этот вариант соблазнял больше остальных.

Вдали что-то грохнуло, рухнуло, запачкав небо. Энцо обернулся, всмотрелся поверх патрицианских макушек. Не видно, кто стрелял. Но, похоже, недалеко, кварталах в двух.

– Пошли быстрее, – окликнул его Тит, и Энцо заспешил следом.

Эстакада впадала в широкий проспект. Жилые небоскребы слева, парк справа, на проезжей части куча брошенных машин и гомонящий народ рядом с очередной эвакуационной группой.

– Рады вас видеть, центурион, – салютовал один из легионеров, завидев Тита.

– Взаимно. Что со связью? – Тит тронул свой некс. Легионер бросил взгляд на Энцо, – похоже, не хотел при нем говорить. Энцо в ответ скрестил руки на груди. Никуда он уходить не собирается. Раз уж заставили помогать, пускай терпят его рожу рядом. Он должен знать, что происходит.

– Что со связью? – повторил Тит.

– Сначала были помехи, потом сигнал оборвался, – наконец ответил легионер. – Похоже, все устройства вышли из строя, центурион.

– А вышки экстренной связи?

– Не работают. Они исправны, но что-то подавляет сигнал.

Тит Пуллий кивнул.

В воздухе что-то переменилось. Его прорезал тонкий свист, будто включили другую волну. Люди этого не слышали, продолжали говорить. А для Энцо будто по стеклу ногтями чертили.

Нехорошо это, очень нехорошо.

Он тронул Тита за локоть.

– Надо валить. Сейчас.

Легионер из эвакуационной группы вскинулся, выпятил подбородок, но Тит Пуллий жестом велел ему молчать. Сощурился, всмотрелся в сторону дымящихся колонн небоскребов и эстакады, с которой они только что спустились.

– Мужчин вооружите и продолжайте оповещение. Женщин и детей эвакуировать на границу курии. Идти по верхним уровням, на нижних может быть опасно.

– Есть, центурион! – легионер вытянулся по струнке, затем обратился к собравшимся патрициям, приказывая мужчинам выйти вперед.

В воздухе запахло пеплом. Тонкий свист усилился, и Энцо переступил с ноги на ногу. Обернулся. Слишком медленно, все слишком медленно, а хотелось бежать, не чуя под собой ног.

Тит покосился на него, сделал знак следовать за собой и зашагал вниз по улице.

Вовремя.

Над эстакадой качнулась длинноногая тень. «Паук» двигался по остаткам верхнего уровня, обламывая края бетонной дуги. Легионеры открыли огонь, бабы запищали, кинулись кто куда.

– Идите! – заорал легионер, махнув Титу рукой. – Идите, мы его задержим.

Хрен они его задержат, сказал бы Энцо, да вот только от одного вида этой штуки язык присох к небу. Здоровая бандура, но такая проворная. И шагала в их сторону, проворно перебирала восемью ногами, дробила ими асфальт.

Заряды зашипели на паучьей броне.

– Пошли! Пошли! Вдоль стены держаться! – рявкнул Тит Пуллий, и Энцо припустил по узкой кромке тени. Сверху тоже рокотало. Железо стонало, будто здание прогнулось. Великий Марс, лишь бы здание не вздумало обвалиться. Только не на голову, только не сейчас…

Энцо вцепился в руку белобрысого мальчонки из больницы и потащил его за собой. Тот все норовил глянуть через плечо, совсем не смотрел под ноги. Сам Энцо не оборачивался. Знал, что нельзя.

Только бежать. Только вперед.

Тит Пуллий подхватил одну из женщин и понес ее на руках.

Грохнуло, рухнуло. Их подхватила, закрутила воздушная волна, смешанная с пылью. Тит свернул в парк, перемахнул поваленное дерево и спрятался за живую изгородь. Энцо нырнул следом, втащил за собой мальчонку. Остальные попрятались кто

куда, большинство залегло в тех же кустах.

А Тит оказался не промах! Верно рассчитал, паук будет скорее шмалять по зданиям. Те, кто прячутся внутри, сгорят заживо, те, кто прячется рядом, окажутся под обломками. А здесь над головой лишь красноватое утреннее небо.

Стало тихо. Никаких выстрелов.

Энцо опустился на одно колено, осторожно раздвинул ветки и сунулся наружу.

Паук стоял прямо перед ними. Чуть присел, оказавшись на высоте третьего этажа, и медленно поворачивал корпус. На покатом боку сновали зеленые точки-прицелы. Энцо сжал кулаки. Сканирует? Наверняка сканирует. Сейчас заметит и пальнет, одного залпа будет достаточно, чтобы от них и пыли не осталось. Спину защекотала струйка пота.

«Паук» поднялся, шагнул в их сторону, и Энцо вздрогнул. Кто-то за спиной начал тоненько выть.

– И что теперь? Он точно нас заметил.

– Пока сидим, – Тит качнул головой.

– Бежать надо, он сейчас шмальнет! – прошипел Энцо.

– Сидим, – Тит положил руку на его плечо. – Выбежишь, и он точно выстрелит.

Паук сделал еще шаг, одна лапа вспахала газон. У Энцо засосало под ложечкой. Проклятье, да невозможно так сидеть и ждать, пока тебя раздавят! Вот зеленые точки все собрались с одного бока, смотрят прямо на их укрытие. Еще немного, и…

В ладонь что-то ткнулось. Вздрогнув, Энцо посмотрел на белую ключ-карту с имперским орлом. В другую руку Тит Пуллий сунул тяжелую рукоять распылителя. Рукоять мигнула зеленым индикатором. Отсканировала новые отпечатки и внесла их в настройки, понял Энцо.

– Первый имперский банк, – едва слышно произнес Тит. – Дверь у арки справа от входа. Если завалило – попробуй через канализацию, должен быть ход через служебные отсеки. Идите, когда отвлечется.

О-о-о, нет-нет! Энцо выстудило нехорошее предчувствие. Когда-то он сам говорил такие слова и, Марсовы яйца, знал, к чему они ведут. Не к героической смерти, нет! К крови и кишкам из пуза, вот к чему.

– Эй, подожди, я не…

Но Тит Пуллий не слушал.

– Рассчитываю на тебя.

Он кивнул приблудным патрициям, выкатился на газон и помчался к автостраде. В костюме он развил приличную скорость, как тренированный марсианин, только металлические пятки

сверкали, ловя солнечные блики.

– Куда, твою мать?! – рявкнул Энцо. Но центурион уже был слишком далеко. Кинулся прямо пауку под ноги, чокнутый орлик! Паук заметил его, развернулся и потопал следом, наводя свои прицелы. Еще немного, и раздавит! Или выстрелит…

Энцо вылез из кустов и бросился следом. По упругому газону, по бетонированной дорожке, через ограду, на проезжую часть. Замелькал между машинами, догоняя «паука» и его жертву. Затем встал и прицелился. Дрожащие пальцы скользили по рукояти, нажали кнопку разблокировки лишь с третьего раза.

Заряд скользнул по матовому боку, не оставив ни царапины.

Энцо пальнул еще раз. Снова ни следа.

Да из чего эта штука сварена?

Но своего он добился: «паук» отвлекся от Тита Пуллия. Воздух загудел – металлическая лапа неслась навстречу. Энцо хотел отпрыгнуть, но – Марс побери его ослабевшие ноги! – не успел. Лапа ударила в развернувшийся силовой щит, отбросила назад. Секунда полета, и удар о перевернутую машину выбил из Энцо дух.

Перед лицом мелькнуло серое небо, затем серый асфальт, окрасившийся кровью. Как же больно, Марс подери… Наверняка ребро сломал. Но если бы не сработавший щит в экзокостюме, дело было бы куда хуже.

Совсем близко кто-то тоненько выл – или, может, это в ушах пищало? По подбородку текла кровь, вязла во рту. Энцо тряхнул тяжелой головой. Перевалился набок.

Из размытой круговерти проступил «паук». Он бежал вверх по вздутой улице. Бам-бам – ноги-спицы протыкали бетон и обломки стен. Тень круглого тела волочилась следом. Перед «пауком» бежал человек. Синее пятно, легионерский экзокостюм. Он поднимался по эстакаде, лавировал между брошенными машинами.

Бам, лапа-ходуля проткнула крышу тачки. БАМ!

Тит Пуллий еле успел отпрыгнуть. Слева от него был обвал на нижний уровень, далеко лететь. Справа стена. Впереди гора наваленных друг на дружку машин.

Марс подери, ну как же так? Куда ты, старый хрен, поперся?..

Голова закружилась, к горлу подступил ком. Энцо только и успел увидеть, как суставчатая лапа поднялась над Титом – и резко опустилась, как поршень. Звякнули смятые машины. Ноги взметнулись в воздух и упали.

Энцо привалился к тачке. Часто задышал, давя крик.

Давай, сука, ты же марсианин! Подбери сопли!

Он поднялся на карачки, с трудом встал. Повел взглядом по

бетону, по стеклу. В трех шагах лежал распылитель – оказалось, успел выронить. Энцо бросился вперед, цапнул пушку и подался обратно за машину. Вовремя – «паук» двинулся дальше.

Энцо нажал кнопку разблокировки, шумно дыша, нацелил распылитель на черный корпус. Он так просто не сдастся. Что-нибудь да подстрелит. Попробует. Так просто не сдохнет…

Вот только палец никак не слушался. Задрав голову, Энцо проследил за «пауком». В брюхе между креплениями лап у него было углубление, диаметром с пару грузовиков. Похоже на грузовой люк шаттла. Двигателей и турбин видно не было, но они наверняка скрывались за броней. Как-то эта махина же прилетела…

«Паук» прошел мимо. Черные лапы напряглись, чуть сжались, машина присела – и прыгнула. Удалилась, превратившись в черную точку, и с грохотом приземлилась на крышу дальнего небоскреба.

Что же, остальных решила не давить?

Энцо сполз на землю. Перед глазами все еще стояла кровавая пыль, окрасившая лапу «паука». Какая гадкая, какая… бесславная смерть. Не так Тит должен был помереть, совсем не так. Хоть он и паршивый орлик. *Был* паршивым орликом. Бред какой-то. Ради чего? Ради *кого*?

Почему? Почему?

Почему пожертвовал собой?

Его плеча коснулись, и Энцо подорвался, как ошпаренный. Обернулся, ткнул дулом в белый лоб. С того конца ствола на него испуганно уставился патриций.

– Не стреляйте! Не стреляйте, прошу!

Просто врач из больницы: седые волосы венком охватывают блестящую лысину, пот на белом лбу. За его спиной сжались еще люди. Таращили на Энцо глазищи.

Ах да, спасенные. Хромоногая команда. И что теперь с ними делать? Бросить надо, они будут только назад тянуть. В одиночку Энцо скорее попадет в убежище.

Вот только пустят ли его туда без патрициев? Это вопрос. Скорее, расстреляют на месте, прямо у входа.

Энцо засопел, сжал рукоять распылителя сильнее. Непростое решение, но какие у него варианты?

– Пошли, – наконец прохрипел он и кивнул на узкую тропку за машинами. – Вперед.

Патриции не шевелились.

Тупые твари.

Энцо взвел пушку.

– Подъем.

На этот раз они послушались.

Сперва он забрался к Титу. Мусор тихо хрустел и осыпался под ногами. Энцо расставил руки для равновесия, ловко перескочил зиявшую трещину. Из-под биометаллической пластины, заменявшей Титу половину лица, сочилась кровь. Линза окуляра неровно мигала зеленым, как перегоревшая лампа. От тела ничего не осталось, сплошное месиво, кровь и костяная крошка в скорлупе экзокостюма.

Энцо зашипел. Отогнул карман на рукаве Тита, вытащил пару разменных карт, сунул себе. Подумав, сделал знак, охраняющий от злых духов – чтобы не мешали на пути в Тартар. Жаль, серебра с собой не было. Мертвым полагалось серебро в дорогу…

– Нам пора, – окликнул его седой врач.

– На хер пошел, – отозвался Энцо. Сплюнул и покачал головой. Все-таки жаль мужика. Отсиделись бы за машиной, сбежали все вместе. Энцо покосился через плечо на ожидающих внизу патрициев. Ну или на крайняк вытолкали бы на дорогу одного из этих в белом. Они же заметные, как птичье дерьмо на лобовухе, «паук» помчался бы за ним как миленький.

Ладно, что уж теперь. Марс забирает лучших.

Энцо широкими прыжками спустился с эстакады. Осмотрел свою команду – сплошь старики и женщины. Без них никакого убежища, так что нужно довести.

Хотя бы треть.

Вот же пропасть.

Сперва они двинулись на нижний уровень, несмотря на указания покойного Тита. Может, Тит и был хорошим командиром, но Энцо в свою очередь был отличным номером. Выживал, как таракан, всегда чуял, где дурно пахло. И сейчас чутье говорило, что наверху ловить нечего. Нужно спускаться.

Проулки нижнего уже были ему знакомы. Людей здесь было меньше, трупов больше. Позади с воем обрушился кусок верхнего уровня и, туго натянув жилы арматур, повис в паре метров над землей. Стрекотали заряды, кто-то стонал. Энцо на миг остановился, прикидывая варианты. До десятой магистрали можно добраться и под землей, вдруг понял он. Рискованно, конечно, но канализационные опоры куда крепче слоеного пирога наземных уровней. Гораздо крепче.

В небе вспыхнула язва – похоже, еще один «паук» спускался. Энцо живо метнулся в проулок за баром. Там, за третьим жилым подъездом, он ухватил приваленный к стене железный лист и сдвинул его вбок, открыв колодец – один из множества ходов в канализацию. За край колодца цеплялся стальной край лестницы. Снизу тянуло сыростью и тоннельным мхом. Родной запах.

Энцо указал на покореженную лестницу.

– По одному.

Патриции мялись, лезть не хотели. Смотрели на него коровьими глазами. Один из медиков качнул головой.

– Я в канализацию не полезу. Не знаю, о чем ты там думаешь, но ты явно не понимаешь, что делаешь. Подумайте, – он обвел взглядом остальных. – Вы хотите доверить свои жизни номеру? Нам нужно найти легионеров, чем я и займусь.

– Чего?! – рассвирепел Энцо. – Ты жить хочешь или как?

– Или как, – с отчетливым презрением бросил медик и зашагал к выходу из проулка. Чуть помедлив, за ним двинулись остальные. Человек восемь колебались, как говно на воде. Не знали, в какую сторону податься, искоса поглядывали на Энцо, затем на уходящего медика.

Энцо покачал головой. Ну и черт с ними. Пускай хоть все идут, пускай ищут легионеров. Ему же лучше.

Он ухватился за перила, склонился, заглядывая вниз. Эта лестница должна была вести сразу в западный конец второго тоннеля. «Псов» мало, жилых ячеек тоже, неплохой вариант.

– Давай, малец, – он поманил белобрысого парнишку и помог ему спуститься. Дождался, пока белая макушка не превратится в далекого светляка, и бросил взгляд вслед уходящим.

Наверху, на фоне неба что-то мелькнуло, прыснуло тенью.

– Эй! Стойте! – крикнул он, но патриции даже не обернулись. Медик шел впереди, выбрался из проулка на магистраль и остановился. Глянул налево, потом направо.

На верхних уровнях зарокотало снова, будто боги переговаривались. Похоже, одна за другой не выдерживали опоры. Что-то ухнуло вниз, подмяв медика под себя. Сломало, как куклу, тот даже заверещать не успел.

Тех, кто пошел следом, накрыло второй волной – бетонным градом и песком. Какой-то машиной. Ее турбины разметало в разные стороны, одна взорвалась, ударившись о стену.

Это убедило лучше всяких слов. Оставшиеся патриции шустро полезли вниз, один за другим исчезли во тьме. Энцо пошел последним. Ботинки скользили на годами отполированных перекладинах, воздух превратился в горячий кисель. На стенах лаза пестрели метки: рыжая галочка банды Пятого угла, столбцы с номерами должников, песья морда Псов. Бесчисленные угольные точки потушенных сигарет.

Спрыгнув на ребристый пол тоннеля, Энцо оглядел поредевшую команду. Восемь человек: один старик, один мальчишка и шесть женщин с вытаращенными от ужаса глазами. Его билет в патрицианский бункер.

План был простой: пройти в обход рынка и густонаселенных отсеков, вдоль канала, потом свернуть, по шахте добраться до Седьмого тоннеля и там уже вылезти наружу. Может, и стоило остаться в канализации, но Энцо слишком хорошо помнил, чем закончилась его последняя встреча с «Псами». Нет-нет, под землей ему опаснее, чем снаружи.

Вдоль канала шли по двое – больше на узком бортике не умещалось. В темной, как вино, воде мерцали рыбки-фонарики, плавали косяками среди отходов и битого стекла, закручивая спирали. Из-за них стены тоннеля казались зеленоватыми, типа фосфором измазанными. По другой стороне канала шли в обратную сторону: неписаное правило, чтобы не мешать другим. Тускло горели лампы. Похоже, энергосистема канализации была в порядке, или же она питалась от запасного генератора. В кои-то веки номерам повезло.

Люди по ту сторону канала поглядывали на его легионерский экзокостюм и патрициев. Если что, патриции – его пленники, решил Энцо. Так и ответит, если кто полезет с вопросами. Но никто не лез, и канал миновали спокойно. Патриции молчали, испугано зыркали по сторонам. У поворота Энцо велел им стоять и осторожно сунулся за угол. У входа в шахту стояли какие-то подростки. На «псов» они не походили, скорее на прыщавую мелочь из местной банды, каких в тоннелях были сотни.

С мелочью он как-нибудь разберется.

Сняв распылитель с предохранителя, Энцо двинулся по тоннелю. Миновал распределительные щиты, пару жилых будок, откуда резко тянуло топливом – похоже, кто-то гнал клик-препараты. Даже в носу засвербело. Энцо подавил желание чихнуть, ускорил шаг. Подростки один за другим обернулись, но пока ничего не делали. Просто следили. Патриции старались не отставать, а вот за ними…

Что-то мелькнуло у канала, размыло зеленоватый отсвет. Энцо нахмурился, обернулся, выставив распылитель. На дальней стене пронеслась тень, нырнула на потолок, и Энцо похолодел, на миг подумав, что это «паук». Они же не могли пробраться в тоннель? Не так быстро. Хотя… Что стоит пришельцам сделать небольшие машины специально для тоннелей? Это будет совсем хреново, хуже некуда…

Малолетки пронзительно засвистели, одна из патрициев указала куда-то за спину Энцо.

Он и моргнуть не успел, как его окружили.

– Пушку брось!

– Брось, кому говорю!

– Башку прострелю!

– Медленно на пол клади!

Приказы сыпались со всех сторон, целились десятки стволов. Энцо ничего не оставалось, как положить распылитель на пол и оттолкнуть его ногой.

Что теперь? Против него человек десять, не считая подростков. Все вооружены, а он с голым задом. Дерьмово, очень дерьмово.

– Сто-ойте, ребята, стойте, – донеслось из глубины тоннеля.

Что-то процокало по бетону, отозвалось эхом, и из тени вышел мужчина. Здоровый, чернокожий, в космоспецовке. Сверху наброшена кожаная куртка с обрезанным воротом и нашитыми эмблемами «псов». Улыбка в два ряда наточенных зубов, волосы заплетены вдоль головы в косички. Под зауженными штанинами видны ноги-импланты – стальные копыта с усиленными амортизаторами.

– Да гляньте на него, он же наш. – «Пес» осклабился, развел руки со стальными браслетами на запястьях. Легионерскими наградными браслетами. – Куда идешь, сын Марса? Где костюм раздобыл?

Энцо знал его. G-3005-12, или же просто Два Ноля. Резкий, повернутый на религии малый, один из главных «псов» в нижних тоннелях…

И браслеты принадлежали не ему. Два Ноля снимал их с убитых орликов.

– Легионера обул, еле ноги унес, – как на духу соврал Энцо.

– А это кто? – Два Ноля указал на патрициев. – Чего сюда привел?

– Выкуп. За них хорошо дадут.

– Выкуп, да-а? Выкуп – дело хорошее. «Своим мечом я вспахиваю землю», да, брат? – прогудел Два Ноля строчку из старой марсианской песни. – Теперь мы – хозяева этой земли. Не они. Мы и эти штуки, – он снова указал на своды тоннеля. – Говорят, наверху все разбомбили?

Энцо кивнул. Еле сдержался, когда Два Ноля подошел и хлопнул его по плечу. Непонятно, чего хотелось больше: отпрыгнуть или отожрать «псу» нос. Наверное, сперва второе, потом первое.

– Марс уберег тебя. Знаешь, я тебя еще шкетом помню, бегал у Эзопа курьером. Не видел ли ты его в последние дни?

Похолодев, Энцо мотнул головой. Вожак «Псов» сидит в крио, все это знают. Либо Два Ноля окончательно сбрендил, либо проверял на вшивость. Вдруг он слышал о перестрелке у ремонтного шлюза? О той истории с Аларихом?.. Наверняка знает, наверняка…

Первым надо прирезать Два Ноля. Выпустить силовой щит и снести нахрен голову. Затем двоих с пушками. Успеет до того, как его подстрелят, троих положить точно успеет.

Энцо напрягся, готовясь к броску. Проследил за Два Ноля, который вышагивал между патрициями. Ноги-имплантаты цокали по бетону.

– Покажи, что у тебя есть, – сказал наконец Два Ноля, махнув рукой. – И вы тоже, господа патриции.

Энцо ощерился, но куда там – его уже обступили трое подростков. Один, ухмыляясь, держал на мушке, двое умело нажали нужные кнопки на костюме и вытащили из открывшихся карманов все, что там лежало: карманный набор инструментов, сигнальный маячок, еще какой-то хлам. Все это горстью передали боссу.

– А это что?

Заметив, что Два Ноля держит в руке, Энцо похолодел. Ключ-карта. Вот же засада…

Энцо перевел взгляд на патрициев. На их побелевшие лица.

– Ключ от убежища, – сказал он.

– Чего-чего? – нахмурился Два Ноля.

– Убежища. Их бункера, – Энцо кивнул на патрициев. Те побледнели еще больше. – Здесь, в Четвертой курии.

Два Ноля посерьезнел. Теперь он щурился, типа оценивал, какую часть тела оторвать первой.

– Да гонишь. Наши всё здесь знают, все уровни, все тоннели. Нет здесь никаких бункеров.

– И стены здесь трясутся, как жопа твоей мамаши, понял? – добавил один из «псов». – Все обвалится скоро.

Вот мамашу он зря тронул. Энцо его запомнил: покатый рябой лоб, желтоватые мешки под глазами, квадратный подбородок, бритая голова со светлой щетиной. На висках разъемы, обведенные металлом. Он живо заталкивал добычу в рюкзак, всё без разбора: украшения, приборы и даже съемный ушной имплант глуховатого деда-медика.

– Он есть, – повторил Энцо уже тверже. – Один «орлик» вел их туда.

– И где?

– Орлик-то? Сдох.

– Бункер. – Два Ноля приблизился и склонился к лицу Энцо. – Где он, бункер твой?

– Так я вам и сказал, ага. А вы меня грохнете. – Энцо протянул руку и кивнул на ключ-карту. – Дай, я отведу.

– Отведешь, ясное дело, – подмигнул Два Ноля. Карта скрылась за обрезанным воротом его куртки. – А ключ пущай

пока у меня полежит. Выдвигаемся.

– А с этими что? – цыкнул рябой, указав на патрициев.

– С собой берем.

Поймав взгляд мальчишки, Энцо торопливо отвернулся.

Все он сделал правильно. Что они ему дали, эти патриции? Две заморозки? Оглушающее одиночество, от которого блевать хочется? Этого никакой Тит Пуллий не перекроет.

Да пошли они. Пошли они все.

Каждый сам за себя.

Циклопы

Биосервера – хорошее название для заключенных. В духе имперцев: приятное для слуха, ни намека на истинную суть. Когда слышишь это слово, совсем не представляешь черную громаду Орбитальной тюрьмы. Не думаешь о людях, замороженных в металлических банках со всеми этими проводами, подключенными к голове. Малая трогала шрамы на висках и затылке Энцо. И длинные бугристые полосы на руках – от трубок с поддерживающим раствором.

Бедного Энцо замораживали дважды. Он так и не увидел, кем она стала. Не побыл на свободе достаточно – Малая читала его дело, когда взломала архивы легиона. В первое крио он попал в двадцать один год, провел в нем семь лет. После сто тридцать один день на свободе и угодил во второе крио. Затем его отправили к «псам». Два дня и «пропал без вести» – вот что было написано.

Может, легионеры нашли его и не опознали. А, может, «псы» успели пустить тело вниз по стокам.

Малая представила обескровленное лицо Энцо. Бледное пятно, плывущее во тьму. И плеск грязной воды. И темнота. Темнота…

– Вы в порядке? – Арий вытащил ее из мрака, сбив с мысли. Его лицо было напряжено, пальцы сильно впились в плечо.

Что-то произошло?

Малая огляделась.

Стояла странная тишина. Двигатели корабля молчали. Электронная начинка рубки молчала тоже, строки на всех панелях замерли. Имманес пытались их запустить, но те не реагировали.

Холодно было, руки зябли.

– Все хорошо. Простите.

Малая растерла ладони и возобновила работу панелей. Строки вновь понеслись вскачь.

Теперь она отключает системы корабля. Плохо. Просто тюрьму взрывать не хотелось. Сразу вспомнилась давняя авария на орбите: запись, как крио-капсулы медленно разлетаются, будто сор в воде. Эти ребята в капсулах совсем не при чем. Их туда сунули против воли. Заморозили, подключили и забыли, как деталь в механизме.

Но биосервера следует уничтожить. Приказ Бел Шаи был четкий.

Арий отстучал дюжину знаков на стекле. Добавленная

команда доползла до потолка рубки и пропала. От хвоста альфы отделились и набрали скорость три алада. Их пушки прогрелись. Нужен лишь одновременный залп…

Быстрая смерть. Милосердная.

Малая закусила палец, следя за удаляющимися точками кораблей. Повинуясь внезапному порыву, отключила их оружие и отдала еще пару команд, внедрив их в систему без помощи панелей управления.

Арий замер. Его лицо стало белой маской, взгляд впился в столбец отчета систем.

– Вы что делаете? – процедил он, но Малая не ответила. Чего ему объяснять, все равно не поймет.

Алады подобрались ближе к черной свечке Орбитальной. В иное время их бы расстреляли при одной попытке сближения, но пушки не работали. Корабли имманес заняли позиции: один под станцией, один у стыковочных шлюзов, один над горбом грузового отсека. Выпустили сканирующие поля и просветили уровни. Малая затаила дыхание в ожидании результатов.

Наконец на стекле выпал новый столбец символов. Пусто. Орбитальная пуста, никаких признаков жизни.

Вот это неожиданно. Куда могли деться все заключенные? Может, какая-то ошибка? Ведь она еще до конца не разобралась в машинах имманес.

Малая сканировала станцию снова. Все верно. Системы жизнеобеспечения персонала и капсулы выключены, на тепловых датчиках никого. Либо все улетели, либо погибли. Ни живой души.

Она увела один алад к дальней, недоступной для обзора с альфы стороне Орбитальной. На голограмме отразилась пустая впадина с черным имперским орлом – место для стыковки легионерских кораблей. Пустое. И шлюзы открыты, полная разгерметизация.

В груди кольнуло. Значит, с началом вторжения охрана отключила крио-капсулы, открыла шлюзы и бежала. Вот они, бравые легионеры. Номера всегда были для них расходным материалом.

– Что вы сделали? – повторил Арий уже громче.

– Просто сканировала, – ответила Малая. – Там пусто.

Символы бежали перед глазами. Они говорили о размороженных, закрытых капсулах с запотевшими стеклами. Стальных гробах с размякшими телами. А она так надеялась выпустить заключенных. Конечно, «псы» свое заслужили… Но ведь не все.

Ведь и Энцо когда-то был «псом».

– Нет форм жизни? Тогда не стоит тратить на это время.

Нашелся советчик! Хотелось вцепиться в его ухоженные волосы и выдрать их. Ударить по белой щеке, чтобы остался синяк. Выбить спесь, как выбивали из нее.

Но не сейчас. Позже.

Малая кивнула, давя злобу. Странный холод расползался по телу. Ледяная ярость сковала ноги, руки, затем мысли.

– Вы правы. Вы абсолютно правы.

Сейчас стоило позаботиться о другом.

Проклятые легионеры, жестокие трусливые сволочи. Отключили криозаключенных. Бросили, как израсходованный материал.

На миг даже пришла мысль вывести из строя атмосферные купола. Раз – и все, защиты от радиации нет. Ни легионеров, ни патрициев, и прятаться негде.

Как просто, если бы не номера. Их убийство в планы Малой не входило.

В отчаянии она вжалась лбом в холодное стекло – хоть немного остудить ярость. Перед глазами тут же замерцали символы: система не понимала, чего от нее хотят. Знаки кружились золотыми жуками. Один пульсировал, как бьющееся сердце.

Сигнал тревоги.

Малая ткнула в него пальцем.

Онагра обстреливали из жилой колонны Второй курии. Заряды шипели на матовой куговой броне. Система увела его под козырек плиты цокольного этажа, где он сложил ноги, вкопался в обломки и замер. Сканеры просветили этажи.

В его небольшом биоэлектронном мозгу (Малая видела их на стадии сборки и сращения – черный пористый камень с кулак размером, много таким мозгом не надумаешь) образовалось две опции: убрать легионеров по одному или махом уничтожить все здание, взорвавшись с его опорой. Система больше склонялась ко второму варианту, менее время- и энергозатратному, но Малая направила ее к первому. На всякий случай выставила дополнительный приоритет и остальным машинам. Убивать мирное население просто так не стоило.

Онагр выпустил маскировочное поле, выбрался из под козырька и полез, цепляясь за стену. Теперь его лапы были почти неразличимы на сером бетоне, только легкое искажение трещин на плитах.

Малая переключилась на следующий сигнал.

Эта машина шла по второму надземному уровню Четвертой курии. Знакомые места. Витки эстакад и магистралей, часть из

которых обвалилась. Колонны небоскребов тянутся в хмурое небо. Под ногами хрустят стеклом и гнутся брошенные машины. Онагр переставляет ноги-спицы.

Раз – вытянулась одна.

Два – проткнула крышу автобуса вторая. Как фольгу иглой. Дальше по магистрали, через мост, под которым чернели крыши небоскребов. По ним сновали точки, тоже онагры.

Онагр засек движение и остановился.

За эстакадой показалось настоящее тепловое скопление. Много людей: гражданские, часть в белых врачебных костюмах. Не вооружены, прячутся за живой изгородью в парке. От них отделился один. Бросился к машине с пушкой наперевес, выстрелил, и камера на миг ослепла.

Онагр пошатнулся, качнулся обратно, отбросил стрелка в сторону.

Камера проследовала за алой точкой, изображение приблизилось. Легионер, поняла Малая, рассмотрев красные полосы на экзокостюме. Центурион. Немолодой, почему-то без шлема, с биометаллической пластиной протеза на поллица. Он поднялся на ноги и побежал прочь. Малую даже азарт разобрал.

Как же она ненавидела легионеров.

Онагр двинулся следом. Изображение скакало, ничего не разобрать. Легионер забрался на груду искореженного металла посреди магистрали. Железки скатывались из-под ботинок, так что пару раз центурион чуть не загремел вниз. Добравшись до вершины, он перевернулся на спину и снова нацелил распылитель.

Малая приблизила изображение, с жадностью всмотрелась в жесткое, изборожденное шрамами лицо. Незнакомое, Малая видела его впервые. Жаль, конечно. Но по большому счету все они похожи. Надменные. Безразличные.

«Встать в центр комнаты, руки поднять» – так они говорили во время обысков под мостом. И попробуй возрази, сразу получишь прикладом в живот или лицо. У кого оружие, у кого сила, тот и главный, верно?

Малая всмотрелась в побледневшее, искаженное помехами лицо легионера.

Ну и кто теперь главный?

Мысленный приказ, и онагр толкнул кучу лапой. Железки покатились вниз, и центурион вместе с ними, как неуклюжий жук с песчаной горки. Взмахнул руками, влетел в бок смятой машины. Упал на асфальт. Тяжело поднялся вновь и заковылял прочь.

Он поранился, по ноге сбегала кровь. От ее вида во рту повлажнело.

Малая включила звук, и голова вдруг наполнилась стальным грохотом, треском снарядов. Имманес вздрогнули, оторвались от панелей – наверное, она случайно пустила звук по общему каналу. Но никто не мешал, даже Арий, который внимательно следил за каждым ее действием.

Пускай послушают, им полезно.

Взвыли далекие крики – кто-то верещал за колоннами технической надстройки и завалами. Взвыли сирены – надо же, где-то в курии работали запасные генераторы. Стоило их найти и взорвать. Но позже. Сперва легионер.

По телу побежали мурашки. Волосы на руках встали дыбом, словно рядом включили генератор.

Малая раздавила ногой обломок стены. Измерила расстояние до соседнего здания, откуда прилетали редкие выстрелы – детские плевки. Вероятность попадания – восемьдесят процентов. Посмотрела наверх, где закруглялся плавный виток эстакады. За ограждением бегали люди. Кто-то в форме махал руками, показывая путь к отступлению. Вероятность попадания – девяносто четыре процента.

Близкая вспышка на миг сбила показания датчиков. Одна пластина корпуса повредилась. На камеру верхнего вида что-то капнуло, серая пленка размыла изображение.

Дождь начинался. Как же давно она не видела дождь…

Вспомнив о раненом центурионе, Малая подошла к нему. Он лежал на спине, выставив над собой распылитель. Губы плотно сжаты, глаз сощурен, по пластине имплантата катятся грязные капли. Окуляр горит.

А ведь у нее почти такой же. И у многих заключенных на Орбитальной.

Малая занесла ногу и резко опустила, раздавив центуриону голову. Кровь брызнула из-под круглой подошвы.

Быстро, без мучений.

Ведь имманес – гуманная раса.

* * *

Она жила у сородичей давно. Сто тридцать корабельных периодов в космосе и двести некро-дней на планете под названием Мармарос. Сказали, что это – ее родина. Что ж, Малая не была против. Пускай сама планета выглядела, как огромное лавовое плато с щеткой небоскребов, от нового дома отказываться не стоило. Лучше такой, чем вообще никакого. И боги видели, Малая изо всех сил старалась понравиться новым сородичам.

Но накопилось столько вопросов. К примеру, время. На Мармаросе времени утекла прорва. Плюс долгие перелеты, которые она проспала в капсуле. А на Старой Земле прошло лишь недели две со дня ее побега. Каких-то две недели… Странно. Оказавшись у имманес, Малая будто попала во временной карман, исчезла для остального мира.

Может, имманес и правда исчезают? Прячутся в пространственную складку и ждут. С их технологиями возможно многое.

Снаружи плыла печальная Земля. Такая маленькая в сравнении с Мармаросом. Сморщенный каменный шар с пятнами куполов, под одним из которых поблескивало море. Вспомнилась теплая вода, наползавшая на песок. Увязшие в нем белые ракушки. Дети патрициев, с визгом забегавшие в прибой.

Было ли это воспоминание правдой? Оно казалось размытым, как акварель – тусклые от времени краски и ощущения. Какое-то эхо, ускользавшее каждый раз, когда Малая пыталась вспомнить детали.

Почувствовав на себе взгляд, она обернулась и от неожиданности вжалась в стекло спиной.

На стене замерло изображение Бел Шаи. Казалось, его призрачно-белая кожа светится на стене темной ячейки. Он не двигался, просто наблюдал. И был так реален, что даже во рту пересохло. Форма, волосы, собранные в узел. Все как во сне.

Это изображение лишь в ее мозгу, повторила про себя Малая. Бел Шаи не может контролировать ни ее саму, ни ее сны. Он находится во многих тысячах световых лет от Солнечной системы.

«Сегодня питание альфы отключалось».

Малая кивнула, кусая губы. Во рту вдруг пересохло.

– На пару секунд, – выдавила она хрипло. – Простите, моя вина.

«И ты потратила время на проверку орбитального хранилища информации».

– Орбитальной тюрьмы. Там людей держали, – поправила его Малая, о чем тут же пожалела. Лучше бы держала она – рот на замке.

Шаи молчал. Так долго, что у Малой скулы свело. О чем он думал? Что собирался сделать? Она никогда не могла понять. Улыбался Шаи или нет, выражение его глаз всегда оставалось ледяным.

Его губы наконец разомкнулись, и Малая задержала дыхание. Вот сейчас прозвучит приговор…

«Это не должно повториться. Помни, твоя миссия очень важна».

Она спрятала дрожащие пальцы за спину и кивнула, хотя сама до сих пор не поняла, в чем заключается ее миссия. В освобождении номеров? Этого хочет она, а не имманес. Желают помочь людям с другого края вселенной? Чушь собачья. Она не идиотка. То, что они творят, мало похоже на помощь.

Должно быть, Шаи хочет мести за погибшую исследовательскую группу. Понятное желание.

В нем они совпадают.

Шаи оборвал связь, и ячейка опустела. Снова тьма и тихий космос за длинной полосой иллюминатора. Малая потерла руки, ощутив, что успела замерзнуть.

Ничего.

Ничего.

Никаких проблем.

Она и так уже мертва.

Враги моих врагов

Малая… Малая…

Она возникает в тоннеле, в стороне от мигающих шкафов серверной. Энцо угадывает ее очертания: плотные, сотканные из тьмы. Ловит запах – ее особенный запах. Только в нем теперь нет свежести. Сейчас он чуть сладковатый, тяжелый, будто цветочное масло прогоркло.

Она ступает неслышно.

– Ты будешь со мной? Не оставишь?

Звонкий голос обводит эхом своды, разносится по тоннелям, теряется в норах канализации.

Тише, Малая, тише. Не то услышат.

Надо бы подняться, но тело не слушается. Язык не ворочается, из глотки не давится ни слова. Камни впиваются в лопатки, скоблят спину. Под левой рукой собирается кровь. И поганая дурнота накатывает, как после анисовой самогонки.

Слышен отзвук дальних шагов Они тяжелые, – точно «псы». Надо бежать, но никак не подняться.

Только камни впиваются в лопатки.

Малая выныривает из тьмы в неясный свет индикаторов, болезненно тонкая в обтягивающей космоспецовке. Ноги босые. Под ступнями, между бледных пальцев, собирается вода. И глаз – ее бездонный кукольно-большой глаз, обведенный пухом светлых ресниц. Его выражение непонятно. Так она на него еще не смотрела.

Как давно он ее не видел… И как больно видеть ее сейчас. Даже дыхание перехватило, будто в живот пнули. Больно. Больно…

А она все молчит. Помедлив, опускается на колени, склоняется ниже. Легкий пух ее волос ложится Энцо на лицо, щекочет нос. Кончики прохладных пальцев сбегают по груди, касаются раны в боку. Теперь они алые от крови. Малая внимательно их изучает.

– Почему не забрал с собой?

«Я не мог», – хочется ответить, но слова звучат лишь в голове.

«Не сумел, подвел тебя».

И «псы» сейчас будут здесь.

Ей нужно бежать, вот что важно. Оставить его здесь. Ему ведь это не впервой. На роду написано, верно? Конец его нити здесь, в блоке техобслуживания Четвертой курии. На полу, среди мигающих серверов.

Но Малая не уходит.

Ее губы приближаются, голубоватые и обветренные. Дыхание сладковатое, шепот тих и вкрадчив. Как шелест песка по стене, когда приближается обвал.

– Мне так холодно, Энцо. Так холодно.

* * *

Энцо открыл глаза. Часто моргая, поискал Малую в полутьме бокса.

Нет. Нет ее.

Это лишь сон.

Рядом храпел здоровяк-марсианин. Раскрыл огромный рот и, казалось, хотел заглотить висящую под потолком лампочку. Ступнями Энцо касался другого «пса» (хотя очень не хотел и всячески поджимал ноги). Правая рука упиралась в стенку, за которой жужжали, гудели, ревели аэроциклы и машины – судя по звуку турбин, старые и самодельные. Из закутка туалета несло дерьмом, с поверхности прилетали редкие взрывы. Земля глухо вздрагивала. Где-то переговаривались люди. И жара, везде жара из-за теплотрасс, которые пролегали вдоль тоннеля.

Энцо вытер лоб тыльной стороной ладони, уставился в потолок. В старой эмали змеились трещины. Простыня облепила тело, противная вторая кожа.

Добро пожаловать в стаю, псина. Ты же этого хотел?

Два Ноля очень гордился «соцпакетом», который выделял бойцам. «Только для моих парней», – так он сказал и велел отдыхать. Отдыхать нужно было в боксе, одном на четырех «псов». Места едва хватало на лежаки, тонкие, расстеленные прямо на бетонном полу. «Спишь, жрешь – всё здесь, – так ему сказали. – Базарить запрещено, и мне без разницы с кем: с мамой, дочкой, телкой. Не говорить ни с кем. Наши дела – это наши дела, усек?»

«Потеряем из виду – назад не возвращайся».

Все это дурно пахло. Оружия не дали – ни пистолета, ни лазерной спицы, отчего Энцо чувствовал себя голым. Только кулаки и зубы. Распылитель Тита забрали, у куртки вспороли подкладку, самого Энцо просветили на рамке. Он будто угодил на секретный объект, а не в тоннели Четвертой. И они все были такие спокойные, типа наверху не бомбили инопланетные машины. Здесь, внизу, все шло своим чередом.

Незаметно мысли сползли на воспоминания о подбитых им дронах, «псах» с наручниками за спиной, жмурах на вытоптанных газонах верхних курий. На Малую. Опять Малая, опять духота, тоннели и выстрелы. Словно боги решили свести его с ума…

Интересно, каково это – умирать в космосе? Раз – и нет тебя? Вывернуло наизнанку от разницы в давлении и все. Или задыхаешься от нехватки кислорода? Долго ли?..

Энцо зажмурился, старательно вычищая из памяти лицо Малой. Не той симпатичной девчонки, с которой они жили в соседних комнатах, а той, что ему приснилась. Холодной. Выбеленной удушьем.

– Подъем! Сбор через пять минут!

Кто-то шел мимо боксов и орал во все горло. Соседи зашевелились, с фырканьем растирали лица. Гнули пятнистые от синяков спины, просовывая ноги в узкие штанины спецовок. Прятали татуировки под прорезиненными рукавами и капюшонами.

Энцо тоже оделся, дождался, пока все выйдут, и глянул за дверь. В конце тоннеля бойцы садились в кузов потрепанного пикапа и через пару минут выходили оттуда.

Его грубо ухватили за локоть. Энцо вывернулся, оскалился на здорового «пса». Тот усмехнулся, блеснув стальными зубами.

– Чего ждешь? Двигай, – он кивнул на фургон.

Пришлось двигать. Под брезентом его ждал парень с пистолетом, похожим на воздушную помпу: в капсулах внутри прозрачного корпуса синел то ли газ, то ли гель с едва заметными черными вкраплениями. Парень прикладывал дуло пистолета к венам на предплечьях новобранцев и нажимал кнопку спуска. Пустая капсула падала на пол фургона, боец вздрагивал, зажимал место укола, а «пес» звал следующего.

– Это что? – тупо спросил Энцо, когда подошла его очередь. Но все же вытянул здоровую руку. «Пес» закатал ему рукав и приложил плоское дуло к сгибу локтя.

– Гарантии.

Пистолет щелкнул, руку прошила боль. Гарантии… Датчик слежения – вдруг осенило Энцо. Микроскопический датчик, который будет сообщать о каждом его передвижении. Теперь и не сбежишь…

Он потер место укола, процедил ругательство сквозь зубы. Покосился на еще одного «пса» – того самого бритого, прошлым вечером поминавшего его мать. Тот изучал его из своего угла.

– А ты думал, мы тебя так просто здесь оставим? – Шаркая, бритый пересек кузов и склонился к Энцо. – Ты с патрициями таскался. Кто знает, может, ты их верная сучка? Они тебе денарии, а ты их в тоннелях прячешь. Или легионерская? А? Приведешь сюда «орликов»…

Он качнул перед носом Энцо пистолетом.

Зря, зря…

Энцо ушел вбок и выбил оружие. Выкрутил бритому руку и тут же получил под ребра, прямо в оставленную «пауком» рану. Боль ослепила. Рыча, бритый впечатал его в стойку кузова, вцепился в ворот. Энцо ткнул его обрубком правой руки в живот – при желании основа для протеза била не хуже кастета.

Их растащили в стороны. Кто-то захватил Энцо за горло, уволок прочь от бритой башки.

– Хорош уже, – пробасили над ухом. – Делом займитесь.

Бритый сбросил с себя руки державшего «пса», последний раз глянул через плечо – типа, утерлась, сучка? – и спрыгнул с кузова.

Энцо скрипнул зубами. Если бы не вмешались, он бы этого бритого размазал, даже без протеза, одной левой. Не впервой. Еще до знакомства с Эзопом его хотели замесить в нижних тоннелях. Заметили, что он из схрона клики таскал, и зажали втроем. А Энцо тогда без руки был, совсем мелкий, как раз копил на первый протез. Родился таким, без правой кисти. Но вместо нее – не дурак же! – примотал лазерную спицу.

Инвалидам же надо как-то выкручиваться.

Заметив на себе взгляд одного из «псов», Энцо огрызнулся:

– Чего?

– Лишний раз не отсвечивай, – тихо и очень серьезно ответил тот.

– Да он первый полез!.. – возмутился Энцо, но «пес» не стал его слушать. Повернулся к нему спиной и двинулся за остальными, обратно к боксам. Фургон взвыл, снялся с шасси и улетел прочь в тоннели.

Энцо сплюнул, оставив кровавую кляксу на бетоне. Покачал головой. Какая-то лажа.

Теперь он вспомнил, почему ушел из «Псов».

* * *

– Ну что? Готов вести нас?

Два Ноля поднял голову, оторвав взгляд от разложенного на столе оружия. Он усмехался – издевался, что ли? Знал же, что Энцо *вынужден* тащить «псов» в бункер. Что у него выхода нет.

Энцо сдержанно кивнул. Посмотрел на лежащую среди прочего оружия винтовку с имперским клеймом. Автоматическое наведение, дистанция пятьсот метров, учет погодных данных, подключение к окуляру и нейроимпланту. Хорошая штука, такими вооружали легионы.

Откуда у «псов» столько оружия? Наверняка оттуда же,

откуда крио-капсулы, которые он видел у Алариха. Кто-то у них был свой среди больших шишек. Кто-то продался.

– Только патрициев надо с собой взять, – добавил, шмыгнув носом.

– Их-то зачем? – искренне удивился Два Ноля.

– А если сканирование чипов или сетчатки? Нас положат, если поймут, что мы – номера. По старику, ребенку и бабам стрелять точно не будут.

Два Ноля качнул головой.

– Вот что я тебе скажу. Старика с мальчишкой точно не потащу. Возьмем пару баб и все, хватит. Остальных… – Он неопределенно махнул рукой. – С остальными разберемся во славу Марса.

Вот это «во славу Марса» Энцо и пугало.

– Давай возьмем всех, – предложил он.

– Чего? Зачем? Малец, ты не понимаешь, по ходу. Я не буду с ними нянькаться. Выдвигаемся послезавтра, когда народ соберу.

Два Ноля вскинул винтовку. Ухватил свисающий с приклада проводок, подключил его к разъему на шее и глянул на Энцо через прицел.

– Понял?

Энцо кивнул, еле сдержавшись, чтобы не отойти. Зачем он заступался за тех патрициев? Дались они ему… Но что-то не оставляло его в покое. Не отпускало.

Проклятый Тит Пуллий.

– Пушку дашь? – рискнул он.

Два Ноля смерил его взглядом, затем размашисто окинул ладонью стол – бери, мол. Энцо выбрал небольшой лучевик, сунул его за пояс.

– И ключ-карту не забудь, – Два Ноля кивнул на замурзанную карточку от электронного замка. – Выбери троих пострашнее, – ухмыльнулся он во все тридцать два острых зуба.

Улыбнуться в ответ Энцо не смог. Просто сунул карту в карман и двинулся на выход.

* * *

Патрициев увели в нижние тоннели. Там, внизу, были обезьянники – старые, теперь сухие камеры для очистки, закрытые решетками. Раньше Эзоп сажал туда должников. Теперь там сидели патриции. Похоже, «псы» собирались требовать выкуп – конечно, если останется с кого требовать. Но применение пленным найдут в любом случае. В особенности женщинам.

В нижних тоннелях было на порядок жарче, и Энцо скинул куртку. Поморщился, когда от резкого движения бок прострелило, – царапина над сломанным ребром гноилась и пульсировала болью. Кивнул стоящему в арке «псу». Тот смерил взглядом татуировку синей песьей морды на плече: четырехзначное число над ключицей – количество дней, проведенных в крио. Под ним едва заметное трехзначное, за вторую ходку. Его Энцо выжег сам, лазерной спицей. Нельзя забывать, сколько дней у тебя отняли. Сколько лет тебе могло уже быть.

«Пес» отвернулся, пустил внутрь. Энцо сбежал по короткой лестнице и очутился в покрытой рыжей коростой трубе. Раньше здесь текла вода – на стенах все еще можно было различить рисунок: ржавые горизонтальные потеки, как на боку Юпитера. Теперь вода для патрициев синтезировалась, и система очистки стала ненужной. Чуть дальше темнел провал септика. С другой стороны трубы тянулись камеры с решетками. Когда-то в древние времена в них держали фильтры, а решетками забирали, чтобы не сперли, наверное. Теперь большинство были пусты.

На полу дальней камеры сидели люди. Шесть баб, один старик и один ребенок. В грязи и полутьме выглядели совсем как номера.

– Завтра со мной пойдут трое, – сказал Энцо. – Три баб… женщины.

Патриции обернулись. Молчали, посверкивали глазами, как крысы на помойке. Одна баба, с фингалом на поллица, медленно скривилась и с чувством плюнула в его сторону.

Типа «нет», что ли?

Энцо поискал взглядом мальца и поманил к себе, показал завернутое в фольгу мясо – утащил с общей кухни рядом с лагерем. Но мальчишка не подошел, смотрел с недоверием и страхом. Пришлось положить сверток на пол за решеткой.

Обидно. Он ведь не хотел, чтобы так вышло! Он правда вел их в бункер! Кто ж знал, что на пути попадется Два Ноля и его «псы»?.. Что он мог с ними поделать?

– Вам нужен осмотр.

Ровный, почти ласковый голос заставил Энцо вздрогнуть. Говорил старик-медик из больницы, с седым пухом вокруг лысины. Он придвинулся к решетке, и свет упал на его вытянутое лицо, тоже с фингалом. Светло-серые глаза казались прозрачными, совсем как у Малой.

– Тебе-то чё? – сощурился Энцо.

– Я же врач. Принес клятву Гиппократа, боги свидетели.

– Ну да! Срали вы на ваши клятвы, когда вам номеров

привозили! – Энцо саданул рукоятью «пиллума» о решетку, и старикан отпрянул. В блеклых глазищах заблестел страх.

Из дальнего угла донеслось ворчание, просьбы оставить поганого «пса» в покое и дать ему сдохнуть, на что Энцо оскалился.

– Не все из нас таковы, – ответил старикан. – Вы не правы.

– Ну да, рассказывай.

Старик качнул головой, но дальше спорить не стал.

А ребра и правда болели. Утром Энцо еле с лежака поднялся – казалось, в груди и животе что-то разбухло, комом встало. Вдохнуть невозможно. Будь ты трижды марсианин, а сломанные кости болят так же сильно. Пойти к «псам»? Да там одни костоломы, вообще ничего не знают…

Он вернулся к решетке и поманил старика.

– Эй, Гиппократ. Иди сюда.

Тот нехотя приблизился. Энцо вытащил карту и сунул ее в слот замка. Сам не верил в то, что творил. Если Два Ноля его поймает… Если узнает…

– Быстро, чтоб никто не видел, понял? – процедил Энцо, поглядывая на выход из трубы. «Пса»-охранника пока видно не было. – Попробуешь что-нибудь выкинуть – пристрелю на месте.

Хотя что эта развалина могла сделать, ну в самом-то деле? Опасаться такого – себя не уважать.

«Гиппократ» кивнул, шаркнул в приоткрытую щель. Энцо торопливо захлопнул за ним решетку – не хватало, чтобы выскочил кто-нибудь еще. Стащил майку и поднял руку, показывая повязку. «Гиппократ» осторожно ее отлепил, сощурился на влажную поверхность раны. Энцо вздрогнул, когда холодные пальцы тронули припухшую кожу вокруг.

– Опасности для жизни нет…

«Ясен пень», – подумал Энцо.

– … ребро не раздроблено…

«Слава Марсу», – подумал Энцо.

– … но рану нужно чистить. Наложить гель-антисептик, если есть. Стандартный «Пур» из аптечки первой помощи. И…

Старик задумался.

– И? – не выдержал Энцо.

Врач выпрямился. Теперь его светлые глаза смотрели прямо на Энцо.

– Я бы советовал кортикостероиды, снять воспаление. И обезболивающее, «Никс-19», если есть.

– Старик, мы в тоннелях! А наверху полная жопа. Какие еще аптечки и лекарства?

Он затолкал Гиппократа обратно в камеру. С трудом

согнулся, зацепил концами пальцев тряпку и принялся наматывать ее обратно. Зашипел, когда боль прострелила бок, зажмурился, задышал мелкими глотками. Проклятье, но ведь так и правда невозможно. Кортико-что-то-там, блин…

Энцо заткнул тряпичный конец за пояс штанов. Распрямился, перевел дух. Скосил взгляд на Гиппократа. Тот все стоял рядом, на лице лежали полосы-тени от решетки, рассекали синяк на скуле.

И ведь прав, пердун старый.

– «Гелиос» пойдет? – сдался Энцо. – Вместо «Никса».

Эскулап кивнул. Указал на обмотанный вокруг торса обрывок простыни.

– И принесите что-нибудь для перевязки.

Энцо с усмешкой отмахнулся. Нашел, блин, больницу, то гель-антисептик ему, то перевязку. Есть чем замотаться и ладно. Он же марсианин, он привыкший.

– Мне нормально, старик, спасибо.

– Не для вас, – сказал Гиппократ. – У нас есть раненый.

В полымя

Скамья, на которой она сидит, жесткая и холодная. Белая, в цвет тоги квестора-обвинителя. Он беспокойно вышагивает перед ней – невысокий парень, смуглые руки сцеплены за спиной. Взгляд глубоко посаженных глаз обращен к коллегии имперских обвинителей. Те, похоже, прилетели прямо из Ядра: на носах прищепки респираторов, глаза за защитными очками. Губы поджаты.

– … обвиняется в оказании помощи террористам и подпольным организациям курии Четыре планеты Старая Земля. В разжигании беспорядков и подмене данных по ранее перечисленным делам, в частности, по делу номера А-206-05, самовзятое имя «Энцо».

Руки Бритвы тоже сцеплены за спиной. Наручники так сдавили запястья, что пальцы онемели. В зале заседаний прохладно, а тюремная рубашка совсем не греет. Но Бритве плевать. Ее заботит другое.

Ее заботит Луций Цецилий. Он сидит рядом с обвинителями, сложив руки перед собой.

– … в нарушение устава сообщила декуриону ложные данные, – тем временем продолжает квестор. – Вследствие чего Бруту Аквинию, самовзятое имя «Аларих», удалось ускользнуть, имманес под номером I-45-10 скрылась, а номер А-206 оказался тяжело ранен. Совместно с центурионом Титом Пуллием стерла данные номера А-206 из больничной базы, обосновывая это необходимостью защиты свидетеля. Следствие предполагает, что А-206 располагал какими-то данными об имманес, которые обвиняемая и центурион Тит Пуллий хотели получить в обход…

Губы Луция сжаты до белизны. По щекам ходят желваки, мышцы шеи над форменной стойкой-воротником литые, как канаты. От его взгляда мороз дерет по коже. Так Луций смотрел на фото погибшего напарника. Так он смотрел на погибшую девчонку-имманес. Словно готов ее убить.

Бритва беззвучно говорит: «Я не хотела», и верхняя губа Луция приподнимается, обнажая зубы.

– Если многоуважаемая комиссия позволит, я покажу собранные мной данные.

Квестор включает панель сбоку от скамьи, где сидит Бритва. Мелькают фрагменты видео и переданных данных. Бритва туда не смотрит, Луций тоже. Она глядит на его посеревшее лицо. Он – куда-то чуть ниже ее подбородка. На шею, должно быть. Или на орла, набитого на ключице.

О чем он думает?

Какими словами называет ее сейчас?

– Пожалуйста… – шепчет Бритва.

Луций вытягивает кулак с оттопыренным большим пальцем. То же делают и другие члены коллегии. «Смерть», вот что это значит.

– Единогласно, – кивает квестор.

По проходу между сиденьями катится металлическая стойка на колесиках. Аппарат на ее верхушке щетинится трубками, заправлен пухлым пакетом криогеля. Бритву хватают под руки и сдергивают со скамьи. Одну из трубок суют в рот, в сгибы локтей и под колени впиваются иглы. Бритва кричит, на глазах выступают слезы. Боль невыносимая.

Стыд невыносим.

* * *

Бритва проснулась от собственного крика.

Камера. Точно. Она в предкрио. Перед глазами сумеречная муть, какие-то светящиеся полосы на потолке.

Их перекрыла мужская тень.

– Луций?.. – прохрипела Бритва, повинуясь отголоскам сна. Сощурилась и скривилась от омерзения, когда наконец разглядела того, кто над ней стоял. Проклятая марсианская зоркость. Видеть эту рожу, да еще так близко, в таких подробностях…

– Я не Луций, дорогая, – сказал Эзоп и кротко улыбнулся. – Я гораздо лучше.

Марс подери, из кошмара в кошмар! Бритва подобралась, готовая к бою. Теперь основатель «Псов» находился с ней по одну сторону силового поля.

И самое кошмарное – Бритва звала Луция во сне. Просила заступиться за нее, сказать хоть что-нибудь… Никогда бы не поступила так в реальной жизни. Хоть режьте, ни за что. А Эзоп это слышал. И так радовался, будто узнал о Бритве что-то непотребное.

Плевать на его мнение. Вообще на мнение всех, кого она знала… И даже Луция Цецилия, повторила она себе. Плевать.

– Да, нас посадили в одну камеру. Предкрио переполнено, твои коллеги ужимаются как могут. Ты рада? – Эзоп оценил ее сжатые кулаки. – Вижу, что не очень. А зря, ведь я единственный, на кого ты можешь положиться. Хоть твои бывшие коллеги надеются, что мы с тобой передеремся.

Он склонил голову набок, как любопытная птица.

– Или ты думала, что напарник тебя вытащит? Что у вас с ним что-то серьезное? У тебя и патриция?

Бритва упрямо молчала. Примерилась, куда сперва ударить – в колено или пах…

Эзоп расхохотался, откинув голову назад. Все-таки отошел, спас яйца.

– Смешно. Бритва, а ты не лишена сентиментальности. Но, увы, зови-не зови, он не явится. Хотел бы – давно пришел.

Пытается ее задеть? Не вышло. Она понимала, что шансов с Луцием нет. Просто хотела его защитить, только и всего. Разве это плохо – помочь тому, кто тебе нравится? Ну и что, что в ответ ничего не будет? Это ее выбор, ее право, она не ради секса или благодарности это делала. И оправдываться не обязана.

Бритва пожала плечом, молча растянулась на полу, заложила руки за голову и уставилась в потолок. «Луций», вспомнила и недовольно поморщилась. Луций наверняка и не вспоминал о ней. Может, сам написал ориентировку, чтобы ее посадили. Он ненавидел «Псов». А теперь наверняка знает, что она – одна из них. Одна из продажных легионеров, что может быть хуже?

Хотя кого волует, о чем там думает Луций Цецилий? Даже если он явится в крио, она не будет умолять, как делала во сне. Обойдется без его помощи, и не стоит даже голову забивать. А то опять полезли картины из кошмара – квестoриат, голубой гель, гул закачивающей его машины.

Реальность тоже не радовала. Тюремный комбез, оранжевый, как все комбезы в предкрио. Огрызок пледа, на котором даже не повесишься. И Эзоп. Глава повстанцев не умолкал ни на минуту и явно страдал от нехватки зрителей.

– Римская империя объединила многие звездные системы… – Он обвел рукой потолок, будто эти самые системы раскинулись над ним. – А после галактики. Все экзопланеты, которых может достичь человек, были освоены Римом. Император давал гранты на исследование и развитие, а после, когда планета достигала определенного уровня, требовал свое. Представь, подлетают к твоей планете корабли, способные испепелить целый город одним выстрелом с орбиты. И что ты сделаешь? Ничего. Война, одна война. Позиция силы. Знаешь, к чему это привело?

Бритва знала, – все это знали, глупый вопрос, – но продолжала молчать. Похоже, Эзоп решил вспомнить историю Римской Империи. Зря. Восстания «Псов» были возней в песке по сравнению с той опустошающей войной. «Лучше сгореть, чем подчиниться», вот был девиз повстанцев тех времен.

Они бы очень удивились, увидев продолжателей своего дела.

– Пять сотен лет прошло с окончания войны. Человечество еле выжило, еле выбралось из пепла. И что? Сделал ли выводы новый император? Его Сенат и доверенные лица? Нет. – Эзоп картинно подбоченился, сам как император на фронтоне. Не хватало коня, скипетра и венка на башке. – Теперь у нас «возврат к истокам». Теперь у нас «исконные римские ценности». Для кого «возврат к истокам»? Для кого уравниловка? Для нас, номеров. Для потомков захваченных колоний, для бедняков. Вот у нас действительно возврат в древние времена! Живем впроголодь в тоннелях!

– Да заткнись ты…

– «Трудитесь и обрящете», так нам говорят, а на деле единственная работа, на которую можно рассчитывать с номером на шее, еле покрывает расходы на жилье и еду. Где образование? Где доступная медицина? Нет ее. Они обещали права римских граждан тем, кто переселится на вырожденные планеты Внешней Сферы. Где эти права? Почему не присвоили номера всем, как обещали?

Эзоп снял с шеи охряные бусы и принялся перебирать бусинку за бусинкой, как делали жрецы Марса. Вот только он не был ни жрецом, ни марсианином. Скорее пустозвоном и манипулятором.

– А вернулись ли к истокам патриции? Выстроили новые храмы, обрядились в тоги – и что дальше? Пустой театр. Ну смешно же! Они думают, что тоги вернут Риму его величие, но суть в том, что Рим давно прогнил. И ничто ему не поможет. Это выживание кучки богачей за счет большинства. За счет номеров. Нет, друзья, – Эзоп качнул головой, словно патриции сидели перед ним и внимательно слушали. – Унижать большинство опасно, очень опасно.

Именно такими речами он и покорил Бритву много лет тому назад. Его слова, его манера говорить походили на гипноз, не оставляли и шанса на протест и казались такими разумными… Слушателям даже в голову не приходило спорить или искать другие варианты правды.

А теперь Бритва была готова взвыть.

Марс Всемогущий, даруй силу сдержаться и не придушить этого урода. Для него это будет слишком легкой смертью.

Мудрая Юнона, даруй… Хоть что-нибудь даруй, чтобы этого не слышать. Например, затычку в оставшееся ухо.

– А ты типа пророк нового мира? – процедила она.

– Не смейся. Новый мир начинается с таких, как я. С маленьких людей.

– Которые устраивают теракты, грабят, убивают и торгуют

кликами, ну да.

– Да, – уверенно кивнул Эзоп. – Да! Нам нужны деньги. Нам нужны средства и связи в разных кругах. Невозможно совершить революцию с палкой в руках.

– Ой, завали хлебало ради всех богов, – Бритва махнула рукой, укрылась огрызком одеяла и повернулась к Эзопу спиной.

Но тот не умолкал.

– Вся судебная система на их стороне – они же сами ее создали. Для нас, не для себя. Взять закон о преступлениях против брака. Они что, его соблюдают?

Да, патриции трахали все, что двигалось. Это тоже было всем известно.

– И что? – буркнула Бритва и запоздало одернула себя. Не надо отвечать, теперь будет еще час трепаться.

– И ты ничего не хочешь с этим сделать? Тебе не надоела эта политика двойных стандартов?

– А тебе что, тоже хочется трахать мальчиков?

– Я говорю не о том, и ты прекрасно это знаешь! Почему мы должны терпеть двойные стандарты?

– У номеров нет выбора. Пускай патрициев меньше, но они лучше вооружены. – Бритва зевнула. Этот разговор ее утомил. Вел в никуда, пустое сотрясание воздуха. – И так далее.

– Ты что думаешь, номера такие слабые и бедные, потому что лодыри или тупые? Или потому что жизнь – несправедливая сука? Сенат знает, когда и где ужать. Закрыть производство тут, снести дома там. Все продумано.

– Зачем?

Что за бред он нес? Зачем Сенату сознательно давить население? Мало им грязи.

– Не прикидывайся дурочкой, все ты понимаешь. Бедными и голодными проще управлять. Как будешь стрелять, когда от голода руки трясутся? То-то же. Для чего легионы сканируют тоннели? Следят за количеством номеров?

Народ и сам прекрасно справлялся, топил себя, как мог. Каждый лишь за себя, каждый по уши в проблемах. Кому надо лезть на амбразуру, когда дома дети голодные? Когда жрать нечего? Только Эзопу, который нажился на тоннельных бандах и наркоманах, торгуя кликами и оружием.

Революции планируют лишь сытые.

– В древности была демократия, – сказал Эзоп. – Знаешь, что такое? Власть народа.

– Бардак был, короче, – отмахнулась Бритва.

– Нет! Народ избирал своих лидеров путем голосования.

Она укоризненно на него посмотрела.

– Ой, да хорош заливать. Такого просто быть не могло.

– Бритва, ты меня расстраиваешь. – Эзоп расплылся в улыбке. – Поверь, я усвоил больше обучающих программ, чем ты приняла кликов.

Бритва сжала кулак, впилась ногтями в ладонь. Двинуть бы ему в челюсть, так, чтобы желтые зубы разлетелись.

– Всё подтасовывают, – она ответила как можно спокойнее. – А называть это можно как угодно.

– За голосованием следили.

– Хорошо, даже если удавалось отследить все нарушения. – В чем Бритва крепко сомневалась. – Но большинство может ошибаться. Большинство внушаемо. Вот ты промываешь мозги своим «псам». Чем ты отличаешься от Сената?

– Ошибаться с чьей точки зрения? – Эзоп решил проигнорировать второй вопрос. – С точки зрения меньшинства? Что есть ошибка?

Ох, снова проклятая философия полезла. Бритва вскинула брови. Хотела ответить, как наверху что-то грохнуло. Свет мигнул, на миг даже силовое поле перестало жужжать. Такое могло произойти только от очень сильного скачка напряжения. С верхнего уровня на поверхности, на котором сидела охрана, донеслись крики, в соседних камерах тоже заворчали. Где-то далеко взвыла сирена.

Да что там происходит?

– Похоже на взрывы, – Бритва настороженно вгляделась в полупрозрачный алмазный купол, отделявший камеры от поверхности. Под ним включилось дополнительное силовое поле. Значит, аварийный режим, с питанием от генераторов.

Странно, но Эзоп совсем не волновался. Вытянул ноги поперек камеры, почесал подбородок.

– Наверняка. Я же говорю, я долго здесь не пробуду.

– Да ну? – Бритва усмехнулась. – Хочешь сказать, это про твою душу явились? Расскажи мне свой гениальный план.

– Аларих слегка его подпортил, но… – Эзоп поднял палец. – Но все получится. Ты даже не представляешь, что я знаю и сделал.

Заносчивый ублюдок. Как всегда одна брехня, ничего конкретного.

Бритва вжалась спиной в угол. Укусила себя за палец и оттяпала зубами заусенец, не отрывая взгляда от Эзопа. Тот казался расслабленным, но она знала, что это лишь видимость.

Нужно было от него избавиться. Поймать момент и задушить, никто и не заметит. Легиону сейчас не до того.

А пока Эзоп не сдох – не спать.

Не спать.

Энцо и его бабы

Вообще он пришел за «гелиосом». Нора – место сходки «псов» – гудела, как нагретый двигатель, и ломилась от народа. Стойка бара вдоль стены была целиком забита, чуть дальше в неоновом свете вяло извивалась стриптизерша, трясла прозрачными грудями. Тоннели изредка содрогались в такт музыке, но внимания на это не обращали. Война войной, а жизнь под землей текла своим чередом. Прямо как сточные воды.

«Гелиос» подогнал тощий парнишка в окошке, из которого выдавали выпивку. Хитро улыбнувшись, он протянул в потной ладони три таблетки. За них пришлось выложить чуть ли не двести денариев с разовой карты, честно присвоенной после гибели Тита Пуллия. Обдиралово, конечно, но слишком уж ребра ныли, выбирать не приходилось.

Сунув одну таблетку за щеку, Энцо привалился к ближайшему столику. Размял новую руку, которую купил у мужика на нижнем уровне. Ухмыльнулся стоящему рядом «псу» в красных наколках. Тот зыркнул серьезнее, чем легионер на допросе, и Энцо отвернулся.

Боль потихоньку отпускала. Стало легко, лучше, чем после кружки вина. Бетонные стены уже не казались такими серыми, в ржавых потеках угадывался красивый узор. Музыкальные басы задрожали под ребрами, и Энцо качнул головой в такт. «Гелиос» он пробовал впервые, и это ощущение было ему в новинку. Хорошо. Почти не страшно.

Громыхнуло. Мигнули лампы, на плечо просыпалась тонкая струйка песка. Энцо стряхнул крошку и всмотрелся в сплетение кабелей и ламп, заменявшее потолок. Ни хрена не видать, что там, трещина, разлом? Но пока все в порядке, и никто не вскакивает, не бежит. Хотя свод тоннеля может и обрушиться.

Эта мысль тоже не пугала. Обрушится – значит, так тому и быть. Отправится к Малой кратчайшим шаттлом.

Он проследил за «псами», деловито ходившими к дальнему столу и обратно. Там их собралась целая группа – сплошь спины в пропотевших серых майках. Что-то терли, толкали друг дружку локтями. Мелькали денежные карты. Один отделился и двинулся к выходу из норы, держа распылитель и блестящую часть протеза, похожую на поршень – усилитель ноги. Похоже, эти ребята делили добычу с поверхности.

Энцо поморщился. Вкус «гелиоса» загорчил, подкатила тошнота. «За номеров, для номеров», да? Любимая присказка «Псов». Ни хрена это не «за» и не «для». Больше похоже на сходку

мародеров.

Стыдоба. Легионеры своих спасали, вон как Тит подорвался в больнице. Даже его, Энцо, прикрыл, хотя бывший «пес» никуда ему не впился. А номера всех грабили. Своих, чужих…

– Раненых много притащили? Ну, из наших, – Энцо толкнул локтем мужика, рядом посасывавшего пиво. Тот бросил непонимающий взгляд – сперва на лицо, потом на ключицу с татуировкой.

– Какие раненые, крио? И так дышать нечем. Легионеры разберутся.

Ясно-понятно. Энцо усмехнулся, качнул головой. Ну да, в этом все номера: каждый за себя. Несколько лет назад, до крио, он и сам бы так сказал. А теперь в этом виделось что-то… крысиное.

Из норы он выбрался через пару часов и кружек. Двинулся по скату к нижним тоннелям, без особой цели и направления. Просто ноги несли куда-то, пинали попадавшие на дороге камушки и осколки пластика, а в голове свистел холод. Энцо будто находился везде и нигде. Рассыпался песком по щербатому бетону.

Мне так холодно, Энцо.

Он где-то свернул, затем еще раз, и вышел к жилым тоннелям. Обогнул неживой аэроцикл, брошенный поперек дороги. Разбитую панель скорой медпомощи; в темном пластике зиял пролом, как от кулака, установку с манипуляторами и дозами препаратов давно выломали. Такие панели устанавливали, когда Сенат еще делал вид, что заботится о номерах. Это потом они забыли про ремонт в тоннелях, а малолетние придурки завершили начатое, доломав все, что можно было доломать.

Дальше снова тянулись раскрашенные каморки домов. Лепились к сводам тоннеля в несколько слоев. Над ними, у выхода вентиляции щелкала трещотка – такие прикручивали на марсианские дома, чтобы песчаная буря не накрыла врасплох. На Марсе она хоть была полезна, здесь же просто раздражала.

На углу крутились подростки. Высокие, но щуплые, соплей перешибить можно. Руки-ноги длинные, походка вразвалочку, виски и шеи в разъемах. Запавшие, близко посаженные глаза, и выражение лица – подойди ближе, в ногу вцепится. Рыжие спецовки были им великоваты и собирались складками на животе и щиколотках. За пазухой наверняка лежали спицы.

Типичные сироты-номера, тощие, озлобленные и юркие, как тараканы. Когда-то и Энцо был таким. Мотался по тоннелям с сестрой, хватался за любую работу, которая подворачивалась.

Теперь таких больше. Особенно на поверхности, когда с неба шмаляют, когда жилые колонны сыплются и каждый сам за себя.

Злость снова разгорелась, и расслабон после таблеток лопнул мыльным пузырем.

* * *

– Слушай, у них там раненый.

На столе между Два Ноля и Энцо лежал разобранный имплантат, биомеханическая рука с имперским орлом, добыча «псов». Два Ноля пытался очистить ее от остатков живой ткани. Типа свинтить с отрубленного, запекшегося предплечья. Инструмент весь перемазался в крови, винты утопли в волокнах мертвой ткани. Неправильно, блин, все делал неправильно.

– У кого? – спросил Два Ноля. Браслеты на его руках тоже были в крови. Она сочеталась с алым платком на его шее.

– У патрициев. Одна из баб.

– И что? – Он снова ткнул отверткой. Вообще не туда, куда надо, и не тем инструментом. Энцо бы разобрался с этой штукой на раз-два, с протезами обращался почти так же хорошо, как с кулаками. Но не его это дело. Пусть ковыряется.

– У нас есть… – Энцо покопался в памяти. Что там говорил Гиппократ? – «Никс-17», мазь-антисептик и бинты?

Два Ноля фыркнул и качнул головой.

– Обойдутся.

– Если одна помрет, остальные упрутся и не пойдут с нами никуда.

– Да кто там откажется? Пойдут как миленькие, куда скажем, туда пойдут. – Он хлопнул Энцо по плечу. – Расслабься. Это ж не наши братья-марсиане, это – патриции. Разок пальнуть, и они на все согласятся.

Энцо так не показалось. У этих патрициев была какая-то своя гордость, алмазная жесткость, как в наборе особо точных инструментов. Они совсем не походили на слабаков.

– Послушай, – медленно произнес Два Ноля. Казалось, все его внимание приковано к импланту, но Энцо загривком чуял, что это не так. – Я много чего про тебя слышал. Разного. И есть… – Инструмент вклинился в щель зажима, Два Ноля легонько надавил. Снова не туда, только резьбу сорвал. – Есть братья, которым ты не внушаешь доверия. Не заставляй меня их слушать.

Энцо похолодел. Марсовы яйца, он знает про Алариха! Точно не оставит в живых. Стоит довести их до бункера и хана.

Что теперь?

Энцо пробежался взглядом по столу и остановился, заметив знакомую карточку. Узкая, с имперским орлом, она призывно белела в груде других, одноразовых платежных карточек. Та самая, от бункера на десятой магистрали.

Раздобытый «гелиос» таял во рту, унимая боль в ребрах.

Два Ноля сопел с отверткой в руках. Механическая рука не поддавалась.

– Я могу помочь, – Энцо кивнул на имплантат. – У меня такая же стояла.

* * *

В этот раз на охране обезьянника стоял другой парень – покрепче и посерьезнее вчерашнего. Энцо сжал протез в кулак, размял пальцы. Хорошо, успел ее купить. Свалить такую гориллу одной левой он бы не сумел.

Охранник хмуро глянул на Энцо сверху вниз, сдвинулся, перегородив проход.

– Куда, бля?

Ну вот, приехали.

Энцо улыбнулся и указал за спину «пса»..

– Туда, братан.

– Нечего там ловить. И я тебе не братан.

Понятно, этот просто так не пропустит. Энцо покопался в кармане и вытащил потертую карту от камер в трубе. Помахал ею у «пса» перед носом.

– Два Ноля велел вытащить троих. Вот, иду.

– Да ну? – «Пес» выставил исполосованную шрамами челюсть. – Вытащить? Прямо сейчас? Мне говорили, что выдвигаемся завтра.

– Не, – все еще улыбаясь, махнул Энцо. – Бабы сегодня нужны.

– А если наберу Два Ноля и спрошу у него?

Дерьмово тогда будет, чо.

– Валяй, – ответил Энцо, холодея. Но сдавать уже нельзя, надо играть до конца. – Вот только он тебя в задницу пошлет.

– Как-нибудь переживу, – хмыкнул «пес», вытащил пластину коммуникатора и быстро набрал номер. Та засветилась светло-желтым, затем красным – сигнал пошел. «Пес» приложил ее к уху, не сводя сощуренного взгляда с Энцо.

Что делать, что делать?

Энцо выхватил лучевик. Выстрел пришелся точно между глаз «пса», раз – и задымилась выжженная точка. «Пес» вздрогнул всем

телом и повалился на бетон. Энцо подскочил к нему, выхватил коммуникатор и нажал «отбой». Вовремя успел.

Лишь после понял, что натворил. Он медленно распрямился и так же медленно выдохнул, не отрывая взгляда от мертвого тела.

Ничего, это ничего. У него же не было выбора. И славно, что Два Ноля теперь ничего не узнает.

Оставаться среди «Псов» опасно, Энцо понял это еще с утра. Всплыла его история с Аларихом, по-любому всплыла, вон как зыркали в его сторону. Держали из-за бункера, а после надумали пришить, как пить дать. Вот Энцо и решил поступить так, как поступал в любой непонятной ситуации.

Валить. И как можно быстрее.

Он сунул лучевик за пояс, обыскал убитого охранника и присвоил его распылитель. Во внутреннем кармане куртки нашлись пара пропусков и связка карт. Энцо тоже сунул их в карман. Пригодится. Тело втащил в трубу, за угол, чтобы не было видно.

Патриции сидели в углу камеры, вылитые мокрые куры. Энцо они заметили, но даже не шелохнулись. Не нравился он им.

Они ему тоже.

Энцо провел картой по считывателю, и замок пискнул, открывшись.

– Подъем и топаем за мной, – сказал Энцо, откатив решетку.

Никто не шелохнулся. Только седой Гиппократ тронул за руку сидящую рядом с ним женщину. Что-то сказал ей тихо, но та мотнула головой.

– Я вам чо, стюардесса? – рявкнул Энцо. – Специально приглашать не буду. Хотите – подыхайте!

На этот раз одна из баб – медсестричка, судя по белому комбинезону, высокая, жилистая и не особо симпатичная, – поднялась и похромала к выходу. Что-то у нее с ногой было. Наверное, это для нее старик лекарства просил.

Медсестра вышла, тяжело дыша оперлась на решетку. Зло смахнула пряди темных волос со лба, замахнулась и отвесила Энцо пощечину. Щеку обожгло, но больно не было. Скорее обидно. Рука сжалась в кулак, первым импульсом было двинуть в ответ.

Выдох. Это просто злая патрицианская баба, Энцо таких много повидал. Может, она даже имела право шлепнуть его по морде.

– Полегчало? – поинтересовался Энцо. Подумав, вытащил последнюю таблетку «гелиоса» и сунул ей в ладонь.

– Топай, если жить хочешь.

Времени миндальничать уже не было. Не захотят идти – уже их проблемы, он сделал все, что мог.

Но они шли за ним, и медсестра тоже. Цеплялась за старика и кривилась от боли, но шла. Хоть не ревела, и то славно. Еще бабских слез не хватало.

Энцо остановился на краю септика и прикинул все «за» и «против». Сбоку, у стены торчал узкий подъемник максимум на четверых – только платформа и поручни. Далеко впереди, на противоположном краю ровно горел маячок. Там начинались северные тоннели, пустой район. За ним можно выбраться к восьмой магистрали, а там уже и до десятой рукой подать.

С другой стороны, они могли вернуться к базе «Псов» и прорваться всей толпой через главные тоннели. Лучший вариант, если жить надоело.

Оставалось спускаться на дно и надеяться, что там сухо. Иногда отстойник подтопляло, а месить говно не хотелось.

– Еще трое, – бросил он, забравшись на платформу. Еле сдержал матюки, когда никто не шелохнулся. – Че тормозим-то?

Первыми решились раненая медсестра, старик и молодая девчонка. Энцо вдавил оплавленный пенек на допотопном пульте – все, что осталось от кнопки спуска. Саму кнопку давно сорвали, а пульт изрисовали. Что-то щелкнуло, платформа дернулась и с гулом двинулась вниз. Освещенный полукруг трубы остался наверху, силуэты патрициев пропали из виду. Чем ниже спускались, тем больше пахло старым железом, пылью и мокрым песком. Бабы тяжело дышали, молодая все время ерзала, пытаясь отстраниться. Будто рядом с кучей дерьма стояла. Так и норовила свалиться с узкой платформы ко всем хренам.

– Не рыпайся, – тихо велел Энцо, и она боязливо замерла.

Он, конечно, мог оставить их. Мог не тратить силы и пойти дальше, одной бабы хватит, чтобы пробраться в бункер или прикрыться от пушек системы внешней защиты, если охрана надумает стрелять…

Вот только если он так сделает, то будет не лучше, чем Два Ноля. Он же не повернутый марсопоклонник, он привык держать свои обещания… По крайней мере, старался это делать.

Платформа остановилась, щелкнули тормозные колодки. Прыгать Энцо побоялся; свесил ногу, держась за перила, нащупал мысом ботинка утрамбованный песок и лишь после выбрался полностью. Бабы вылезли следом.

В темноте угадывались очертания сваленного мусора – металлопластиковые спины труб и склоны из банок, песка и прочего мусора. В них темнели проходы – как норы, прорытые гигантскими червями. Одна из бабенок щелкнула фонариком, и

сноп света обжег глаза.

– Выключи фонарь, мля, пока тебе башку не отстрелили! – рявкнул Энцо. Вздохнув, отправил подъемник обратно.

Может, все-таки бросить изнеженных сучек к такой-то матери?.. Чертовски соблазнительно.

Когда все спустились, он повел их в северную нору. Кое-где горели подвесные светильники, но за большинством поворотов было темно. В отстойнике обычно собирались кликеры, другие номера сюда не совались. Его часто затапливало, в нем воняло, ну и эти сказки о гигантских червях-людоедах… Или личинках, которые забираются под кожу и буравят ходы в теле, жрут, пока пациент не двинет кони.

Энцо старался о них не думать.

Луч фонарика скакал по сетке, за которой гнил спрессованный мусор. Под ногами хрустело стекло, чавкала грязь. Нора была узкой, с неровным полом, и темнотища хоть глаз коли. Сам Энцо все видел, даром что марсианин. Но бабы спотыкались, натыкались друг на друга, шарахались хуже пьяных. Пришлось вытащить фонарик. Электрический заяц шмыгнул по ржавой сетке, по дырам, из которых сыпался перегной.

Дальше нора влилась в большой отсек без перегородок. Вдоль стен гудели насосы – часть установки по переработке воздуха. Они тяжело дышали, перегоняя воздух по трубам к поверхности. Вдох – воздух нагнетался в цилиндр из пластекла размером с три контейнера. Выдох – одна из спиралей проворачивалась, перемещая воздух к поверхности.

Вакуумные насосы номера не ломали, жить всем хотелось. У кого в первую очередь не окажется воздуха, кто останется задыхаться на раздолбанной планете?

Удивительно, вдруг подумал Энцо. Верхние уровни вырубило, а системы жизнеобеспечения не затронуло. Почему не отключились? Получается, пришельцы знают, как на Земле все устроено? Что все системы очистки находятся в тоннелях, и их отключать нельзя? Или установки слишком древние, а вырубило только новьё?

Тит Пуллий был прав, странно все это.

Рядом что-то простучало. Цоканье было звонкое, типа металл по металлу, и Энцо наставил на тьму пистолет. Всмотрелся в очертания теней.

Никого.

Показалось?

– А что там, наверху?

Энцо вздрогнул от звонкого голоса мальчишки и задрал голову. Над ними зияла пустота, в которой – далеко наверху, под

сводами – цепочкой горели светляки аварийного ограждения, винные бусины на краю обрыва. За ограждением виднелись длинные контейнеры-вагоны, человек на пятьдесят каждый.

– Это общак, – сказал он. – Там рабочие живут.

– Какие рабочие?

– Ну, типа строители, ремонтники. Разные фирмы берут номеров, чтобы подлатать дороги или сливы почистить. И взамен дают жилье.

Мальчишка слушал его с открытым ртом. Прислушивались и остальные, хоть и старались не подавать виду. Конечно, никто из них не был в тоннелях. Все это им в новинку, а Энцо получился кем-то вроде экскурсовода.

Посмотрите налево, на слив двадцатого северного тоннеля, на топливную пленку на поверхности. Близко лучше не подходить, в воде плотоядные черви. Посмотрите, млять, направо, на заброшенные склады…

– Но ведь тоннели такие большие…

– Тише ты.

– … Люди же могут поселиться в других местах, – продолжил мальчик так же звонко.

Энцо проследил фонариком за жирной, с руку толщиной сороконожкой. Та изогнулась, блеснув лоснящейся спиной, и спряталась в щели между насосами. Таких можно жарить, на вкус лучше, чем соевое мясо из банок. Помягче, правда, и горьковатые.

– Могут, конечно, но здесь контейнеры охраняются. Ты же понимаешь, что в тоннелях много…

Он умолк. В горле вдруг пересохло.

Охрана, конечно. Как он мог забыть? Для охраны компании часто нанимали парней из «псов» и других банд. Если рядом с обрывом кто стоял, когда Энцо с патрициями и гребаным фонариком вышли из норы, то их живо перестреляют. Прямо сейчас.

– Там появились еще светлячки, – сказал мальчик.

Рядом с общаками загорелись новые огоньки. Ярко-зеленые, штук десять.

– Прячься! – заорал Энцо, ухватил малого за шкирку и потащил его за насос. Засвистели выстрелы, металл под ногами зашипел искрами. Палили сразу четверо… Нет, пятеро, из винтовок. Едва успели спрятаться, как заряды зашипели на пластекле с той стороны. Один выжег лунку у самого ботинка. Тяжело дыша, Энцо пересчитал своих. Четверо рядом с ним, остальные забились в тень за соседним насосом.

– Раненые есть? – гаркнул Энцо. Никто не отозвался. Молчат – значит, порядок или совсем швах, иначе бы орали как

недорезанные.

Энцо сунулся наружу, оценил обстановку и вовремя спрятался. Пока парни из общака стреляли сверху, но это ненадолго. Они спустятся, абсолютно точно спустятся, побоятся палить по системе воздухоснабжения. Потому долго сидеть за насосами нельзя. Надо выбираться, вот только между насосными корпусами слишком большие зазоры, их быстро заметят и подстрелят…

Цокцокцокицок.

Энцо вздрогнул, разблокировал распылитель. Сощурился во тьму по правую руку. Снова этот звук, прорвался даже через стрекот очередей. Такой он слышал, когда спустился в тоннели, но сейчас звук был гулкий, как из трубы.

Велев бабам оставаться на месте, Энцо шмыгнул к стене, стараясь держаться в тени. Выстрелов со стороны общака пока не доносилось, даже когда Энцо мелькнул в открытом пространстве между насосами. То ли бойцы спускались, то ли готовили калибр покрупнее.

Шагах в пятидесяти в стену уходила старая труба диаметром со среднего марсианина. Похоже, стук доносился из нее.

Энцо подобрался ближе. Песок скрипел под ботинками, распылитель скользил в потной ладони. В трубе, в похожей на сажу тьме что-то шевелилось. Не человек, больше человека. Зеленая точка лениво описала дугу и исчезла. Стукнула черная конечность с когтем на конце.

Энцо забыл, как дышать.

«Паук». Мини-версия «паука» выжидала невесть чего в трубе старого воздуховода. В двадцати гребаных шагах от него. В пределах одного прыжка.

Кто-то шевельнулся сзади. Энцо едва не двинул рукоятью распылителя, но, разглядев хромую медсестру, опустил руку. Быстро проверил, на месте ли «паук». Да чего она за ним поперлась?

– Ты куда собрался? – прошипела она и нахмурилась, когда Энцо ухватил ее за руку. Попыталась освободиться, но он не пустил.

– Назад. Медленно, – сказал Энцо одними губами.

– Чт… – Медсестра проследила за его взглядом и затихла. Ее бледное лицо стало еще бледнее, губы задрожали.

Пока «паук» не двигался, но Энцо знал, как он умеет. Видел, как эта дрянь перелетела через два квартала. Поправка – та дрянь была больше, но Энцо был готов откусить себе палец, если эта не умела так же.

Шаг назад. Еще шаг. Внутри все дрожало. Вот сейчас, сейчас

бежать. Нет, сейчас…

– Что делать? – прошептала баба, когда они отошли на максимально возможное расстояние. С одной стороны полоса света из зала, открытый выстрелам просвет между насосами. С другой – гребаная инопланетная машина.

– Рвать когти, – Энцо сунулся наружу. Застрекотали выстрелы, и он еле успел забраться обратно в укрытие. Пальнул пару раз вслепую, типа показать, что и он не с пустыми руками.

– Эй, Энцо, – донеслось из зала. – Вылезай. У нас «нокс», сучка.

«Нокс», крупнокалиберная пушка, из которой подбивали шаттлы и бронеэкипажи. Они что, серьезно решили разнести насосную станцию? Энцо даже вспотел.

Проклятье, куда бежать? С одной стороны мудак с пушкой, с другой – инопланетная машина-убийца. Отличный, мать его, выбор.

– Насос разнесешь! – крикнул Энцо.

– А и плевать, – прилетело в ответ. – Видел, чо наверху творится? Все равно все сдохнем.

Ох ты ж блин, нашлись смертники.

– Считаю до трех! Раз!.. – крикнули сзади. Медсестра с шумом втянула воздух, до боли сжала запястье Энцо.

– Два!

Он отыскал взглядом Гиппократа. Тот прижал к себе мальчишку. Остальные патриции испуганно таращились, не зная, куда прятаться.

– Три!

«Паук» выпрыгнул из трубы, скрылся из виду. Что-то влажно чавкнуло, хрустнуло, и прозрачная стенка насоса с той стороны стала алой.

На миг повисла тишина.

Которая взорвалась криками. Выстрелы заколотили по пластеклу, зарикошетили от стен. Следовало выбираться, пока про них забыли. Энцо махнул остальным, выполз за набитый мусором контейнер. Мимо пролетел и упал парень из охраны общака: с выпученными глазами на багровом лице, шея неестественно свернута.

Чуть дальше «паук» зажал еще троих. Те стреляли, и сверху тоже стреляли, и заряды летали плотно и безумно, как роящиеся пчелы. «Паука» осыпало искрами, по матовой броне разбегались, шипели и утихали заряды, шипела кислота из «гидры». Но броня выдерживала все, ни единой царапины. Хотя та же кислота прожгла трубу в паре шагов от них.

Из общака пальнули «ноксом» – черт, у них и правда был

«нокс»! Энцо еле успел нырнуть в укрытие. Троицу парней разметало на куски, на кровавую пыль. «Паук» дернулся, развернулся, аккуратно переставляя лапы. Когти глухо протыкали металл. По корпусу пробежали светящиеся точки и стянулись в одну.

Энцо уже видел такое. А еще он видел что бывало после…

Он накрыл голову руками и едва не задохнулся от взрывной волны. Кто-то поднял его на ноги, замелькали перепуганные женские лица. Энцо махнул, отгоняя баб. В ушах стоял комариный писк, перед глазами все плыло. Выстрелы, похоже, стихли – искры больше не шипели на стекле и паучьей броне. Из-за пыли все было седым, как в тумане. Зал горел, чадил плотным дымом.

– Пошли! Быстро! – крикнул Энцо и вывалился на открытое пространство. Патриции кинулись по проходу за насосами, скрылись у выхода. Энцо хотел было бежать следом, но что-то ударило в спину. Он упал, ободрал морду о горячее железо. «Паук» прыгнул, навис сверху. Коготь проткнул трубу в ладони от головы.

Энцо перекатился, пробежался на четвереньках и поднялся. «Паук» смотрел на него. Не глазами, глаз у него не было, но Энцо чувствовал, что эта дрянь на него нацелилась. Такое сразу понимаешь. Он попятился, поискал взглядом оружие. Ничего не видать, укатилось куда-то.

В четырех шагах, в яме, выбитой взрывом, искрил силовой кабель. Подсоединенный к нему насос не работал, значит, питания не было, кабель перебит полностью.

«Паук» снова двинулся на него, чуть опустился для броска. Энцо бросился вперед. Пол брыкался и качался, желудок сжался, прилип к горлу.

Не время блевать, совсем не время. И орать от боли тоже.

Шаг, другой, и Энцо скатился в бетонную яму. Вовремя затормозил – перебитый кабель шипел в ладони от его бедра. Часть жил осталась целой. Энцо включил лазерную спицу в указательном пальце импланта и, зажмурившись, перерезал их. Перехватил кабель поудобнее, уперся ногами и вытянул его из гофры.

Тень «паука» накрыла его. На брюхе между лапами перемигивались какие-то индикаторы. Белый сигнал выстреливал с одного конца головогруди на другой, постепенно истончаясь. Затем выстреливал следующий, и еще один, ритмично, как сердцебиение. Что это, блок питания или управления? Наверняка что-то важное.

Не долго думая, Энцо ткнул туда кабелем. Гулко

схлопнулось, пошел дым. «Паук» вздрогнул и замер.

Энцо торопливо выполз из-под него, обдирая ладони – вдруг завалится? Придавит, потом не отскребешься. Отдышавшись, обошел «паука» кругом.

Вблизи тварь оказалась еще более странной. Купол гладкий, ни отверстий, ни впадин, откуда вылетали заряды – непонятно. Сочленений на лапах не видно, а металл на месте сгиба не прерывался, просто был растянут, как кожа. Сверхпрочная кожа. Энцо никогда не видел таких сплавов.

Но, похоже, сработало, нашлось слабое место. В любой машине было, вот и здесь нашлось. Не такие уж пришельцы и крутые.

На радостях Энцо пнул паучью лапу.

Что-то глухо отозвалось на удар. Над головой зарокотало, зашуршала земляная крошка. Энцо проследил за ее потоком.

Выступ, на котором гнездился общак, просел. Скрежетнул металл по металлу, запрыгали камушки. Тенькнув, порвались провода. Один из домов-вагонов упал на бок, подъехал к краю и медленно, как в дурном сне, навис над пропастью.

– Дерьмо же… – выдохнул Энцо и сорвался с места. Сзади грохнуло, ухнуло, труба под ногами вздыбилась, раскололась пополам. Разбежавшись, он оттолкнулся от края и перемахнул пролом. На миг снизу пахнуло гнилью и холодом. Приземлился неудачно, так, что боль прострелила обе лодыжки. Энцо перекатился на бок, взвыл. Пыль тут же запорошила горло, мелом осела на языке, но совсем рядом тянуло свежим воздухом. Выбрался, значит.

Он сощурился в хаос по ту сторону пролома. Общак разрушен, весь обвалился в отстойник. Выживших… Выживших нет, наверное. И куда смотались патриции? Хотя далеко все равно не уйдут, он их найдет. Догонит, на место поставит, никуда не денутся. А вот с «пауками» все сложнее. Если один пробрался, значит, проберутся и другие. Может, тоннели уже кишат ими.

Надо предупредить своих, всех, до кого он сможет докричаться.

* * *

Своими номера были условно. Половина из них прошла бы мимо, истекай он кровью в самом людном из отсеков, а вторая половина еще бы добавила. Да, многие из них трусливые подонки и безразличные твари. Но разве Энцо лучше? Поэтому он карабкался по ржавой лестнице, рискуя свалиться и свернуть

шею. Поэтому взломал замок на люке под куполом уровня и ввинтился в узкий лаз. Потолок технического этажа чесал ему затылок, света было с гулькин нос. Но Энцо упрямо лез вперед.

Был один способ всех предупредить, и работал он всегда.

Энцо пробежался по кабельной галерее. Оказавшись в тупике, раздвинул черные жгуты проводов и пролез в образовавшуюся щель. За ней вытянулась еще одна галерея, с дверью в конце. В углублении рядом горела «вечная лампа» – тусклый пузырь на гравитационных батарейках.

Сзади что-то стукнуло. Энцо обернулся, часто дыша, выставил пушку. Вдруг здесь еще один «паук»? Деваться некуда, за дверью тупик. Только если по мусорному скату съехать прямиком на битое стекло и железки в двухстах метрах под уровнем. Зашибись перспектива.

Но сзади никого не оказалось. Нос не работал – чуйку отшибло еще при взрыве, да и слух подводил. Похоже, померещилось.

– Сышь, Два-Ноль-Шесть, ты как дерьмо – везде, куда ни глянь, – прохрипели за спиной.

Энцо развернулся, ответил двумя выстрелами. Они ушли в пустоту, галерея была пуста. Но воздух рядом преломился – типа ряби над раскаленным асфальтом, – и ему вдарили под ребра.

Маскировочный костюм! Энцо отпрыгнул, повел дулом распылителя. Выловив преломление воздуха, нажал кнопку спуска. Та сухо щелкнула, но выстрела не последовало. Предохранитель, запоздало понял Энцо, заметив красный огонек на рукояти.

Ему отвесили удар, и он выронил распылитель. Тот откатился к мусорному скату. Завис на краю, качнулся и ухнул вниз.

Проклятье!

Энцо скользнул мимо «пса» и помчался по галерее. В конце виднелась узкая дверь. Успеть бы к ней, выиграть несколько минут…

Его ухватили за ворот куртки и кинули на пол. Энцо выпустил из пальца «спицу», рассек ей воздух над собой. Мимо. Ударили сбоку, в челюсть. Добавили в живот.

Нехорошо, после боя с «пауком» Энцо совсем расклеился. Перед глазами плыло, маши, не маши лазером – не зацепишь, не разглядишь утырка в камуфляже. Так и будет бить со спины.

Кто-то прыгнул рядом, мелькнуло белое облако волос. Мальчишка, тот самый, из патрициев, сообразил Энцо. Свистнула гнутая железка, рассекла воздух. Костюм «пса» разошелся на две половины и повис лоскутами. Под маской скрывалась окровавленная бородатая рожа с царапиной от лба до

подбородка. Тот самый мужик, приставший к нему в медфургоне.

Вот и свиделись.

Рыкнув, «пес» склонился над мальчишкой. Тот вжал голову в плечи, выронил железку. Попробовал укусить, но его сгребли за шиворот и швырнули в стену.

Зря «пес» отвлекся. Энцо вогнал железяку прямо в его ключицу, сверху вниз. Затем ухватил за затылок и добавил с колена в челюсть. Дважды, до хруста.

Этого хватило по самые гланды. Готов клиент.

– Эй, малец!.. – хрипло крикнул Энцо, но мальчишка уже поднялся и отряхивал штаны. Жив, лицо раскраснелось, на остром подбородке наливался синяк. Руки-ноги вроде целы. Энцо ухватил его за плечи и с силой тряхнул.

– Ты о чем думал, мать твою?! Чего за мной поперся?!

Когда-то он уже говорил такое, на заправке у шоссе. Так же тряс за плечи и хотел свернуть белую тонкую шею – не от злости, а от тупого страха, морозящего нутро.

Но мальчишка не стал плакать, как Малая когда-то.

– Я – римлянин! – со злостью выкрикнул он. – Римляне своих не бросают!

– Тебе чуть ноги не оторвали!

– Римляне не боятся смерти!.. – мальчишка завел старую песню, и Энцо сдался, не стал ничего доказывать. Ухватил «пса» за ботинки и поволок к мусорному скату. Тело перевалилось через край и ухнуло в пустоту, на счет «два» донесся глухой стук.

– Ладно, римлянин, раз уж ты здесь, будешь помогать.

Энцо похромал к комнатушке в конце галереи. Распахнул дверь ногой – не дверь, а одно название, просто кусок фанеры на петлях. Приготовился вломить любому, кто вылезет. Но никто не вылез. В углу валялся смятый матрас, рядом, на полу дымилась непотушенная сигарета. Похоже, парень в камуфляже тут пережидал кровавое дерьмо, которое творилось внизу. Остальное пространство занимали провода и древние пустые трубы, обрывавшиеся на сгибе. В каждую можно было заглянуть, и с очень хорошим зрением (например, как у здорового марсианина) можно было рассмотреть небольшой осколок зеркала далеко в глубине.

Древняя система, такой пользовались номера еще во время первого восстания, когда патриции отрубали свет в тоннелях для зачистки. Повстанцы передавали сообщение, потом опускали заслонку и бежали. Радиосигнал-то можно перехватить, а как перехватишь свет в трубе?

Вот только фиксатор заслонки давным-давно сломали. Энцо поднял рукоять, но та с лязгом упала обратно.

Ничего, не беда. Главное, что не застряла и не отломилась.

Он подвел мальчишку к заслонке.

– Она вообще должна сама стоять, но какой-то му… кто-то ее доломал, короче. Держи вот так, в верхнем положении. Есть?

Мальчишка кивнул, с готовностью вцепился в рукоять обеими руками. Энцо склонился к трубе и выдал фонариком серию коротких точек. Те быстро улетели на другой уровень, отразившись от десятка зеркал.

Выждав немного, Энцо повторил сигнал.

– Держишь? – окликнул мальца.

– Угу.

– Молодец. Тебя как звать?

– Гай Марций Цензорин.

Малец произнес породистое трехсоставное имя просто и легко, как название пивнушки.

– Гай, значит. – Еще три коротких сигнала в трубу, но ответа не было. Чем больше Энцо сигналил, тем хуже становилось его предчувствие. – Меня Энцо звать. Мамка с папкой хорошо тебя воспитали.

– Они умерли, – ровно отозвался малец. – Их убила та машина.

Энцо даже отвлекся. Вот же ж… Нехорошо вышло. Наверное, в больнице померли, когда вылез первый «паук». Интересно, а он, Энцо, мог их спасти? Мог найти и вытащить из пожара, скажи ему кто-нибудь об этом?

Наверное, мог и полез бы. Плохо это, оставлять малых одних, кем бы они ни были.

Энцо мигнул фонариком снова, три короткие точки. На том конце было темно, хоть глаз выколи. Ни ответа, ни привета. Цыкнув, Энцо отшвырнул фонарик. Значит, все-таки забросили систему. Или трубу забили дохлые мыши.

Или по ту сторону все мертвы. Может, «пауки» добрались туда. Бегут через толпу у рынка или палят по контейнерам на стенах, и те валятся друг на дружку, лопаясь, как перезрелые фрукты. А он застрял здесь и ничего не может сделать…

– Свет вернулся. Мне опускать?

Энцо обернулся. На стене напротив трубы отразились три короткие вспышки. Через интервал еще три. Кто-то сигналил с того конца. На радостях Энцо даже сгреб Гая в охапку. Тот выпустил рукоять, и заслонка звякнула, закрывшись.

Сработало! Все-таки сработало!

– Так, держи хорошенько. – Он поднял и снова включил фонарик. – Сейчас мы им кое-что скажем.

Тау Тельца

«Паук» гнездился на останках здания. Выписывал спирали на обгоревших стенах, звенел стеклами, сканировал внутренности. Сбил вывеску с орлом. Что-то ковырнул длинной лапой. Вот уж действительно паук, такие водились в пустоши у Четырнадцатой курии. Они не плели паутину, просто прятались в норах и прыгали на зазевавшихся ящериц. Или копошились, раскидывая песок задними лапами.

За этим «пауком» Энцо и патриции наблюдали уже часа три. Сидели в рытвине за вспахавшим асфальт шаттлом и ждали. От шаттла несло гарью и топливом, и все сильно надеялись, что тот не вздумает рвануть.

Как и ожидалось, его личный курятник далеко не ушел. Энцо догнал их в конце квартала, отыскал по тонкому визгу. Одна из баб упала в чьи-то кишки, вся перемазалась и истошно орала, а остальные никак не могли ее успокоить. Получилось только у Энцо – ладонью по роже. С истеричками это всегда срабатывало. Потом он разжился распылителем со взломанной защитой. Они полдня шли на север курии, шмыгали из тени в тень, как тараканы, и наконец пришли. К банку, на котором хозяйничала эта дрянь.

– Что он делает? – еле слышно спросила блондинка, притулившаяся рядом. Теперь бабы не стеснялись к нему жаться, и Энцо даже казалось, что они делали это слишком часто. Не то чтобы ему это не нравилось, – девица была симпатичная, хоть и слегка нескладная, – но внимание патрицианок настораживало. Было непривычным.

Он пожал плечом, не отводя взгляда от «паука». Марс знает, что тот делает. Может, ищет легионеров или вход в бункер. Или у него вообще программа сбилась, и он завис именно на той самой башне, которая вела в бункер. Зашибись совпадение.

Хуже было другое: первые два этажа банка скрывались под обломками. Упавшие блоки, машины, гнутые балки – все вперемежку. Можно, конечно, попробовать пролезть под ними, но что дальше? Куда? Там же не видно ничего. Надо зайти с торца, вдруг есть двери. Вдруг там не такой завал…

– Смотрите, оно уходит, – шепнул Гиппократ.

«Паук» и правда уходил. Спустился на землю, постоял – прицелы прыскали по куполу. Затем чуть присел, прыгнул и исчез в конце улицы. Оттуда донесся грохот.

Энцо вытянул голову, проверил, все ли чисто. Выгнал всех из укрытия – вдруг все-таки бахнет? Задыхаясь от холодного

вечернего воздуха, перебежал дорогу и обогнул здание. Проулок закрывала сетка, за которой дымилась гора камней. Похоже, под ними что-то горело. Может, тот самый бункер.

И о чем он только думал? Что придет, а тут заходите пожалуйста, двери открыты? Ясен пень, все разбомбили. Кто не успел, тот опоздал. А кто успел, сидят сейчас под землей и силовым полем. Тит советовал сунуться через тоннели, но туда сейчас ходу нет.

Энцо с чувством выругался. Выкурил бы сейчас сигареты три подряд.

Вот куда теперь?

За дугой эстакады золотился округлый, весь в колоннах храм. Дальше шли какие-то сады, парки, над кронами деревьев в небо уходили башни торгового комплекса.

Издалека донесся грохот, похоже, «паук» снова прыгнул. Солнце лениво ползло к закату, прячась за решеткой зданий. Скоро ночь, надо бы укрыться. Причем, там, где потише и поменьше народа.

В общем, он спросил у Гиппократа, Гиппократ посоветовался с бабами, и все решили идти к храму.

Храм принадлежал Конкордии, богине согласия, и это очень подходило их странной компании. Внутри, за толстыми колоннами Энцо никогда не бывал, о местных жрецах ничего не знал, но надеялся, что они окажутся под стать своей богине: дружелюбными и настроенными на согласие. Не хотелось бы тратить последние три выстрела на людей.

Они пересекли безлюдную, заваленную мусором улицу. Взбежали по каменным ступеням, протиснулись за воротца сломанного турникета и как в пустоту провалились. Зал оказался длинным, типа здания Трансзонального Вокзала. Только тот был светлым, стерильно-белым, а здесь повсюду, особенно за колоннами, лежали тени, в которых могло прятаться что угодно.

Сбоку от входа стояла женщина – заметив ее, Энцо чуть не отстрелил ей башку. Но она не шевелилась. Одета в белую тогу, руки сложила на животе, глаза закрыла, а вместо груди сенсопанель. Ясно, андроид. Причем, неработающий андроид.

Они двинулись вглубь, и эхо шагов летело следом. Над головой качались тряпки разных цветов. Ткань была ровная, тонкая и блестящая, Энцо даже захотелось ее потрогать. Пол заменяли мертвые телепанели. На стенах пестрели изображения: темнокожая богиня, украшенная венком, патриции что-то там протягивают плебеям. Плебеи, ясное дело, изображены кучкой горбатых уродцев. Дальше рога изобилия, чаши, планеты, от цвета которых рябило в глазах, шаттлы и международная

станция, которая, как ему рассказывали, висела на орбите. Недалеко от тюрьмы, чтоб ее.

Чуть дальше очерчивали круги света «вечные лампы», кое-как закрепленные на гирляндах цветов. Те давно увяли и испускали сладковатый запах тления. Жужжали мухи. Мертвецов видно не было.

– Здесь кто-нибудь есть?! – громко вопросил Гиппократ. Эхо его голоса затерялось между тряпок, бликов и картин, пошло гулять по залу.

Энцо еле удержался, чтобы не заткнуть ему рот кулаком.

– Нам же лучше, чтобы не было, – прошипел. – Жить надоело? Всем молчать и вести себя тихо.

Здесь мог шататься кто угодно, от легионеров до «псов» или кликеров. Что те, что другие – полные уроды, встречаться с которыми не хотелось. Люди вообще становились полными уродами, когда припекало. Человек человеку волк и всё такое.

От алтаря – мраморной комнатушки на возвышении – спустился мужчина в белом. Его будто год не кормили: тога висела как на вешалке, под глазами залегли круги, гладко выбритые щеки запали, отчего лицо походило на обтянутый кожей череп.

Оглядев компанию, череп улыбнулся.

– Я не причиню вам вреда, – жрец указал на распылитель. – Оружие вам не понадобится.

А это уже Энцо решать, понадобится или нет.

– Один? Больше никого? – быстро спросил он, не торопясь убирать оружие. Жрец кивнул.

– Здесь были еще люди, но они ушли.

– А ты чего? – не понял Энцо.

– А я – смотритель этого места, я не могу его оставить. Вы бы хотели больше узнать о Конкордии? Мне кажется… – Он сделал паузу, подбирая слова. – Мне кажется, вам будет интересно.

Он смотрел в лицо Энцо, не на распылитель. Излучал спокойствие. Понятно, очередной фанатик. Удивительно, как его еще не пришили и храм не разбомбили. Видимо, у «пауков» другие цели.

– В другой раз, папаша.

Энцо поставил распылитель на предохранитель. Все равно остался настороже: ни патриции, ни жрец доверия пока не заслужили. Пока он доверял только Гаю, который заложил руки за спину и со сдержанным любопытством осматривал зал. К нему Энцо даже проникся невольным уважением. Козявка, а ведет себя, как настоящий мужик.

– Если хотите, можете укрыться здесь, – сказал жрец. –

Конкордия рада всем расам и народам.

– Так и сделаем, – буркнул Энцо. Не спрашивая разрешения, он прошелся к алтарю, поднялся по ступеням и уселся на скамью за мраморными стенами. В глубине виднелся ящик со сканером, видимо, для подаяний. Ящик не работал, как и все в проклятой курии.

– Здесь есть что пожрать? – крикнул Энцо жрецу. Тот поднял голову, уставился блеклыми глазами. Тоннельный слизень, вдруг подумалось. Медлительный, безобидный слизень с глазами на концах полупрозрачных рожек.

– Есть фрукты, но часть из них испорчена.

– Неси все, – махнул Энцо.

– Мы бы с удовольствием чем-нибудь перекусили, – кивнул Гиппократ, улыбнувшись, и жрец слабо улыбнулся в ответ.

– Подождите немного.

Он скрылся в тени за колоннами, двери за его спиной плавно сомкнулись. Даже ходил как-то странно, будто ему между ног прищемили. Хотя, может, так и было. Кто знает этих жрецов, чем они развлекаются на досуге?

Фыркнув, Энцо качнул головой. С силой потер лицо ладонями, отгоняя сон. Рядом прошуршала одежда, и кто-то сел.

– Флавий Анней – добрый человек, – донесся голос Гиппократа. – Ответственный гражданин, филантроп, покровитель сирот.

– Рад за него, – буркнул Энцо, глядя на мрамор под ногами.

– Он не такой, как все. Любому готов помочь.

Да что за нравоучения? Еще их не хватало! Энцо вскинул голову, посмотрел на Гиппократа в упор. Тот так и застыл с приклеенной улыбкой, сжался, будто Энцо мог ударить.

– Слушай сюда, дед. Хорошо быть покровителем и добряком, когда есть что пожрать, – он обвел рукой храм, – и где поспать. А когда жрать нечего, и дети подыхают, и легионеры гоняют с уровня, тут уже об одном думаешь. О жопе своей.

Гиппократа грубые слова не смутили.

– Но если каждый приложит немного усилий, то вместе мы изменим мир к лучшему, – сказал он. – Мы сможем.

Энцо уставился на старика. Марсовы яйца, да тот и правда верил своим словам, вон как глаза таращил! Лампы подсвечивали белый пух его волос, из-за чего казалось, что голова дымится. Руки сложены на коленях, на морщинистых запястьях штуки четыре сенсоров разного назначения.

Куда такому понять? Даже если сильно захочет, не сможет.

Из-за стены донесся глухой, но очень знакомый пшик. Энцо узнал бы этот звук из тысячи.

– Что-то случилось? – насторожился Гиппократ. – Вы что-то услышали?

Не ответив, Энцо нетерпеливо сбросил его руку со своего плеча, сбежал по ступеням и, крадучись, пошел на звук. Заметив, что Гай увязался следом, Энцо шикнул на него.

– Но я хочу… – затребовал Гай.

– Никаких «хочу», тут оставайся, – отрезал Энцо. Еще мелкого не хватало, следить за ним, чтобы не пришибли. Вытащив распылитель, он встал сбоку от дверей, за которыми скрылся жрец. Знаком велел бабам спрятаться, и те сразу рассосались кто куда.

Сканер у двери не работал, и Энцо легонько надавил на створку. Та беззвучно откатилась в сторону. Помещение, куда попал Энцо, было вытянутым, рассеченным стеллажами на несколько секций. На полках лежали рулоны тканей, какая-то пластиковая мелочь, сильно пахнущая химией жижа в колбах. В отдалении тьму разбавлял желтоватый свет «вечной лампы». И слышался шепот.

Энцо выглянул в проход – с места, где он стоял, видно не было. Подкрался поближе, сунулся за очередной стеллаж и оскалился от увиденного.

Жрец лежал на спине, раскинув худые руки. Над ним склонилось двое мужиков в черных куртках Земного Водоснабжения. Оба небритые, на руках защитные перчатки, на лицах респираторы. Один, повыше и посильнее, сунул «пиллум» за пояс. Второй старательно обыскивал тело жреца. Затем выпрямился, хрустнул шеей, разминая спину.

– Нету ни хрена.

Первый махнул на него рукой.

– По-любому должно быть, ищи лучше. И быстрей, в зале кто-то пасется.

– Да нет ничего, ни карт, ни цацек, – с раздражением повторил второй.

– Чип на руке есть?

– Точно…

Они склонились над телом снова, задрали жрецу рукава, стали осматривать его запястья. Один полез в набедренную сумку, вытащил сканер на батарейках.

Зрелище казалось знакомым. Так крысы сбегались на падаль в тоннелях. Оставишь мертвеца на ночь, не успеешь похоронить, а наутро на нем уже с десяток пирует. Снуют по телу, трутся друг о дружку, жадно попискивают, дерутся за кусочки пожирнее…

Энцо поднял распылитель, сделал два коротких выстрела. Два фонтанчика пыли взметнулись в воздух, и номера повалились

друг на друга, навзничь. Каждому не хватало полголовы.

Теперь в заряднике остался один выстрел. Негусто. Энцо перекатил убитого номера на спину, вытащил из-за его пояса «пиллум». Осмотрел, нажал кнопку диагностики и довольно хмыкнул, когда экран на рукояти выдал цифру «одиннадцать». «Пиллум», конечно, бил не так сильно, как распылитель, но при удачном попадании из него можно уложить замертво. Стоило прихватить с собой.

Лицо жреца было мирным, гладким. Энцо на своем веку повидал достаточно жмуриков, и мало кто не таращил остекленелые глаза и не вываливал язык. А этот лежал себе, типа спать прилег. Кажись, сама Конкордия подогнала ему благодати.

И снова у Энцо не было монетки, чтобы накрыть глаза. Что за невезуха.

– Что там? Что? – подбежал Гай, когда Энцо вернулся в зал.

– Ничего, – отмахнулся тот. – Пошли отсюда.

* * *

Раньше на порог «Нимфы» его бы даже не пустили. В эту пафосную стекляшку ходили богатые патрицианки и туристы. Мышиного цвета здание походило на перевернутый стакан, купол прозрачный, как стеклянное дно, магазины расположены по кругу, а посреди, с первого до последнего этажа – гигантский цилиндр-аквариум, теперь разбитый и пустой.

Раньше «Нимфа» мигала рекламой и подсветкой, как телепанель, кричала музыкой и сотнями людских голосов. Теперь она выглядела мрачной и покинутой. Очень мрачной и очень покинутой, с дырами выбитых окон, кровью и налипшими волосами на полотне замершего траволатора. Энцо даже не заходил бы туда, не шатайся по уровню «пауки».

В животе предательски заурчало. Сколько они уже не ели и не пили? Двенадцать часов? День? Энцо потерял счет времени. Язык прилип к небу, навалилась слабость.

Он толкнул дверь, вошел первым, осмотрел холл через прицел «пиллума». Уходящие к куполу кольца этажей, в овальном пролете между которыми парила рекламная панель. Разбитые витрины, разбросанные по полу вещи и дохлые рыбины, которые страшно воняли. Мертвое тело у диспенсера с водой. Он даже не стал всматриваться – меньше знаешь, крепче спишь.

– Где здесь пожрать? – спросил у подошедшего Гиппократа.

– С сорокового по пятидесятый этажи, – ответила за него блондинистая девица-патрицианка и улыбнулась. Энцо невольно

вытаращился на ее зубы: идеально ровные, белые. Очень неестественные.

– Что, прям десять этажей со жрачкой?

– Все десять, да, – радостно кивнула девица, будто сама эти этажи придумала и отгрохала. – На любой вкус.

Энцо задумчиво кивнул. Неправильно это. Зачем целых десять этажей, чтобы набить брюхо?.. Брюхо-то одно, ему немного надо.

– Веди, – он развел руками. Девица припустила через холл, мимо неработающего подъемника, к колонне из тонированного стекла, за которой оказалась пожарная лестница.

А на тридцатом девицу застрелили.

Голова просто раскололась, плеснула кровью. Горячее заляпало спецовку, тело повалилось на Энцо и дважды дернулось под новыми выстрелами. Еле удержав равновесие, Энцо выстрелил в ответ. Ясен пень, не попал.

Палили с верхнего пролета, с тридцать первого этажа. Откуда точно, Энцо выяснил через несколько минут, уже из прикрытия. Лестница наверху была пуста, но он был уверен – стоит ему подняться, как его превратят в решето. Они ждали, что он так сделает. Они думали, что выбора у него нет.

Улучив момент, Энцо выскочил на этаж и пробежался до края балкона. Оттолкнулся от перил, зацепился за стропу рекламного плаката. Конструкция качнулась, Энцо рывком подтянулся выше, обдирая ладони.

Выше. Еще выше.

Стрелок стоял близко. Спиной почти упирался в ограждение, держал выход с лестницы под прицелом. Энцо качнулся сильнее, уцепился за перила. Уловив движение, парень обернулся, но слишком поздно – Энцо ухватил его за шиворот и сбросил в пропасть между этажами. Даже рассмотреть толком не успел, только темные волосы и клетчатая рубашка, за ворот которой он ухватился.

Второго он разглядеть смог – после того, как прожег ему грудь в трех местах. Молодой, легко и модно одетый, с усиленным позвоночником. Тот, затухая, мерцал сквозь рубашку голубоватым еще некоторое время после остановки сердца. Фыркнув, Энцо качнул головой. Зачем такой прибамбас, если даже стрелять и двигаться в бою толком не умеешь? Деньги на ветер. Ни номера на затылке, ни легионерского клейма на запястье, на шее знак Марса. Энцо сорвал его вместе с цепочкой, проверил оружие. То было закодировано на отпечаток пальца.

Патрицианская сволочь. Малолетка, возомнивший себя воином. Энцо сплюнул на оцепеневшее лицо, вытер губы рукавом.

Взял в руки оружие, будь готов, что пришьют, как собаку.

– Еще, мля, есть желающие? – проорал Энцо в пролет между этажами. Крик эхом разнесся по этажам.

Больше желающих не нашлось. Народ здесь прятался, это точно, но вылезать не торопился. Хорошо, что легионеров не было. Энцо снова с досадой вспомнил о бункерах. Наверняка там засели, под защитой силовых полей, бронированных стен и маскировки.

Он сбежал по ступеням на тридцатый. Все молчали. Тряслись, смотрели украдкой на обезображенное тело. Энцо не было их жалко. Да, вот так бывает в реальном мире. Пора привыкать.

– Пошли, – бросил грубовато. Бабы двинулись наверх, огибая лежащее тело убитой девчонки. Та кривила заляпанные кровью губы – единственное, что осталось от лица.

– Ей было больно? – спросил Гай. Глаза его были сухими, он строго смотрел на убитую, как будто злился на бабу, что та подвернулась под выстрел. Или, может, что не сумел помешать.

Энцо тоже это бесило.

– Не думаю, малой, – ответил он и легко подтолкнул мальчишку к лестнице. – Давай, живей.

Хотя куда им торопиться, он сам не знал. Бежать-то было некуда. Только сидеть в торговом центре и ждать, кто придет первым: «пауки» или патриции.

Вышли они на тридцать втором, бабы устали топать. Двинулись вдоль магазинов, судя по указателям, к столовой. Манекены белели в глухой тьме магазинов, провожали их пустыми взглядами, и Энцо каждый раз хотелось по ним пальнуть. Каждый раз мерещилось, что это – живой человек. Тихо было, тише чем в пустоши у Десятой курии. Мертво.

Дальше, за стеклянными стенами раскинулось тряпичное море. Вешалки с тряпками заполняли этаж от стены до стены, высотой с Энцо, а то и выше. Таблички у потолка указывали отделы: «Женская одежда», «Мужская одежда», «Обувь», «Одежда для перелетов». Выход маячил на другом конце.

Энцо пошел впереди. Держать направление удавалось с трудом, – создатели магазина будто специально не делали прямых ходов. Идти приходилось кругами, мимо всего шмотья, которое они собрали. Здесь Энцо было не по себе. Он прислушался. В отделе женской одежды что-то прошуршало и стихло, но за шагами патрициев было не разобрать, где именно.

Энцо жестом велел остановиться. Точно, в глубине женского отдела что-то жужжало, стукало и шелестело. Ритмично, как сломанный аппарат. Энцо прокрался вдоль ряда, держа палец на спусковой кнопке. Сунулся за угол, готовый стрелять, но

разглядев источник звука, опустил оружие.

На полу лежали тела консультанток с номерами на затылках. Обе смотрели на Энцо под неестественным углом. Кто-то свернул им шеи, причем, не вчера. Тела покрылись волдырями, под лицами натекла кровавая пена. В бок одной тыкался робот-уборщик, щекотал ее усиками щеток. Объезжал по дуге и снова утыкался, пытался замести ее в себя.

Зашуршало, и из одежды вынырнули двое: тощая белая баба и такой же мелкий мужик.

– Что за б… – Энцо выдохнул, как на иголках от подкатившего адреналина.

Патриции смотрели в дуло его «пиллума» не отрываясь и медленно, как по команде, подняли руки. Тут же подоспел Гиппократ, тронул его запястье, и Энцо послушался, опустил оружие.

– Спокойно, мой друг. Спокойно. Они не представляют опасности. Давно вы здесь? – обратился Гиппократ к патрициям.

Мужик скосил жучиные глазки на Энцо, криво улыбнулся. Хотя веселиться было не от чего.

– Два дня. Может, три. Нас было много, но все ушли с легионерами.

– А мы остались! – встряла баба. Выпрямившись, она оказалась высокой, настоящая жердь с глазами.

– Да, мы не пошли. Скоро все это закончится, зачем куда-то уходить, правда? – Мужик развел руками. – Скоро же все закончится.

Гиппократ расплылся в улыбке, прокурлыкал что-то вежливое в ответ. Энцо уже их не слушал. Быстро оценил: оружия у них не было, больше никого не было видно. Навредить вряд ли смогут.

– Кто их убил? – он кивнул на девушек-консультантов.

– Не знаем, – сказал мужик. – Здесь были какие-то номера…

– Да, номера, – кивнула баба.

– Но мы спрятались.

– Да, мы спрятались, – баба снова кивнула. – Вы не могли бы их убрать? – поинтересовалась она, облизнув тонкие губы. Глаза у нее были, как у кликера, большие и стеклянные.

– Кого? – не понял Энцо.

– Их.

Она указала на тела длинным красным ногтем.

– И куда я тебе их уберу?

– Вы же номер, вы должны знать такие вещи, – возмутилась баба.

– А вы легионер? – перебил ее мужик. Теперь он смотрел настороженно. Гиппократ беспомощно заметался взглядом,

замахал руками, подавая Энцо сигналы. Но тот срать на них хотел.

– А я похож? – Он уже был готов двинуть патрицию. А потом его бабе, оба одинаково ему не нравились.

– Но вы не имеете права носить оружие, если не являетесь легионером. Мы вынуждены вызвать настоящих легионеров.

– Вызывай, чо. – Энцо пожал плечами. Пускай вызывают, а он посмотрит.

Кивнув, мужик принялся судорожно жать на сенсопластину на своем запястье. Она была чем-то испачкана, как и манжета рубашки. Что-то засохло, то ли дерьмо, то ли рвота.

– Не работает, как же так? – пробормотал патриций и вновь скрылся в тряпье. Баба нырнула за ним, яростно зыркнув напоследок. Из-за платьев донеслось шушуканье, шаги пересекли зал, и парочка выскользнула из магазина. В отдалении переговаривались оставшиеся бабы, слышался тонкий голос Гая.

– Уроды чокнутые, – Энцо пнул стойку с вешалками, и та повалилась, раскидав яркие платья.

– Не надо, – мягко попросил Гиппократ. Облако его седых волос светилось в полумраке.

– Чего не надо, мля? – ощетинился Энцо.

– Не ругайтесь на них. Они… Вы же видели, что они не в себе. У них своя печаль.

Энцо фыркнул. Печаль, ну да. Пусть они расскажут о ней девчонкам-продавцам, у тех печали уже нет. Вообще никакой.

Он перешагнул холодные ноги.

Жрать хотелось так, что кишки в узел свернулись.

* * *

Энцо затолкал остатки бутерброда в рот и полез на кухню за добавкой. Перебрал пакеты на полках холодильника, затем порылся в охлажденных заготовках. Накидал еду прямо на поднос, без тарелок: жареные куски курицы, картошку, засохшую лепешку и кучу каких-то колобков, слепленных из крупы и мяса. Щедро полил все это соусом. Марсовы яйца, как же хорошо…

– «Курцепс» я бы вам не советовал, – влез Гиппократ. Он ел неспешно, откусывал бутерброд понемногу и прожевывал минут десять, как будто жрать не хотел. Рядом ковыряла макароны хромая медсестра. Они со стариком вроде как поладили, всю дорогу шли рядом, а теперь за один стол сели. Правда, молчали, как рыбы. Может, Энцо мешал, может, еще что. Плевать.

Он глянул на мясо, которое выбрал. Нормальные куриные

ноги, острые, мясистые, с хрустящей коркой и жирком. В тоннелях такие бы с костями сожрали.

– Это ещё почему?

– Употребление генномодифицированной птицы негативно влияет на активность головного мозга, сосуды, сердце и потенцию.

– И потенцию? – уточнил Энцо.

Гиппократ кивнул, и аппетит к куриным ногам резко уменьшился. Не пропал, нет, но поутих. Энцо запустил пальцы в лоток с картошкой и стружками соевого мяса. На вкус было очень даже. И чего никто не ел? Все расселись по здоровенному, уставленному столами залу и ресторанам вокруг. В одном, правда, обосновалось семейство номеров, и Энцо со своими патрициями туда не лезли.

– Вы позволите мне осмотреть вашу ногу после обеда? – Гиппократ обратился к медсестре, затем глянул на Энцо. – И ваше ребро, Двести Шестой.

– Энцо, – отозвался Энцо.

– Что, простите? – нахмурился Гиппократ.

– Меня Энцо зовут, а не Двести Шестой.

Нарушение закона, ну да, хотя ему плевать. Зовите легионеров, давайте! Вот только где они сейчас, эти легионеры?

– Хорошо. Энцо, – осторожно кивнул Гиппократ. – Меня зовут Марк Терренций Катон.

– Угу. – Энцо решил не запоминать. Звать Гиппократом куда проще. – А тебя как? – он сунулся к медсестре, больше из желания насолить им всем, чем познакомиться. Пусть знают и называют его по имени. Он человек, а не машина с серийным номером.

– Веста, – бросила медсестра.

– В честь богини, что ли?

Веста молча уставилась на Энцо, будто хотела нос откусить. Макаронина сползла с вилки, оставив кровавый помидорный след на рукаве медкостюма.

Да чего эта бабища вылупилась?

– Я типа разговор поддержать хотел, – Энцо развел руками.

– Не надо ничего поддерживать, – отрезала Веста и намотала макаронину обратно.

Не надо поддерживать? Типа «не говори со мной, номер», да? Сука заносчивая… Таких надо сразу ставить на место.

– Как скажешь. – Энцо уставился на нее исподлобья. – Номерам надо помалкивать, да?

– Я имела в виду не это.

– А что, мля? – Он раздавил пальцами картофельный ломтик. – Вы ж нас за людей не считаете. Мы же, типа, автоматы

для уборки, приготовления пищи, всегда можно заменить. А можно и пристрелить.

Лицо Весты скривилось, как в приступе боли.

– Стрелять – это по вашей части. – Она резко отодвинула стул, так, что его ножки с визгом проскребли по полу, и ушла, прихватив поднос.

Гиппократ качнул головой.

– Зря вы так.

Энцо указал на уходящую Весту.

– А она не зря языком чешет? Я, вообще-то, ее жопу из тоннелей вытащил, могла бы и спасибо сказать. Или просто не гавкать для начала.

– Вы многого не знаете. Два года назад Веста потеряла сына.

– А я здесь при чем?

– Его убили в перестрелке у театра «Деймос».

Вон оно что. На нижнем уровне часто такое. Номера там посмелее, много клик-дилеров, которые тусят у входов в тоннели. Видят легионера – шмаляют без разбора и лезут вниз, разбегаются, как тараканы. Вот и зацепили небось. Прохожим там часто достается, особенно по ночам.

Доставалось. Сейчас достается всем без разбора, все равны.

Энцо вгрызся в хрустящий «Курцепс». Похрен, с одной тарелки стоять не перестанет. Может, уже завтра подохнет, потому жрать надо от пуза.

– И чего она туда поперлась, с ребенком-то? – сказал с набитым ртом.

Этому вопросу Гиппократ почему-то удивился.

– Веста там работала. Сына не с кем было оставить, и она брала его с собой. – Он разжевал остатки бутерброда, запил соком из автомата. – Я же вам говорил, у всех свои горести.

Не с кем сына оставить, надо же. Значит, и у патрициев бывают проблемы с баблом.

– Многие больницы так делают, – добавил Гиппократ. – Даже организовывают детские комнаты за вполне умеренную плату. Знаете, молодых матерей это очень выручает.

Энцо отыскал Весту взглядом. Та сосредоточенно жевала, вся натянутая, как струна.

– Я в восемь уже сам работал. Пер всякую лабуду с рынка, – сказал Энцо и сунул в рот горсть жареной картошки. Вкусная картошка, просто отличная, хоть и холодная.

– Лабуду? – непонимающе сощурился Гиппократ.

– Ну там жратву, тряпки, клики для мамки. Что-то себе брал, что-то загонял или обменивал.

Картошка вдруг потеряла вкус. В груди погано сдавило, как

бывало всякий раз, когда он вспоминал их старый контейнер. Тесный сумрачный мирок его детства: зеленую краску на стенах, битую телепанель, которую мать включала, когда ширялась. Нарисованные человечки, белозубые ведущие шоу и яркая реклама сменяли друг друга, сливались в многоцветную липкую ленту, смешивались с бормотанием с лежака, с кислым запахом пота и немытых ног. С ровным дыханием сестры – она всегда засыпала под телек.

Мать кололась, сколько Энцо ее помнил. Неудивительно, что дети у нее родились как на подбор: один без руки, вторая без глаз. Хорошо не с рогами.

Заметив долгий взгляд Гиппократа, Энцо уткнулся в поднос и сосредоточился на еде. Еще жалости ему не хватало. Не нужна ему жалость, он сильнее любого из патрициев. С ним было такое, о чем они, мля, думать боялись.

Гиппократ откашлялся.

– Я, как мне кажется, уже рассказывал вам о своей дочери. Большая умница. Работает хирургом во Второй курии. Вы бы видели, как ловко она управляется с этими новыми лазерами и манипуляторами, очень ловко…

Энцо хотел было ответить, что, может, Второй курии с той больницей и лазерами нет уже. Но, глянув на старика, прикусил язык.

– Она звонит мне каждый день, – продолжал Гиппократ по дороге к коммуникационной панели на стене ресторанного дворика. – Сейчас, наверное, волнуется, все ли в порядке. Если я верно помню ее номер, он заканчивается на…

Он стукнул по темному экрану пальцем. Затем еще раз, уже настойчивее.

– Я что-то не так делаю? – поинтересовался, обернувшись.

– Связи нет, – устало сообщил Энцо. – И света. Нигде.

Гиппократ уставился на него, затем на микрофон, словно тот мог пояснить причину.

– Нет связи?

Энцо мотнул головой.

– То, что происходит, весьма странно. – Старик вернулся, сел, упершись узловатыми костяшками в стол. – Но я уверен, что данная ситуация скоро разрешится. Флот императора уже на пути к Земле и разберется с инопланетными машинами, откуда бы те ни явились. Наша армия – лучшая в обитаемой Вселенной.

– Наверняка, – буркнул Энцо. Желания спорить не было, лишь изматывающая тяжесть, которой налились руки, ноги и голова. Только набив живот, он почуял, как устал.

Спать решил на диване обувного отдела, среди золоченых

сандалий, туфель и ботов с антигравитацией, пару из которых Энцо прихватил себе. Тела девчонок-консультанток он оттащил в кладовку, натянул капюшон, распылитель сунул под бок, «пиллум» – под голову, и ненадолго отключился.

Спалось плохо. Сперва почудилось, что девчонки выбрались из кладовки и ползут к нему, подтягиваясь на руках и волоча перебитые ноги. Одна все время стукалась о плиты лбом – голова не держалась на сломанной шее. Потом показалось, что в здание попал снаряд и купол обваливается на голову мятой скорлупой. А осколки рассекают воздух…

Часа через два Энцо вздрогнул и окончательно проснулся. Галерея синела в полумраке. Несколько баб спали на диванах, укрывшись одеялами из магазина «Все для дома». Ресторанный дворик плыл в круге холодного света, который лился откуда-то сверху. Энцо подошел ближе, задрал голову и улыбнулся. В пролом в куполе светила круглая, как монета, луна. Казалось, можно различить пятно брошенной станции на южном полюсе и кратер, оставшийся после падения метеорита лет этак сто назад. Оказывается, она была яркой, очень яркой. Просто никто этого не замечал.

Энцо прошелся туда-сюда. Проверил лестницы, сожрал еще «Курцепса». Нашел Весту на диване у туалетов. Она не спала, а, услышав шаги, обернулась и нахмурилась. Явно не рада, что он приперся.

Зря она. Он же не виноват в том, что случилось с ее пацанчиком.

– Эй, слышь, – Энцо остановился в паре шагов. Почесал затылок, не зная, куда деть руки. – Мне это… Жаль твоего мелкого, короче.

Она сжала губы так сильно, что они побелели. Кулаки тоже сжала, будто хотела двинуть и посильнее.

Энцо проглотил напрашивавшуюся грубость. Надо помягче.

– Без обид, но ты не одна такая, – сказал. – У меня вот сеструху патрик насмерть сбил. Бухой в дымину, и его даже не судили.

Между ними снова повисла тишина. На ресторанном дворике что-то зазвенело, и Энцо дернулся, положив руку на пистолет. Но там шуровала баба из их компании. Заметив взгляд Энцо, она виновато улыбнулась и махнула ему рукой.

Когда он обернулся, Веста убрала с дивана ноги, освободив место. Дождавшись, когда Энцо сядет, она закатала рукав и нажала на сенсорную пластину на запястье. Мазнула пальцем в воздухе, выбрав что-то, видимое только ей, и между ними повисла легкая, как срез тумана, голограмма мальчишки. В его

улыбке не хватало переднего зуба, на чистеньком костюме нашита эмблема с орлом. Какая-то имперская гимназия. Загорелое лицо, цыплячья шея, оттопыренные уши.

– Ему было восемь, – сказала Веста.

* * *

Их голоса он услышал не сразу. Сперва подошел Гай.

Шаркнул ногой, втянул воздух, крепко настоянный на цветочных маслах, глянул на обрезок резинового шланга, на который Энцо старательно накручивал гайки.

– Зачем это?

Энцо закрутил посильнее, взвесил в руке. Крутанул, и гайка свистнула, рассекла воздух.

– Чтоб черепушку пробить.

Гай кивнул с серьезным видом, будто много понял.

– А это? – он указал на батарею пузырьков у ног Энцо. Зеленые и сложносочиненные, на каждом этикетка с цветами, название духов и слоган-обещание сделать мир прекраснее. Наполнены чистейшей аккумуляторной жидкостью для садовых машин и еще кое-какой дрянью для реакции. Чего только не найдешь в супермаркете.

– Это салютики.

– Салютики?

– Подарочки тем, кто к нам полезет, – пробормотал Энцо, проверяя, хорошо ли сидят гайки. Вроде крепко, соскочить не должны.

Гай мялся, словно хотел сказать еще что-то, и Энцо бросил на него косой взгляд.

– Ну говори уже.

– Внизу номера из тоннелей. Много, – сказал мальчик.

Энцо хотел было его отругать, чтоб больше не называл хороших людей номерами, но вдруг понял весь смысл фразы.

– Чего ж сразу не сказал? – бросил, уже прыгая через ступеньки.

Их было человек пятнадцать. С места, откуда наблюдал Энцо, можно было различить бритые затылки, оружие в руках, пушки и дубинки. Номера переговаривались и гоготали, даже не скрываясь. Один саданул дубинкой по витрине, выбив остатки стекла. Привлекали внимание, понял Энцо и увеличил кратность съемного окуляра, который раздобыл в магазине с охотничьими товарами. Жаль, ружей и гарпунов в том магазине не осталось.

Все из парней внизу были «псами» Два Ноля. Откуда взялись

здесь? Если пришли за ним, то как узнали, где надо искать? Неужто по запаху выследили, через полкурии?

Маячок. Энцо похолодел. Точно, ему же впаяли чертов маячок. Коммуникаторы не работали, зато коротковолновые маячки – нате пожалуйста, пашут исправно. И если он останется с патрициями, то приведет «псов» к ним. Полная задница.

Он присел на ступень под выбитой витриной. Тяжело оперся ладонями на колени.

Нужно решать и быстро.

Сперва он собрался: натолкал в рюкзак заготовленные пузырьки из-под духов, резиновую трубку сунул в рукав. Затем, как заботливая нянька, нашел своих патрициев. Те, разумеется, ни о чем не подозревали и страшно удивились, когда Энцо описал им жопу, в которой они оказались, велел собираться и уносить ноги. «Пиллум» он вручил Весте, оставив распылитель с единственным зарядом себе.

– Дождитесь выстрела, понятно? Спускайтесь там, – Энцо махнул рукой в сторону северной лестницы, – когда они уйдут за мной. На верхние уровни не поднимайтесь и в тоннели не суйтесь. Ясно?

Под их недоуменными взглядами он снова почувствовал себя нянькой. Да без него они быстро влипнут в какое-нибудь дерьмо, как пить дать.

Веста отобрала у него окуляр, быстро перегнулась за перила и глянула вниз. Так поджала губы, что Энцо понял: времени совсем не осталось.

– Мы за тобой вернемся, – сказала, сунув «пиллум» за пояс.

– Да, да, валите уже, – отмахнулся Энцо. Нафига врать? Все знали, что за номером и марсианином никто обратно не полезет.

Веста глянула с укором, махнула остальным рукой и повела их в сторону лестницы.

– Мы вернемся за вами, юноша, – повторил Гиппократ и тоже скрылся. Хороший он, старый пень. Лишь бы за Гаем приглядел, жалко мальца.

Ну да ладно.

Энцо вытащил распылитель, проверил заготовленные флаконы. Помирать, так с музыкой.

– Скоро увидимся, Малая, – пробормотал он.

На миг показалось, что она ответила: мороз пробрал по коже, легкое дуновение коснулось вспотевшей шеи. Энцо обернулся, но за спиной никого не было.

Пустота.

Темнота.

* * *

Расклад был таким: «псы» разошлись по нижним этажам. Выше не поднимались, никуда не спешили – знали, что мимо все равно никто не пройдет. Лифты не работают, из окон кидаться можно, но бесполезно.

Он укрылся в салоне машин и легких челноков, занимавшем восточный угол первого этажа. Бронешторы закрывали окна, не пропуская свет, что было очень на руку. Если внутри кто-то и прятался, то у него были большие проблемы, учитывая, что задумал Энцо.

Он открыл заглушку топливного элемента на боку синей «кассиопеи», припаркованной у входа в салон. Как и думал, она была заправленной. Красавица, с жалостью подумал, погладил хромированный бок и сунул в отверстие шокер от собачьего электроошейника, который добыл в зоомагазине.

Теперь надо привлечь внимание.

Вот уж что было проще некуда. Энцо просто выстрелил в ближайшего «пса». Не особенно надеялся, что попадет, – слишком большое расстояние для стрельбы без окуляра. «Пес» ушел от выстрела, пролаял команды остальным, и те стянулись к салону. Вот так, подумал Энцо, уходя вглубь, вдоль ряда машин. Весь вспотел от напряжения, но голова оставалась до странного чистой.

– Что, не сидится в тоннелях? – проорал он. В ответ свистнула пара выстрелов.

– Вылезай, шлюха! – крикнули снаружи. – Вылезай сам, тогда драть буду нежно.

– Неа, – отозвался Энцо. – Сморчок не дорос.

Пускай заходят. Они должны подумать, что он безоружен, примчаться, чтобы взять готовенького.

Сперва смолкли выстрелы. Затем на светлом фоне входа показались тени: сперва две, очень осторожные. Затем «псы» осмелели, и зашло еще человек восемь. Энцо подавил желание закидать их оглушающей смесью. Не сейчас, нужно немного подождать.

– Свалил, что ли? – донеслось приглушенное.

Энцо ухватил металлическую болванку и прокатил ее к дальнему углу. На машину, за которой та зазвенела, тут же обрушился шквал выстрелов. Энцо, не теряя времени, побежал в противоположную сторону. Вслушивался, ловя сопение, шаги и скрип стекла под ботинками.

Что-то щелкнуло впереди.

Он поднял голову. Шагах в двадцати от него стоял парень.

Видел его, целился в него, и Энцо, не теряя времени, подался за машину. Место, на котором он только что стоял, задымилось от выстрелов. Послышались голоса: остальные «псы» шли в их сторону.

Проклятье! И как только сумел подкрасться так тихо? Марсианин?

Энцо швырнул в его сторону бутылкой, затем еще одной, звякнуло и полыхнуло. Второй «салютик», похоже, достал – за машиной заорали, забегали. Энцо помчался к выходу, петляя между рядами.

У выхода дежурил парень – ниже, слабее, но вооружен «пиллумом». Вспыхнул лазерный маячок, и плечо как иглой прошило. Запахло горелым. Не останавливаясь, Энцо хлестнул его самодельной дубинкой по голове, добил с локтя и снес с дороги. Пробежал до угла и вдавил наконец кнопку на пульте электроошейника.

Взрыв подбросил аж до балкона. Энцо сгруппировался, перекатился, вскочил на ноги. Сработало как надо: сперва бахнуло топливо синей «кассиопеи», а затем остальные машины по цепочке. Салон был объят огнем, жар стелился такой, что ботинки плавились. Простреленное плечо болело, но кровь не текла, луч сам прижег рану. Оно того стоило. Вон как «пес» вылупил зенки, когда Энцо не остановился и залупил ему с локтя. Энцо сплюнул и довольно оскалился. Вот это хорошо, вот это по-марсиански.

Над головой свистнул заряд, пришлось нырнуть за колонны. Оставшиеся «псы» подтянулись с верхних этажей.

Хорошо, что палить с балкона было неудобно: мешали колонны, рекламные плакаты и всякие мраморно-позолоченные нашлепки. Энцо рванул к выходу, чуток попетлял по залу, из укрытия в укрытие, и оказался снаружи. Здесь «псы» никого на шухере не оставили, идиоты.

Интересно, успел ли выбраться его курятник, гадал он, припустив по лестнице. Если нет, то им полная жопа. Пламя разгоралось и гудело, стекла лопались. Сгорит центр, ко всем хренам сгорит.

Хотя ему-то что? Все равно никого из них он больше не увидит.

Сзади зазвенело, прожужжало, и Энцо, не думая, прыгнул за лестничное ограждение. Падать оказалось высоко, но он качнулся на каком-то кабеле – спасибо пришельцам, током не шарахнуло, – и приземлился на крышу запаркованной тачки. Спрыгнул с нее, ботинок скользнул в чем-то податливом и влажном, и Энцо рухнул лицом в асфальт. Обернувшись, встретился взглядом с

глазами легионера, пустыми, как стекляшки. Давно мертв, синий, как его форма. Рукой он зажимал живот, из которого натекли кровь и внутренности. На них-то Энцо и поскользнулся.

– Фу ты, – пробормотал, торопливо поднимаясь. Ноги были измазаны по колено, воняло хуже, чем сортир в тоннелях. В просвете над головой, между лестницей и стеной торгового центра, замелькали тени, послышались голоса.

Энцо припустил со стоянки, грохая прямо по крышам тесно стоящих машин. Выбежал на проезжую часть, но, заметив «псов», нырнул в проулок на противоположной стороне дороги. Узкий проезд перегородили пустые фуры, похоже, их использовали орлики вместо баррикад. Кузова прострелены, один проломлен, будто на него наступили сверху. Может, так оно и было. Энцо мрачно поежился.

Низкий рокот, донесшийся с небес, заставил его податься к стене. В просвете между зданиями проплыла знакомая тень: полусфера корпуса и сложенные вместе лапы. Вот же Марсова жопа, они еще и летать умели!

«Псы» на инопланетную хрень плевать хотели, они уже бежали по той стороне дороги. Энцо пролез через дыру в кузове ближайшего грузовика. Вылез с другой стороны, перебрался через капоты стоящих морда к морде машин. За ними был тупик, а в тупике настоящее месиво. Человек пятнадцать, один на другом, все раздавлены, размазаны по асфальту. «Пауки» потоптались, не иначе.

Он сел за перевернутым прицепом, вжался затылком в тугую резину чехла с ярким названием какой-то компании. Отвел взгляд от мяса и мух, и прислушался.

Кто-то подобрался ближе. Это он зря, песок под его ботинками скрипел громко, каждый шаг слышен. Неудачник, бесшумно ходить не научился. Энцо взвесил последний флакон в руке и бросил с навесом. Тот описал дугу, полыхнул. «Пес» выкатился из горящего укрытия, обстрелял машину, за которой сидел Энцо.

Отвечать уже было нечем.

Песок скрипел под чужими подошвами все ближе. Энцо уставился на лаз между прицепом и стеной, сжал дубинку в руке. Всех не убьет, но одному башку проломит. Может, двум, если в голову не пальнут. Двоих утащит с собой, неплохо…

Его оглушил стрекот очередей. «Псы» за грузовиком палили и орали. Что-то хлопнуло, ветер отнес удушливое облако дыма на Энцо.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Он ощупал себя – новых дырок в теле не появилось.

Что произошло?

– Чисто, – услышал преломленный динамиком голос и вспотел.

Только легионеров не хватало. Эти убивать не будут, эти любят совать в морозилку. Номера, набитые над ключицей, заныли. Энцо уставился на небо, почти желая, чтобы сейчас, вот прямо сейчас на него свалился «паук». Лучше это, чем еще одно крио.

Но «паук» не упал. Сперва из-за угла показался распылитель, затем парень в экзокостюме, который едва уловимо сливался со стеной. Лица за забралом видно не было, на шлеме три красные полосы. Угрюмо глянув на дуло распылителя, Энцо сцепил руки на затылке. С колен не поднимался – все равно поставят обратно. Орлики любят номеров в такой позе.

– Двести Шесть?

А он откуда знал? Энцо вроде как лицом к нему стоял.

– Ага, – буркнул.

– Вставай. Руку давай, – сказал экзокостюм. Энцо не понял, какую именно руку орлик имеет в виду – живую или имплантат, – поэтому поднялся и вытянул перед собой обе, тыльной стороной ладони вверх.

Легионер сунул распылитель в плечевое гнездо, задрал рукав куртки Энцо и прижал к венам на локте прибор с коротким плоским дулом. Нажал. Руку кольнуло, голова на миг закружилась. Глушилка, надо же, сообразил Энцо. Теперь маячок в его крови обезврежен. Но как, почему?

Где наручники?

– 4–1, мы выдвигаемся, – сказал легионер.

– Что такое 4–1? – подал голос Энцо.

– Бункер, – коротко ответил орлик. – Подъем, Двести Шесть.

– Я же говорил, что мы вернемся за вами, молодой человек, – сказали за спиной. Обернувшись, Энцо встретился взглядом со стариком в грязном врачебном комбезе. Старик выглядел очень довольным, вставные зубы так и блестели на свету.

Энцо расплылся в кривой улыбке, не веря своей удаче.

Вот же Гиппократ. Вот же старый пень!

Rei gerundae causa

Взрыв. Еще один. Они все ближе, так близко, что пыль лезет в глаза, что песок горстями падает поверх щита стрелковой ячейки и присыпает ноги. Из-за ранения спина болит так, что руки отнимаются. Дышать в маске тяжело: воздуха в баллонах мало, пришлось выставить экономный режим. Но Луций терпит. Ему грех жаловаться, могло быть куда хуже.

Рядом в нише лежит Флавий, славный малый с дырой в голове. Он бредит уже второй день, никак не приходит в себя. Его скафандр кое-как залатал собственные повреждения, но Флавию он помочь не может. Только остановил кровотечение и обколол наркотиками. Флавий лежит в скорлупе и медленно вялится на жаре. Растворяется в забытье.

Забытье. Может, командование тоже забыло о пятой декурии? Где группа прикрытия, куда пропала? Некс молчит, хотя во время боя разрывался от сообщений и приказов. Луций выжил лишь благодаря вживленному «пульсару»: стрелял быстрее, чем успевал понимать, во что стреляет. Правда, сейчас проклятый имплант вышел из строя, больше нет автоприцела, приходится рассчитывать лишь на природные рефлексы. Зарядов в «гидре» осталось мало, может, человек пять зацепит, но не больше.

Только маячок на скафандре бодро мигает зеленым.

Вдруг их декурию никто не ищет? Вдруг подумали, что никто не выжил?

От этой мысли тошнит.

Спокойно. Спокойно. Скафандр передает сигнал, значит, есть шанс.

Луций облизывает губы, втягивает воздух из баллона. Снова глядит на панель на рукаве. Повстанцы еще далеко, пока не выбираются из укрытий. Но скоро начнут, да. Обязательно поймут, что Луций остался один. И тогда вылезут из горных щелей, доберутся перебежками до его траншеи.

Может, уже поняли.

Может, уже идут.

Тихо. Только стрекочут жуки-падальщики, выползают из песка и забираются в развороченные костюмы убитых. Скоро появятся черви, долго оставаться рядом с телами нельзя. И бежать некуда, стоит высунуться из траншеи, и останешься без головы, Флавий доказал.

На забрале шлема загорается сигнал: остановка сердца в синхронизированном скафандре. Пару мгновений Луций медлит, смотрит на пульс алой точки. Затем подбирается к Флавию,

отстегивает его шлем и касается шеи. Вздувшаяся кожа под пальцами еще теплая, но пульса и правда нет.

Теперь он один.

Дышать все тяжелее, воздух заканчивается. Затекшие ноги покалывает.

Раскаленно-зеленоватое небо перечеркивает белая линия. Затем еще одна. Звук доносится с опозданием – тяжелый рокот накрывает с головой, ударная волна отдается в земле. Луций еле сдерживает стон. Пришли-таки. Они пришли.

Вот только воздух закончился. Дышать нечем…

* * *

Луций распахнул глаза, вцепился в лицо, силясь содрать чертову маску. С хрипом сделал глубокий вдох.

Нет маски. Нет иридийского зеленого неба, нет Флавия. Над головой низкий потолок с полосами вмурованных ламп. Какие-то провода, холодный кондиционированный воздух.

Он в бункере. Да, точно. В медблоке, один. Вчера кто-то тихонько выл в углу, вой обрывками прорывался через пелену медикаментозного сна. Но теперь в палате тихо. Всех увезли в холодильник.

Воспоминания медленно возвращались, вплывали в сознание туманными обрывками. Отказали системы шаттла. Луций катапультировался, неудачно приземлился на окраину космодрома. Он помнил застланную дымом и облаками рассветную желтизну. Кто-то тащил его, тянул за ноги, отчего спина в месте старого ранения раскалывалась. Луций хотел послать этого настырного кого-то, но язык не ворочался, мысли не желали формироваться в звуки. Вокруг гремели взрывы, с неба падали обломки. Его перевалили на носилки, а после он погрузился в беспамятство. Иногда выплывал из него в серый коробок палаты, без окон, дверей и свежего воздуха, смотрел на трубки, увивающие руки, и отключался вновь.

Правое ухо не слышало с момента, как вышел из строя некс. В левом ухе тонко звенело, писк нанизывал мозг на тонкую иглу, отчего накатывала тошнота. «Гелиос» так просто не отпускал.

Сделав глубокий вдох, Луций опустил ноги на холодный пол. С омерзением вытащил катетер из вены и бросил на пол вместе с трубкой. Из нее вылилось что-то голубоватое, должно быть, RG-5, пострегенерационная сыворотка для поддержки организма. Согнув руку в локте и пережав вену, Луций пошарил под кроватью. Ботинки были на месте – его личные, с

армопластинами на мысах, покрытые грязью и засохшей кровью. Луций влез в них босыми ногами, добрел до шкафчика и вытащил из него форму. Рукава и грудь куртки покрывала тонкая корка грязи, смешанной с кровью. Даже декурионских полос видно не было.

Стены гулко тряхнуло, наверху что-то взорвалось и обрушилось – далекий рокот, как раскат летней грозы. Луций вскинул голову.

Да, точно. Их же бомбили. Их, элиту Имперского Легиона, безнаказанно бомбили и загнали в подполье тощие пришельцы, такие, как взорвавшаяся на орбите Сорок Пятая. Бесславная позиция, что и сказать. Сидеть в тоннелях, выжидать неизвестно зачем. Гадать, что закончится раньше: припасы или терпение.

Мотнув головой, Луций вывалился в коридор. Куртку застегнул на ходу, перебирая магнитные кнопки непослушными пальцами. Мимо торопились люди. Тихий женский голос зачитывал правила поведения в различных экстренных ситуациях. Каждый легионер знал эти правила наизусть, и Луций даже стал шевелить губами в такт словам из динамиков. Плевать, на него все равно не обращали внимания. Контуженных здесь хватало.

Бункер был стандартным. Знакомым. Силовой щит, за ним заминированный периметр, чтобы завалить вход, если щит откажет. Дальше массивный шлюз, способный выдержать ударную волну самого мощного атомного снаряда (хоть те и были ликвидированы после войны). Рядом сенсорная панель, считывающая рисунок сетчатки на входе, питалась от генератора. После герметический отсек и еще одна панель с кодом, потом камера очистки. Комната со скафандрами и пультом управления гермоклапанов и силового поля. Давление в помещениях поддерживалось чуть выше обычного для защиты от отравляющих веществ.

Затем коридор раздваивался. Слева находились комната связи, оружейная и преторий – жилая зона командного состава, обведенная дополнительным силовым полем. Справа тянулись комнаты основного состава, с трехуровневыми кроватями, напоминавшими полки в холодильнике. Тренировочный зал, в котором постоянно кого-то мордовали, пищеблок, морозильные камеры, морг и общие душевые, миновав которые, можно было спуститься на уровень для гражданских.

Хорошая, продуманная база. Луций прошел здесь учения лет десять назад.

Под сводами тоннеля скользнул тихий шепоток.

Четвертая… Старая Земля… Солнечн……тема. Млечный Путь. Сверхскопление Девы.

Знакомый девичий голос. Луций резко задрал голову, но над ним лишь гудела лампа, чуть дальше виднелась решетка вентиляции.

Показалось?

Чертов «гелиос».

Замок шлюза считал информацию с его чипа, мигнул зеленым и пустил в прохладный тихий коридор претория. Откуда-то тянуло лепешками и мясом, но есть не хотелось. Хотелось чего-то терпкого, чего-то, растекшегося сладостью на языке, онемением на щеке. Пустотой в голове.

Сглотнув голодную слюну, Луций нажал экран у входа в комнату связи. Нужно проверить записи, может, Бритва наконец отыщется. Луций не собирался сдаваться. Только не сейчас, когда остались возможности, нити, за которые можно вытянуть правду. Он помнил, каково это: оказаться отрезанным от легиона. Отстреливаться, отсиживаться и ждать смерти.

То ощущение до сих пор приходило во снах.

Комната связи гудела от собравшихся в ней людей. Луций остановился у входа – пройти дальше можно было, лишь работая локтями, – и недоуменно оглядел бритые затылки и нашивки на форменных куртках. Весь командный состав, надо же. Окружили пост связи с голопанелями, из которых работала лишь одна. На ней была схема курии с отметинами бункеров и прочих известных укрытий.

– Луций! Как я рад вас видеть!

Его руку ухватили и некрепко сжали. Зеленоватый цвет лица, впалые щеки, перебитый кривой нос и слегка затравленная улыбка – декурион Марк Полибий собственной персоной. Луций как-то распутал числившийся за Полибием висяк. Было это давно, и он не думал, что Марк запомнил его имя, не говоря уже о том, чтобы радоваться встрече. Встречам с Луцием никто и никогда не радовался.

– Взаимно. – Он кивнул на собравшихся. – Что происходит?

– Обсуждаем план действий, – Марк обернулся к почтенным патрициям, которые спорили у панели. Похоже, происходящее изрядно его занимало. – Смотрите, вот сейчас Нума Марций взбесится и уйдет.

Один из стариков всплеснул длинными руками, развернулся и двинулся прочь.

– Видите? – толкнул локтем Марк Полибий. – Он никогда не выдерживает.

Луций не стал спрашивать, откуда ему это известно.

– Как такое вообще произошло? – спросил, морщась от назойливого гула в комнате. Казалось, тот ввинчивается в

подкорку мозга. – Почему мы не среагировали?

– Мы были заняты «псами», помните?

Еще бы он не помнил. «Псы» устроили заварушку в самый неудачный момент, какой только мог быть. Как будто знали.

– Перед отключением приборы выдали много помех. Собрать больше информации мы, к сожалению, не в состоянии, специалисты работают, но… – Марк качнул головой.

– Пока доступа к данным нет, – закончил за него Луций. Почему-то в первую очередь он подумал не о падающих шаттлах, не о машинах и ограниченном запасе зарядов для оружия, а о записях уличного наблюдения. Интересно, хоть какая-то их часть осталась?

– А что с командованием? – спросил он. – Что сказала комиция?

– Как собрать комицию, когда нет сети? Где искать консулов и преторов?

– Но в бункерах есть система аварийного…

– Связи нет. Совсем, – перебил Марк Полибий. – Все частоты подавлены.

– Средства экстренной связи должны быть автономны.

Стоявший рядом мужчина с консульскими нашивками на рукавах обернулся. Крупный, с коротко стриженными седыми волосами. Выражение жилистого лица казалось волчьим, а колючий взгляд светло-серых глаз напомнил что-то знакомое и очень неприятное.

Девичий шепоток снова пронесся на краю сознания. Луций сжал вспотевшие ладони.

– Считаете себя умнее других? – поинтересовался консул.

– Никак нет, – рапортовал Луций. – Прорабатываю все возможности.

– Их давно проработали до вас.

– Я считаю своим гражданским долгом убедиться в этом.

Консул отвернулся, и какая-то часть Луция даже пожалела об этом. Очень хотелось дать кому-нибудь в зубы, и плевать на Устав…

– А император? – он вновь склонился к Марку Полибию. – Служба квесторов? Они должны заметить, что мы не отвечаем.

Марк Полибий лишь беспомощно улыбнулся. И правда, глупый вопрос. Откуда им знать, в курсе император или нет?

– По нашим сведениям, консул Анк Туллий погиб при обрушении своей виллы. Вместе с ним была вся его семья и слуги.

Надо же, от судьбы не уйдешь. Избежать смерти от рук сумасшедшей имманес, чтобы быть убитым ее сородичами.

– Легат?

– Его местонахождение нам неизвестно. Сейчас ввиду чрезвычайного положения назначен диктатор.

– И кто он?

Казалось, Марку Полибию неудобно отвечать. Он понизил голос и странно скосил глаза.

– Клавдий Нерон.

Знакомое имя. Кто-то рассказывал о некоем преторе из рода Нерона, трижды награжденном Сенатом. Вроде бы за храбрость и верность Римской империи, и, вроде бы, сам легат замолвил за него слово.

Но судейские дела, связанные с влиятельными патрициями, и преторы в частности интересовали Луция редко. Слишком часто те выносили приговор, опираясь на связи и деньги, а не на совершенное преступление. В любом случае, назначение судьи на роль высшего командования казалось отвратительной идеей. Почему не выбрать из присутствующих центурионов?.. Хотя их, похоже не было. Одни декурионы, и Луций был невысокого мнения обо всех троих.

– Не знаю такого, – ответил он.

Седой консул молча покосился на него через плечо, протиснулся в центр зала. Он заметно хромал, припадая на правую ногу.

– Довольно. – Он говорил негромко, но слова прозвучали неожиданно весомо. – Прошу тишины. Сегодня, на экстренном собрании совета бункера Четыре-Один, я, Клавдий Нерон, избран для ведения боевых действий в курии Четыре со сроком полномочий до полной победы над врагом или же до выхода на связь с другими куриями. В настоящий момент мы далеки и от первого, и от второго. Поэтому, – он сделал глубокую паузу, – прошу всех умолкнуть.

Собравшиеся легионеры мигом подтянулись, заложили руки за спины. Гражданские утихли, уставились во все глаза.

– Да, на протяжении пяти сроков меня избирали для ведения судебных дел курий Четыре и Пять. Но до этого, как могут помнить некоторые из вас, я имел честь занимать должность консула при Земном Совете. Можете так меня и называть.

Клавдий склонился к уху стоящего рядом декуриона. Тот метнул в сторону Луция взгляд и быстро что-то ответил.

Луций скривился от нехорошего предчувствия. Как минимум ему сделают выговор. Как максимум – отправят в первую же мясорубку. Лучше выговор, от них Луций привит уже давно.

– Ввиду сложившейся ситуации, – сказал Клавдий Нерон, – помогать мне будет только один центурион, Луций Цецилий. Остальные нужны на поверхности.

Луций оцепенел. Гул в ушах усилился, к горлу подкатил горький ком. Кто-то хлопнул его по плечу – должно быть, Марк, – многие обернулись, смерили его хмурыми, недоверчивыми взглядами. Вид у него и правда был бледный: куртка в крови, лицо в синяках и щетине, глубокая царапина через лоб. Как будто его протащило под машиной.

Центурион? Его что, только что повысили? Сбылась отцовская мечта. Правда, радости от этого не было никакой. Ходить в помощниках у диктатора и решать бытовые вопросы бункера – невеселая задача.

– Служу Империи, – сипло выдавил Луций. Консул кивнул и тут же забыл о его существовании.

– Итак. Далее на повестке дня… – Он сверился с коммуникатором, лежащим у него в ладони. – Мы предположительно знаем, откуда к нам могли прибыть гости.

Кто-то в первых рядах поднял руку.

– И чем это поможет?

– Это поможет понять, сколько световых лет потребуется преодолеть легиону Империи, чтобы превратить системы врага в пыль.

Его самоуверенность восхищала. Пока в пыль превращались только курии Старой Земли.

– На основании данных, полученных перед отключением, след инопланетных кораблей ведет от супервойда у NGC 1365. Далее проследить невозможно.

Луций хмыкнул. NGC 1365, ну да. Империя обязательно отомстит, когда научится летать так далеко.

– Почему мы ничего не сделали? Почему позволили им пересечь границу системы?

– Когда мы получили сообщение с Эриды, корабли имманес уже находились на земной орбите.

Воцарилась тишина.

– Хотите сказать, их корабли опередили сигнал связи? – уточнил Клавдий Нерон.

– На две минуты, – декурион, похоже, сам чувствовал неловкость за свои слова.

Луций не мог в это поверить. Как такое вообще было возможно? Может, причиной стали неполадки в системе слежения? Она не передала сигнал вовремя, был сбой…

– А чего вы хотели, если финансирование легионов только сокращалось? – выкрикнул кто-то, будто прочел мысли Луция. – Машины разваливались и без этих имманес. Станции старые, ничего не работает.

Легионеры согласно загудели. За такое крикуна могли и в

карцер сунуть. Но Клавдий Нерон не торопился с наказанием. Он поднял руку, и гул стих.

– Я понял, вы сбиты с толку и недовольны. Но мы находимся там, где находимся, и выбираться придется теми силами и средствами, какие у нас имеются. Итак, – он сделал паузу, осмотрел зал поверх голов. – Что у нас есть?

– Камуфляжи хорошо себя зарекомендовали. Машины вычисляют их, но не сразу.

– Что с зарядами?

– Пока есть, – отозвался техник в белом халате. Луций видел его в Управлении, но имени не помнил. – Мы работаем над зарядкой от аварийного генератора, но требуется большая мощность, можем остаться без света и силового поля.

– Тогда не стоит рисковать. Склады?

– Разбиты или разворованы, – мрачно сказал Марк. – Все, что было поблизости, мы проверили. Может, с южной стороны курии или за пределами, но попасть туда мы пока не можем.

– Что с кораблями?

– Есть целые. Могли бы поднять в воздух, но нужны новые сердечники в двигатель. Старые разряжены.

– «Пульсары»?

– Все, что было, мы ребятам установили, но… – техник многозначительно развел руками.

– Работа станций может быть возобновлена?

– Что-то подавляет сеть извне.

– С орбиты? Корабли имманес?

– Вполне может быть.

Судя по лицам, все думали об одном: что ситуация безнадежна. Что осталось держать оборону, вытаскивать тех, кого можно. Искать еду, синтезировать воду, пока генератор не сдохнет.

Луцию захотелось пройтись вдоль рядов и надавать каждому по щекам, чтобы не раскисали. Упаднические настроения в легионе были недопустимы.

Один Клавдий продолжал невозмутимо перебирать варианты. Луций невольно проникся к нему уважением.

– Могут сработать расщепители? Они достаточно мощные, и если отыскать слабую точку машин имманес, то…

– В пузо надо стрелять, – гаркнул кто-то с задних рядов. Молодой марсианин, непонятно как сюда попавший. Смуглый и плечистый, на голову выше половины легионеров в комнате. Все время хмурился, до вертикальных заломов между бровями, смотрел исподлобья, словно ждал подвоха. Лицо изможденное, все в ссадинах и припухшее, будто его упорно били. Оно было

знакомо Луцию, но вот откуда…

Его попытались вывести, но Клавдий Нерон остановил легионеров.

– Простите? Что вы сказали?

– В пузо, говорю, стрелять надо. – Марсианин скрестил руки на груди. Вместо одной серебрился протез. – Я так закоротил одного.

– Закоротили?

– Ну да, силовым кабелем. У него между лапами, снизу, какая-то хер…

– Я понял, – прервал его Клавдий Нерон. – Мы примем это к сведению.

Марсианин кивнул, вскинул руку, вроде «принято». Снова блеснули пальцы импланта, и Луций вспомнил. Всплыл нужный номер.

Двести Шесть. Бывший «пес», дружок безумной имманес, которая взорвалась на орбите. Какого черта он на свободе? И как оказался на собрании? Первым порывом было выстрелить «псу» в голову без суда и следствия. Вторым – вытолкать из бункера взашей.

Но рядовые его опередили: быстро вывели Двести Шестого из отсека, пока им не досталось за то, что прозевали гражданского.

Двести Шесть был близок с имманес. Могла она ему что-либо рассказать? Вполне. Может ли эта информация оказаться полезной сейчас? Вероятно. Попробовать в любом случае стоит.

Луций выбрался следом. Шлюз за его спиной закрылся, отрезав от претория. Двести Шестой прохаживался вдоль стены. Заметив Луция, он помрачнел и скрестил руки на груди. Похоже, проблем с памятью у него не было.

– Ты как сюда попал?

– А не должен был? – «Пес» нехорошо сощурился. – Тит Пуллий дал карточку.

– Тит? Где он?

– Мертв.

Такого Луций не ожидал. Нет, понятно, что на войне может умереть каждый. Но знакомые всегда погибают неожиданно. Луций не мог представить Четвертое Управление без Тита. Кабинет центуриона, в котором будет сидеть… он сам? Центурион Луций Цецилий? Бред.

– А преторий? Откуда допуск?

– У меня его нет, – Двести Шесть поднял протез. Манипуляторы, встроенные в пальцы, раздвинулись и с щелчком сложились обратно.

Ах да, семь лет крио за взлом дронов легиона.

Луций тоже поднял руку. Чуть оттянул рукав, продемонстрировав имперскую метку.

– Управление Четвертой, декури… – Луций поправился. – Центурион Луций Цецилий.

– Я помню, кто ты, – отрезал Двести Шесть.

Луций кивнул. Ну да, официальную часть можно пропустить, кому сейчас нужны церемонии?

– Расскажи мне кое-что.

– Я ничего не знаю, центурион, – протянул Двести Шесть, глядя сверху вниз, из-под прикрытых век.

Луций подавил желание ударить.

Сперва с ноги.

Затем кулаком.

И мордой в стену, до хруста, до кровавых соплей…

– Насчет Сорок Пятой, – ответил ровно. – Говорила ли она об имманес?

Двести Шестой поморщился, словно что-то кислое попало на язык. Но молчал. Неужто не понимал всей важности происходящего?

Глубокий вдох, Луций. *Глубокий*. Не нужно сейчас драться.

– Может, она что-то упоминала. Любая мелочь может оказаться важной, может помочь нам, понимаешь?

Кулак свистнул у виска, Луций едва не пропустил удар. Вовремя отклонился и сразу же двинул в ответ, в челюсть. Двести Шестой покачнулся, тряхнул головой.

– Ты обещал отпустить меня, если я помогу с Аларихом! – проорал он. – Нас отпустить, мудак ты этакий! Лучше бы ты Алариха повязал!

Луций блокировал еще удар. Двинул ногой по голени, вывернул Двести Шестому руку. Ударить лицом о стену не успел – Двести Шесть резко откинул голову, метя крепким затылком в челюсть. Луций отвлекся, ослабил захват и марсианин вывернулся.

Гребаный «пес»!

Луций выхватил распылитель и наставил его на Двести Шестого. Тот быстренько вскинул руки.

– Давай, стреляй, чо! – Его глаза блестели нездоровым блеском. – Стреляй! Потрать на меня заряд! Лучше на меня, чем на инопланетное говно, верно?

Луций хотел послать его – или прострелить ногу для разнообразия, в воспитательных целях, – но не успел. Панели на стенах коридора вспыхнули все, как одна. Загудели, перезагрузились и зашипели помехами.

– Что за черт? – пробормотал Луций.

Помехи сменились звуком. Говорили двое. Голос первого был взволнованный, приглушенный каким-то шумом и стрекотом. Второго – неразборчивый, с одышкой. Луций представил себе дряблые щеки, вялые выпяченные губы, пару подбородков. Бокал вина в неверной пухлой руке. За таким бокалом, наверное, сейчас проводит время его отец в Центральной курии.

Странно, но за него Луций не беспокоился.

– Послушай, я не могу ничего сделать, – сказал тот, что с одышкой. – *Наши сигналы не уходят дальше орбиты. Их блокируют.*

– Тогда пришлите больше людей! Пришлите всех, кого можете! У вас же есть охрана? Мы направим к вам группу эвакуированных…

– Я не смогу дать вам допуск.

– Как?! У нас раненые! Им нужны медицинская помощь и укрытие!

– Я не вправе, – отрезал второй. – *Бункеры не предназначены для укрытия народных масс. Среди эвакуированных могут быть личности, имеющие отношение к террористической группировке «Псов».*

– Вы хотите сказать…

– И приоритетом легиона является защита граждан Нового Рима, особенно членов Сената. Помните об этом, центурион.

Связь оборвалась.

«Они уже мертвы. Выдайте нам остальных», – появилось на панели на чистом имперском. Белые буквы на черном фоне, после чего панели вновь отключились. Луций постучал по одной пальцем, попробовал вызвать меню. Глухо, питания нет.

Его выстудил страх. Он представил инопланетные машины на развалинах Сената в Центральной. Мать и сестер, раздавленных обломками бетонных плит. Где они укрылись, в каком из бункеров Центральной? Имманес перехватывают переговоры, что может быть хуже?

Взвыли сирены.

Стены обагрились светом аварийных ламп, басовитый звук пробрал до внутренностей – пятый сигнал, знак всем собраться в казармах и ждать распоряжений. Но Луций в казармы не собирался, его место было рядом с консулом.

Он кинулся обратно в комнату связи, расталкивая всех локтями.

– Что это было?! – он ухватил за плечо Марка Полибия. Тот обернулся: тусклое лицо перекошено, глаза горели.

– Корабли! – гаркнул, перекрывая вой сирен и крики. – Корабли имманес вошли в атмосферу!

III. Vulcanus

Легка мне моя боль, когда вижу я твою.

Еврипид «Медея»

Черный легион

Шаи стоит у внешней стены кабинета и без устали жмет символы в трех столбцах данных. Те бегут прямо в стекле – все поверхности в башнях имманес интегрированы в информационную сеть. Скупая мебель, стены, пол – всё сенсорное, как панели на Старой Земле.

В кабинете жарко. Воздух душит. Кажется, что он греется от всех этих символов и странной электроники имманес. От объемов информации, которая лезет…

…лезет…

…лезет в голову…

Малая жмурится.

Заметив ее, Бел Шаи сворачивает окна с данными и велит подойти ближе. Стирает каплю пота со своей щеки.

– Позволь, я кое-что покажу.

Он достает из-за пазухи проволоку, свернутую в кольцо, – ту самую, которую любит крутить на пальце. Расправляет ее. На ней видны бляшки электродов. Шаи крепит их к вискам и лбу.

Коронует себя.

– Это – «нить», – говорит.

Он поворачивается к стене, за которой спит колония. Ониксовые тубы небоскребов мерцают верхушками. Глухо, как ночники. Над ними разливается нежно-васильковый рассвет.

Кажется, вот-вот что-то случится, но ничего не происходит.

Малая подходит ближе, всматривается в широкие проспекты с гладким лавовым покрытием. Ищет на стоянке похожих на жуков одноместных летательных аппаратов. У водопада вдали. Везде тихо. Везде пусто. Имманес проснутся с восходом Некро.

И что? Что она должна увидеть?

Движение на крышах башен она замечает с опозданием. Далекие тени, много. Вроде бы имманес. Может, солдаты?

Их много. Интересно, как Шаи отдал им приказ? Мысленно, как он управляет машинами?

Малая выставляет максимальное увеличение окуляра. В перекрестье прицела видны голые жилистые тела. Черная кожа. Черные пластины, похожие на забрала шлемов. Какая странная униформа.

Теней на крышах все больше, словно муравейник разворошили. Кто-то не удерживается на краю и валится за ограждение, и Малая кричит. Но нет, он не падает. Прилипает к стене и спускается головой вниз, перебирает руками и ногами.

А за ним лезет еще один.

И еще один.

Что за… монстры? Имманес так не умеют.

Малая еле сдерживается, чтобы не закричать снова. Бел Шаи же не кричит. Значит, все в порядке.

– Инферио, – говорит он с довольным видом. – Сейчас ты увидишь их вблизи.

Они – как волна. Длинными прыжками перелетают пропасть – ровную щель между основным поселением и взлетным плато у башни помнящего. Огибают корабли на площадке. Техники один за другим прекращают работу, оборачиваются. Пятятся к кораблям. Прикладывают пальцы к вискам.

Минута – и инферио у основания башни.

Еще полминуты – и они лезут по стене с наружной стороны. Закрывают собой вид на город. Прямо за стеклом – лишенная волос голова, вместо глаз блестит хитиновая пластина. Рваные крылья короткого, словно обглоданного носа трепещут, втягивают воздух. И зубы… Эти зубы…

– Что это за… твари? – Других слов в голову не приходит.

– Не твари, Беа, – Шаи хватает Малую за руку, не позволяя отойти. Держит удивительно крепко. Его пальцы будто сделаны из стали, как протез Энцо. – Инферио – тоже имманес. Нет причин их бояться.

Это – имманес? Но нет, похоже, Шаи не шутит. Чертовски серьезен.

– Мертвые имманес, – говорит он. – Гордость нашей расы.

Гордость расы висит над пропастью недвижимо. Зубы блестят иглами.

Глаза Бел Шаи тоже блестят, ловят свет восходящей над городом Некро. Лицо белое, как мраморные колонны храма.

– Мы миролюбивы, – говорит он. – Но если нам приходится воевать, мы отправляем в бой не живых имманес, а мертвых. Умирая, каждый из нас знает, что послужит на благо общества и своих потомков.

Он ведет ладонью по стеклу. Инферио следят за движением носами.

Стекло кажется слишком хрупким.

– Согласись, это весьма разумно и удобно.

Живые имманес не гибнут на поле боя, не становятся калеками. А инферио уже все равно. Они не чувствуют боли, почти неуязвимы, живут столетиями.

Малая это помнит, вот только откуда?

Она смотрит на сплетение черных рук и ног. На одинаковые морды. Эти вот могут быть ее предками. Или предками Шаи. Жуткие они. С одной стороны использовать мертвых и правда

разумно. Но с другой стороны это кажется… неправильным. Отталкивающим.

Имманес – другая раса, об этом стоит помнить. С другими понятиями о морали и чувстве долга. Они построили идеальное общество без тюрем и нищеты. И номер, выросшая в грязи под мостом, не вправе их осуждать.

– Непривычно? – Бел Шаи словно читает ее мысли. На миг склоняется к Малой, и она чувствует его дыхание на своем лице. Солоноватое, как вода, которую наливают после обеда. – Для некоторых инферио – это спасение. Некоторым лучше завершать цикл раньше остальных.

По ту сторону шевелятся тела.

Блестящие.

Трутся друг о друга.

Черви на могиле.

– Они умеют думать? – Первое, что приходит в голову.

Шаи качает головой.

– У них свое моносознание. Поодиночке они беспомощны, совсем как дети.

Выражение его лица неуловимо меняется, становится хищным. Он смотрит на инферио. Инферио смотрит на него. Раз-раз, трепещут обрывки ноздрей. Раз.

Раз.

Мертвец поворачивает голову к Малой. Ее отражение в хитиновой пластине.

Он чувствует ее. Малая знает – он ее чуствует.

– Кто ими управляет?

– Ими не управляют. О них заботятся.

Шаи качает головой, вновь улыбается, и Малая чувствует легкую досаду. Он всегда над ней смеется, будто она – дикарка. Но она же не дикарка! Откуда ей знать такие вещи, если она впервые на Мармаросе?

– Об инферио заботятся бел агии. Только мы с тобой, моя дорогая, и только при помощи «нити». Смотри.

Он снова касается висков, и черная лапа инферио проламывает стекло.

Хватает Малую за горло.

Притягивает к себе.

Осколки режут лоб и щеки. Кровь заливает глаза. Непереносимая боль ослепляет, как вспышка. Инферио сопит, его морда рядом, зубы-иглы впиваются в шею.

Малая кричит, срывая глотку. Воет, просит о помощи. Царапает скользкую морду, но пальцы проваливаются во влажные дыры носа. Осколки стекла впиваются, скрипят на кости.

Шаи смотрит с холодным любопытством. Стирает со щеки каплю крови.

– Видишь? – говорит он. – Они очень послушны.

* * *

Нити связей опутали тело и вывернули его наизнанку. Малая растеклась в пространстве, стала каждым из инферио, а они стали ею. Единое целое, одно большое многоногое-многорукое тело. Отголоски воспоминаний дрейфовали в сознании, но ускользали, стоило их ухватить. Иногда Малая видела неоново-синее небо Мармароса, иногда – какие-то данные. Прозрачную тьму космоса, близкий жар Некро, сотни уровней, освещенными квадратами уходящие куда-то на глубину. Стада невиданных существ – плоских, как пластина блокнота, с бусинами глаз по всему телу. Они сворачиваются в клубки и катятся, подпрыгивая, по лавовому плато. Вниз, к ледяному источнику Мелам-Киши.

Малая бежит следом, смеется. Ботинки скользят по каменной глади. Морозный воздух выстудил грудь изнутри, сладковатый, как вода на глубинах пещер.

Глава ее башни будет ругаться, что она сбежала и пьет *ид*, а не положенное питье из автомата. Они всегда ругаются, хоть и дают год на адаптацию после новорождения.

Один из многоглазых клубков вдруг кидается к ее ноге. Тонкие лапы-крючки

цепляются за щиколотку,

впиваются в кожу…

Малая вынырнула с резким и хриплым вдохом. Сорвала со лба «нить», села, тяжело дыша. Легкие болели, как после пробежки. Кожа горела, словно инферио касались ее.

Не ее воспоминания. Не ее, верно?

Малая не знала наверняка.

Она поднялась, отряхнула штаны. Свернула «нить» и сунула ее в нагрудный карман. И как очутилась на полу? Казалось, только что стояла у иллюминатора и смотрела на отбывающие к Земле алады. Тянулась к инферио разумом, готовила их к высадке на поверхность… И в какой-то момент просто потеряла себя. Будто веревка, за которую она держалась, оборвалась, и Малую унесло потоком. Раз – и нет Малой. Или же есть сотни Малых.

Когда-то они были обычными имманес. Этому Малая охотно верила – воспоминания, которые она ловила, не лгали. Еще ей говорили, что мертвые живут на звездах. В системе Мармароса –

на Некро, голубом гиганте, окольцованном поясами метеоритов. Этому Малая верила чуть меньше. Хотя кто знал? Она же судила по людям, а имманес были другой расой. Как выяснилось, она вообще о себе ничего не знала.

Может, она сама мертва?

Малая провела ногтем по тыльной стороне руки, через золото линий узора. На коже вспухла розовая черта.

Да нет, живая. Странно.

Она задумчиво уставилась в иллюминатор, на матовые, похожие на гальку алады. Те покачивались совсем близко, соприкасаясь защитными полями. Как икринки в воде.

Помнится, в номере отеля стоял большой аквариум. Рыб там было видимо-невидимо, и среди них – пара юрких белых. Они всегда плавали рядышком. И перед отъездом Малая заметила под листком водоросли каплю икры: сотни тесно слепленных пузырей. Одна рыбка крутилась рядом. Найти вторую Малая так и не смогла. Может, спряталась в траве, а, может, сожрали рыбы побольше. Быть маленьким плохо – любой может обидеть.

Она поискала сигналы на поверхности. Вдруг опять повезет, и какой-нибудь сенатор выплывет в информационное пространство. Сперва она выслушает то, что он скажет, потом передаст это по всем доступным частотам, чтобы все – все! – увидели, какую падаль они защищают. А потом раздавит. Она провернула бы это легко, играючи. Получилось же с бункером во Второй курии. И секретными архивами, которые она потом выудила из их системы. «Псам» они точно понравятся.

Но сообщений не было. Тишина, абсолютная тишина на поверхности, прерываемая сигналами аладов и легким фоном от кораблей альфы. Вне системы тоже все было спокойно.

Империя пока не сообразила, что на ее территории хозяйничают рыбы покрупнее.

* * *

Малая сжала подлокотники кресла. Лоб под «нитью» закололо, над коленями развернулась панель управления. Показатели кораблей были в норме, ценного груза – тоже.

Она коснулась инферио – влилась в них. Стала ими.

Первый алад приземлился. Рывок, толчок – и он замер. Вокруг только тьма. Воздух странно горький и сухой. Соприкасаются руки и бока, кожа других инферио холодная. От них исходит острый запах возбуждения и голода. Какой-то звук бьет по перепонкам. Рокот нарастает и удаляется, медленно

распадается на серию тяжелых выстрелов. В ответ тонко стрекочет очередь легионерского оружия.

Алады открываются, и тьму раскалывает полоса света. Инферио рванулись в ремнях.

Спокойно. Еще не время.

Небо яркое, как сердцевина взрыва. В нем маячат тени, тонкие, как свечи. Ничего не видно. Только слышен запах крови.

Спокойно.

Малая вдруг обнаружила, что тяжело дышит. Ремни ослабевают, и сердце заходится в такт выстрелам. Ускоряется.

Спокойно.

Она выскочила наружу. Кругом сплошь желтоватое молоко с точкой солнца над головой. Ничего не видно. Она что, снова лишилась зрения? От этого еще хуже и страшнее. Снова колышется зыбкая муть. Об этом ее никто не предупреждал!

Малая сжала кулаки, ногти впились в кожу. Она помнила, каково быть слепой в Риме. Как патриции толкают на улице, когда нащупываешь ступени, а гранит обдирает колени, и руки погружаются в грязь. Как обыскивают на выходе магазина, будто каждый номер – по умолчанию вор. Раз в полгода переворачивают дом вверх дном, лезут в личные вещи, допрашивают. Разве Малая и ее родители были преступниками? Они еле наскребали на хлеб. Они не жили – выживали.

Настоящие преступники шикуют, когда народ голодает.

Зовут людей по номерам.

Отправляют в крио за любой пустяк – потому что беднякам некому жаловаться.

Издеваются – потому что криков о помощи никто не слышит.

Убивают – потому что никто не будет искать.

Мерзавцы. На этот раз она может достойно им ответить.

Инферио дрогнули и побежали. *Малая* побежала – сотнями ног. Полезла по стенам, перебирая сотней рук. Первый человек попался почти сразу: пульсирующий комок тепла, запах железа, антисептика, крови и пота. Стук сердца. Потрескивание заряда.

Легионер.

Есть захотелось так, что она чуть слюной не подавилась. Импульс передался по сети быстро, даже приказа не пришлось отдавать, и инферио прыгнул. Вцепился в широкие плечи, быстро куснул. Зубы вскрыли оболочку экзокостюма, погрузились во что-то мягкое. Пасть наполнила горячая солоноватая кровь, толчками вбилась в горло. Тело под лапами дергалось, кто-то надрывно орал.

Малая согнулась, и ее вырвало прямо на ботинки.

* * *

Рвота прекратилась через пару часов.

Пришлось вытерпеть укол – врач ловко кольнул в основание шеи, после чего Малую усадили обратно на куб. Теплый камень медленно обхватил ее со всех сторон, зафиксировал – будто для операции. Наступление не должно прерываться, объяснили ей. Инферио не смогут без ее поддержки.

Она хотела мести, хотела. Но… не так. Она и не знала, что эти твари на такое способны.

Хотя кому она врала? Знала же. Догадывалась. Для чего еще могут сгодиться такие зубы?

При каждом подключении подступала паника. Ужас накрывал с головой, воздуха не хватало. Лоб щипало от испарины. Все эти крики, треск плоти, кровь, бьющая тугими струями, слились в алую ленту… Как в фильмах ужасов, которые показывали в отеле. Целый канал дурацких ужастиков про пришельцев, неизведанные планеты и вирусов-убийц. Только здесь видео не было, лишь звуки и вкус. Шершавые разломы плит под лапами, прохлада переулков, тепло упавших тел, сладкая дрожь предвкушения, когда воздух вибрирует от движения жертвы. Дыры, которые оставались после попадания зарядов. Боли не было, только одна, очень простая цель.

Инферио хотели больше. Раскачивали своим желанием, будто Малая шла в тесно притертой толпе. Оставалось только поспевать, шагать в ногу.

Может, она тоже этого хочет? Разве она была обязана людям? Они охотились за ней, лишили всех прав, медленно убивали бедностью и безразличием.

Человеческие голоса и лица из прошлого ускользали, как хвост дыма. Забывались. Оставались только крики и кровь, кровь и крики. Порой часть инферио угасала, отделялась от общего сознания. Малая чувствовала их слабее, связь притуплялась. Таких она направляла к запасным аладам, которые ожидали на зачищенных верхних уровнях. Рядом дежурили онагры с пушками наготове.

Все по инструкции. Все, как велел Бел Шаи. «Им понадобится отдых». Так он сказал.

Но хотелось выяснить больше.

* * *

Малая выскользнула в коридор, отошла подальше от

перепонки шлюза – та реагировала на движение и с хлопком раскрывалась каждый раз, стоило пошевелиться рядом, – и привалилась к прохладной стене.

Еще минута, проведенная в душной рубке, грозила свести с ума. Руки и ступни зудели – золотой узор отвоевывал ее тело, сантиметр за сантиметром выжигал кожу. Голова болела, будто удалили второй глаз. Давящая, осколочная боль после каждого сеанса связи, и, особенно, после атак инферио, когда приходилось *быть ими*.

Мысли путались. Стены корабля дрожали серой дымкой, и голова болела ужасно…

Что-то с инферио – с теми, которые возвращались с поверхности, – было не так. Если они восстанавливались, то почему отвечали так слабо? И ответов Ария было недостаточно, Малой казалось, что ей опять морочат голову.

Стоило проверить все самой.

Транспортер между модулями-аладами загудел и осветился изнутри, когда Малая шагнула на пятачок платформы. На стене отразилась схема альфы – пальмовая ветка из квадратов-отсеков и шлюзов. Малая оценила каждый. Нашла прибывшие с Земли алады и нажала знак дальнего отсека.

Силовое поле обволокло ее тело, не давая пошевелиться. Капсула тронулась вбок. Плавно набрала скорость и резко провалилась в шахту. Уши не закладывало – спасибо каким-то технологиям имманес, – но от проблесков уровней за прозрачной стеной свело живот. Даже имперские машины не летали так быстро. Глаз не успевал проследить. Что если капсула выйдет из строя? Возьмет и сойдет с оси, не впишется в поворот. Или алад, через стыковочный отсек которого она должна пройти, отсоединится, и она вылетит в открытый космос.

Разве у технологий имманес не может случиться сбоя в системе?

Капсула транспортера рванула влево, потом назад – у Малой дыхание перехватило. Еще раз вниз и стоп.

Приехали.

Силовое поле исчезло, ноги подкосились, и Малая едва не упала. Она вышла в шлюзовой отсек нужного ей алада. Воздух в нем был таким знакомым, что горло сдавило. Запахи грязи, пыли и влажной плесени, запах нижних уровней Земли. Она будто снова оказалась в Десятой курии.

Малая всхлипнула и зажала рот рукой. Проклятые нервы… Стоит лишь вспомнить родителей с Энцо, и сразу слезы… Малая вытерла их, торопливо огляделась – не видел ли кто? Но шлюзовой отсек с десятками выходов-транспортеров по

периметру пустовал. В ответ на запрос система сообщила, что кроме нее в модуле никого не было.

Вот и отлично.

Она вышла из зоны стыковки. На Т-образном перекрестке повернула направо и уперлась в заблокированный шлюз.

Удар!

Корабль вдруг закружился перед глазами. Малая вскрикнула, схватилась за голову. Она ослепла и оглохла от чужой темной боли. На Земле нескольких инферио разорвало на куски, и часть общего сознания исчезла, выпала из общей картины, как перегоревшая уличная лампа. Какая-то самодельная бомба рванула прямо под ногами, стоило к ней приблизиться. По оставшимся открыли огонь сверху, а они просто глупо толклись на месте.

И это будет на ее совести. Оставила без присмотра – на, получи первых погибших инферио. Что-то ей подсказывало, что сородичи этого не простят.

Малая двинулась по информационной сетке в поисках ближайшего онагра. Его камеры показали, что стреляли с соседнего здания. Четыре фигуры были едва заметны на фоне стен, не отражались даже в тепловизорах. Должно быть, какие-то специальные костюмы.

Онагр прыгнул из укрытия в поисках лучшей точки обзора для Малой. Широко расставил железные лапы, длинным прыжком перелетел расщелину между небоскребами – далеко внизу, в камере нижнего вида скалились разломы в уровне. Приземлился на крышу соседнего здания, вспоров лапами бетон. Фигуры несколькими уровнями ниже засуетились, бросились врассыпную. Одна почти добралась до лестницы, но ее утащило под скошенный взрывом козырек плиты. Только ноги дергались в фокусе. Рядом скользнула быстрая тень инферио.

Малая отключилась от моносознания – на кровь и убийство смотреть не хотелось. Перебрала имена всех близких людей, одного за другим, представляя их лица и голоса, и жажда крови постепенно отступила. На «Энцо» Малая одернула куртку и вернулась к шлюзу.

На уровне лица вытянулась таблица кодов – особо сложный пароль. Малая не стала утруждаться ее заполнением, ввела универсальный ключ, доверенный ей Бел Шаи, и шлюз открылся.

За ним простерлось темное зазеркалье. Темно и пусто, даже энергоблок отключен. За тонированными стеклами виднелись одинаковые каморки, в которых что-то было. Малая сперва подумала, что это имманес, и подалась обратно к шлюзу. Но… Она присмотрелась внимательнее. Тени были раза в полтора

больше самого высокого имманес, и они не шевелились.

Малая шагнула ближе. Сложила ладони домиком над глазами, прилипла к стеклу и сощурилась. Под пальцами тут же зажглись знаки: «разблокировать», «температура», «влажность», «давление» и еще символы, значений которых Малая не знала. Хотелось нажать разблокировку и посмотреть поближе, но она почему-то не стала. Шестое чувство нашептывало, что этого делать не стоит.

Неясный свет выхватил черную коросту, похожую на кору дерева. Или на засохшую кровь на ране. Коконы, вот что это напоминало, как у земных гусениц. Каждый крепился к потолку ячейки между капсулой для сна и очистителем.

– Я же вам сказал – они восполняют силы.

Малая обернулась, готовая бежать или ударить наотмашь, так, чтобы голова оторвалась. Но за спиной был всего лишь Арий. Мертвенный свет лился на его кудрявую макушку, сверху вниз, отчего рот казался кривой нитью, а глаза – грязными впадинами.

И как она не заметила прибытие транспортера? Совсем расслабилась.

Уголком глаза Малая поймала движение за стеклом и обернулась. Присмотрелась к черным коконам. Нет, ничего. Должно быть, показалось.

Она провела вспотевшей ладонью по стянутым в пучок волосам.

– Ты следил за мной?

– Не понимаю вопроса. Система альфы показывает местонахождение каждого члена экипажа.

Арий сделал шаг, теперь свет заливал его злое и напряженное лицо целиком. Таким Малая видела его впервые.

– Только что вы допустили гибель восьми инферио, – он цедил слова, как пищевой автомат – еду в стаканчик. – Большая потеря для нас.

Большая потеря? Странный он. Большие потери несли земляне: легионеры и патриции, которых косили сотнями. Один выстрел онагра – нет десяти человек, только смоляной дым и кровавые ошметки разлетаются. Десять выстрелов – и целое здание оседает, проваливается на нижний уровень со всеми, кто спрятался внутри. Вот *это* урон. А восемь инферио? Не смешите.

– Жертвы на войне – это нормально. Допустимые потери, – проговорила Малая как можно спокойнее.

– Любые потери среди инферио недопустимы. И вы должны свести их к минимуму. Сожалею, но я вынужден доложить Бел Шаи о вашей невнимательности.

– Да что я могла?..

– Старайтесь не вести мертвых в зоны досягаемости тяжелых орудий, которые могут нанести большой ущерб. Вы должны выпускать их, когда местность уже очищена от военных.

Как так?! Чтобы они жрали гражданских? Да зачем тогда эти инферио нужны на поверхности? Ей рассказывают о пользе мертвых воинов, о непобедимой армии, а на деле эту армию нельзя даже выпускать. И почему нельзя было просто взять с собой Бел Шаи, как более опытного бел агии, а ее оставить в покое? Столько вопросов и ни одного ответа. И она хороша: снова влезла в чужую игру, желая что-то исправить и доказать.

Вот же дура.

– Больше этого не повторится, – Малая ответила, отведя взгляд. Она боялась не сдержаться. Сдерживаться в последнее время становилось все труднее, хотелось вцепиться ногтями Арию в лицо. Отожрать ему нос.

– Не стоит их тревожить, – Арий указал на коконы. – Если процесс восстановления нарушен, разрушение будет необратимым.

Малая убрала руку со стекла, и знаки системы управления потухли.

– Много их здесь?

– Нет. Меньше, чем мы привезли.

Хороший ответ, ничего не скажешь. Малая подавила недовольство. Лезть в систему для подсчета пока не стала, решила сделать это потом, из своей ячейки.

Пару мгновений они молчали. Смотрели друг на друга.

– Хорошо, – сдалась Малая. – Я нужна в рубке?

Кивнув, Арий повел ее к транспортерам. Он ловко скользил по узким прямым коридорам и даже не оборачивался, словно был уверен, что Малая идет следом. Без лишних вопросов и возражений, как послушный скот.

Она бросила последний взгляд через плечо, на гроздья инферио. Ближайший кокон пошевелился. Черная корка вздулась и опала – будто стукнули изнутри. Малая почувствовала прикосновение. В нем была тревога, какая-то детская ласка, и она даже перестала злиться. Потянулась в ответ, пригладила, успокоила.

Хорошо, она промолчит.

На этот раз. Но следующего раза не будет. С некоторых пор Малая терпеть не могла, когда ею манипулировали.

И сокрытие правды было самым худшим преступлением.

Casus maior

Луция разбудил треск системы оповещения. Но вместо сигнала к побудке из динамиков у потолка донесся хриплый спор.

– Вы уверены? Помимо нарушителей, о которых вы говорите, на станции порядка двух тысяч капсул. Мы останемся без серверов. И корабли, которые находятся на орбите. Что делать со свидетелями?

– Это решение Сената, император поставлен в известность. С данными на серверах решите вопрос, операция не должна повлиять на работу сети на поверхности. Потом спишете все на несчастный случай. Метеорит или неполадка системы – что хотите.

Сон как рукой сняло, и Луций резко сел. Что за разговор по громкой связи? Очередная передача имманес?

Он зашарил рукой в поисках коммуникатора и лишь потом вспомнил, что потерял его в горящем шаттле.

– *Но…* – неуверенно протянул первый из говорящих. Наверняка центурион Имперского флота.

– *Сейчас!* – рявкнул второй.

Этот голос Луций знал, слышал регулярно на протяжении всей жизни. Он даже мог представить, как отец расхаживает по кабинету, держа коммуникатор у рта. Как крутит в пальцах второй руки любимый золоченый стилус.

– *«Псы» уже на станции! Стреляйте сейчас, мать вашу!*

Крик потонул в помехах, и все стихло.

– *Вот кого вы защищаете,* – сказал мужской голос с легким акцентом. Ровный и бесстрастный, как система автоматического оповещения. – *Двадцать лет назад они с легкостью убили заключенных, чтобы скрыть правду. Так же легко они убьют любого из вас. Вы для них всего лишь мясо.*

Они говорили о взрыве на Орбитальной, который произошел два десятка лет тому назад. В новостях сообщали о несчастном случае, о какой-то комете. Получается, станцию взорвали, причем, по приказу Сената? И как туда проникли «Псы»? О них не упоминалось ни в одном архиве, в то время они были мелкой группировкой из Шестой курии. И отец… Нет, Луций знал, что тот – бездушная сволочь, но быть соучастником убийства, пусть и одобренного императором? Нарушить закон ради чего? Ради сокрытия информации о пришельцах?

И, в таком случае, каким чудом уцелела капсула Сорок Пятой?

Луций свесил ноги на холодный пол. С силой растер лицо, сгоняя остатки сна и перебирая возможные варианты событий

двадцатилетней давности. Затем плюнул на услышанное. Имманес мстили за гибель экипажа своего корабля, это понятно, а остальное на данный момент было неважно. Кто забрался, почему взорвал – на нынешние события это не влияло никак, и думать об этом нечего.

Волновало другое: откуда у них записи старых разговоров? И как они их передавали? Знали частоты легиона, местонахождение убежищ? Хотя последнее было маловероятно, в таком случае они бы не тратили время на это представление и уже явились.

Может, они просто транслировали записи по всем волнам, рассчитывая, что кто-то да услышит.

Вздохнув, Луций встал. Койка Юлия уже пустовала, аккуратно накрытая покрывалом, заправленным под тонкий и жесткий матрас. Под ней, в отведенном месте лежала сумка с вещами, небольшая и неприметная, как и сам Юлий. Отчасти Луций радовался, что его поселили именно с новичком. Тот был спокоен, немногословен, аккуратен, просыпался задолго до общего сбора, в комнате появлялся только для того, чтобы поспать. Идеальный сосед. Кого-нибудь из декурионов Луций бы просто не вынес.

Воду еще не включили – сигнала к побудке еще не было, и помыться пока не светило. Так что Луций просто оделся, пригладил волосы, без энтузиазма глянул на заросшую щетиной харю в зеркале и одернул рукава куртки. Форма сидела странно: вроде его размер, а болталась, как на вешалке. За время, проведенное в палате, он похудел. Следовало потренироваться в зале жилого блока, но не сейчас.

Сейчас Луция ждали дела поважнее.

– Нужны данные из больниц курии, – сказал он в комнате связи. Хакер с удивлением вынырнул из серверного шкафа. Скользнув взглядом по нашивкам на плечах Луция, он выдернул провода из разъемов на затылке, поднялся с колен и коротко отдал честь. По пластиковой радужке его глаз скользнули и исчезли золотистые обрывки кода.

– У нас вообще ничего не осталось, центурион. Немного записей до отключения, все с камер наблюдения. Базы самих больниц утеряны.

Луций не сомневался, что услышит именно это.

– Давай все, что есть, – он сел на продавленный стул, всем видом показывая, что просто так не уйдет. Хакер кивнул и включил ближайшую панель. Ловко размотал скрученный у кронштейна провод, протянул его к затылку. Веки дрогнули, как от нервного тика – обычная реакция на подключение. Глаза знакомо остекленели, по радужке вновь побежал код.

– А какая конкретно больница интересует? – спросил он.

Луций задумался, перебрал варианты.

– Ближайшая к космопорту. Вторая Имперская.

Хакер кивнул, достал древнюю как мир клавиатуру – с кнопками. Щелкнули и раздвинулись пальцы, выпустив по паре манипуляторов.

– Велели экономить энергию, никаких голограмм, – сказал, словно извиняясь. Смотрел он на Луция, но манипуляторы уже стучали, набирая код. – У вас кто-то остался на поверхности?

– Да, – ответил Луций, помедлив.

– Понимаю. У самого родичи в шестом бункере сидят. Я как узнал, что они там, прямо камень с души свалился. Надеюсь, ваши тоже в порядке.

На экране развернулись каталоги с записями видеонаблюдения.

– Кого ищем?

– Марсианку. Рост метр восемьдесят пять, вес около семидесяти, темные волосы, легионерская форма или клеймо. Время – последний день, с двенадцати часов пополудни до отключения.

На секунду манипуляторы хакера замерли. Затем щелканье кнопок возобновилось.

В ожидании, Луций оглядел комнату. У стены, где они сидели, жались серверные шкафы со встроенными панелями быстрого доступа. Чуть дальше тянулись выдвижные сенсорные пульты, над которыми были вмонтированы панели побольше. Большинство было выключено, лишь две работали: разделены на десятки мелких квадратов с записью с камер наблюдения на каждом. У них крутились трое легионеров – собрались у одного экрана и показывали друг другу что-то, видимое только им самим.

– Нет, – сказал хакер, и Луций вновь повернулся к нему. – Во Вторую в указанный период марсиан не привозили. Ни мужчин, ни женщин.

И, скорее всего, не только в указанный период, но и за все время. После бунта марсиан редко довозили до больниц.

– Посмотри другие. Поищи конвойную машину Четвертого космопорта, – добавил Луций, подумав.

Хакер обратился к экрану, манипуляторы снова застучали по клавиатуре.

– Есть конвой у больничного комплекса имени Метелла. Задержанных двое, мужчина и женщина.

Вот оно. Луций придвинулся ближе.

– Выведи на экран.

– Изображение нечеткое, камера находится далеко. Это – лучшее из того, что есть, – предупредил хакер, щелкнул пару раз по клавиатуре, и на экране растянулся кадр черно-белого видео.

Действительно, видно было плохо, на месте лиц – скопления серых пикселей. Но Луцию не требовалась резкость картинки, чтобы узнать Бритву. Высокий рост, разведенные плечи, уверенная походка. Это была она, совершенно точно. Рядом вели невысокого мужчину в спецовке. Он горбился и едва заметно хромал.

– А это кто? – Луций ткнул в него пальцем. – Остались данные из космопорта?

Хакер качнул головой, и Луций поморщился. Работать без сети был совершенно невозможно.

– Промотай дальше.

Бритва, ее спутник и конвой быстро уковыляли в главный корпус больницы. Стемнело, время в углу экрана показало три утра, и экран почернел.

– Этот район отключили одним из первых, – пояснил хакер. – Пришельцы выдавили наших с базы космопорта, все разворотили.

– Другие камеры есть?

Хакер мотнул головой.

– Нет. Мне очень жаль.

Если бы его сожаление могло помочь.

Напоследок Луций попросил направить описание Бритвы в те немногие бункеры, с которыми у них была связь. Если все разошлют его по цепочке, могут появиться новые следы.

Ничего, немного, но продвинулся. Теперь у него есть название больницы, ее можно считать отправной точкой. В таких комплексах есть небольшие убежища, в экстренных случаях пациентов должны переводить туда. Нужно всего лишь организовать спасательную операцию. Как-то убедить Клавдия, он должен согласиться. По инструкции, эвакуации в бункер в первую очередь подлежат больницы, школы, детсады и другие социальные объекты.

Кто-то ухватил его за плечо.

– Луций?

– Да.

Узнав полувопросительную интонацию Марка, Луций едва не послал его вслух. И без него дел хватало.

– Только что вернулся один из разведчиков. Остальные мертвы. Съедены.

– Что-о?! – Луций вскинул голову, едва не выронив блокнот. Только теперь он заметил, как бледен Марк и как тихо он говорит.

– Съедены, я серьезно, – сказал тот. – Разведчик говорит, что это сделали твари, которые вчера высадились с кораблей.

Какая-то ерунда, это просто не могло быть правдой.

– Где он?

– Там, у шлюза. Нужно сообщить Клавдию! – крикнул Марк вслед. Луций не ответил. И без него знал, что и кому сообщать, сперва он должен был убедиться, что это не плод чей-то буйной фантазии. Кто мог сожрать человека на поверхности? Кто сказал, что пришельцы? Может, звери, бежавшие из зоопарка? Или твари из зоны отчуждения каким-то образом прорвались через купол?

У шлюза уже собралась небольшая толпа. Техники отключали и разбирали заляпанный кроваво-бурой грязью костюм, медики осматривали разведчика и что-то ему кололи. Сам парень, казалось, не замечал собравшихся вокруг. Сидел, прикрыв запавшие глаза и откинув бритый затылок на стену. На тыльной стороне его предплечья алела рваная царапина. Один из медиков стягивал ее клипсами. Кто-то вытащил кабель из разъема на затылке, и разведчик вздрогнул, не поднимая век.

Луций знал этого парня, прошли несколько операций вместе. Они даже считались какими-то дальними родственниками – настолько дальними, что проследить их родство мог только архивный компьютер.

И этому парню померещиться не могло.

– Метелл? – Луций тронул разведчика за плечо, и тот приоткрыл глаза. Медик, зашивавший рану, недовольно глянул на Луция.

– Цецилий, рад видеть, – Метелл слабо улыбнулся. В улыбке недоставало пары верхних зубов. Нескоро ему имплантируют новые… Губы потрескались и белели от налета, на щеке тоже засохла грязь. Видимо, шлем Метелл потерял еще на поверхности. Плохо – на его восприятие могло повлиять, например, распыленное психотропное вещество.

– Кто это сделал? – Луций кивнул на рану.

Метелл помрачнел, машинально сдвинул здоровую руку к карману с распылителем.

– Черное… – Он мотнул головой, скривился. – Не знаю, существо, пришелец. Их там много. Быстрые твари.

Пришельцы, ну да… Нужно было просмотреть записи. Убедиться, что они существовали, и лишь потом докладывать. Метелл мог просто быть не в себе.

Луций быстро огляделся.

– Где дрон?

– Какой дрон, не работают они. Все тут, – Метелл слабо хлопнул себя по воротнику.

Не дожидаясь техника, Луций сам нащупал выступ на внутренней части воротника, вдавил его, и карта памяти вылезла с щелчком. Луций сунул ее в нагрудный карман.

– Я сам доложу Клавдию.

Метелл кивнул и снова прикрыл воспаленные глаза. Похоже, ему было глубоко плевать, даже если карта пропадет.

Сперва Луций свернул в комнату связи. Отыскав нужный разъем у ближайшей панели, – его блокнот такие носители не считывал, – он сунул в него карту. Программа закончила расшифровку, открыла перечень файлов видео и данных. Луций запустил последний.

Запись шла со шлема. Монохромные обломки курии, здание торгового центра на втором уровне, узнал Луций. Недалеко от места высадки кораблей имманес. Разведчики шли в обожженном коридоре, впереди покачивалась белая щель выхода на улицу. В кадре было четверо, целой декурией, видимо, решили не рисковать.

Метелл прикрывал тыл: позади никого не было, когда он то и дело оборачивался. Только сажа, оплавленный пластик на стенах. В кадре мелькал ствол «гидры», поблескивал сканер прицела. Изображение с него накладывалось на развалины: полупрозрачная прицельная сетка, дальность до объектов, возможный радиус поражения. Инфракрасный датчик выделял только фигуры разведчиков, больше живых объектов в зоне покрытия видно не было.

Луций вытянул наушник и вставил его в ухо. Сразу зашуршали голоса из передатчика. В сравнении с нексом качество было ужасным.

«Через пять минут будем на месте. Спереди все чисто, прием».

«Сзади тоже, – голос Метелла. – *Прием».*

Кадры вдруг закрутились, – шлем сшибло, или же его сорвали. Экран на миг потемнел, затем запись возобновилась уже с уровня груди. Легионеры отступали, на фоне выхода мелькали фигуры. На инфракрасном датчике они не отображались.

Легионеры открыли огонь, сумрак расцвел режущими глаз вспышками. Один из инфракрасных легионерских силуэтов развалился надвое. Верхняя часть тела отлетела к стене, нижняя осталась на месте и медленно повалилась. Она странно подергивалась, будто ее трепали. Метелл молча высадил в нее батарею, перезарядил и снова открыл огонь. Затем голосовой командой включил встроенный в костюм фонарь.

Широкий сноп света осветил трех тварей: человекоподобных, с черной блестящей кожей и лишенными волос телами. Они жрали. Рвали лапами армированную ткань, отгибали

металлическое основание и вгрызались в мясо. Одна обернулась. Свет фонаря отразился на хитиновой пластине, закрывавшей половину морды, на алых от крови зубах.

Луций поставил на паузу и увеличил изображение. Внимательно исследовал тварь. В комнате уже никто не работал, все смотрели в его панель. В дверь тоже заглядывали, но, поймав взгляд Луция, скрылись из виду.

– Когда это было снято? – тихо спросил кто-то.

– Час назад, – бросил Луций и снял видео с паузы. Пусть смотрят. Пусть знают, что происходит, пока они отсиживаются в бункере.

Метелл выстрелил, затем еще раз. Заряд «гидры» облил тварь, и та упала, разъедаемая кислотой. Хитин ввалился, источая дымок. Кого-то втащили в разлом между стенами, пара тварей метнулась следом. Послышались крики. Еще одной Метелл прожег брюхо и отступил, поочередно вызывая своих на связь.

Никто не отвечал. Значков в правом верхнем углу становилось все меньше, пока не исчезли все – связь потеряна со всей группой. С базой связи тоже не было, передатчики работали только на небольшом расстоянии.

Метелл отстрелил батарею и побежал. Час возвращения до бункера Луций промотал за пять минут, едва не пропустив еще одно нападение. Тварь упала со стены здания, и Метелл отстрелил ей голову, оставив на тротуаре голубоватое пятно. В кадре мелькнуло разорванное тело, оно лежало за машиной, раскинув голые ноги.

Луций подумал о Бритве.

– Прошу прощения. Луций Цецилий?

Вздрогнув, он обернулся. Позади стоял мужчина, его ровесник, узкий в плечах и сильно уступающий в росте. В висках серебрились вытянутые разъемы для съемной памяти, у основания шеи нейропорт. Сразу вспомнились умники из отдела слежения: опутывающие тело провода, мерцающие экраны и их отражение в остекленевших глазах.

Снова дурные вести? Или хочет спросить об увиденном?

– Да, – Луций нехотя кивнул и проглотил ругательство, так и крутившееся на языке. В последнее время многие подходили к нему с просьбами к Клавдию, но этот парень выбрал самый неудачный момент из всех возможных.

– Могу я переговорить с вами наедине? – спросил парень.

– Послушайте, давайте не сейчас. – Луций обошел его и на полном ходу направился к выходу. Следовало найти консула, срочно… – Подойдите ко мне позже, например, вечером, и я…

– Мне кажется, я знаю способ поднять корабли в воздух, –

крикнул умник вслед.

Луций резко остановился и обернулся.

– Повторите, что вы сказали?

* * *

Клавдий Нерон хмурился, когда думал. Хмурился, а веко над пластиглазом оставалось недвижимым. Странная картина, даже более странная, чем лицо с окулярами. Окуляры хотя бы меняли фокусировку, а эта пародия на глаз вообще не шевелилась.

– Всего десять тысяч, – сказал консул.

– Простите?

Консул поднял голову и, перехватив взгляд Луция, пояснил:

– Выстрел из гасты. За меня давали всего десять тысяч денариев, представляете?

– Они вас явно недооценили, – ответил Луций. В кресло он так и не сел, несмотря на приглашение. Предпочитал стоять по стойке смирно, «над душой», как говорил его бывший напарник.

Клавдия же это нисколько не смущало. Он сидел на койке, придвинув к ней столик на колесиках. Личного кабинета у него не было, поэтому посетителей он принимал в своей комнате. На экране его блокнота разлетались кровавые ошметки легионеров. Мелькнула разверстая пасть черной твари.

Клавдий смотрел на нее безо всякого выражения на лице.

– Недооценили, но не меня, – поправил он, подняв худой и длинный палец. – Моего слугу, Девяносто Девять-Двадцать Один, курия Семь. Заметив опасность, он оттолкнул меня. Многие думали, что для патриция достойнее было бы умереть, чем принять помощь номера. – Клавдий искоса глянул на Луция. – Скажите, вы тоже так считаете?

– Нет, – честно ответил Луций. При упоминании номеров на ум снова пришла Бритва. Следовало как можно скорее покончить с формальностями, выбраться из проклятого бункера и найти ее. Или ее останки. – Думаю, главное, что вы остались живы.

– Да, и очень славно, что он тоже остался жив. Его потом долго пытали в вашем Управлении.

– Слугу? – не понял Луций.

– Киллера. Но хватит обо мне, я – совершенно неинтересная тема для обсуждения. – Клавдий тонко улыбнулся и выключил видео. – Отвратительное зрелище. Мне что-то не верится, что эти твари могут управлять межгалактическими кораблями.

– Думаю, что на записи не сами пришельцы, а какое-то их оружие. Генетически выращенное.

– Согласен. – Клавдий задумчиво кивнул. – Благодарю вас, можете идти.

Луций остался на месте.

– Что-то еще?

– В бункере находится сотрудник Земного Исследовательского Института. Он утверждает, что в лаборатории, где он состоял, есть рабочие образцы передатчиков нового поколения и генераторы, которые могут действовать в… – Он сделал паузу, подбирая слово, – в новых условиях.

– Интересно. Но стоит ли организовывать операцию ради опытного образца?

Луция словно оглушили.

– Прошу прощения?

– Вероятны потери, и все ради опытного образца, который может не сработать в наших условиях. Со слов одного человека. Насколько я помню, институт примыкает к, – Клавдий развернул в блокноте карту курии, покрутил ее так и этак. – К предкрио, до которого около часа ходьбы. В лучшем случае. Потери рискуют стать фатальными для нашего бункера. Группу могут уничтожить или отследить.

– Я полагаю, что это единственный стратегически верный выход. Если есть шанс обеспечить нас лучшей связью или получить возможность заряжать оружие, то использовать его нужно немедленно. – Луций повысил голос, заметив, что Клавдий собирается его прервать. – Каждый час приближает нас к смерти, консул. От голода, удушья из-за отказа систем, рук пришельцев или номеров с поверхности – вариантов много, и оружие нам потребуется в любом случае.

– То есть, вы считаете, что на риск идти стоит.

– Так точно, – Луций ответил твердо.

Клавдий снова покрутил магистрали на карте, прикидывая маршрут. Программа рассчитала десятки возможных вариантов, каждый из которых он изучал с дотошностью.

– Хорошо. – Он махнул рукой. – Луций, проведите голосование. При одобрении готовьте операцию.

– Есть, – отчеканил Луций.

– Не забудьте про религиозную часть подготовки.

Луций вскинул брови. Какая еще религиозная часть?

– В легионе есть верующие, – пояснил консул. – Регламент должен быть соблюден, это необходимо для поддержания порядка и боевого духа.

Луций кивнул, готовый в тот же миг сорваться с места. К утру он успеет собрать команду. Если они выдвинутся с рассветом, к полудню окажутся на месте и к вечеру вернутся на базу.

Отличный расклад.

– С вашего разрешения я присоединюсь к группе.

Клавдий смерил взглядом его лицо и свободную, как с чужого плеча, форму.

– Нет.

– Я не ослаблен, просто форма не моего размера. – Отчаянно хотелось одернуть рубашку, и Луций завел руки за спину. – Отлично себя чувствую.

– Рад за вас, но нет. Я не даю своего разрешения, вы нужны мне здесь.

Нет? Как нет?!

– Позвольте с вами не согласиться, я принесу больше пользы на поверхности. У меня есть боевой опыт.

Клавдий качнул головой.

– Я знаю о ваших заслугах.

– Тогда прошу разрешения на организацию спасательной группы. В свете последних событий мы просто обязаны доставить в бункер всех выживших. Записи разведчика подтверждают, что пришельцы плотоядны. Очень опасны.

Клавдий потер исчерченный морщинами лоб. Затем растянул на колене блокнот и принялся что-то в нем набирать.

– В настоящий момент мы не можем тратить на это время и заряды, – ответил он, не глядя. – Если у нас получится добыть экспериментальные батареи, тогда мы сможем планировать другие операции. Шаттлы дадут нам больше возможностей. Луций, вы должны это понимать, не первый год в легионе.

– Но они едят людей…

– Я знаю. Луций, иридийские черви тоже ели наших легионеров. Не делайте из этого трагедию.

Луций сощурился. Сравнение было грубым, как и напоминание об Иридии. Клавдий не знал, о чем говорил. Для него легионеры были просто мясом?

Отправить бы его самого на Иридий.

– Вас понял. Разрешите удалиться?

Клавдий кивнул, не отрываясь от работы.

– И проследите за подготовкой, чтобы ребята ничего не забыли. Как раз пригодится ваш боевой опыт. Может, что-нибудь заметите.

Луций отсалютовал, хотя сам не хотел, а консул не видел. Развернулся на каблуках и откатил дверь в сторону, проклиная экономию энергии.

– Скажите, – он обернулся, – а вы нашли заказчика? Тогда, после покушения.

– Конечно. – Пластиглаз консула отражал свет блокнота,

пальцы быстро что-то набирали на стекле. – И он давно находится в крио, несмотря на юристов и связи в Сенате.

Клавдий поднял голову и холодно улыбнулся.

– Не забудьте про жертвоприношение, Луций.

* * *

Зал собраний тонул в музыке и дыму. Удушливые седые нити поднимались к потолку и ползли по нему к дальним рядам. Скамьи стояли полукругом, первые на уровне сцены, дальние на возвышении, как в амфитеатре. Все были заняты легионерами, которые сидели плотно, бок о бок.

На сцене пели жрецы в белых тогах с золотой каймой. Они покачивались в такт музыке, держали охряные четки в холеных руках. В центре стоял старший. От произносимых слов тряслась его борода, тряслась чаша в руках, и Луцию хотелось зажмуриться, лишь бы не смотреть на это мракобесие. Жертвоприношение перед операцией, в их-то век! И обязательное присутствие всего состава.

Какая жалость, что служители Юпитера укрылись именно в бункере 1–4.

Луций присутствовал на таком лишь раз, перед атакой на Иридии. Тогда треть состава молились в духоте под прозрачным куполом базы, треть пристреливалась, а последняя треть блевала в туалете жилого блока. И вернулось всего человек десять, причем девять из блюющих. Десятым был заядлый атеист Луций.

Сейчас же в зал согнали обе группы, назначенные на операцию, и все слушали так внимательно, даже глаз не отрывали. Не проверяли оружие и план действий, не ели напоследок, а вынуждены были сидеть, слушать заунывный вой и тонуть в страхе перед тем, что их ждет. Луций впился ногтями в ладонь, затем еще раз. Он что, один не мог найти себе места от нетерпения?

– Теперь воззовем к Юпитеру, владыке Олимпа и всего космического пространства! – басил главный жрец. Чаша с благовониями подрагивала в его руке, норовя ухнуть на решетку еще до того, как под ней зажгут огонь. – О, Юпитер, даруй нашим воинам победу, как даровал победу Цезарю, и Марцеллу, и Сципиону, и…

Да они издевались.

– Сколько будет длиться эта канитель? – Луций шепнул на ухо стоявшему рядом Марку. Тот фыркнул, умудрившись при этом сохранить серьезное выражение лица.

– Обычно часа три, – ответил уголком рта. – Сегодня не знаю, но про Юпитера заводят где-то к середине.

У них не было этих трех часов, и без того потеряли слишком много времени. Что если в бункере, где находится Бритва, заканчивается воздух? Или у нее ломка? Они же только начали слезать, он сам еле выдерживает, иной раз застрелиться готов. Недавно даже мерещилась какая-то отвратительная дрянь в зеркале, сущий кошмар наяву.

Луций пробрался к боковому проходу и сбежал по ступеням на сцену. Пробившись через собравшихся на сцене к главному жрецу – тому самому, с чашей, – он склонился к его уху.

– Закругляйтесь, – тихо велел. – Именем императора.

Старец выпучил глаза, будто ему вдруг стало плохо. Не дожидаясь его ответа, Луций выхватил пульт у стоящего рядом помощника, тронул нужный знак, и жертвенная решетка полыхнула огнем.

– Сейчас.

Он заметил у их ног небольшой аппарат для гадания на крови. В виде черной курицы, дерьмо-то какое! Суешь палец в клюв и…

– И никаких гаданий, – отрезал он.

Луций дождался, пока жрец опорожнит чашу в огонь, и лишь после этого сошел со сцены. Плевать он хотел на их религиозные чувства. Идет война.

– Восьмая декурия! Десять минут на сборы! Седьмая, за ними идете! Живо, живо! – гаркнул он, хлопнув в ладоши. Звук резко отскочил от стен, ударил по ушам, и легионеры шумно засобирались.

– Марций, – Луций выловил из толпы декуриона Восьмой. – Последи за Два-Ноль-Шесть.

Марций кивнул и потонул в толпе. Луций не доверял марсианину. Только не после его связи с имманес, о нет. Может, он и сейчас с ними в сговоре?

Дело сделано, но почему же было так паршиво? Хотелось взять распылитель и выбраться наружу. Разрядить всю батарею в пришельцев, чтобы те разлетались веером. Парадокс: столько лет его преследовали кошмары о войне, а сейчас он рвался на нее так, будто ничто другое больше не имело смысла. Войны у римлян в крови не меньше, чем у марсиан.

В отведенной ему комнате хотелось уже другого: что-нибудь разорвать, разбить кому-нибудь рожу… Луций заставил себя сесть, с силой провел по лицу ладонями. Голова раскалывалась от боли. В горле пересохло, но сколько бы Луций ни пил, он никак не мог напиться. Проклятье, он знал эти симптомы, но совсем не

хотел о них думать.

Не сейчас. Сейчас и без того хватало.

Входная дверь прошелестела, отъехав в сторону, и в комнату вошли. Луций сделал сильный, глубокий вдох, давя крик, который свербел в горле. Сцепил дрожащие пальцы. Спокойно.

Спокойно.

– Цетурион, вы слышали запись, переданную имманес с утра? – Покрывало на койке Юлия зашуршало.

Ту запись не слышал лишь глухой.

Луций кивнул, совершенно не желая разговаривать. Все это было слишком долго: пока Восьмая декурия вернется, пока техники разберутся с новыми батареями. Нужно было что-то придумать, как-то уговорить Клавдия отпустить его на поверхность сейчас. В одиночку, конечно, будет сложнее, но он справится. Возьмет с собой распылитель, пару сменных батарей…

– И что вы об этом думаете?

– Ничего, – холодно ответил Луций. – Сейчас других забот хватает.

Голова. Казалось, она трескалась, как кубик льда в теплой воде. С сухим щелканьем и сеточкой мелких трещин, которые разбегались по черепу…

– А Клавдий? – не отступал Юлий. – Как отреагировал Клавдий?

Луций поднял голову и пристально на него посмотрел.

– Клавдий не думает даже о тех, кто гибнет в данный момент. Кого едят заживо там, наверху. – Он яростно ткнул пальцем в потолок каморки. – Еле уговорил его достать батареи. Но какой от них толк, если мы сидим под землей, как номера? Что об этом думаешь *ты*, Юлий?

Юлий молчал. Блестел чуть раскосыми глазами, не выказывая и намека на понимание. Ничего он не думал. Конечно, легко умничать на койке в бункере. Намекать на отца Луция или на что там Юлий хотел указать. Да, Цецилий-старший был прожжённым политиком, убийцей чужими руками, сенатором до мозга костей. Да, именно его голос прозвучал сегодня во всех отсеках бункера. И что? Какое значение это имело теперь?

– Легионеры, м-мать вашу, – криво усмехнувшись, Луций качнул головой.

Ну он и наговорил. Эта беспомощность, вынужденная необходимость сидеть, сложа руки, сводила с ума. Нашел кому жаловаться, совсем распустился. Конец его карьере…

Хотя она и так была мертворожденной.

Без сна

Патриции не любили марсиан с момента их создания.

Те были слишком сильные – их вывели из какой-то особо крепкой породы людей систем Ядра. Слишком смуглые. Густые курчавые волосы, крупные черты лица. Устойчивость к перегрузкам и перепадам температур, обостренный нюх и способность видеть в темноте. Добавьте к этому искусственно сниженный интеллект – и вот она, идеальная рабочая лошадка для планеты-колонии.

Или отменное легионерское мясо.

Генное производство давно закрыли, а генного продукта становилось все больше. В поисках работы он разлетелся по всей империи, занял самые поганые, никому не нужные планетки и астероиды – сперва Марс, потом остальные. Патриции сами их отдавали, когда шахты вырабатывались и брать уже было нечего. Насчет возможных бунтов они не волновались. Марсиане не могли объединиться против императора. Они были заняты внутренними разборками или же служили «мясом» в легионе.

Однажды, еще когда родители были живы, Бритва летала на Марс. Она помнила сумрачный отсек грузовой баржи. Спертый воздух, тихие голоса других марсиан, пристегнутых к скамье, тошноту во время перегрузки. Помнила очереди за водой – половину водяных генераторов взорвала банда из Олимпа, а чинить было некому и не на что. Как стояла на рыжем песке, на морозе, и щурилась на свет, смотрела, как искрится воздушный купол. В то время климат-контроль уже барахлил, и на улицу выходили только в утепленных спецовках и масках. От респиратора пахло чужим потом, ноги зябли, и очередь двигалась медленно-медленно. Главное было успеть до полудня, когда подачу воды прекращали и кран пересыхал. Перед сезоном бурь запасаться стоило впрок – солнечные батареи переставали работать, и вода не синтезировалась.

Дядя с теткой были не просто высокими – настоящие гиганты. Казалось, затылками они могли достать Деймос. Не такие крепкие, как марсиане, живущие на Земле и других крупных планетах, но куда крепче имперцев в тех же условиях. Летали они в основном на грузовых кораблях – в легковые шаттлы не помещались, – и не особо часто. Марсианину, будь он родом с Марса или Альфы Лебедя, всяко лучше крепко стоять а дне гравитационного колодца, а не болтаться в невесомости.

И вообще, считала Бритва, марсиане куда более настоящие, чем остальные имперцы. Да, не отличаются культурой и

терпением, но зато они *живут*. Если ненавидят, то от души. Если любят, то до кровавых мозолей. И это правильно.

Жаль, патриции их не понимали и не желали понимать. Кому интересно мнение инструмента? Его назначение – быть полезным и молчаливым. А уж смешать кровь с генетически упрощенной точно никто не захочет.

Бритва снова стояла под слабым солнцем Марса. Чувствовала мерзлую тяжесть спецовки на плечах, давление резинки респиратора на нос и щеки. Болели оставленные ими мозоли. Бритва сделала шаг, с хрустом вмяла песок, всмотрелась в горизонт.

На границе неба клубилась непривычная для Марса тяжелая туча. Опустилась низко, почти касаясь земли, дрогнула, разбухла, закрыв собою солнце. Пульсируя, как большое свинцовое сердце, протянула языки над головой Бритвы. Песок у ног взметнулся в воздух, закрутился спиралями. Повеяло холодной влагой, кожу выстудило, а двинуться казалось невозможным.

Холодный фронт накрыл Бритву, как цунами…

– А самые страшные люди знаешь какие?

Голос Эзопа выдернул из полудремы. Бритва часто заморгала, быстро проверила, где «пес». Тот сидел к ней спиной на другом конце камеры. С хрустом почесал сальный, коротко стриженый затылок и что-то пробормотал себе под нос. Бритва даже не хотела знать, что именно. Последние часы Эзоп только и делал, что бормотал, будто хотел ее убаюкать.

Проклятье, и у него получилось! Она отключилась! Столько времени продержалась, и на тебе…

– Думаешь, сильные, ловкие? – Он снова повысил голос. – Вооруженные?

Эзоп обернулся. Улыбка на его истощенном лице казалась жутковатой.

– Не-ет, – сказал протяжно. – Самые страшные люди – ебанутые.

Ох ты ж гребаный Марс! Кто бы сомневался. Одного взгляда на Эзопа хватало, чтобы покрыться испариной – он был, как заряженная винтовка.

– Это уж точно, – пробормотала Бритва. Язык еле шевелился: то ли спросонья, то ли от жажды. Воду не приносили со вчерашнего вечера. – Ебанутые, как ты.

– Вот именно! – Впалые глаза Эзопа живо заблестели. – А знаешь почему? Потому что я способен на все. Для меня нет преград. Я – как жук. Незначительный маленький жук, которого не замечают орлы легиона. И очень зря, потому что мне совершенно нечего терять. Маленький жук ничего не боится.

– Тогда почему «Псы»? Что ж не назвались «Жуками»?

Эзоп расхохотался.

– Ну что ты. Кто захочет стать «жуком»? Номерам нужно гордое название, что-то опасное, питающее их эго.

Он хитро улыбнулся, но тут же посерьезнел. Его настроение менялось быстро, как лица у входа в космопорт.

– Хотя ты это знаешь… – пробормотал он. – Ты-то обо мне все знаешь.

Бритва увела взгляд, надеясь, что Эзоп последует ее примеру и отвернется. Но тот продолжал сверлить её взглядом, будто чего-то ждал.

Иногда Бритва думала – где повернула не так? В какой момент жизни сделала ошибку, благодаря которой оказалась здесь? Конечно, не соверши она этих ошибок, то не работала бы в легионе. Пропустила бы кучу интересного. Но будь у нее второй шанс, она бы не спала с Эзопом. Вот это точно. Чокнутых лучше обходить десятой дорогой, ведь однажды появившись в твоей жизни, они могут не захотеть из нее убраться.

Эзоп тем временем поднялся на ноги. Бритва подобралась, готовая сбить козла с ног, если тот вдруг кинется, но он повернулся спиной и задрал голову к блошке камеры под потолком.

– Эй! Где еда? Сколько можно ждать? – крикнул в объектив и развел руками. Бритва помалкивала. Она знала – крики лишь делают хуже. Если заключенный матерится, значит, ему что-то нужно. Если ему что-то нужно – это можно использовать в своих целях. Например, надавить посильнее, перестать кормить и поить вообще, авось расколется. Обычная практика при работе с номерами.

Зря Эзоп думал, что он особенный. Особенных в предкрио не держали.

– Эй! Вашу же мать! – он крикнул громче.

У выхода что-то лязгнуло. Похоже, открывался шлюз. Бритва не поверила своим ушам: неужели кто-то из охраны оказался настолько туп, что пришел гавкаться с заключенным? Или же им действительно несут еду. От этой мысли жрать захотелось еще сильнее.

Она закусила язык, отвлекаясь на боль. Нельзя раскисать, не сейчас. Не здесь.

В отсек зашел легионер. Двигался он странно: пятился, целясь во что-то в коридоре. Отработанным движением сменил батарею и с гулом ее высадил. Заряды яркими нитями прошили зал.

Его накрыла быстрая тень. Коротко хрустнуло, чавкнуло,

веером брызнула кровь. Бритва запоздало вскочила, хотела вытащить распылитель, но пальцы ухватили воздух.

Ни оружия, ничего! Проклятье!

Она бросилась вперед, к силовому полю. Зацепила Эзопа плечом и с раздражением пихнула его в сторону. Хлопнула по невидимому барьеру.

– Отключите поле! – заорала в камеру. – Отключите поле, мать вашу!

– Рехнулась?! – крикнул Эзоп за ее спиной. – Не смей!

Бритва свернула бы ему шею, но сейчас было не до того.

– Откройте камеру! – крикнула снова. – Камеру! Откройте!

Она едва не взвыла. Поле продолжало гудеть, а парня убивали прямо на глазах. В других камерах орали: звали на помощь, материли Бритву на чем свет стоял, просто визжали от ужаса. А она била кулаками в невидимую стену, пока кожа на костяшках не покрылась пузырями от ожогов.

Оно ело, это создание. С сопением и влажным треском вгрызалось в ворот легионерского костюма. Фигура была человеческой, без одежды и половых признаков. Тощая спина с проглядывающим позвоночником, кожа мазутно-черная, блестящая в свете ламп. Голова гладкая, будто в шлеме для аэроцикла. Бритва сощурилась. Вроде бы шлем, а вроде бы и нет. Глаза закрыты пластиной.

Монстр смял худыми пальцами плечи экзокостюма. Броня прогнулась, лопнула, выпустив кровь. Свет скользнул по затылку, выбелил место, где пластина огибала провалы на месте ушей и врастала в череп.

Бритва никогда не видела таких уродов.

Монстр будто почуял ее взгляд. Выпустил тело легионера, и то упало, стукнув щитками по плитам. Из трещин в костюме потекло, как из разбитого яйца. Существо выпрямилось, подошло ближе, свесив длинные руки. С пальцев капало, оставался пунктирный след на полу. В широком безгубом рту алели похожие на иглы зубы. Обрывки ноздрей трепетали.

Он будто принюхивался. Шагнул еще ближе, и Бритва подавила желание отступить. Крик подступил к горлу вместе с тошнотой.

– Я знаю, откуда оно! Я знаю! – донесся голос Эзопа.

– Заткнись, – процедила Бритва. Язык не слушался.

Коротко рыкнув, монстр прыгнул. Силовое поле отбросило его назад со злым жужжаньем, снаружи наверняка запахло паленым. Бритва вздрогнула, как от удара.

Не отступать, не дрейфить. Тварь не может забраться в камеру, силовое поле не даст. По крайней мере, пока оно

включено. А даже если монстр заберется в камеру, он пожалеет об этом. Бритва сжала кулаки. Шея у него тонкая, можно переломить, если увернешься от зубов. Тело тоже казалось хлипким, но, судя по тому, как легко тварь убила легионера, хлипкость эта обманчивая. И движения – неловкие, когда тварь двигалась медленно, и очень быстрые, незаметные глазу, когда нападала.

Опасный хищник.

Монстр прыгнул снова, на этот раз на силовое поле соседней камеры. Изнутри донесся отборный мат. Бритва следила за ним внимательно, подбирая новые способы убийства. Почему-то она не сомневалась, что воспользоваться ими придется. Был бы у нее распылитель… Или «гидра», модель с широким радиусом распыления. Какой бы сильной тварь ни была, против кислоты никто не устоит. Заряды «гидры» проедают даже металл.

Монстр пересек проход между камерами, у тела легионера не задержался – похоже, оно его больше не интересовало. Описал еще круг между камерами, оставляя кровавые следы босых ног. Затем поднял морду к потолку и замер, слившись с тенью. Бритва тоже не шевелилась. Существо что-то чуяло? Или, может, звало своих? Бритва быстро глянула на открытый шлюз. Может, сейчас из него вывалится еще десяток таких же тварей?..

Тишину разорвало низкое, короткое жужжание. Существо метнулось к шлюзу, оставляя шлейф пыли. Второй заряд отбросил его к камере Бритвы. Хитиновая макушка рассыпалась золой. Под ней, в узкой черепушке пульсировал водянисто-синий студень. Совсем как гель, которым накачивали перед крио.

Она неторопливо присела, изучая длинные суставчатые пальцы с неровными, обломанными когтями, впалую грудь. Жилку на тощей шее, которая билась все медленнее. Вблизи кожа оказалась покрыта коростой – будто серая кора на дереве.

Существо конвульсивно дернулось, щелкнуло зубами на Бритву.

Третий заряд распылил ему остатки головы.

Четвертый погас в силовом поле, прямо у лба Бритвы. Она посмотрела на затухающую искру напротив своего лица, затем перевела взгляд на легионера по ту сторону.

Он часто дышал, это было заметно даже через броню костюма. На рукавах нашивок не было, один щиток на ноге оторван. Распылитель на предохранитель не поставил, держал палец на кнопке спуска. То ли растерялся, то ли недавно из академии, еще не получал по шее за нарушение техники безопасности.

Поймав на себе взгляд Бритвы, он задержался. Его впалые,

чуть расширенные от страха глаза – единственное, что было видно за забралом шлема, – показались знакомыми. Очень знакомыми.

Из шлюза показались еще двое легионеров. Они быстро проверили отсек, водя прицелами по углам и потолку, и вышли. После недолгого замешательства, стрелок вышел следом, оставив мертвую тварь лежать. Так и не щелкнул предохранителем.

– Я знал! Ты слышишь? Я знал!

Вздрогнув, Бритва обернулась и не поверила своим глазам. Эзоп улыбался во весь лягушачий рот. Выглядело это омерзительнее, чем оскал твари за силовым полем.

– Я же говорил! Еще до крио я знал, что они пригодятся.

– Ты что-то знаешь об этих тварях? Откуда они? – быстро спросила Бритва. Но Эзоп качнул головой, давя смех.

– Не могу сказать, дорогая. Не сейчас. Но тебе понравится. – Он задумчиво потер заросшее щетиной лицо. – Я думал, они все погибли, но Аларих… Какой молодец.

Аларих? При чем здесь Аларих? Почему-то всплыло смутное воспоминание о девчонке-имманес и ее сородичах. Странная ассоциация. Бритва устало мотнула головой.

Очередная брехня. Не мог Эзоп знать об этих тварях, вон как обосрался, когда одна из них подошла к камере. А Аларих давно мертв, потерял мозги в Первой курии.

Бритва подошла к раковине, подставила дрожащие пальцы под воду. Та в последнее время текла тонкой прерывистой струйкой, будто ее цедили из марсианских установок. На поверхности точно что-то происходило, и чем меньше Бритва об этом знала, тем страшнее ей делалось. Куда увереннее она бы чувствовала себя на передовой, с оружием в руках. Даже страх там подстегивал, заставлял шевелиться. А здесь она была бесполезна и беспомощна.

Что это за твари? Откуда взялись? Какой-то генетический эксперимент, который вырвался из-под контроля? Бритва знала, что в лабораториях предкрио проводили эксперименты, но чтобы такие… То, что она увидела, уже не было человеком. Оно было кровожадным животным без капли разума, сплошь инстинкты убийцы.

А ребята уволокли тело убитого пацана, как мешок с лапшой. Бритва почувствовала, что ее вот-вот стошнит от омерзения.

Адреналин все не отпускал. Мышцы болели от напряжения, сердце билось сильно, как на кликах. Каждый звук был преувеличенно громким. Запахи били в нос, сбиваясь в тошнотворную смесь.

Обостренные чувства спасли ей жизнь.

Послышался запах пота. На хромированном носике крана отразилось движение, скользнула тень. Сработали рефлексы: Бритва ушла в сторону, и удар по голове пришелся скользящий. Бритва покачнулась, попыталась перехватить кулак Эзопа, но от голода тело было слишком слабым. Податливым, как вата.

Эзоп коротко ударил ее в челюсть, Бритва влетела затылком во что-то твердое – наверное, в стену, а может, в раковину, – и потеряла сознание.

Вообще-то он должен был их прикрывать.

Хоть и не хотел.

Хоть руки чесались взорвать всю эту научно-исследовательскую шарагу вместе с их разработками. И здание предкрио, которое находилось на той же территории. «Система выработки электричества на основе биоматериала», – так они это называли. Использование трупов, как батареек, вот чем это было на самом деле.

Почти крио, только в крио использовали мозги живых, а здесь – тела мертвых. Проклятье, да они и сделали эту хреновину на основе крио. Проводили над парнями опыты. И наверняка над самим Энцо, почему нет? Он же биоматериал. Они все биоматериалы. Даже для тех же легионеров, для чего еще они его взяли? Всем нужно мясо на баррикадах.

Энцо сжал рукоять распылителя, повел дулом в сторону ничего не подозревающих патрициев. Перестрелять, ага. Вот только что он будет делать потом? Если хреновина, которую они ищут, поможет протянуть до помощи имперских кораблей, то пускай живут.

К тому же, Гиппократ просил вести себя хорошо, а Энцо прилично ему задолжал.

Эти легионеры все выглядели одинаково. И дело было даже не в коротких стрижках, выбритых лицах и сгоревших нексах вместо уха. Они ходили группами, говорили на каком-то своем языке, сплошь коды и жесты, а рожи у всех жесткие, неулыбчивые, с холодными глазами, что у патрициев, что у марсиан. Что-то с ними в легионе делали, это точно. Отнимали что-то человеческое.

Еще эти лаборатории, так их растак. Стремные белые коридоры, совсем как в предкрио, гладкие полы, темные кабинеты за стеклянными стенами, и ни души. Тишина звенит в ушах. А в комнате, куда их привел щуплый патрик, еще и холодильники с трупешниками. Какие-то капсулы, провода, накопители. Умник-лаборант сразу принялся отвинчивать некоторые из них и передавать легионерам. Все трясся, приговаривая, чтобы обращались осторожнее. То ли рвануть могло, то ли сломаться, Энцо так и не понял. Еще появлялись «орлики», охранявшие крио. Сверили у всех чипы и свалили обратно, получив какой-то сигнал.

И Луций Цецилий. Глядя, как тот носится и трясет всех в поисках напарницы, Энцо испытывал приятное злорадство. Неплохая была баба, конечно, сиськи хорошие и дралась хорошо,

но продалась «орликам». И, как говорят, «Псам». А Цецилий пускай поймет, каково это – потерять близкого. Пускай сожрет и сглотнет до последней капли. Ему, мать его, полезно.

Короче, Энцо их всех ненавидел. Так сильно, что на марше водил прицелом по впереди идущим, думая, кого подстрелить. А теперь стоял у КПП на территории института, спиной к уже ставшему родным крио, и смотрел на разрушенную курию. Провалы в уровнях, как разрывы в облаках. Жилые колонны курились дымом. Людей не видно, все сдохли или попрятались.

Кто бы мог подумать, что Четвертую можно развалить так быстро.

– Видели, что Поллюций устроил? – переговаривался кто-то за спиной. – Вообще не боится.

– Он бешеный, это все знают, от него даже Тит вешался. По-любому в увольнение отправят, вот увидишь.

– Заткнулись! – прикрикнул декурион, и трепачи умолкли.

Энцо молча с ними согласился. Даже из него получился легионер получше. По крайней мере, он относится ко всем одинаково, к номерам и к патрициям. Хотя на молитве и сам чуть не уснул. Лучше бы пожрал, теперь в животе урчало и бурчало… Может, оно от нервов, конечно…

Движение привлекло его взгляд.

«Псы»? Энцо сощурился на свет. Внизу, шагах в пятиста, двигалась группа, человек двенадцать, часть в спецовках, часть в форме песочного цвета. Ребята Алариха таскали похожую. Точно «Псы». Тоже узнали о трупных батарейках и решили поживиться? Но как пронюхали?

– К нам гости, – Энцо сказал орликам за спиной. Декурион, придвинулся, настроил окуляры.

– Ага. У нас пять-три! – гаркнул через плечо.

Легионеры побросали сигареты, опустили забрала шлемов. Один побежал в лаборатории, остальные заняли позиции. Декурион смерил Энцо линзами окуляров. Марций. Кажется так к нему обратился Луций. Высокий, худой, с блестящей залысиной до самой макушки. Вокруг окуляров сеточки шрамов, по ходу, родные глаза ему когда-то просто выжгло.

– Чего стоим? Распылитель с предохранителя, шлем разворачиваем, – он мотнул головой на угол склада у ворот.

Энцо послушался, тоже занял позицию, такую, что от входа на территорию видно не было. Палец на курке давно зудел, в груди ворочалась слепая злоба. Он надавил подбородком на воротник, и шлем развернулся, отрезав его от окружающей гари. Тихо зашипел очищенный воздух, поданный в костюм, голоса легионеров захрипели в передатчике.

Он осторожно глянул в щель между листами ограждения. «Псы» уже были в двухста шагах, пробирались между брошенных машин. Бритые, в респираторах. Одна морда была особенно знакомой.

Два Ноля.

Энцо вжался в стальной лист и расплылся в шальной ухмылке. Все-таки довелось им встретиться, богини судьбы не подкачали. Сердце билось, как музыка в клубе – быстро, глухо. Губы пересохли. «Псы» приближались, Энцо понял это по знакам орликов.

«Хорошо. Хорошо. Все просто отлично. Ты сможешь».

Первого убил не он. Когда вся группа оказалась на территории, легионеры открыли огонь. Распылили двоим головы, просто и без затей. Остальные укрылись за воротами, часть кинулась ко входу в лаборатории. В темном холле засияли всполохи выстрелов.

Энцо уложил одного – сперва попал в плечо. Затем, когда «пес» развернулся и ответил очередью, добил его в грудь. Еще одного уложил в живот. Как стрельба по банкам. По лысым живым банкам…

Он проверил заряд. Осталось еще на шестнадцать выстрелов, больше не дали. Два Ноля как сквозь землю провалился.

«В лабораторию», – велел декурион, и Энцо перебежками добрался ко входу. Внутри, спиной к нему стоял «пес». Он резко обернулся, пальнул из распылителя. Энцо прыгнул в сторону. Перекатился и, не давая сориентироваться, выстрелил. «Пес» увернулся – тоже марсианин, реакцию сразу видно. Заряд чиркнул по плечу, оставив пепел на костюме.

Его замочил кто-то из орликов, показавшийся в дверях. Не теряя времени, Энцо кинулся в глубь коридоров, к лабораториям. За поворотом напоролся на еще одного «пса». Тот стоял и в упор, с кайфом расстреливал лежащего на полу легионера. В развороченном костюме пузырилось месиво, кровь разлеталась брызгами.

Энцо успел выбить оружие, перехватил руку и вломил в челюсть. «Пес» в долгу не остался, ударил кастетом в дыхалку, но костюм не пробил. Энцо двинул его предплечьем по шее, добил по затылку кулаком, затем коленом в живот. Еще раз, и еще, и в зубы, пока те не запрыгали дробью по чистым лабораторным плиткам.

Сзади мелькнула спица, прожгла верхний слой костюма. Внутри запахло паленым пластиком, но самого Энцо не задело. Не оборачиваясь, он пнул противника в пах, развернулся, перехватил запястье нападавшего. Сжал до хруста, пока спица не

упала на землю. Двинул с локтя в затылок. «Пес» дернулся и упал в песок лицом.

Энцо развернулся на пятках, огляделся, тяжело дыша. Кто еще? Кто? По углам никого, в дверях никого.

– Мать!.. Мать вашу!.. – донеслось из холла. Зашипели заряды, кто-то хрипло взвыл, звук вытянулся по коридору долгой нотой. Что за черт?

Энцо переступил тело «пса», подобрал распылитель и двинулся обратно. Не хотел, но тылы лучше прикрывать сразу, а то окажешься в западне, и как потом выбираться? «Надо просто проверить», – сказал он себе и для уверенности сжал рукоять оружия сильнее.

Сперва показалось, что в холле пусто. Легионеров не видно, кто стрелял – непонятно. Энцо прошел чуть дальше, водя прицелом по колоннам. Звук шагов путал, отзывался под высокими сводами. В луже крови лежало тело «пса» (кажется, этого убил сам Энцо), чуть дальше коченел второй мужик, сжимающий живот – будто пытался удержать кишки (этого убил не Энцо). Чуть дальше мертвый легионер, хрен разберешь кто именно.

Во мраке у дальней стены что-то шевельнулось. Вспотев, Энцо прицелился. Хорошо бы еще и принюхаться, но сворачивать шлем не хотелось. Луч фонарика скользнул по полу, прыгнул на колонну, выхватил то, что за ней пряталось.

Их было две. Черная спина, кожа обтягивает позвонки. Все спиной к Энцо, руки погружены в живот лежащего легионера. Чавкали внутренности – наверняка чавкали, хоть динамики и не передавали тихих звуков. Эти твари жрали, Марс помоги!

Одна вздрогнула, оторвалась от тела. Повернула к Энцо безглазую морду. Столько зубов в одной пасти он видел впервые. Длинные, острые, как иглы для кликов…

– М-мать же… – пробормотал Энцо. Палец сам вдавил спусковую кнопку.

Двенадцать, одиннадцать, десять выстрелов осталось…

Тело легионера разлетелось на части, кровавая крошка заляпала стены. Твари куда-то делись. Поймав быстро движение под потолком, Энцо выпустил туда еще очередь.

Семь, шесть, пять, четыре.

Он огляделся, ухватил оружие убитого «пса». Зацепил одну из тварей.

«Справа!» – раздался крик в передатчике. Энцо развернулся, вовремя, чтобы распылить бросившуюся на него тварь. Второй занялся подоспевший легионер.

«Снаружи лезут!» – проорал он. Забрало шлема было

забрызгано фиолетовой слизью. Кто-то проворно полз по стене, как паук. Энцо поймал тень в перекрестье прицела и выстрелил, затем еще раз.

А легионера уже жрали. Тварь сидела у него на спине большим черным горбом, рвала зубами ткань костюма. Легионер попытался ее стряхнуть, ударив спиной о стену. Затем еще раз, но тварь не отставала. Стараясь не задыхаться от ужаса – от этого прицел дрожал, ходил туда-сюда, – Энцо выстрелил. Мимо. Заряд закончился. Ухватив распылитель одного из убитых парней, он подскочил ближе, стрельнул прямо в упор. Легионера запорошило пылью, обезглавленная тварь упала, раскинув лапы.

Легионер хлопнул по воротнику, использовав препарат из аптечки костюма. Кровотечение замедлилось, остановленное бактерицидным гелем. Проверил мертвую тварь за спиной, затем повернулся к Энцо. В прорези шлема были видны лишь ошалелые глаза.

«Надо вход закрыть», – сказал по едва работавшей связи.

Вдвоем они заблокировали вход в лабораторию – кто знал, сколько еще тварей бродит снаружи? – и двинулись на нижний уровень. Там дорога расходилась в два крыла: одно в лаборатории института, другое вело в крио. Пришлось разделиться.

И конечно же, Энцо выпало крио.

Он шел, сдавленно матерясь сквозь зубы. Освещение работало кусками. Ни единого признака жизни, даже трупов видно не было. То ли потому, что все отсюда сбежали с началом заварушки, то ли черные твари все сожрали. Почему-то Энцо склонялся ко второму варианту.

В предбаннике у входа на уровни, где держали заключенных, все были мертвы. Тела разорваны. Снова где-то притаилась инопланетная тварь.

Энцо выдохнул, сжал рукоять оружия. Перешагнул легионера с расколотой головой, наступив в его кровь.

Ничего, он справится. Во славу Марса и всякое такое. Сейчас он был готов поверить в кого угодно.

Шлюз был открыт. Энцо помнил, как его вели по этому коридору: направо, потом прямо, вдоль запертых дверей хранилищ капсул, затем налево. Его тошнило: от этой дороги, от коридора и звенящих аварийных ламп над головой. От удушающей вони запекшейся крови, которая сочилась через фильтры костюма, хотя тел давно не было видно, только потеки на стенах и полу. От привкуса крио-геля, который, казалось, снова стоял в глотке, холодно пузырился в желудке.

Двери все так же были заблокированы. Распахнута лишь

одна, в самом конце коридора, ведущая к камерам. Правильно, *этому* же нужно свежатинка.

Оно и жрало. Донесся стрекот распылителя, что-то шмыгнуло по потолку, нырнуло за дверь, и в предкрио поднялся вой. Заключенные орали.

Покрывшись холодной испариной, Энцо бросился туда. Сделал ровно два шага, как что-то ужалило в спину. Костюм дал сбой, прицельная сетка на изнанке шлема зарябила и отключилась. Шлем опять свернулся, и на Энцо навалилась какофония запахов: пот, кровь, страх, гниль.

– Сука! Крыса легионерская! – проорали над ним.

Энцо вовремя перекатился – мелькнуло что-то острое и блестящее, вонзилось в пол и раскрошилось от силы удара. Какая-то железка, инструмент, и держал его Два Ноля. Бритая голова блестела от пота, глаза тоже блестели – безумием и глухим страхом. Он тоже видел тех тварей, понял Энцо. Видел и ему хватило.

– Стой! – он поднялся на ноги и успокаивающе вытянул руку перед собой. – Стой. Это же я, Энцо!

Два Ноля осклабился.

– Энцо, браток!

Энцо немного расслабился. Узнал, значит, хорошо все. Можно разрулить ситуацию, что-нибудь наплести…

Два Ноля метнул в него стальную спицу. Та пробила наплечник насквозь, и Энцо заорал от боли. Вытащил железку, и кровь забила толчками.

– Вижу, что это ты, вижу. Всем тоннелем тебя поминали.

Он коротко замахнулся и пнул Энцо в живот. Тот попытался ухватить его ногу, но не удержал. Еще удар прилетел прямо в челюсть.

– А теперь легионерам лижешь? Хорошо устроился. – Поднатужившись, Два Ноля вырвал из стены еще какую-то железку с набалдашником. – Хорошо, что Эзоп тебя не увидит, гнида. Он бы очень расстроился.

– Эзоп сдох, придурок… – прохрипел Энцо, выдувая пузыри на губах.

Два Ноля усмехнулся, занес железку над головой Энцо.

– Сам ты придурок, – сказал… И покачнулся, кашлянул пылью.

Он завалился набок, содрогаясь в конвульсиях. Его выпученные глаза оказались на уровне лица Энцо. Пустые, с кровавыми прожилками.

Над ними стоял декурион. Он опустил распылитель и, прицелившись, распылил Два Ноля голову. Энцо задохнулся от

пыли.

– Подъем! Чего развалился?! – донесся приглушенный шлемом крик.

Сдавленно выругавшись, Энцо поднялся на ноги, развернул шлем и заковылял в предкрио. Снова затрещал распылитель. Рявкала «гидра», выплевывая ампулы с кислотой. Плечо и ребра адски болели, и Энцо вдавил кнопку «квикшота» – легионерского клика, встроенного в костюм. Боль сразу ушла, тело стало легким, типа птичьего пера. Даже лучше «гелиоса», наверняка сильнее. И чего он раньше не вмазался?

В предкрио всё орали. Тварь толклась у одной из камер, и Энцо стрельнул в нее прежде, чем успел что-либо сообразить.

Тварь рыпнулась в его сторону, но он добавил ей еще два заряда. Для уверенности толкнул страшилище мысом ботинка. Успел, надо же. В ушах звенело, адреналин кипел в крови, пульсировал в висках.

Энцо поднял взгляд на заключенную в камере. Марсианка, взгляд тяжелый, исподлобья. Тренированная, в драной спецовке, темные волосы собраны в хвост. Одного уха нет, того, куда обычно имплантируют некс.

Сучка Луция. Энцо сразу ее узнал.

Хотя что уж, он сейчас тоже легионерская сучка. В их костюме, с их оружием, только без чипа и клейма.

Легионерша все таращилась на убитую тварь, будто не могла поверить, что та мертва. А Энцо вспомнил, как она тащила его из тоннелей. Как он впустую просил найти Малую, спасти ее. Помнил укол клика и разговор легионерши и Алариха, который сочился через зыбкую наркотическую муть.

Мысли скакали, как блохи на башке. Может, открыть камеру и застрелить, пока никто не видит? Сказать, что случайно, что тварь забралась и сожрала, а он просто попал по мертвому телу. Кто сейчас будет разбираться? Да никто. Как никто не разбирался, когда его совали в крио, размораживали-замораживали типа готового обеда. Как никто не стал вникать, когда Малую убили.

У задней стены кто-то пошевелился, смутный силуэт в приглушенном свете. В камере кроме бабы кто-то еще?

Энцо сощурился, всмотрелся в сумрак. Разглядев знакомое лицо, он вздрогнул.

Эзоп. Живой, целый и невредимый Эзоп. Увидев его, Энцо даже не знал, что делать. Сперва рука потянулась к панели на стене – может, освободить? В свое время Эзоп хорошо ему помог, из дерьма вытащил. Правда, потом в дерьмо же и отправил, наобещал кучу всего, если Энцо возьмет на себя косяк. И что?

Сдержал обещание?

Желание отключить силовое поле отпало.

В отсек кто-то зашел, и Энцо развернулся, наставил распылитель. Двое, в легионерских костюмах, успел понять и снял подрагивающий палец с кнопки. Декурион и его напарник жестом велели убрать оружие.

«Два-Ноль-Шесть», – скрипнуло в передатчике. Как ногтями по стеклу, Энцо даже сморщился. Приказывают еще, как будто он их подчиненный.

– Иду, – ответил Энцо и вышел за декурионом и его напарником.

«Эй, дебил, – донеслось от напарника. Высокий молодой голос, правильный патрицианский выговор. – *На предохранитель поставь».*

Энцо глянул на оружие в руке – и правда, забыл. Сейчас бы себе ногу отстрелил. Был бы без руки и без ноги, обосраться от смеха. Он торопливо вдавил нужную кнопку на стволе, и индикатор, мигнув, погас.

Заметив приоткрытую дверь, Энцо отстал от орликов. Те шли, не оборачиваясь и ведя перед собой оружием, свернули за поворот.

Вот и скатертью дорожка.

Энцо толкнул дверь дулом распылителя и включил фонарик, высветив аквариумы длиной в марсианский рост. Они были наполнены голубоватым раствором, в котором поблескивали хромом инструменты. Пять фиксаторов как раз под размер шеи, щиколоток и запястий. Трубки с маской для дыхания. Длинные тонкие спицы, полые внутри. Управление ими велось с пультов снаружи.

Опять какие-то эксперименты над крио? Энцо сжал рукоять распылителя. Разбить бы эти штуки к такой-то матери, но грохот будет на весь уровень.

Все-таки он не жалел патрициев, погибших на поверхности. Они это заслужили.

Наверху, в холле, все уже были в сборе. Легионеров стало меньше раза в два, костюмы в чужой крови и каком-то дерьме. У половины на оружии горели красные индикаторы. У Энцо тоже заряда осталось негусто, выстрелов на десять. Ни о чем, учитывая, что до базы час пехом.

– Сколько их? – развернув шлем, декурион спросил у разведчика.

Разведчик что-то тыцал в блокноте. Вытер нос, оставив на лице грязную полосу.

– Подключились только камеры у входа. В зоне видимости

шесть объектов. Три на лестнице, один на стоянке, два на стенах, на уровне третьего этажа.

Декурион пожевал губу, со звучным хрустом почесал бритый затылок. Окинул взглядом лаборанта и разложенные вокруг него батареи, подошел к нему и протянул свой распылитель.

– Ну, показывай, как эта хрень работает.

Лаборант сперва оцепенел, как будто кликом вмазался, – вытаращил глаза, типа не понял, о чем ему говорят. Потом засуетился, начал растаскивать аппараты из коробок, разложил их на полу и соединил между собой проводами. Какая-то дико древняя система, такой пользовались, наверное, две тыщи лет назад.

Затем выпрямился и странно вытаращил глаза.

– Мне, – начал неуверенно. – Мне нужно тело.

– Что? – декурион даже обернулся.

– Тело. Мертвое тело, желательно, не начавшее разлагаться.

Теперь на него смотрели все орлики и Энцо. А ведь и правда, батарейки-то трупные, значит, нужен жмурик…

– Понимаете, мне нужно подключить клеммы к телу, – словно извиняясь, начал лаборант. – Мертвая ткань, именно мертвая, пропуская через себя заряд нашего устройства, многократно умножает его, приобретая возможности, сравнимые…

Декурион на миг прикрыл глаза.

– Довольно. – Он указал на двух легионеров. – Тащите тело.

– Ка… Какое? – растерянно спросил один. Взглядом он уже нашел искомое у стены – наполовину съеденное, в легионерских обрывках. Но тащить не торопился.

– Любое! – рявкнул декурион. – Сейчас!

Первый кинулся исполнять приказ, второй так и остался на месте, безмолвно шевеля губами. Плюнув, Энцо пошел вместо него. Если нужен трупешник, чтобы отсюда выбраться, – он притащит этот трупешник. Мертвому все равно, а вот Энцо еще пожить хочется, и не время сиськи мять.

Вдвоем они подтащили обезглавленное тело к проводам и аппаратам. Положили там, куда указал лаборант и отошли: легионер – прикрыв рот ладонью, Энцо – на всякий случай, вдруг не сработает и рванет?

Но батареи и правда заряжались. Марсова сила, причем, быстрее, чем от левого аккумулятора у «Псов» в тоннелях. Пять минут, и батарея показывала максимум, даже «гидра», которая жрала в два раза больше распылителя. Клеммы лаборант подключил прямо к остаткам шеи, длинную спицу, похожую на то, чем орудовал Два Ноля, воткнул в тело. Судя по ловким уверенным движениям, делал это не в первый раз.

А что, удобно, подумал Энцо с нездоровым весельем. В их-то ситуации. Жмуров сейчас много, заряжай хоть каждый день. Пока не зарядят от тебя самого.

– Что с крио? – тихо спросил он, склонясь к уху декуриона.

– А что с ними?

– Ну… – Энцо замялся, подбирая слова, чтоб без матюков. – Охрана перебита вся. Кто крио кормить будет, следить за ними?

– Хочешь, ты оставайся. Будешь с ложечки кормить. – Фыркнув, декурион качнул головой, сплюнул. Ноксер, здоровый детина с черной бородищей, обернулся и пробасил:

– За ними придут, малец. Подтянется декурия из другого крыла.

Энцо кивнул и поежился под направленными на него взглядами. Он знал, что они думали. Что номер за своих волнуется. Да, Марс подери, и что с того? Он знал, каково это – сидеть там, в невидимом пузыре силового поля. От одного воспоминания на стену лезть хотелось.

«За ними придут» – это уж точно, вот только кто будет первым: орлики или черные инопланетные твари?

Скоро оружие было готово, батареи собраны в сумки, легионеры стояли на изготовке.

– Открывай, – коротко велел декурион. Разведчик поднял скобы, которые Энцо загонял в пазы своими руками. Широкие двери распахнулись, открывая залитые вечерним светом развалины, призрачно-желтое небо над головой.

Энцо всадил себе последний «квикшот». Короткая волна тошноты, и в голову снова ударил адреналин. Хорошо, гораздо лучше страха.

Первую шестерку сняли сразу, знали же, где те сидят. Но стоило выйти за территорию, как вывалило еще десять. Они лезли с нижнего уровня, из разлома, карабкались прямо по стенам колонн. Жрать хотели, уродские твари?

Энцо зло ударил по кнопке предохранителя, и оружие загудело в руках.

Щас получат свою жратву.

– Гребаные бляди! – проорал он, высаживая всю батарею в черные тела. Те весело разлетались на хитиновые ошметки и мясо с фиолетовым отливом. Твари, которых не задело, остановились и странно съежились. Почему-то застыли, как от шока. Энцо даже подумал, что напугал их своим ором.

Им же хуже.

Энцо прошелся по ним очередью.

Мертвый зов

Малая в тесной капсуле, в холоде. Её тело тяжелое, разбухшее, горло чем-то забито. В голове жужжат сотни, тысячи сигналов и чужих голосов. Она спит? Она бодрствует? Малая не знает.

Через заиндевевшее окошко в капсуле на нее смотрит страшное лицо: нос и рот закрыты черным респиратором. Затем капсула кренится, будто ее заваливают набок. Ремни впиваются в плечи. Поток чуждой информации иссякает, и эта тишина – большое облегчение.

Малую куда-то везут. За окошком темнота, затем яркий свет, край шлюза. Капсула вдруг перестает дрожать и движется плавно, будто ее пустили по волнам. Кто-то плывет рядом в скафандре. Взмахивает руками, вздрагивает и замирает. Рядом рассыпаются капли, похожие на свежие ягоды…

Смена кадра. Теперь Малая в пустой белой комнате без окон, сидит голая на черном кубе. Ей велели ждать. Она ерзает на гладком камне, поджимает пальцы на ступнях. Грань куба впивается в бедро, этот не подстраивается под очертания ее тела. В доступе в сеть из палаты отказано, при каждой попытке золотые символы вспыхивают и впитываются в стены. Взламывать систему бесполезно, здесь ее силы не работают. Уцепиться взглядом тоже не за что, нечем скрасить ожидание.

Белый потолок. Белый пол. Черный куб.

Гудящая тишина.

Перепонка шлюза схлопывается, и заходят трое. Все как один без волос на лицах и головах. В белых просторных одеждах: рубашка и длинная юбка.

Жрецы Некро.

Двое остаются у входа, разворачивают на стенах таблицы с данными. Третий жрец, самый высокий, жестом велит встать.

Его руки искусственные. Кажется, будто их слепили из какого-то серебристого сплава. Совсем не похожи на имплантат Энцо. Руки жреца целиковые, без видимых составных частей, гнутся в суставах плавно – точь в точь живые руки, просто облитые серебром. А на ощупь совсем не мягкие. Длинные, заостренные пальцы касаются головы, холодно колют щеки. Бесстрастный взгляд останавливается на пластине окуляра. Жрец бросает пару отрывистых фраз через плечо – вроде на ларез, но Малая не понимает ни слова. Бел Шаи кивает, и троица выходит.

– Что они сказали? – спрашивает Малая. Бел Шаи улыбается.

Как делает всегда.

– Что ты здорова и готова к операции.

Трубки ввинчиваются под кожу. Протыкают руки на запястьях и локтевых сгибах, скользят между позвонками, набиваются в полость живота. Вползают через пупок.

– Не волнуйся, – голос Шаи. Мягкая ладонь гладит ее плечо. – Ты сильнее, чем ты думаешь. Ты можешь выдержать все, что угодно.

«Ты дома», – шелестит на задворках уплывающего сознания.

«Ты дома».

* * *

Звук робота-уборщика напомнил гул насекомых в знойный день. Монотонный, он сперва приближался, затем удалялся. Бывало, сядешь на порог, перед глазами золотая белизна, солнце будто хватает за плечи. Сперва греет, потом жарит так, что щеки начинают пылать. За спиной, в доме, хлопают дверцы кухонного модуля – мама разогревает обед. У воды, в тени под мостом, кто-то обсуждает цены на рынке и новую соседку, голоса звенят и, кажется, пронзают марево.

Жужжат мухи.

Или это робот?

Малая с трудом разлепила глаз. Окуляр не включила. Даже пошевелиться казалось невозможным – сразу накатывала тошнота. Обед, ужин и вода блестели на полу вокруг, и пылесос старательно собирал их в контейнер. Наезжал черным боком, оставляя за собой чистую полосу. Тыкался в лежащую Малую, объезжал ее кругом и снова тыкался. Словно велел вставать.

Малая попробовала оторвать голову от холодного покрытия. Желудок предупреждающе сжался, и она легла обратно. Тупо уставилась на золотые узоры на пальцах. Казалось, они шевелятся.

Да что с ней творится? Может, стресс или последствия операции? Вдруг успокоительное, которым ее накачали, отравило ее? Вдруг еда годится только для имманес с Мармароса? Они-то привыкли спать по пять часов в сутки и жрать безвкусное пюре. Выросли на другом конце вселенной, в конце концов, в другой гравитации. Дышали другим воздухом.

А Малая еле до конца смены высидела. Как только раздался сигнал, она рванула с места и понеслась в ячейку. И теперь лежала на полу.

А еще эти кошмары. Ох уж эти кошмары.

– Мне нужен осмотр, – сказала она часом позже. Палуба была

полна народа – после молебна имманес расходились по рабочим местам.

– Вы чувствуете недомогание? – спросил Арий.

– Что-то вроде того, – Малая выдавила из себя улыбку. – Голова болит. И… кошмары снятся.

– Вам снятся сны?

Странный вопрос. Можно подумать, для других имманес это редкость.

– Конечно. И страшные, – повторила Малая на случай, если он не расслышал. И тошнило так, что на полу ячейки ступить негде. Юпитер всемогущий, да неужели они не видят, как ей плохо? Неужели всем здесь… все равно?

Но Арий понял быстро, больше вопросов не последовало. Он повел по бесконечным, похожим на муравьиные ходы, коридорам. Набрал код на стене у медпункта, и перепонка шлюза раскрылась. Малой хотелось открыть ее самой, усилием мысли; быстрее зайти и вколоть себе все, что могло помочь, но Бел Шаи учил не тратить силы попусту. «Мы созданы для служения мертвым, а не для того, чтобы выполнять работу машин», – так он сказал. Пришлось сдержаться. Терпеть, пока Арий сделает это за нее.

Малая осмотрелась. Белые стены, белый куб-сиденье. Черная панель с какими-то инструментами. Кроме Малой и Ария в медпункте больше никого не было. Странно, она думала, что ее осмотр поручат жрецам или медикам (что, в принципе, было одно и то же).

Арий закатал рукава, обнажив жилистые предплечья. Набрал пару команд на панели, и похожий на сканер инструмент загорелся белым. Сняв его с подставки, Арий указал на костюм Малой.

– Разрешите.

Малая выпутала руки из рукавов и спустила комбинезон на бедра. Закатила глаза к потолку, когда сканер ткнулся в бок. По другому боку скользнули прохладные пальцы Ария: вниз, затем вверх по шее.

– У вас участился пульс, – констатировал Арий.

Конечно, участился, она же не была бесчувственным истуканом, как некоторые.

– Мне холодно, – почти не соврала Малая. Медпункт больше походил на морозилку.

Сканер прошелся по позвоночнику, по спине от ямки под затылком. Туда же спустились и пальцы, от прикосновения по коже будто рассыпался электрический заряд. Малая вздрогнула, поежилась.

– Холодно в медпункте? – спросил Арий. – Я могу сделать

теплее.

Малая сглотнула, но ком в горле остался. Ничего-то он не понимал, ничего!

– Не только здесь.

– Вы можете регулировать температуру везде, где вам захо…

– Не температуру!

Пальцы Ария задержались на талии. Пять прохладных точек: четыре на животе, одна на спине.

– Что-то не так?

Может, сработало его прикосновение, а может, то, что ее наконец кто-то слушал. Молчать больше не было сил.

– *Вы* холодные. – Малая облизнула губы. По медпанели пронеслась стайка символов. Ярко-зеленые муравьи, по диагонали из нижнего угла в верхний. «Норма», «норма», «показатель в норме», «учащенное сердцебиение». – Как машины. Я не понимаю, зачем вы живете. Какова цель?

– А какова цель у людей? – голос Ария раздался совсем близко, над ухом.

– Люди живут ради своих детей, – сказала Малая. Конечно, *большинство* людей, а не все, но тем не менее…

– Мы тоже заботимся о продолжении рода, – возразил Арий.

– Интересно, как? У вас даже детей нет.

Юпитер всемогущий, да как он вообще мог сравнивать?!

Малая зажмурилась, пытаясь сдержать поток слов, который рвался наружу. И бормотание инферио, и запах крови.

– Нет, – повторила она. – Люди сражаются за свою жизнь, каждый день, снова и снова, но при этом умеют радоваться. – Малая хотела остановиться, но ее понесло. – Они смеются даже в этих поганых тоннелях… Ты их просто не видел, какие они омерзительные, эти тоннели. Как будто людей похоронили заживо, выкинули, а мы сейчас им совсем не помогаем, топим еще больше, и инферио… Я не могу на это смотреть, и чувствовать сил нет никаких, и я так скучаю…

Она захлебнулась и умолкла. Глаза жгло. И снова натянулись ментальные нити – мертвые желали знать, что с их мамочкой. Она закрылась, обрубила эту связь.

Не сейчас.

Арий отстранился. На плечи легла невесомая ткань свежей формы, и Малая вцепилась в нее, будто та могла ее спрятать.

– Работа с инферио тяжела для вас, – сообщил Арий. Тон все еще был ровным, но что-то неуловимо поменялось. Зазвучали ноты, от которых по телу побежали мурашки. – Я сообщу Бел Шаи, и он вернет вас в колонию Мармароса.

На Мармарос?! Еще не хватало! Кому она там нужна, на

Мармаросе?

Боги, нашла кому жаловаться. Вот дура…

Малая прикрыла грудь и обернулась.

– Не нужно. Я прекрасно справляюсь.

– Вы теряли сознание. Вы жалуетесь на сны.

– На кошмары. Это с непривычки, ваши же слова.

Казалось, Арий вот-вот скрестит руки.

– Вы нарушили инструкции и оставили инферио без поддержки во время операции. Мы не можем так рисковать.

Рисковать? Да о чем он вообще думает?!

– Они не нужны нам. Это слишком жестоко.

Ну вот, опять сказала лишнее.

Птичьи глаза Ария блестели глянцевой ртутью. Рука спокойно лежала на боку аппарата сканера, но Малая следила за ней краем глаза.

– О чем вы? – спросил он.

– О бойне, которую устроили инферио. Зачем это?

– Инферио проводят зачистку. Они не трогают мирное население.

Это Малая давно заучила, вот только верилось с трудом. Она усмехнулась, качнула головой.

– Убить легионера можно выстрелом. Или просто свернуть шею. А инферио *едят* людей.

– Смерть одинакова вне зависимости от ее причин.

О нет, разница была и большая. Малая все еще чувствовала запах ужаса. Крики звоном стояли в ушах, приходили в кошмарах. Боги, да она теперь даже спать боялась!

– Легионеры заслужили смерть, но не такую. Инферио мучают своих жертв, и это отвратительно. Зачем? – повторила она. От ее слов Арий вдруг подобрался и отступил – будто в Малую вот-вот могла ударить молния.

– Вы не можете так говорить о старших.

– Как? Что они отвратительны?

– Прекратите.

– Но они же такие. Отвратительные. Никто из людей не ест себе подобных, даже худшие из них…

– Прекратите! – рявкнул Арий. Рука на сканере сжалась в кулак. – Вы же связаны с ними. Они – это вы! Некро никогда не простит вам!

Таким Малая его еще не видела. Рот скривился, глаза стали злыми, а на лбу вздулась жилка. Арий вдруг показался ей очень знакомым. Вот это выражение лица, голос – совпало с чем-то в ее памяти. Где-то глубоко скользнуло воспоминание – очень личное, очень давнее – и растаяло прежде, чем она успела его ухватить.

Арий прижал пальцы к вискам – по два с каждой стороны, как делал ежедневно во время поклонения звезде. Прикрыл глаза, выдохнул, и его лицо разгладилось.

– Вы не должны говорить так, – повторил он уже спокойнее. – Никогда.

А инферио не должны жрать людей. Но… Малая вспомнила о Бел Шаи и ругнулась про себя. Нашла с кем обсуждать инферио – с одним из их потомков. Заводить еще больше врагов не стоило. Неужели она все испортила?

Осторожнее, Малая.

– Я просто хочу узнать больше. – Последний и не особо убедительный довод. – А вы ничего не рассказываете.

Арий повернулся к ней спиной, убрал сканер в держатель на панели. Натянутый, как стальной канат.

– Тема предков для нас очень чувствительна, – ответил он, что-то набирая на стекле.

Она заметила.

– Я понимаю.

– Не думаю. – Арий вскинул руку, приказывая ей умолкнуть. Малая снова заметила этот странный блеск в его глазах. Живой блеск, тот самый, которого так не хватало другим имманес. – Я не хочу вас обидеть, но сейчас вы не одна из нас. Многого не знаете, что знаем мы, выросшие в колонии. И не сможете понять.

В груди привычно кольнуло. Да, она чужая, и не стоило повторять это каждый день. Чужая, дикарка, получеловек, бельмо на глазу. Интересно, хоть где-то она была своей?

– Простите, капитан. Я… Прошу, не сообщайте о моем срыве Бел Шаи. – Она запнулась, собралась с духом. – Помогите мне.

Арий выждал еще мгновение, словно хотел еще что-то сказать, затем сдержанно кивнул и отвернулся. Нажал знак на стене, и рядом выехала полка. В ее прозрачном брюхе семенами набились трубочки дозаторов. Серебристые, как глаза имманес, похожие на земные клик-препараты, которыми баловались «псы». Такой ей недавно кололи – прямо в шею, зверски неприятно.

Арий вытащил один дозатор и протянул Малой. Он оказалась шершавым на ощупь и легким, будто пустым. На одном конце темнела сенсорная кнопка.

– Одна доза в начале, одна в конце смены. – Он указал пальцем место на шее, под волосами. – Вот сюда.

– И все? И вы не сообщите…

Арий толкнул полку, и та въехала в стену.

– У вас есть три периода. Постарайтесь выспаться, вы часто завершаете сеанс отдыха раньше назначенного срока.

Малая кивнула, напомнив себе отключить чертов таймер в

капсуле. Имманес еще и за сном ее следили, будто она – крыса из лаборатории.

Когда Арий вышел, Малая обняла себя руками и привалилась к иллюминатору. Он тут же запотел от дыхания.

Всего три периода, чтобы доказать всем, что она не свихнулась.

* * *

Инъекцию она так и не сделала. Разглядывала дозатор всю дорогу до рубки, крутила его в руках и так, и этак. Колоть себе то, чем ее накачали пару дней назад? Снова отключить все эмоции и ходить, как машина, – в инферио и то больше жизни. А после сна головная боль и опять рвота… Нет, спасибо.

Малая воровато огляделась. В перешейке между жилыми отсеками никого не было, ни в одну сторону, ни в другую. Рядом, на белой стене шлюза угадывались контуры ящиков: для хранения предметов первой необходимости, аварийных инструментов, чуть ниже контейнеры для использованных пакетов из-под еды и грязных комбинезонов. Одежду имманес не стирали, – да и как можно стирать этот похожий на резину материал, Малой было непонятно, – а просто раз в пересменок перерабатывали отслужившие костюмы и лепили из них новые.

Она снова глянула на дозатор в своей руке, набрала на стене код. Когда приемник открылся, она сунула в него шприц и закопала в ворохе одинаковых черных костюмов.

Не нужны ей эти уколы. И Арий… Нашелся доктор. Почему он не позвал жреца для осмотра? Все это очень странно. Он совершенно точно что-то скрывает. Что-то насчет ее состояния, ее бессонницы и кошмаров…

Малая остановилась, закусила палец. Арий находился в рубке, сеть корабля подсказала ей. Коридоры опустели, одна смена погрузилась в сон, другая ушла с головой в работу. Сама Малая спать не хотела. Ей хотелось кое-чего другого.

Например, информации.

Взломать чей-то пароль в системе имманес всегда проще из точки, где пользователь бывает чаще всего. Это Малая выучила, как собственный номер. Коды отличались от земных по форме и ощущениям, были мельче, сложнее, походили на спутанные бисерные нити. Поэтому проще всего их было почувствовать и выцепить из общего потока информации в месте, где они чаще всего вводились. Найти последовательность.

Рабочее место Ария сейчас занято самим Арием, а значит,

остался один вариант.

Его ячейка находилась в главном аладе, уровнем выше ячейки самой Малой. Один из многих одинаковых шлюзов, тянущихся вдоль уровня мимо энергоблока. Белая дверь, на ней светящийся зеленым квадрат для ладони. Что-то в этой вселенной было неизменным: что на Земле, что на Мармаросе требовался скан пальцев.

Малая огляделась. Быстро подобрала отпечаток из серии скопившихся в памяти замка. Ей даже не пришлось дотрагиваться, как дверь сама распахнулась.

Помещение оказалось небольшим – точная копия ячейки Малой. Сероватые стены, округлыми лепестками сходящиеся над головой, парящие под потолком световые шары, которые зажглись, стоило Малой переступить порог. Зажегся и свет в капсуле для сна. За полупрозрачной слюдой крышки виднелся подсвеченный силуэт: тонкая талия, узкие плечи, руки и ноги как спицы. Красивое лицо в овале смотрового оконца. Сменщица Ария.

Малая торопливо отключила подсветку ячейки и капсулы, прислушалась – не разбудила ли она спящую. Та вроде не шевелилась. Выждав еще немного, Малая коснулась иллюминатора и перебрала все данные, вводимые за последние двое некросуток.

Единственный приближенный к Бел Шаи на корабле, Арий наверняка высылал ему отчеты о ходе операции. Может, остатки видеосвязи, или послание, или нейросвязь – общение при помощи мысли. Что-нибудь. Что угодно.

Арий выбирал нейросвязь. В начале каждой смены после сеанса сна его имплант связывался с системой корабля, а та в свою очередь выстреливала сигналами в открытый космос. Тут же следовало подключение, и Арий заводил мысленный монолог. В голове Малой раздался его голос – чистый и спокойный, как хрустальное небо Мармароса. *«Уважаемый и многоживущий глава колонии Бел Шаи»,* – так он начинал каждое послание. Шаи не утруждал себя словами даже по нейросвязи, просто слушал.

«Она справляется, – передавал Арий. – *Есть небольшие отклонения, но, по моему мнению, это из-за непривычки».*

«Осмелюсь снова предложить вам», – далее следовал неизвестный Малой термин. Она вбила его в поиске, но система выдала чистый лист.

Дальше следовали краткие сводки: перечень потерянной техники, количество погибших и возвращенных на базу инферио, количество убитых военных и пострадавших мирных жителей. Какая-то спецзона – Арий планировал создать ее в Пятой курии,

когда ту зачистят. Видимо, для безопасности гражданских.

После тональность нейрофона менялась – Шаи прерывал разговор. Конец сеанса связи.

Разочарование оказалось острым, как игла дозатора. Малая ожидала чего-то нового, того, что она не знала. А нового попросту не было. Арий ничего не скрывал.

Она восстановила еще несколько записей. Пять прослушала, с десяток скопировала себе на нейрочип – да, с недавних пор и у нее имелся такой, – тщательно замела следы и отключилась. Выскочила в коридор – слава богам, никого рядом не было – и наобум двинулась по уровню, сама не знала куда. Главное – подальше от места преступления.

Что же получалось, все в порядке? Неужели это просто паранойя? Может, она сошла с ума? Может, ей и правда требуется успокоительное? После всего, что произошло, немудрено свихнуться.

Малой вдруг показалось, что и корабль вокруг нее стал нереальным. Тоже ее фантазия, выдумка. Она привалилась к стене, прижалась к ней щекой. Да нет, холодная. Разве можно чувствовать холод при галлюцинациях? Она приставила к стене палец, надавила, чувствуя, как проминается умный металл, гнется составляющая его решетка проводников, прерываются информационные цепи, и к мозгу системы бежит сигнал о мелкой неисправности. Посмотрела на вмятину.

Перевела дух.

И явственно услышала знакомый голос. Низкий и зычный, как сигнал оповещения в тоннелях. Он выкрикнул ругательство и прервался коротким треском, похожим на очередь выстрелов.

Энцо.

Не может быть!

Малая крутанулась на месте, окинула взглядом пустые коридоры.

Где? Где же?

Энцо снова крикнул – уже тише, будто издалека. Куда он пропадал? Малая пробежала до погрузочного отсека, метнулась в другую сторону, перегнулась через перила, всматриваясь в ровный свет нижних палуб. Слеза скатилась на кончик носа и сорвалась в бездну. Сердце сбоило, теряло ритм.

Связь с инферио оказалась потеряна. Убиты.

Всхлипнув, Малая сползла на пол, поджала колени к груди и спрятала в них лицо. Мир кружился. Стены придвинулись, складывались металлическим прессом.

Все-таки сошла с ума. Все-таки Арий прав. Гадкое осознание выбило почву из-под всех выстроенных ею подозрений и

размышлений. После всего, что произошло на Земле, она ожидала любого предательства, от кого угодно, но только не от себя самой.

Дрожа, она поднялась на ноги и заторопилась к подъемнику. Спустилась уровнем ниже, там, где располагались мусоросборники. Мимо шла группа имманес, пришлось немного покрутиться у контейнеров, следя, пока черные комбинезоны не скроются из виду. Когда отсек наконец опустел, Малая выдернула контейнер и вывалила ворох использованных костюмов на пол. Серебристой палочки видно не было. Неужто успели переработать? Нет, только не это…

Услышать еще раз голоса мертвых? Лучше сразу в открытый космос.

В панике Малая закусила губу, раскидала бесчисленные куртки и комбинезоны – лаконично-черные пятна на кипенном полу отсека. Что-то брякнуло под ними, прокатилось по плитам. Дозатор! Малая выхватила его, прижала плоский край трубочки к шее, зажмурилась и нажала кнопку.

Позвоночник будто ледяной иглой прошили. На миг перед глазами поплыло, в груди разлился холод. Ее осушило изнутри. Затем пустота медленно заполнилась мыслеформами инферио. Часть из них была мертва, убита где-то в Четвертой, – Малая почувствовала это сразу. Из-за сбоя в их нейросвязи.

Она часто задышала, привалилась к стене. Сморгнула слезы и ввела еще одну дозу.

Так, на всякий случай.

Она не должна терять контроль.

Дави жука

Затылок раскалывался.

На щеке стыла кровь. Хорошо, что стыла и засыхала, а не текла – значит, ранение плевое. Бритва перевернулась на бок, осторожно пошевелила руками: связаны за спиной. Ноги тоже связаны, крепко, но с руками не сцеплены, уже хорошо. Бритва коротко глянула на Эзопа. Он сидел на другом конце камеры, вне зоны досягаемости, и хитро улыбался.

Вот же тварь. Нашел время, подловил.

Если она попробует освободиться сейчас, он живо ее вырубит. Следит за ней краем глаза, это же заметно. От легионеров помощи тоже ждать не приходится, они даже с монстром-людоедом еле разобрались.

Интересно, монстр один такой или их много?

– Что это за черная тварь? – спросила она. Нужно же было с чего-то начать разговор.

Эзоп снисходительно глянул на нее.

– Помощь, – коротко ответил он.

– Чья?

– Свыше, от братьев по разуму.

– Ни хрена себе помощь, – прохрипела Бритва, пытаясь незаметно ослабить узлы на руках. Без толку, затянуты на славу.

– Они помогут нам сокрушить систему, – мечтательно протянул Эзоп. – Они обещали.

– Кому? Тебе, что ли?

– Мне, другим «Псам» и патрициям, узревшим истину. Они должны были. Хотели вернуться за своей девочкой, но связались с нами совсем недавно, когда меня освободили.

– Сорок Пятая, – скорее догадалась Бритва. – Так что же, авария на Орбитальной – твоих рук дело?

Эзоп качнул головой.

– Не моих. Мы хотели их вытащить. Не только «Псы», еще один трибун, и его помощники – нас было много. А легион все взорвал. И капсула девочки тоже пропала, челнок подорвался в верхних слоях атмосферы. У меня были на нее такие планы…

Как интересно. То есть, все это время Эзоп знал о засекреченных пленниках-имманес?

– Откуда у тебя доступ?

Эзоп расплылся в улыбке.

– Я же говорю, не все патриции слепы.

– Чего ж пришельцы раньше не вернулись?

– Они хотели. Но думали, что их сокровище пропало. Что у

нас его больше нет. – Он поднял палец. – Бритва, раз это произошло сейчас, значит, так захотели боги. Значит, теперь мы готовы.

– Готовы, ага. Вот только оно мертво, сокровище твое.

Эзоп снова покачал головой и улыбнулся, будто знал больше других. Эта его манера ужасно бесила.

– Но ведь бунт прошел отлично, разве не так?

Честно говоря, она толком ничего и не видела, выбралась в Четвертую, лишь когда все закончилось. Но говорили, что «псы» изрядно потрепали легион. Что убито много человек из командного состава.

Совпадение? Зная Эзопа – вряд ли.

– А Двести Шестой, – она забросила удочку. Нужно было пользоваться моментом, пока Эзоп разоткровенничался. Пока чувствовал себя хозяином положения. – Это вы его прислали, чтобы он за ней смотрел?

Эзоп на миг замер, слегка нахмурился. Похоже, вспоминал, про какого еще Двести Шестого ему говорят.

– Двести Шесть? Энцо, что ли? Как оказалось, он не с нами. Жаль. Талантливый юноша. Ты была такой же одаренной, Бритва.

От этих слов и от этого взгляда тошнило. Эзоп будто ее жалел.

– Развяжи меня, – Бритва постаралась смягчить тон. Сейчас не время материться. – Развяжи, и мы поговорим.

Пару мгновений Эзоп смотрел на нее, затем крякнул от смеха.

– Слушай, ну это никуда не годится. Думаешь, я идиот? – Он небрежно отмахнулся. – Нет уж, полежи так.

– Ты не идиот. Ты – разумный человек, с которым я всегда находила общий язык. Который меня понимал и поддержал, когда загребли Теленка.

Эзоп покачал головой. Поднял указательный палец и прижал к губам. Он думал, Бритва почти слышала скрип шестеренок в его голове.

– Нет, – сказал в итоге и повернулся лицом к стене, к Бритва задом. Стал молиться, поняла она по стуку четок.

– За мной придут, – пробормотал он. – За мной придут.

Ладно, оставался еще один вариант. Он полный шизик, а значит, легко выходит из себя.

Бритва перевернулась на спину, к Эзопу ногами. Вроде как решила лечь поудобнее, а на деле оперлась лопатками на стену, чтобы удар вышел сильнее.

– Да ты просто сыкло, – бросила она. – Боишься бабы. Тоже мне, главный «пес».

Эзоп не отвечал. Четки продолжали стучать.

– Это же издалека видно. Думаешь, тебя уважали там, в тоннелях? – Она рассмеялась. – Да тебя в грош не ставили. Слышал бы ты, что они говорили за твоей спиной. Тот же Аларих…

– Вот не надо за Алариха. Он не стал бы меня предавать, – не сдержавшись, Эзоп глянул через плечо. Его глаза тревожно блестели.

– Еще как стал. Все забыл, гонялся за девчонкой-имманес. Ему было удобно в твоем кресле, не думал об этом? А вытащили тебя после того, как он сдох. Совпадение, как по-твоему?

Эзоп скрестил руки на груди.

– Продолжай.

– А знаешь что? Не буду, – Бритва вскинула брови. – Я не буду говорить с тряпкой…

Эзоп покачал головой, бледнея. Вот оно, его слабое место – гордыня.

– … с бабой…

– Заткнись.

– … с тощим дохлым номером. И выкинь марсовы четки, никакой ты не марсианин. У тебя даже член дольше пяти минут не стоит. Только и можешь, что языком молоть, а писька не работает.

– Заткнись!

– Ты гнал на легионера. Легионер меня жарил будь здоров, а как вспомню твою вялую колбасу, так блевать охота…

Тут он на нее и кинулся. Хотел пнуть, но Бритва успела первой. Ударила пяткой в голень, вскользь. Затем двумя ногами в пах. Когда Эзоп потерял равновесие и согнулся – ногами по виску.

Быстро, четко, отработано годами.

Эзоп завалился, попутно ударившись головой об унитаз. Не теряя времени, Бритва легла на бок, перекинула руки вперед и зубами развязала узел на запястьях. Затем на ногах.

Тяжело дыша, она поднялась и доковыляла до Эзопа. Тот приподнялся на локте, лицо пересекала полоса крови. Похоже, разбил башку. Бритва сжала кулаки. Славно.

Не зря он ее боялся.

Три коротких удара в челюсть, рассеченная кожа на костяшках, зубы в стороны, и Эзоп отключился. Много ему не надо было – тоже ослабел от голода и жажды. Проклятье, да Бритва была готова своей мочой напиться, так в глотке пересохло.

Эзоп лежал без сознания. Не шевелился, но вроде дышал.

Тяжело дыша, Бритва ухватила его покрывало, смятое в углу. Разорвала тряпку надвое, закрутила половины в жгуты и связала

Эзопу руки и ноги, перемычкой, чтобы не смог провернуть ее трюк. Подумав, затолкала ему в рот кляп и тоже хорошенько привязала, чтобы не выплюнул.

Если легион не может о ней позаботиться, она позаботится о себе сама.

Тело ломило, руки дрожали. Затылок все еще раскалывался. Ноющая боль с приступами острой ломоты, будто череп раскаленным штырем протыкали. Закрываешь глаза – вроде полегче, а открываешь – полный Тартар. Вот бы «гелиоса», целый пузырек. Умирать – так под кайфом, медленно уплывая в небытие на зефирной лодке эйфории.

Эзоп пошевелился минут через двадцать. Сперва дернулись руки, как в судороге. Затем он попытался выпрямить ноги, но ничего не вышло – руки не давали.

Он поднял на Бритву полный ненависти взгляд.

– Слышишь? – Она деланно прислушалась, приложив ладонь к уху. – Тишина. Тишина это прекрасно, мать твою.

Эзоп лишь грыз тряпку, державшую кляп, и зло сверкал глазами. Пусть его. Попробует вякнуть – с ноги получит. За эти дни он успел надоесть ей хуже ежемесячных отчетов.

Теперь, в тишине, можно и подумать. Например, о том, что сказать на суде. А может, и не доведут ее до крио, здесь сожрут. Или монстры перебьют охрану, и некому будет разблокировать камеры. И она помрет от голода.

Сперва съест Эзопа, конечно, совсем как черная тварь. А затем помрет.

Некроночь

Кадры документального фильма бегут по экрану без звука, как в странном театре пантомимы.

Лепестки кружатся над имманес. Те улыбаются, щурятся от солнечного света. После Мармароса он для них непривычен, слишком ярок. Один из прибывших высок, его кожа болезненно-белого цвета. На ней вьются золотые узоры.

Его убьют первым.

В допросной комнате кого-то жарят током. Тело мелко дрожит, притянутое ремнями к кушетке. Под ним ползет новостная строка, сухо комментируя происходящее. Рядом с кушеткой стоит корреспондентка в обтягивающем платье.

«Скажите, вам понравилось на Земле?» – спрашивает она и улыбается.

Имманес сдавленно кричит. Корреспондентка внимательно смотрит, кивает и засовывает микрофон ему в рот. Зубы скрипят на пластике.

На борт шаттла закатывают капсулы. Большие, за ними поменьше – детские. На них знак Бахуса. Толпа вокруг ликует и пьет. Обливается вином – вино на тогах, на лицах, в волосах. Пляски. Либералии в разгаре.

Кого-то толкают на полосу погрузки. Он кричит, пытается подняться, но не может – запутался во внутренностях, которые вывалились на бетон. Одна его рука стальная. Криокапсула прокатывается прямо по нему. Выдавливает кровь на бетон.

Человек со Стальной Рукой лежит, раскинув руки. Смотрит на Малую. Его губы шевелятся, но что он говорит – никак не разобрать. Слишком громко поет толпа.

Он слишком далеко.

– Раз уж мы говорим по душам, – Малая оборачивается к Шаи. Они снова в его кабинете, сидят за столом друг напротив друга. Так они сидели перед вылетом, Шаи с чашкой синего зелья, Малая – с дрожью в руках.

– Где были имманес, когда осудили моих родителей? Когда нас отправили на орбиту?

Бел Шаи уводит взгляд в сторону, на виток серебряной проволоки, который крутит на пальце.

– Я понимаю твой гнев.

Ну конечно, понимает он!

Свинья.

Трус.

Лжец.

– Сомневаюсь, – отвечает Малая.

– Поверь – я понимаю. – В голосе Шаи звучит горечь. – Мы потеряли связь с «Аккароном» на границе с человеческой колонией. Пытались отследить корабль, найти обломки – что угодно. Но нам не удалось.

Раз – он крутит кольцо «нити».

Раз, раз.

– Не прошло и дня, чтобы я не жалел о произошедшем. Всегда кажется, что можно было сделать больше. Что угодно, только не сидеть, сложа руки.

Шаи поднимает голову, смотрит на Малую. Его глаза черные. Сплошь черные.

– Мне кажется, тебе это тоже знакомо. Жалеть о содеянном.

Малая нехотя кивает. Не может оторваться от этих черных глаз. Они как провалы на мертвенно-бледном лице.

– Простите, я… Сама не знаю, что на меня нашло.

Вместо ответа Шаи снимает «нить» с пальца и вытягивает ее в струну. Неспешно обходит стол. Он прямо за спиной, шуршит одежда. Малая чувствует тепло его тела, когда он оказывается сзади.

Слышит его дыхание.

Малая не шевелится. Смотрит перед собой.

Что-то впивается в горло.

* * *

Куда делись богатеи?

Этот вопрос мучил Малую уже с десяток смен. На Земле все стало слишком тихо. Слишком мало народа. Улететь с планеты они не могли – корабли выведены из строя, и оцепление имманес не выпустило бы их с орбиты. Погибли под завалами? Спрятались в канализации? Отчего-то Малой казалось, что в канализацию патриции не полезут даже под страхом смерти.

Богатеи куда-то спрятались.

У таких, как они, всегда были свои тайники на чрезвычайный случай. Роскошные норы где-то в центральных куриях, куда они забираются, пока простые номера и легионеры бьются за свои жизни. Пока с неба падают онагры и корабли с монстрами-людоедами.

Куда, куда они делись?

Не отрывая взгляда от изображения с поверхности, Малая вытянула из кармана дозатор, покатала его между ладонями, привычным движением приставила к шее сзади и нажала кнопку.

Мгновенный холод пронизал позвоночник – как ледяной сигнал по кабелю, – и наступила ясность в мыслях. Тело стало легким, как древесный пух. Стало спокойно. Стало все равно. Малой это нравилось. И как она раньше не пользовалась таким замечательным препаратом?

От эмоций одни проблемы.

Стекло напротив ее кресла замигало россыпью точек и символов. Малая подключилась к системе напрямую, прикрыла глаза и вслушалась в статический треск, наполнивший голову. Алады засекли движение большой группы механизмов с людьми внутри, поняла она, на ходу распутывая спираль кода. На границе Пятой и Шестой, вооруженная колонна. Машины странные, катились по земле, Малая таких не видела. Пассажиры, похоже, вооружены до зубов. Застряли на отрезке шоссе 5–6 и отстреливались спереди и сзади, прикрывая тех, кто в центре.

Колонна куда-то следовала. Все остальные тихо сидели в укрытиях, и только эти куда-то поехали.

Куда же, куда?

Неужто патриции с охраной?

Малая распахнула глаз. Вывела изображение на стекло, перепроверила данные.

– Сколько их? – бросила негромко.

– Не слишком много, – ответил Арий. Спокоен и безразличен; колонна явно его не впечатлила. – Мы быстро справимся.

Он не понимал! Он просто не понимал открывшейся возможности!

Малая выскользнула из кресла и склонилась к его уху.

– Отпусти их, – сказала на имперском, чтобы остальные имманес не поняли. Из всей команды алада язык землян знал только Арий. – Они приведут нас к бункеру. Туда, где прячутся патриции.

Его пальцы на миг замерли над панелью. Затем забарабанили с прежней скоростью.

– Не думаю, что это необходимо, – ответил он на том же языке. – Ты слишком суетишься. Мы можем просто обыскать все тоннели и бункеры постепенно при помощи инферио. Гражданских они трогать не будут.

– Инферио слепы, – отрезала Малая. – Как они должны отличить легионера от номера? По вкусу?

Арий поднял голову. Снова этот внимательный взгляд. И снова это чувство – будто она видела его уже много, много сотен раз.

– Направлять инферио – твоя работа.

Малая выпрямилась. Раньше она, наверное, вышла бы из себя.

Как он представляет одновременную слежку за каждым из инферио? Да ее пределом было синхронное управление тремя группами, не больше. Всех вместе она могла контролировать лишь как общую массу. Она же не Бел Шаи.

Пока она думала, Арий успел ввести приказ. В ближнем радиусе от колонны активизировались онагры.

– Не стреляй, дай мне пару минут. Я могу достать информацию, – Малая тронула Ария за руку. Тот недоуменно опустил взгляд на их соприкасающиеся ладони. Немного раздумав, все-таки кивнул и сдвинулся от панели.

Малая благодарно улыбнулась и прикрыла глаза. Нужно только подключиться к навигаторам и скопировать данные. С такого расстояния – почти невозможно, но попытаться стоит. С онагром же получилось.

Она сосредоточилась, спустилась, ориентируясь на сигналы-маячки онагров. Но машин найти так и не смогла. Перебрала все – систему рулевого управления, некс, бортовой компьютер. Ничего. Машин будто не существовало в информационном пространстве. То ли правда слишком далеко и Малая не рассчитала свои силы, то ли навигаторы и электроника в машинах не работали. Или же это были древние модели без электронной начинки, просто механизм и топливо. Малая читала про такие.

– Прошу прощения, но две минуты истекло, – голос Ария выдернул ее из транса.

Нет! Она же не имела в виду *ровно* две минуты!

– Подожди!

Но где-то далеко – и одновременно совсем близко, над ухом, – бахнули онагры. Изображение с камер заволок масляно-черный дым. Выстрелы со стороны колонны стихли, остался только гул пламени и хлопки – будто лопалось что-то резиновое.

Малая распахнула глаза. Упустили такую прекрасную возможность…

Куда они шли? Как теперь узнать?

– Мне нужны их убежища.

Арий явно не понимал.

– Локации военных сил мы определили, – сказал он. – Обезвреживаем единичных вооруженных существ.

– Я не про военных.

Малая растянула изображение. Съемка сверху, видны движущиеся точки аладов, черная пыль инферио. Остовы зданий.

– Мне нужны убежища патрициев, – сказала она. – Сейчас. Не останется патрициев – легиону некого будет защищать. Некому отдавать приказы, ты понимаешь? Там, внизу, совсем другая… –

Она умолкла, подбирая слово из недавно выученных. – Иерархия. У людей все по-другому.

Глаза Ария оставались пустыми. Серебрились, как озера, которые Малая видела на Мармаросе. Ему все равно, понятное дело. Убить тысячу или сто тысяч – люди же не инферио. Это за инферио можно переживать.

Что-то простучало коготками, тихо и быстро… *Цокцокцок.*

Забормотали инферио, в сознании Малой развернулся мыслеобраз странной твари, состоящей лишь из тонких ног. Ловко перебирая ими, она взобралась вверх по скале и ввинтилась в какую-то щель. Теплое дыхание коснулось затылка. Малая резко обернулась, но позади лишь светились прозрачные панели управления, сидели погруженные в работу имманес.

Снова показалось?

– Мы решим этот вопрос после завершения цикла зачисток.

Чувствуя себя странно, она оперлась на спинку кресла Ария и стала читать сообщения системы. Все подряд, все, что бежало золотыми строками под стеклом. Потери на Земле, количество обнаруженных людей, исследованные области курий. Какие-то алады, которые собирались отделиться от альфы и спускаться на поверхность.

Она склонилась над плечом Ария и указала на заинтересовавший ее столбец.

– Что это?

– Инферио для зачистки Четвертой курии.

Зачистка. Как прекрасно. Инферио выжрут курию сверху донизу, послушные твари. Жаль, говорить не умеют.

«Отнесись к ним, как к детям», – сказал Бел Шаи во время ее первого контакта.

«Ты любишь детей?» – спросил булочник Цепион, когда Малая стала у него работать. С детьми она всегда находила общий язык. Взять хотя бы Марка Младшего и остальных его детей. Интересно, где они сейчас? Цела ли булочная? И та жилая колонна на нижнем уровне, где они с Энцо жили. При воспоминании о той комнатушке в груди что-то заныло – совсем слабо, едва ощутимо.

Может, ей будет легче допросить патрициев лично? Онагры и инферио с этим вряд ли справятся, а уж она сможет все проконтролировать. Хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сама. Найди с детьми общий язык.

Да.

Как замечательно думалось на трезвую, лишенную эмоций голову.

Малая выпрямилась и одернула куртку. Склонилась к Арию

снова.

– Задержи отправку. Я лечу с ними.

* * *

Она думала, ее не выпустят с альфы. Свяжут и сунут в грузовой отсек. Точно связали бы, поступи такой приказ от Шаи. Но без него имманес только и могли, что неодобрительно смотреть.

Малая решила, что неодобрительные взгляды она как-нибудь переживет.

Больше всех разошелся Арий. Впервые на его лице отразилось столько эмоций за раз.

«Так нельзя», – говорил он, шагая рядом по переходам.

«Это опасно», – повторял, стоя рядом с утилизатором, в который Малая заталкивала старый костюм.

«Нецелесообразно», – Малая даже слова такого не знала.

– Ты обещала прислушиваться к моим советам, – сказал он уже в транспортере, который следовал в зону вылета. Снова перешел на имперский. То ли считал, что на родном языке до нее дойдет быстрее, то ли боялся, что их подслушают.

И куда подевалось его безразличие?

– На Земле за меня волноваться не стоит, – бросила Малая. – Я выросла на этой планете.

– Ты не сможешь присматривать за инферио в полной мере. Твое эмоциональное состояние нестабильно.

Какой дурак. Думает, что знает все, но на самом деле не понимает ничего. Что может понять белая кукла с Мармароса? Что он может знать о крови, о войне и о страхе? Ничего.

Ровным счетом ничего.

Малая придвинулась к Арию. Хорошо, что они были почти одного роста. Так можно говорить на равных, глаза в глаза.

Арий не отстранился. В застывшей тишине было слышно его дыхание – чуть тяжелее обычного. Лицо как белая маска, тело – сжатая пружина. Он пах чем-то сладким, Малая не могла понять чем. То ли фруктами, то ли гнилью.

– Онагры не могут допросить пленных, – сказала она. – А нам нужна информация, *капитан*.

– Ты совсем недавно жаловалась на самочувствие, *мишлу*.

«Половина». Он что, намекал на несостоятельность? На то, что она – всего лишь половина имманес?

В кабине повисло молчание. Малая сжала кулаки, даже инъекция успокоительного прекратила свое действие. Казалось,

воздух между ней и Арием кипел и потрескивал. Тонкий просвет толщиной в ладонь.

– Ценю твою заботу, но я справлюсь. И… – Она сунула руку в карман, вытащила дозатор и протянула его на ладони. – Мне кажется, сейчас это нужнее тебе.

Арий смерил дозатор взглядом, едва заметно дернул углом рта. Секунды тянулись.

Цокцокцок, пронеслось на границе сознания. Ровно гудело информационное поле транспортера. Зудело место укола на шее.

Они теряли время.

Малая теряла время и ненавидела это.

Из носа Ария струйкой сбежала кровь. Он смахнул каплю, удивленно посмотрел на испачканную перчатку и поднял взгляд на Малую. Она сама была удивлена не меньше. Она же не собиралась ему вредить.

Просто на миг пожелала, чтобы Ария не стало.

Он потупил взгляд. Коротко кивнув, встал за спиной.

– Хорошо. Как тебе будет угодно.

Так-то лучше.

Малая выправила дыхание и потянулась к перечню уровней и аладов. Боги, да с этим спором она даже забыла, куда собиралась ехать. Хорошо, что Арий пошел на попятную. Он должен понять, что не в силах ее напугать. Что его мнение для нее – лишь мнение, а не руководство к действию. Пусть знает свое место и остается на своем кора…

– Но я полечу с тобой.

Палец Малой замер над символом третьей сферы.

– Оставишь альфу? – переспросила она.

– Пилот и заместитель прекрасно справятся.

– Бел Шаи не понравится, что ты оставил корабль. Твое дело – управление кораблем.

– А твое дело – следить за инферио, – отрезал Арий.

Что-то новое появилось в его голосе. Захотелось поежиться, будто пригоршню льда за шиворот сунули.

Предчувствие чего-то нехорошего заворочалось в груди. Он же может рассказать о произошедшем Бел Шаи. Интересно, что грозит за покушение на убийство? Принудительное превращение в инферио?

Малая прикрыла глаза.

Вдох-выдох. *Цокцокцок.*

– Хорошо. Я буду рада компании, – солгала она и вдавила кнопку на стене.

* * *

Ложе выпустило голубоватый гель, обволокло тело и уплотнилось так, что Малая не могла пошевелиться. Свет в капсуле померк. На соседнем ложе ровно дышал Арий, чуть дальше были пристегнуты инферио. Им Малая велела не двигаться и не бояться, но они все равно боялись. Приходилось корректировать их мыслеобразы с панически-темных на что-то более светлое и приятное. На еду, например.

Внизу ждало много еды, вот что их успокаивало и возбуждало одновременно. Мягкое, податливое, сочное. Живое. Оно привлекало, как свет – мотылька. Очень хотелось запустить в него пальцы, *поглубже, развернуть, чтобы брызнуло*…

Воздух потеплел, капсула содрогнулась. Они проходили верхние слои атмосферы.

Спокойно. Спокойно. Думать о еде.

Спустя несколько минут – а, может, прошло больше времени, Малая потеряла счет, – корабль мягко качнулся и остановился, вибрация двигателей стихла. Гель снова стал жидким и испарился, выпустив Малую из ложа. Она поднялась, влажными от волнения пальцами оправила форменную куртку. Прикрепила на пояс устройство для экстренной эвакуации – два заряда, две транспортации в случае крайней необходимости. Успокоительное все еще действовало – под ребра словно анестетика накачали.

Растянулась перепонка шлюза, вывалился трап. Малая замерла, глядя на светлеющий проем. Пропустила вперед половину инферио, исследовала площадь, на которой они оказались, и лишь после нехотя спустилась сама, в прохладный, пахнущий влагой и гарью солоноватый воздух.

Звенело утро. Непривычно тихое, ни единой души вокруг. Солнечный свет отражался в битых стеклах небоскребов. Верхний уровень просел почти полностью, плиты уходили вниз, к проломам, туда же сползали дома. Пустые расколотые фонтаны, вырванные с корнями деревца, разлагающиеся тела. Малая столько раз видела это камерами онагров… Но вживую ощущения и эмоции были острее. Хотелось даже потрогать, настолько все было реально.

Сколького она добилась! Малую переполнила гордость.

Движение она засекла сразу, инферио чуяли тепло за тысячу шагов. Легионеры и марсиане, человек пятнадцать. На этот раз без камуфляжа, и это было хорошо. Легионеров она не боялась, а вот марсиане могли испортить прекрасное утро. Их следовало обезвредить первыми. Малая думала об этом с сожалением, как о необходимом зле. Они сами выбрали свой путь.

Она оценила возможное развитие событий. Непредвиденных ситуаций возникнуть не должно, все под контролем. Ведь Малая

не одна.

Ее много, у нее тысячи зубов, сотни ртов. Она не чувствует боли, лишь голод. Дразнящий, свербящий, зудящий голод…

Заряды зашипели на металле, рядом с головой.

Малая прыгнула на одного, сорвала с него шлем, прокусила горло.

Второго бросила на стену.

Третьему просто оторвала голову.

Четвертого раскрыла, как раковину, выпотрошила на бетон.

Запустила руки в живот.

Получила заряд и осталась без ноги.

Полезла вверх по стене небоскреба, ведомая запахом свежей плоти на пятом этаже.

Давясь, жадно ела.

Лежала неподвижно, раскинув конечности.

Прыжок, еще один. Звонкий хруст позвонков.

– Беа! – откуда-то извне донесся крик. – Ты не должна подвергать их риску!

Арий выскочил из корабля и оказался прямо на линии огня. Кто-то из легионеров наверняка сейчас прицеливался, ловил его глупую каштановую голову в прицел…

Черные тела инферио накрыли Ария и Малую телами, сплелись неживым куполом. Кожа на их спинах разлетелась пылью.

Хорошие дети, послушные.

Малая отыскала Ария. Тот был жив и невредим.

– «Нить»! Надень «нить»… – простонал он, хватая ее за локоть. Малая рывком освободилась. Теперь она управляла инферио сама, справлялась и без усиления. Это было гораздо удобнее.

Она сосчитала легионеров, сделала вдох.

Выдох.

И съела всех легионеров до одного.

IV. Mars

Теперь, когда я умерла, я знаю все.

Маргарет Этвуд «Пенелопиада»

Буду ее воспевать

Юний Галлион Старший извелся уже на третий день.

Подземное существование угнетало его даже больше, чем скачки, которые проводил фламин в Третьей курии. Там была скука в помпезных тогах. Тоги! Это в шеститысячном-то году со времен Цезаря! Запутанные ритуалы, которые невесть зачем соблюдали все патриции. Восхваление Императора, венки, чаши с разбавленным вином вместо аккуратной дозы клика. «Традиции скрепляют Новый Рим», – так вдалбливали в гимназии. Какая-то глупость, честное слово. Традиции и тоги отличали патрициев от номеров, вот это больше походило на правду.

Но сейчас Юний Галлион был одет, как настоящий грязный марсианин – в комбинезон. И сидел под землей, как марсианин. Мылся всего раз в день, в общей душевой, одной на целых пять комнат! Такого он не видел даже в худших кошмарах. Все время не хватало воздуха, а низкие потолки, казалось, вот-вот придавят, похоронят в земных глубинах, как… Как… На это у Юния не нашлось метафоры, поэзию он часто прогуливал.

Панели в игровой не работали, все как одна. Жалкая теплица, которую смотритель гордо называл «садом», не привлекала. Все видео на нейрочипе просмотрены дважды. Гулять по длинным коридорам надоело, на разговоры тоже не тянуло. Этих людей Юний не знал, на приемах не встречал и подозревал, что все они попали сюда по ошибке. Или же привезли не туда его самого.

Он прищелкнул пальцами, в который раз прошелся вдоль стены. Присел на диванчик. Встал с диванчика. Нашел место, где побольше света, вытащил из кармана коммуникатор, ввел нужный ракурс и, когда камера взлетела на нужную высоту, снял короткий ролик для блога. Рассказал обо всем, что наболело, и добавил послание Сенату: в будущем создать более подходящие для патрициев укрытия.

Когда появится связь, он отправит это в сеть. Разошлет всем подписчикам. Еще надо щелкнуться на аватарку, так, чтобы лицо посуровей…

После снимков двадцати ему надоело и это. Подземная скука казалась убийственной.

Пока не грохнул взрыв.

Он донесся со стороны внешнего шлюза. Что-то заскрежетало, прожужжали выстрелы. Кто-то ухватил Юния за локоть и втолкнул в общий зал. Грубо, как грубо!

– Ты что себе позволяешь?! – крикнул он в спину легионеру, но тот даже не обернулся. Встал в проходе, сняв распылитель с

предохранителя.

Через миг он уже был мертв.

Кровь и что-то скользкое облепили лицо, и Юний отшатнулся, попытался смахнуть налипшее, но только размазал по щекам. Этот экзокостюм… Он просто сжался, выдавив легионера из всех отверстий. Кто-то заорал, кто-то вцепился в его локоть. Юний нетерпеливо скинул чужие пальцы.

«Вот дерьмо», – подумал он сначала.

«Где камера?», – подумал сразу после. Сунул руки в карманы – пусто. В куртке и на полу тоже пусто. Черт, неужто коммуникатор выпал, когда придурочный легионер его тащил? Юния сковал холод. Только не это! Столько записей, столько контактов и фото, и даже синхронизировать с чипом не успел…

В зал кто-то вошел, отвлек Юния от поисков. Худая, бледная и не особо привлекательная особа сбежала по ступеням, перепрыгнула лужу крови и оглядела присутствующих. Сперва показалось, что она пришла одна. Но за ее спиной замаячили черные тени. Кто-то ахнул, когда свет упал на жилистые плечи и лысые головы с хитиновыми пластинами вместо глаз. На рты, лишенные губ, и острые зубы.

Где-то за стеной прострекотали и заткнулись выстрелы.

– Простите, что не в белом, – сказала девушка. Лицо ее было смутно знакомо, но Юний никак не мог понять откуда. Может, видел в каких-то роликах… Некрасивый окуляр вместо глаза. Говорила без акцента, по-простому, на диалекте номеров. Но татуировки на ее тонкой шее не было, и одета она была в интересный костюм. Юний таких не видел – будто тело облили расплавленным зеркалом, которое застыло. Раз – и на миг она слилась со стенами. Костюм-хамелеон.

Похоже, она одна из пришельцев, имманес, что ли? А монстры за ее спиной – те самые людоеды, о которых говорили легионеры? Юний видел таких, ему показала одна девчонка на коммуникаторе.

Это точно надо снять. Вот только куда подевался коммуникатор?.. Юний снова проверил карманы. В принципе, оставалось место на нейрочипе… И как он мог о нем забыть? Юний нащупал впадину на шее под линией волос, и перед ним раскрылся полупрозрачный список функций. Легкое движение большого пальца, и запись началась.

– А что так скромно? Вы не отмечаете Цереалии? – поинтересовалась девушка. – Мне нравится Церера. И праздник как раз для меня. Плебейский.

Последнее слово повисло в дрожащей тишине. По бледному лицу девушки расползлась улыбка.

– Сейчас мы вас развлечем. Предлагаю игру «вопрос-ответ». Вопрос, – девушка выдержала драматичную паузу. – Где находятся другие бункеры?

Тишина. Пара монстров подошли ближе. У них были длинные когти, тоже черные, под цвет шкуры, острые на вид. И ноздри раздувались, как у хищных зверей.

– Где другие бункеры? – повторила девушка.

Юний огляделся, но все молчали, как воды в рот набрали. Какого черта? Да половина из них знала, если не больше. Всех сейчас перебьют, и из-за чего? Соседнего бункера? Да пошел он в Тартар!

– Вторая курия, магистраль Гастатов! – выкрикнул Юний.

Какой-то дед принялся на него шикать, и он сердито зыркнул в ответ. Чего шикает? Жить надоело? Все знают, что эти черные твари делают. Жрут заживо, берут так вот и жрут. Так что лучше дать им то, что они просят. К тому же, на Гастатов уехал его двоюродный братец. Хвалился, что будет отсиживаться во Второй, сказал, что у них там запланирована развлекательная программа и еды хватит на года два отсидки.

Он всегда был противным червем.

Девушка обернулась. Ее глаз был светлым, как лед, и какими-то неживым. Вообще, она походила на монстров за ее спиной. Может, одна из них? Может, эти монстры умеют прикидываться людьми?

– Магистраль Гастатов? – она приблизилась.

Юний кивнул. В горле отчего-то пересохло.

– Где именно?

– Я… я не знаю, – промямлил он.

– А где другие бункеры?

– Не знаю я, не знаю!

Девушка кивнула, опустила взгляд и белые ресницы. Кажется, задумалась.

– Столько свиней… – пробормотала она.

– Что? – не понял Юний.

– Церера! – ответила имманес. – Буду ее воспевать!

Легионер у голопанелей медленно потянулся к кобуре. Девушка повернулась к нему, как почуяла. Развела тонкие руки.

– О, только б достойно Богини песня пропелась моя!

При чем тут Овидий, Юний так и не понял. Не успел – один из монстров прыгнул. Перелетел на стену, каким-то образом пробежался по ней и прыгнул на легионера сверху. Обхватил черными лапами, зарылся носом ему в ворот. Легионер заорал. Такого крика Юний не слышал никогда. Высокий вой сменился хрипом, кашлем, бульканьем. Кровь выстрелила тонкой струйкой,

прочертила галочку на стене.

Какой-то крепкий парень в пижаме кинулся на девушку. Юний ждал, что та отскочит или выхватит оружие, но она просто подняла руку и пробила ею грудь парня насквозь. Ладонь вошла между ребер, как в масло, и вышла со спины. Второй рукой имманес ухватила его за горло, чуть приподняла и отбросила к стене.

Откуда такая сила? Да парень был вдвое больше нее, а она взяла и так просто!.. Как бумагу проткнула!

Кого-то жрали, кто-то истошно визжал, кровь растекалась везде, пачкала белые полы, а Юний просто смотрел.

Такое не может происходить на самом деле. Такого не бывает. Это все какой-то розыгрыш, не по-настоящему.

Он попятился, зацепился тапочками и упал. Под спиной было что-то мягкое, покатое и еще теплое… Юний согнулся от тошноты, скатился с чужого тела. Испачкал руки в крови. Надо бежать, выбираться, пока не поздно, пока никто не видит! У лестницы наверх никого, дорога свободна, надо бы встать и…

На руку наступили. Пальцы хрустнули, боль застила глаза, и Юний заорал, не помня себя. В голове гудело и трещало, будто все нейрокарты разом сгорели. Может, они и горели. Ощущение было, словно глаза вот-вот лопнут.

Девушка убрала ботинок, склонила голову набок, как любопытная птица. Поманила Юния пальцем, и он живо поднялся – не сам, поднялось его тело. Оно не слушалось! Юний сопротивлялся – *думал* сопротивляться, – но ничего не получалось. Имманес взяла его вторую руку, почти лаская тонкими пальцами. Обхватила ими запястье, легко сжала – и боль снова прошила тело, забилась где-то внутри, а Юний даже не мог заорать!

Белые пальцы все сжимались, кость хрустела, девушка улыбалась.

Она встала на цыпочки и придвинулась. Сладковатое дыхание коснулось лица. Сощурившись, имманес заглянула в его глаза – сперва в один, потом в другой, со встроенной линзой.

– Salve, – сказала она. – Salve, amici.

Не она

Турбины «криовозок» работали почти бесшумно. Разгорались неоново-голубым, воздух вокруг подергивался рябью от жара и активированного защитного поля. Покачнувшись, корабль поднимался над взлетной площадкой, а затем выстреливал в белое рассветное небо. Сектор силового поля на миг отключался, выпуская корабль, а затем разворачивался снова. Типа затянули дыру голубой прозрачной пленкой.

Сегодня Энцо выбрался на полигон в составе охраны. В бункере уже перднуть было негде, народу прибавилось прилично. Все из-за кораблей. Восьмая и Седьмая декурии пробрались на стоянку Орбитальной, починили систему защиты и парочку шаттлов. Очень долго спорили, что именно чинить первым: «криовозку» – бронированный тюремный транспортер, медленный, но вместительный, – или боевой истребитель, к которому уже приладили расщепители. В итоге большинство, включая самого Энцо, проголосовало за «криовозку». Пострелять, конечно, надо, но силовое поле пока с защитой справлялось. Важнее было собрать с поверхности оставшийся в живых народ. Луций Цецилий настаивал на этом громче всех. Искал свою напарницу, ясен красен.

Знал бы он, где и с кем она сейчас сидит… Энцо ухмылялся каждый раз, когда думал об этом. Месть сладка, кто-то так говорил, и Энцо вспоминал эти слова все чаще.

И вот теперь две «криовозки» гоняли туда-сюда, привозя народ со всей курии. Починили еще шаттл, он пытался долететь до Третьей по атмосферным верхам, пересечься с тамошними орликами, но его поджарили на полпути. Связь прервалась, последнее, что слышали в связной: «Захожу на посадку, вижу храм Гекаты…» И все, Геката его сожрала.

Кроме кораблей и охранных установок у орликов теперь были нексы. Ну или какое-то подобие: карты для нейроразъемов, достали со склада списанного легионерского говна. Встроенный навигатор, средство связи и улучшение точности стрельбы, шифрование, защита от перехвата и определения источника сигнала. Старовата модель, как из музея сперли, но все лучше, чем ничего.

Энцо тоже такой ввинтили, и он работал – хорошо, что от криозаморозок не пострадал разъем. Часть функций могла пропасть, такое с размороженными бывало. Голову наполнили похожие на лай команды декурионов – в основном Марция, в декурию которого Энцо поставили. Качество звука было плохое,

иногда все обрывалось, глушили пришельцы с орбиты. Но легион быстро восстанавливал. Видимо, карты были таким старым говном, что никакая глушилка не пробивала. А разъем… Что с него взять, с разъема? Если не повредился в крио, значит, ничего ему не страшно.

Иногда на связи просыпались центурионы: Луций и другой мужик, тощий, будто высохший, лет сорока. Видок у него был неважнецкий, говорили, что он переболел какой-то дрянью в каком-то кластере, типа воспалением легких, и теперь валился от любого чиха. Зачем такого поставили командовать, Энцо не понимал, но дела орликов его не слишком волновали.

По крайней мере, до этого дня.

Восьмая декурия готовилась возвращаться на базу. Смуглый мордастый детина заряжал большой «нокс». Руки споро перебирали провода, отключали батареи от зарядника, накрытого простынкой. Из-под простынки торчали две ноги, одна неестественно вывернута. На труп внимания уже никто не обращал, хоть запах успел появиться. Совсем завоняет – вытащат и притащат нового. Все привыкли. Своя жопа дороже.

Детина защелкнул рукоять, взвалил пушку на плечо. Энцо исподволь глянул за обитый алой тканью ворот его костюма – не марсианин, надо же. А морда и сложение один в один. И пушка мощная, марсианин такую бы выбрал. Отдача сильная, разброс большой.

– Малец, двинули, – пробасил детина. Кивнув, Энцо вытянул из ворота шлем.

К бункеру пробирались тоннелями – на кораблях не совались, не хотели светить укрытие. Потому приходилось топать ногами и аккуратно, чтобы не отследили. С новыми пушками это было весело. Черные твари разлетались веером от гулких залпов «нокса», растворялись «гидрой», оставались без головы от прицельного выстрела «гасты» и улетали по ветру после распылителя. Восьмая декурия то выбиралась на поверхность, в утренний свет и пыль, то втискивались в проломы в стенах домов, пережидая тяжелые прыжки железных «пауков». Такого они смогли завалить лишь раз, шибанув из «нокса» по пузу. Но это был один раз, на его место прислали еще пять, и больше легионеры не рисковали. Энцо вел декурию своими тропами, по старой памяти и шатким лестницам, в глубь канализационных нор, заваленных раздутыми телами. Пробираться они могли только по верхним, открытым тоннелям. Проходы на нижние были завалены, причем специально. Энцо не знал, что об этом думать. Гордиться хитростью номеров или презирать их за трусость.

Легионеры вот открыто презирали.

– Как до настоящей разборки дошло, все шавки попрятались, – сказал Марций и звучно сплюнул на черный знак «Псов» на стене тоннеля. И он, к неудовольствию Энцо, был прав. С пришельцами и их машинами «псы» что-то не связывались, а вот как прослышали о батарейках, сразу вылезли, как прыщ на жопе.

Откуда они об этом пронюхали? Луций всех перетряс, допросил каждого, кто слышал его разговор с лаборантом Орбитальной. Но разве ж кто сознается? У него на роже было написано – сейчас достанет распылитель и начнет шмалять. Будь он личным императорским квестором, точно бы шмалял. Эти могут мочить направо и налево «по приказу императора». Брата Алариха убил такой. Даже не глянул, что тот патриций, «приговорен именем императора» и спицу в пузо.

Хорошо, что Луций не квестор. Ведь первым он тряс именно Энцо. Грозил выкинуть из бункера и всякое такое, но Энцо с честной мордой ответил что нет, вы сперва докажите, а потом выкидывайте. И ребята его поддержали.

Бункер 1–4 был настоящим лагерем, совсем не похожим на «песьи» тоннели. Силовой щит, за ним заминированный периметр, лестница, потом усиленный шлюз, сенсорная панель, считывающая рисунок сетчатки. Потом защитно-герметический шлюз и еще одна панель с кодом. Потом камера очистки. Предкрио, а не бункер.

Затем два коридора, битком забитые народом. Спасенные не желали сидеть в комнатах – оно и понятно, в каждой людей как грязи, дышать нечем, – слонялись везде, где только можно, путались под ногами, заглядывали в лицо пустыми от страха глазами.

Энцо миновал комнату связи, комнаты орлиных начальников и зашел в оружейную. Сдав оружие и костюм, вышел обратно к печальным глазам и тощим телам. Прошел мимо комнат основного состава: трехуровневые кровати вдоль стен, напоминающие полки в холодильнике. Тренировочный зал, в котором постоянно кого-то лупили, пищеблок, морозильные камеры и общие душевые, после которых можно спуститься на уровень для гражданских. Там было все то же самое, но пока никого не лупили, в коридорах шастали патрули и гудела система вентиляции.

Славное место, насквозь провонявшее орликами и их дисциплиной.

Отыскав свою комнату в общаке, Энцо обнаружил, что на его лежаке устроились двое чумазых: девчонка лет шестнадцати и

ребенок неопределенного пола, с перевязанной рукой. Оба посмотрели на Энцо так, что он молча вытянул свою сумку из-под кровати и потопал обратно на уровень орликов.

– Мне койка нужна, – сказал он Метеллу. Тот молча махнул в сторону дальней казарменной двери. Там ютилась вся Восьмая декурия, все по полкам, еще двое отсыпались на полу. Здоровый «ноксер» еле умещался на своем месте, лежал на спине, свесив руки и ноги на товарища койкой ниже. Глаза его были прикрыты, губы растянулись в блаженной улыбке. Интересно, что ему, бородатому перцу, снилось? Как он делает из пришельцев фарш?

Энцо выдали тонкий матрац, раздувшийся, как свежее тесто, стоило кинуть его в углу. Но сидеть с легионерами не хотелось. Поэтому Энцо вышел из жилого отсека и отправился гулять. Заодно хотелось чего-то пожрать, надо было только взломать замок в столовке, он так уже делал пару раз…

Мысль о «Псах» не отпускала. Пронюхали об операции, значит, есть кто-то из своих на базе, верно? Энцо огляделся. Вот подкрадется кто со спины, и не заметишь. И не найдешь же – сколько нового народа прибыло, ни одной знакомой рожи, кроме… Заметив жесткое лицо Луция Цецилия, Энцо отвернулся и нырнул в комнату связи. Вот с кем встречаться хотелось как можно меньше – с господином центурионом, чтоб его черви съели.

В комнате связи было прохладно. Работали панели с внешним наблюдением. В остальном бункере их отключили – нечего народ пугать, и без того страшно до усеру. А тут можно было глянуть на застывшее изображение улиц. Белый дневной свет лежал полосами на бетоне автострад и проспектов, тонул во тьме выбитых окон и витрин, проваливался в разломы с застрявшими в них машинами и обгоревшими шаттлами. Пусто, мертво. Но если присмотреться, нет-нет, да промелькивали тени. На грани света, как темное, более плотное пятно. Зомбаки, как их назвал Энцо. Они были типа живых мертвецов из детских страшилок. Только в детских страшилках монстры шатались по тоннелям и лакомились маленькими детьми, а эти разгуливали среди дня и жрали всех подряд.

Энцо склонился к панели, почти прилип к ней носом. На углу лежало чье-то тело. Батарейка, вдруг подумал Энцо. Три «гасты», пять распылителей или один «нокс». Ноги раскинуты на свету, верхняя часть туловища в тени. Представились тихий мушиный звон, сладковатый запах, который ни с чем не спутаешь. Волосы, облепившие холодное лицо.

Раз – и тело утянули в тень за углом, только ботинки прочертили след в пыли.

И снова пустота.

– … докладывайте о любых перемещениях их кораблей сразу же, не откладывая. Лично мне.

Услышав знакомый голос, Энцо закатил глаза. Покосился через плечо – и правда Цецилий. Со впалыми глазами, под которыми темнели синяки, взглядом бешеной собаки и выражением вселенской усталости на лице. Неважнецкий видок. Может, у него тоже инопланетное воспаление?.. Заразился от второго центуриона.

Энцо только собрался проскользнуть к выходу, как что-то загудело, и голопанели засветились. На каждой возникло изображение: девушка с остреньким лицом. Белые волосы, прозрачная кожа. Очень знакомые бледные губы.

– *Salve,* – сказала белая девушка и нервно улыбнулась. Ее правый глаз блестел расплавленной ртутью, холодный, как стекло. Вместо левого мигал армейский окуляр.

Она изменила внешность, но окуляр и улыбка выдавали ее с потрохами.

– *Salve, amici. Я предлагаю вам сдаться.*

* * *

Первым заорал Два-Ноль-Шесть. Его хриплый крик вспорол тишину.

– Малая! Это Малая!

Луций даже слова сказать не мог. Просто смотрел на панели, которые словно взбесились и все показывали одно и то же лицо. Бледное, поправленное пластической операцией. Мертвое.

Это не могла быть она. Нет-нет. Он сам, лично видел взрыв, после такого не выживают. Она умерла.

Сдохла.

Как она выжила, о Юпитер?!

– … *выдать ваше командование.* – продолжала говорить Сорок Пятая.

Собравшиеся в комнате внимательно слушали. Они не понимали, *кто* говорит с ними. О боги…

– *Всех патрициев, которые угнетали вас долгие сотни лет. Настала пора отмщения.*

На лбу выступила испарина. Луций растолкал собравшихся, приблизился к панели. Всмотрелся в узкое лицо, выискивая отличия от той проклятой малолетки. Родинку. Имплантат другой модели. Какое угодно свидетельство, что перед ними поделка. Клон. Обман.

Но перед ним была она. Сорок Пятая. Беа ар-Моуф. На стене за ней белели цифры 3–4. Третий бункер Четвертой курии.

Луций был готов поклясться, что люди в Третьем бункере уже мертвы.

– … *в противном случае я буду вынуждена обратиться к моим верным помощникам, инферио.*

Инферио? Она говорила про черных монстров?

– *Чем дольше мне придется вас искать, тем мучительнее будет ваша смерть.*

Луций рассмеялся бы над такой банальщиной… Вот только было не до смеха.

– … *Завтра в полдень*, – сказала Сорок Пятая, и экраны потемнели. Трансляция оборвалась. Техники засуетились вокруг панелей, пытаясь вернуть их к жизни, но те не реагировали.

Как она это сделала? Запись велась другим человеком, похоже, с нейрочипа.

– Она использовала его, как камеру, – тихо сказал Луций. Его слова прозвучали неожиданно громко в возникшей тишине. Клавдий Нерон – надо же, и он был здесь – недоуменно обернулся.

– Или это не она, – Луция понесло. – Это просто не может быть она. Пришельцы подделали ее внешность, или создали двойника.

– Зачем им это делать? – спросил Клавдий Нерон.

– Не знаю. Чтобы запугать нас. Чтобы… – Луций беспомощно умолк. Выглядел он жалко, сам понимал.

Боги, почему он не свернул ей шею на космодроме?

А Двести Шестой все не мог успокоиться.

– Вы видели, да? – спрашивал с идиотской улыбкой. – Это же она! Она жива!

Ему не отвечали, следили настороженно. Луций сделал несколько быстрых шагов, ухватил Двести Шестого за грудки. Притянул к себе, хоть марсианин был крепче и выше ростом.

– А чего ты лыбишься? – проорал, чувствуя, как в голове мутнеет от злости. – Чего скалишься, придурок?! Она планету бомбит! Людей, бля, убивает!

– Обосрался, да?! Тогда вы ее за пыль считали, а теперь все обосрались? – крикнул Два-Ноль-Шесть в ответ и тоже сгреб Луция за воротник. Сильный, зараза.

Луций подумал о распылителе у себя за поясом. Успеет достать и выстрелить? В голову не сможет, но в живот – вполне. Разок под ребра…

– Центурион! Центурион! – словно издалека донесся голос Юлия Ветурия. Луция оттащили, завернув руки за спину. Перед

глазами плыла злая муть. Рядом рычал и вырывался Два-Ноль-Шесть. Рука скользнула по пустой кобуре. Распылитель, кто забрал распылитель?..

– Вы ее знаете? Эту девушку.

Луций сфокусировал взгляд на Клавдии Нероне. Тот глядел на Луция с прохладным интересом, – так смотрят на жука с любопытным окрасом.

– Я расследовал дело, по которому она проходила как обвиняемая.

– А подробнее?

В памяти снова пронеслась кровь, запекшаяся на асфальте. Тело, размазанное по машине.

Ты – сумасшедший, Луций.

– Убийство легионера.

Центурион вскинул брови. Даже пластиглаз приобрел удивленное выражение.

– То есть, когда-то эта девушка находилась на Земле?

Луций наконец вырвался из державших его рук и зло одернул форму. Нашел взглядом Двести Шестого, который успел подключить манипулятор к панели и вместе с техниками пытался вытащить запись трансляции.

– Выросла на ней. Номерной знак I-45-10.

– И как же она оказалась… – Рука Клавдия описала полукруг над уснувшей голопанелью. – С врагом?

– Не знаю. – Луций вновь вспомнил взрыв, расцветший в небе в тот день. – Она… Она не должна была выжить.

– Однако выжила. А вы? – Клавдий обратился к Двести Шестому. – Откуда вы ее знаете?

– Я ее друг, – бросил тот через плечо.

Пара человек тут же сдвинулась от него подальше, но Двести Шестой даже глазом не повел. Слишком смелый или слишком глупый? Заявлять такое среди людей, которые потеряли из-за Сорок Пятой все.

– Друг? – повторил Клавдий, пробуя слово на вкус. – Интересно.

– Она не была такой. В смысле… Она – обычная девчонка, которая попала в полное дерьмо.

Едва заметная заминка не ускользнула от Луция. «Пес» сам в это не верил. Тоже считал, что Сорок Пятая знала об имманес? Использовала его, тупую марсианскую башку, для путешествия к центральной курии, до космопорта.

Все могло быть.

– Консул? – быстро спросил Луций и, получив разрешение Клавдия, обратился к техникам. – У нас есть дроны рядом с 1–4?

Можем отследить, где имманес укрылась? – Отыскав взглядом Двести Шестого, он махнул рукой. – Этого вывести.

Марсианина оттащили от панели, двери закрылись, отрезав его крики. Пускай постоит в коридоре. Ему ни к ему знать то, что они найдут.

Кто кого отыщет первым? Луцию хотелось надеяться, что у него есть фора. Что имманес не обложили выход из бункера. Он надеялся, что они хоть что-нибудь найдут. Не просто же так вложили столько сил в починку легионерских дронов. Парочку из них сбили, но остальные летали над курией, изредка подзаряжаясь на взлетной площадке Орбитальной.

Клавдий Нерон уселся в кресло и неодобрительно поглядывал на Луция. Но пока молчал, предоставил свободу действий. Юлий Ветурий тоже молчал. К связи он отношения не имел, но Луцию хотелось иметь под рукой адекватного помощника.

К тому же, он вернул Луцию распылитель.

Полчаса напряженной работы, и техникам удалось воскресить пару панелей. Работающих камер в той части курии было немного, но одному дрону удалось засечь много черных тварей на нижнем уровне, у западных жилых колонн.

– Смотрите, это запись их приземления, – отвлек его один из хакеров. – Прислали из Орбитальной.

Запись была сделана с камеры легионера, охранявшего сектор рядом с корпусом предкрио. Судя по ракурсу, он укрылся за триумфальной аркой на площади. В двух сотнях шагов от него на брусчатку опустился похожий на серую гальку корабль имманес. В покатом боку открылся шлюз, красным языком свесился и отвердел трап. Из корабля высыпало с десяток уже знакомых черных тварей, затем вышли двое в зеркальном камуфляже. Имманес. Одну из них Луций узнал сразу: собранные в хвост светлые волосы, окуляр. Вторым был какой-то… То ли тощий мальчик, то ли плоская девочка с копной каштановых волос. Неуловимо похож на Сорок Пятую хлипкостью и бледностью. Может, все имманес такие? Бледные злые коротышки.

– А это кто?

Легионер качнул головой.

– Раньше мы его не видели, центурион. Похоже, еще один пришелец.

– Это же она? – спросил кто-то. Луций кивнул. Вне всякого сомнения, то была Сорок Пятая.

За секунду до того, как легион открыл стрельбу, черные твари сгруппировались вокруг девчонки. Приняли на себя удар, как живой щит. Затем рассыпались тощими телами и кинулись на

легионеров. На этом запись обрывалась.

Как твари сумели так быстро среагировать? Телепатическая связь? Сорок Пятая умеет управлять электроникой и нейрочипами, возможно, и монстрами тоже. Если предположить, что в их мозг вживлены чипы, или же их изначально вырастили искусственно…

Хотя в этом дерьме должны копаться генетики и прочие любители инопланетной живности, а не центурион Четвертого легиона. Не его это дело.

– Скоро имманес явятся сюда, – обманчиво-мягкой голос Клавдия перекрыл остальные звуки в комнате связи. – Нужно готовить оборону, готовиться к отступлению.

Луций вздрогнул. Оборона? Отступление? Это еще зачем? Она здесь! Она. Здесь. На поверхности, в доступности, на расстоянии выстрела, если подобраться. Один выстрел – и армия противника обезглавлена.

– Мы можем ударить первыми, – Луций старался говорить спокойно, но голос все равно подрагивал. Подрагивали и пальцы, пришлось сцепить руки за спиной. – Если именно она управляет этими… монстрами, то нужно ее убрать.

– С чего взяли, что девочка управляет ими в одиночку?

Луций никак не мог это обосновать. Действительно, таких, как она, на орбите могли быть сотни. Может, каждый имманес так умеет.

– Если у нас есть шанс обезглавить целую армию, нужно его использовать. В любом случае, сидя здесь, мы ничего не сможем узнать…

Клавдий поднял руку, и Луций умолк.

– Слишком велик риск того, что группа провалит задание, а имманес вернется на орбиту. Тогда она окажется вне зоны досягаемости, и мы проиграли.

Горло жгло. Спину ломило. Хотелось кого-нибудь пристрелить. Луций знал эти симптомы.

– Мы не можем сидеть здесь до бесконечности и заряжать от трупов шаттлы, – сказал он.

Клавдий нехотя вернул к нему взгляд. Его узкое лицо не выражало ничего кроме ленивого презрения.

– Разговор окончен, Луций.

– Но…

– Окончен, если не хотите оказаться в карцере.

Подумав, он добавил:

– Думаю, вам следует отдохнуть. Завтра я назначу другого помощника, а вы освобождаетесь от ваших обязанностей.

Разговор не был окончен, это Луций видел в глазах многих

легионеров, которые слышали его. У них тоже остались вопросы, много вопросов. Но пока все молчали. Луций был не из тех начальников, за которых легионеры стояли горой. Слишком жесткий, слишком дотошный.

Отсалютовав, он выскочил в коридор. За ним вышел еще кто-то – дверь щелкнула дважды.

– Луций, подождите.

Узнав голос Юлия, Луций расправил плечи и обернулся.

– Да?

– Я понял, что вы имели в виду.

Встревоженный голос Юлия совершенно не сочетался с ровным выражением его лица. Может, у него паралич мышц?

– И что же? – Луций едва сдерживался, чтобы не послать его открытым текстом.

Покосившись на дежуривших легионеров, Юлий ухватил Луция за локоть и отвел подальше от комнаты связи.

– Что если я скажу, что в бунте «псов» замешано высокопоставленное лицо? Что перед операцией в предкрио была утечка из нашего бункера.

Кто о чем, а вшивый о бане, да? Юлий говорил о Нероне? Возможно тот и правда был в чем-то замешан, но как это могло помочь? Луций же не мог арестовать его, на это были квесторы и прочее командование. А где эти самые квесторы? Либо мертвы, либо во многих световых годах от Земли.

– Луций, вы слышите меня? – Юлий заглянул ему в лицо. В его темных, глубоко посаженных глазах Луций увидел… Нет, не страх, а жесткую решимость. – Сейчас мы можем…

– Чего вы от меня хотите? – прервал его Луций. – Почему я?

– Хочу, чтобы вы свидетельствовали против него, если у вас есть информация. Потому что вы единственный, кто готов пойти против системы.

– Единственный сумасшедший в центурии, вы хотите сказать?

На тонких губах Юлия промелькнуло нечто вроде улыбки.

– Меня разжаловали, – напомнил Луций. – У меня больше нет полномочий. А вы сейчас устраиваете заговор против вышестоящего по званию. Вы в курсе, что это карается расстрелом, Юлий?

Юлий качнул головой, словно Луций чего-то упорно не понимал.

– Мы сами можем разжаловать Клавдия Нерона. Все в наших руках, центурион.

– Я не центурион.

– Для меня – центурион. И для многих других легионеров, уверяю вас.

Глупости. Юлий надеялся ему польстить? Луцию было не до званий, и не до Клавдия. Плевать на трибуна и то, что он задумал. Плевать на интриги.

– Какую игру вы ведете, Юлий?

– Я отстаиваю интересы империи.

– Тогда в интересах империи гляньте, что творится. Она пытала того парнишку, видели? Он даже сопротивляться не мог, а потом мозги сварились.

Бесполезно объяснять. Луций бросил попытки и направился… Сам не знал куда, прочь от комнаты связи и легионеров, каждый из которых, казалось, следит за ним. Завернув за угол, он в сердцах врезал по автомату с водой так, что тот нацедил стакан кипятка.

Мелкую сучку нужно остановить. И он остановит, даже если придется помереть вместе с ней.

Все в ваших руках, центурион.

Вдруг все стало предельно ясно. Плевать на Клавдия. Плевать на Устав. Он не станет отсиживаться. Пытался действовать по правилам, но, похоже, в сложившейся ситуации правила не действовали.

Луций знал, что искать, и он знал, кого брать с собой. Давно все знал, просто боялся, что это решение окажется неправильным.

Но оно не было неправильным. Оно было единственным возможным.

* * *

Двести Шестого он нашел рядом с оружейной. Тот мялся неподалеку у входа, косился на дежурных легионеров, которые, в свою очередь, косились на него. Ну точно, думает, как выбраться наружу. Луций знал, что так и будет. Что Двести Шесть побежит к имманес, как верный пес.

Пес он и есть.

Заметив Луция, марсианин недовольно поморщился. Словно учуял дерьмо. Принял расслабленный вид, будто просто пришел постоять. Поздно, шила в мешке не скроешь.

– Слушай, Двести Шесть…

– Энцо, – резко поправил его марсианин. Ах да, у него же было это прозвище… Луций покатал плебейское имя на кончике языка. Простое и безвкусное, как и остальные клички номеров.

– Хорошо. Энцо. Твоя подруга, Сорок Пятая, ничего не говорила о своей прежней жизни? Ничего не рассказывала?

Энцо закатил глаза.

– Рассказывала, – буркнул он. – О том, как «псы» похитили и едва голодом не заморили, а вы, легионеры, срать на это хотели. Рассказала бы больше, да только вы меня в крио сунули. А ее грохнули. – Он вдруг смутился. – Ну… Вроде как грохнули.

Снова накатило. Затылок жгло, спину жгло…

Луций вытер испарину со лба. Надо дышать глубже, ровнее. Приступ пройдет, должен пройти.

– Мне нужно знать, что для нее важно. Места, события – что угодно, что подскажет, где нам ее искать, понял?

На этот раз Энцо слушал внимательнее.

– А что? Что ты хочешь сделать? – Он нервно облизнул губы. Хотел же выбраться, это было написано на его роже. Нетерпение. Желание поскорее кинуться навстречу собственной смерти.

Вот и попался, голубчик.

– Иди за мной, – велел Луций. – Я расскажу.

* * *

Медпункт, слава богам, никто не охранял. Все собрались на другом конце уровня, готовились защищать бункер. Вот и чудно, никто не помешает.

Луций кивнул на замок.

– Открывай.

– Чего?

– Открывай, говорю. Хочешь сказать, этот замок сложнее, чем в столовой?

Энцо скривился – неужели думал, что Луций не знал о его ночном жоре? Но все-таки ввинтил манипуляторы под панель. Несколько секунд противного скрежета, экран мигнул и дверь открылась.

Луций зашел и осмотрелся. В стены, от пола до потолка были встроены ящики с лекарствами. В дальнем углу стояла капсула «галена», в которой Луция регенерировали после падения из шаттла. Стальное дно, пластиковая крышка, гелевое ложе, внутривенные трубки. Та еще развалина. С тяжелыми ранениями не справлялась, но с переломами или ожогами – пожалуйста.

Болеутоляющее лежало в нижнем ящике, и Луций принялся перебирать пузырьки. У них должен был храниться «гелиос». Должен, должен… Пузырьки все одинаковые, скользили в потных ладонях. Названия сплошь не те.

– Ты – гребаный кликер, – сказал Энцо ему в спину. Луций кивнул, не прекращая поисков.

– А ты – вонючий номер. Следи за коридором.

Сзади фыркнули, тихо щелкнула открывшаяся дверь.

– Чисто все.

– Отлично.

Отыскав нужный пузырек, Луций откупорил и, шумно задышав, сунул за щеку сразу две таблетки. Сразу выделилась слюна. Воздух стал радужным, с перламутровым отливом, и имел малиновый вкус. Луций сделал глубокий вдох. Легкие зашипели, расширяясь вместе с сознанием. Мир приобрел резкие контуры.

Хорошо.

Энцо стоял над ним, скрестив руки на груди. Странно, даже марсианская рожа не портила кайф.

– Вмазался? А теперь чего, торчок долбаный?

Луций хмыкнул. Слабость схлынула, и он пружинисто поднялся на ноги.

– Пойдем, покажу.

* * *

Бойцов он собрал в оружейной.

Они как-то сами нашлись. Луций велел легионерам, дежурившим у оружейной, погулять, на что те заявили, что погуляют только на поверхности. Получили бы денек карцера, но Луций отчаянно нуждался в людях. С бывшим «псом» в напарниках далеко не уйдешь, нужен хоть кто-то, умеющий держать оружие в руках.

Дежурившие легионеры привели еще двоих, те привели еще одного с «ноксом», из Восьмой декурии. Большая пушка пригодится. «Ноксер» Ливий был немногословен, но серьезен и желал опробовать оружие на инопланетных тварях. Луций уважал его рвение. В общем, все были толковыми. Всем надоело отсиживаться в бункере, когда главное веселье царило наверху.

Отыскав на стеллаже более-менее новые и целые костюмы, Луций быстро влез в один с полосами центуриона, отсканировал чип, активизировав систему. Проверил воздушный фильтр на исправность, опустил забрало на шлеме.

Костюмы синхронизировали, проверили связь. Луций вставил в рукав аптечку – кассету с набором ампул. Одну использовал сразу же: «квикшот», для повышения тонуса и ускорения реакции. Сгиб локтя кольнуло, и по голове точно молотом ударили. Во рту появился химический привкус, затем все пропало. Доспехи стали ощутимо легче, тело налилось силой. Слабость, вызванная «гелиосом», пропала совсем.

Обдолбанный разжалованный центурион ведет парней в бой.

История для фрески в дом отца. Цецилий-старший бы гордился.

Пьяно усмехнувшись, Луций сунул распылитель в карман на бедре и повел отряд к выходу.

– Приказ Клавдия Нерона, – твердо сказал у выхода, глядя легионеру в закрытое забрало. Легионер посмотрел на его нашивки, затем смерил взглядом остальных в полном обмундировании. Чуть дольше задержался на снятом с предохранителя «ноксе», который смотрел прямо в его голову, после чего кивнул и набрал актуальный код на панели.

Луций шагнул в камеру очистки первым. Подняв забрало, отсканировал сетчатку.

Сердце стучало, нарезая время.

Индикатор загорелся зеленым, и шлюз открылся. Еще один периметр защиты пройден.

За ним вилась лестница, железной спиралью уходила наверх, в полумрак. Луций пошел первым, на каждом пролете нажимая кнопку отмены тревоги. Будет спускаться чужой – сработает сигнализация, и все пролеты заполнит газ. А сообщать о своем побеге всему бункеру и натягивать респиратор Луций пока не хотел.

Взбираться в костюме было легко. Несколько минут, и над головой заалела лампочка еще одного шлюза. Луций ввел код авторизации, общий для всего командного состава.

Не сработало. Индикатор мигнул красным.

Коды сменились? Что теперь, возвращаться?

Хотя нет, остался один способ…

– Энцо, – бросил Луций и поманил марсианина пальцем. – Открой.

– Что? – Энцо вытаращил глаза. – Это? Ты издеваешься чт…

– Вы, – невозмутимо поправил его Луций.

– *Вы* издеваетесь, центурион? Тут же нахрен все рванет, если я чего не то сделаю!

– Ты делай, легионер, а там посмотрим.

Остальные молчали, настороженно посматривали на Луция.

Энцо мотнул бритой головой, но снял перчатку костюма и выдвинул манипуляторы из пальцев. Протез у него был хороший, новая модель, похож на тот, который достала ему Бритва. Помнится, она выбила у отдела снабжения лучшее, что те могли предоставить «кроту». Длинные гибкие манипуляторы, по десять в каждом пальце. Каждый с подключением ко всем известным чипам и прочей канители, в которой Луций не разбирался и разбираться не желал.

Но раз легион поставил марсианину протез, то пусть марсианин этот протез отработает по полной. Так считал Луций.

Через пару минут возни у панели замка, Энцо застыл. Медленно обернулся, словно каждое его движение могло спровоцировать взрыв периметра. Его лицо было бледнее отцовской тоги.

– Все. Кажись, я застрял. Всё ты, прид… Центурион, я же тебе говорил…

– Молчать! – рявкнул Луций. Слизнув остатки «гелиоса» с зубов, он надавил кнопку связи на воротнике. – Центурион Луций Цецилий вызывает консула Клавдия Нерона.

Молчание в эфире.

Луций прикусил губу. На языке расплылся солоноватый привкус крови. На ум отчего-то пришли маки. Целое маковое поле за окном семейной виллы на Церцее-4. Прозрачно-зеленое морское небо и яркие алые пятна.

– Центурион Луций Цецилий вызывает Клавдия Нерона, – повторил он. – Трибун, ответьте.

«Трибун не может сейчас говорить».

Кто ему ответил? Марций? Юлий? Низкий голос, на Юлия не похоже.

– Передайте, что мы сейчас взломаем код верхнего шлюза, и бункер к хренам завалит.

«Луций! Луций Цецилий! Какого черта ты делаешь? – прорвалось в динамики шлема через шорох помех. Клавдий Нерон. Быстро же он освободился. – *Приказ вернуться на базу!»*

– Трибун, откройте внешний контур, иначе все рванет. Я не шучу, проверьте сеть. Один криворукий марсианин сейчас подключился к ней и нарушил целостность. Теперь либо отключите, либо нам всем крышка.

Индикатор сменил цвет на зеленый. В глубине бронированных стен что-то ухнуло, застучало, и створки принялись раскрываться. Слишком медленно. Луций снял распылитель с блокировки. Хотелось побыстрее вырваться из темной кишки бункера.

Энцо высвободил манипуляторы и осмотрел их, держа протез за запястье. С таким видом, будто ему руку зажевало измельчителем.

– Ты – псих, – прошипел он Луцию, но тот не обратил внимания.

Если убийство Сорок Пятой поможет закончить войну, то всем уже будет плевать на нарушения Устава. Если не поможет – то все и так умрут.

Да, Луций, подумать только, и где же твоя хваленая дисциплина?

«Луций Цецилий отстранен от своих обязанностей, – Клавдий

не оставлял попыток докричаться. – *Все, кто пойдет за ним, будут отправлены в крио. Вернувшиеся сейчас получат лишь день в карцере».*

– Кто хочет, может возвращаться, – передал Луций остальным. Легионеры переглянулись, но никто не отступил.

«Крио все равно переполнено, центурион», – бодро ответил кто-то из бойцов. Его ответ наверняка был слышен и Клавдию.

– Логично, – кивнул Луций. – Тогда пошли.

Он втянул воздух через оскаленные зубы. Шлюз медленно открывался, впуская тьму. Створки разошлись на ладонь. На локоть. На ширину плеч.

Луций набрал команду на запястье, активировав режим маскировки.

– Вперед, ленивые жопы!

Малая

Жилую колонну Малая нашла быстро. Ей не нужно было видеть, чтобы вспомнить путь, его она совершала много раз без помощи глаз, только по указаниям навигатора, теням зданий и людскому шуму на рынке неподалеку. Удивительное дело – сейчас всюду царили хаос и смерть, а та самая жилая колонна осталась почти нетронутой. Людей внутри, разумеется, не было, окошки-бойницы скалились осколками стекол, но стены остались целы, по лестнице можно было подняться на верхние этажи.

Таскаться по лестнице Малая не стала и просто включила лифт.

Сперва она заглянула в комнату, откуда ее похитили люди Алариха. Дверь запечатали легионерскими скобами. На каждой было устройство чтения чипа, которое, разумеется, не работало после волновой пушки имманес.

Малая подцепила скобы, сорвала их и бросила на пол. Вмятины, оставшиеся от пальцев, напомнили ей что-то, приснившееся совсем недавно…

Нет, она не помнила, что именно.

Комнатушка оказалась мелкой, грязной и совершенно безликой. Узкое оконце с окаменелой грязью, бетонные стены, когда-то окрашенные в белый. Одна лампочка в потолке, и та перегорела, затуманилась гарью. Малая подцепила лежащую на полу тряпку, оказавшуюся девчачьей курткой бежевого цвета. Ее куртка? Пальцы помнили косую линию скрытых клепок, и рисунок ткани, и карман на правом боку. А теперь это лишь тряпка.

И здесь жили они с Энцо, надо же. Каково было ему видеть эту серость каждый день?

Раньше она бы расстроилась. Сейчас она слегка недоумевала.

Поднявшись на верхний этаж, она отыскала комнату коменданта дома. Всегда было интересно, как живут те, кто отчитываются за жильцов перед Управлением курии.

Оказалось, в его квартире были две комнаты и небольшой балкон с парой каменных скамей, которые, видимо, нагревались днем на солнце. Малая почистила их ладонью и села. Представила, как комендант и его семья лежали на этих скамьях вечерами, грели кости и смотрели на нижний уровень с высоты сто пятидесятого этажа, будто они – патриции.

Малой сидеть на скамье было не очень приятно. Остывшая за ночь, она морозила зад даже через костюм. Но уж лучше сидеть на холодном, чем иссыхать в кладовой на этаже. Теперь

комендантские кости грелись там.

Вид с балкона теперь тоже открывался невзрачный. Сплошная темная мешанина без проблесков жизни. Но жизнь там была, Малая ее чуяла. Стояли готовые онагры, рыскали инферио, сбегая по стенам. Один все время крутился рядом и сейчас обыскивал пустые нижние этажи.

Наверху было поинтереснее. Уровень, который поддерживала жилая колонна, частично обвалился, и в проломах блестело звездное небо, как проблески чужих сознаний. Вдали пролетел легионерский корабль.

И как у людей получилось обойти удар волновой пушки? Ведь поначалу все было хорошо, остановились машины и шаттлы, вышли из строя все неорганические элементы питания, распространенные в Империи. Сейчас же альфа выдавала залп за залпом с орбиты, а эффекта не было.

Хоть межпланетные сигналы блокировались, и то хлеб. Местные мелкие не в счет. Они даже казались Малой полезными, по ним было легко вычислять укрытия легиона. Бункеры пока вычислить не удавалось, передачи она слала по всем волнам, надеясь, что хоть одна попадет в цель. Конечно, бедный патрицианский мальчик от такого напряжения скончался, но, наверное, лучше умереть от кровоизлияния в мозг, чем от зубов инферио. Можно считать, она сделала ему одолжение.

А корабль надо бы сбить. Но этим она займется завтра в полдень. Не хотелось портить прекрасную ночь.

Если никто из бункеров не выйдет на связь, придется восстановить часть сети и отыскать укрытия по ней. Очень трудоемкий способ, она потом будет регенерировать в капсуле дня два. Зато сдержит обещание.

Она старалась быть последовательной. И у нее было время. Никто не догадается искать ее здесь, надутые патриции даже не вспомнят про колонны номеров.

К ней кто-то поднимался. Арий, узнала она. Выбравшись на балкон, он осмотрелся. Малой почудилась брезгливость в его взгляде. Жилье номеров кого угодно могло шокировать. Это он еще не видел тоннели…

– Вы не должны были лететь сюда, – сказал он.

– Знаю.

– Сегодня погибло очень много инферио.

Малая кивнула. Да, она помнила, что каждый мертвый на счету. Но – вот незадача – ей было совершенно все равно.

– Мы отправляем их на войну. Естественно, что некоторые погибают.

– Это недопустимо, – в который раз сказал Арий. – Впервые я

вижу такое.

– А что, были еще разы? – сощурилась Малая.

Арий увел взгляд к ночному небу. Умолк, словно воды в рот набрал. Опять тайны, сколько можно? Сперва Малая разозлилась, но потом сдалась. Толку от злости все равно не было. Она поняла это совсем недавно. То ли повзрослела, то ли стало плевать из-за препаратов, которые колола каждые утро и вечер.

Она хлопнула по каменной скамье рядом с собой.

– Сядь, пожалуйста.

Помедлив, Арий опустился рядом. Смотрел настороженно, будто ждал, чего она выкинет.

А Малой было спокойно. Малой было очень хорошо.

– Посмотри, как красиво, – она указала на небо. По нему лентой расстелился Млечный Путь, отчетливый без освещения курии. – На Мармаросе такого не увидишь.

Он поднял голову, пару минут вглядывался в звездный рисунок.

– Красиво, – признал он.

Лунный свет лег на его лицо серпом, выбелил лоб. И в тот момент, когда он упал на лицо под таким углом, всплыло другое место и другое время.

Алмазный блистер челнока, который разлетелся от лазерного луча. Осколки, усыпавшие макушку Малой. Дыхательную маску на лице и руку, подхватившую ее за талию. Слепящий отблеск взрыва на обтекаемом и серебристом, как ртуть, шлеме.

– Это же ты вытащил меня из шаттла, – осенило Малую. – Почему не сказал?

Арий едва заметно поднял брови.

– Разве это имеет значение?

– Для меня имеет.

Будь Арий человеком, он бы пожал плечами. Но человеком он не был, и не понимал, когда требовалось что-то ответить. Он снова обратился к звездам. Похоже, те ему нравились. На Мармаросе звезд видно не было, точнее, была видна лишь одна звезда – Некро. Одна из сотен Некро, освоенных имманес. Она была такой яркой, что заглушала своим блеском остальные. Ночь была короткой, длилась пару часов по ощущениям Малой. Поэтому первое время она никак не могла выспаться.

Хотя, может, причиной были кошмары.

– Откуда ты знаешь имперский? – Малая прервала затянувшееся молчание.

– Я записал его в каталог.

Так имманес называли подобие искусственной нейросети, вживленной в их мозг. Малая даже не знала, насколько та была

искусственной. Вживляли ли ее при рождении или имманес уже рождались такими? Очередная тайна.

– Давно?

– Не помню, – уклончиво ответил Арий.

Интересно.

– Сколько тебе лет?

– Не знаю. Много. Зачем считать прожитые годы?

На этот вопрос у Малой не было ответа.

– Чтобы знать, когда умрешь, – предположила она.

– А если не умрешь никогда?

– Но ведь имманес умирают.

Арий улыбнулся и посмотрел на нее.

– И да, и нет.

Что-то было в нем… До боли знакомое. Будто она знала его очень давно, всю свою жизнь, а, может, еще дольше.

Снова повеяло сладким, будто фрукт раздавили. Легкий аромат тления.

А может, это пахло от нее?

Писк сигнала донесся внезапно и так четко, что Малая вздрогнула. Расшифровать его было несложно, аппаратура новая, свежая. Наверное, переносная, которую легко спрятать. Что же это, у кого-то есть секреты от легиона?

«Привет, трибун», – хриплый голос, в котором звучала легкая насмешка. Марсианский акцент, знакомый раскатистый говор, будто рык льва.

«Я просил так меня не называть». – Его собеседник не был таким приветливым.

«А как мне тебя звать? Папочка? Или господин?»

«Не ерничай. На поверхность вышла группа легионеров, их следует убрать. Мне нужны твои люди».

Малая подобралась на скамье, мелко втягивая воздух. Даже кончики пальцев закололо от возбуждения. Как интересно! Отец и сын, патриций и марсианин! Трибун и… «пес»? «Псов» она тоже собиралась уничтожить.

«Люди? – возмутился марсианин. – *Какие еще люди? Старик, в прошлый раз все обломалось, твои орлы забрали груз».*

«*Я передал вам все, что требовалось. То, что вы облажались, уже ваши проблемы».*

Первый голос помолчал.

«Вот и твои проблемы – только твои, папаша».

«Девять-девять-два!..» – крикнули в ответ, но связь оборвалась.

Трибун, значит?

Улыбнувшись, Малая нашла обоих.

Минотавр голоден

Луций будто вернулся на десять лет назад.

Опять бежал, задыхаясь, в костюме, который казался слишком неповоротливым, слишком приметным. В ночном зрении все было зеленоватым, будто с изнанки реальности. Сливалось в монохромный барельеф, а сверху бледно светила долька красной луны, скорее углубляя тьму, чем освещая дорогу. Прицел блуждал по изнанке шлема, выискивая цель. Но Луций знал: автоматически она не определится, тепловизор на черных тварей не реагировал. Потому он судорожно ощупывал местность взглядом, ловя движение. Помня о зубах и когтях с записей легионеров, о веерах крови, звуке рвущихся костюмов и хрусте костей.

Пока ничего не двигалось. Только мертвые дома, мертвые машины и мертвые тела.

Ребята бежали следом, тяжелый Ливий прикрывал тыл, водя «ноксом» по черному горизонту выжженной улицы.

Достигнув угла, более-менее прикрытого со всех сторон и удаленного от входа в бункер, Луций остановился и свернул шлем. Свежий воздух плеснул в лицо.

– И где она может быть, Двести Шесть? – спросил у марсианина.

Двести Шестой тоже свернул шлем. Выше Луция на полголовы, он воззрился на Луция сверху вниз.

– Энцо, я же просил, – прогнусавил, утерев пот со лба.

Еще раз вякнет, и получит заряд распылителя в колено, это Луций решил твердо. Без дисциплины они никуда не дойдут, а дойти надо обязательно. Сейчас слишком важный момент, чтобы взять и все просрать из-за одного умника.

– Кличку можешь засунуть себе в жопу и там оставить. Мне повторить вопрос?

Энцо таращил на него злые глаза. Сжал губы в нить. Чуть пригнулся, будто готовился уйти от удара.

В колено. По одному заряду в каждое колено, а после пытать до тех пор, пока не расколется. Это называлось «допрос с пристрастием для получения важных для Нового Рима сведений», ничего противозаконного.

А потом оставить его здесь, на трещинах мраморного пола…

Должно быть, Энцо увидел это в его взгляде.

– Квартира ее, – сказал сам, шмыгнув носом. – Она захочет на нее глянуть, зуб даю.

– Уверен? – щурясь, протянул Луций.

– Я бы там искал.

Жилые колонны нижнего уровня. Это здание было в деле Сорок Пятой, она жила в нем до первого убийства. Луций вспомнил тесную серую комнатушку, окно-бойницу, разводы на стенах. Напряженный взгляд Бритвы и ее нежелание заходить.

Будь он слепым, а потом зрячим, хотел бы увидеть, где жил раньше? Наверное, марсианин был прав.

Луций ткнул пальцем в чернявого легионера рядом с собой.

– Первый.

Указал на следующего, с гастой и окуляром:

– Второй.

Так назвал всех по кругу. Марсианин оказался Седьмым. Так себе число, как количество кругов Стикса вокруг подземного царства, но уж что досталось, то досталось.

Сверившись с картой, проецируемой на изнанку шлема, Луций повел отряд на юг, по смятым взрывами улицам, в обход ям, будто пробитых огромными каблуками. Над ними нависали небоскребы нижнего уровня, частые, как гребень, и все в толстых кабелях, даже шаттл не развернется. Один идиот из Первой декурии пытался пролететь, когда догонял подозреваемого. Еле отскребли со стены жилой колонны.

Они забрались выше, двинулись по проспекту, широкой лентой пересекавшему верхний уровень Четвертой курии от амфитеатра до городского парка. Когда-то Луций гулял по нему с родителями, стаптывая сандалии на округлой брусчатке. Потом с первой девушкой, держа ее за руку и мечтая задрать узкую юбку. Теперь с группой легионеров-отступников, дезертиров наоборот. Они тяжело дышали в шлемах, водили оружием по углам и провалам, ожидая, что оттуда вот-вот бросится зубатая тварь.

Широкой дугой они обогнули торговый центр, в верхних этажах которого застрял корабль с алым орлом легиона на хвосте. В общем-то, только хвост и виднелся, остальное спряталось в угольно-черном проломе. Луций обвел центр прицелом. Все чисто.

Года три назад он расследовал убийство на его парковке. Молодой мужчина, голова выжжена полностью, следов номеров и чипа не обнаружено, татуировок и других опознавательных знаков не было, генного материала в базе не нашлось. Неизвестная личность. Потом нашли второго такого … В итоге оказалось, что группа номеров выращивала рабов на продажу, а когда те бежали, находили по одному и отстреливали. Несколько тел убрать удалось, а вот парочка попалась на глаза легионерам.

Луций до сих пор помнил пустые глаза запертых в тоннеле детей. Эти дети кричали, когда увидели солнечный свет. Он

казался им чем-то потусторонним, блеском Тартара, зовом смерти. Причинял им боль. И кто после этого скажет, что набитый номер – это плохо?

Номер на затылке, – это хоть какая-то гарантия того, что твой убийца будет наказан. Информация о тебе есть в сплетениях сети, значит, и ты есть в этом мире. Информации нет – и тебя вроде как нет. Исчезнешь – никто не заметит.

– Следить за магистралью! – велел Луций. В ответ прошуршало стройное «принято». Им вообще стоило держаться от моста подальше, но тогда придется идти дальше по верхнему уровню, где крутятся машины имманес. Команда окажется, как на ладони. Дрон, к которому Луций подключился перед уходом, показал инопланетную машину в пятиста шагах от них. Она не двигалась: может, была сломана, а может, находилась в спящем режиме. Луций решил не проверять и навел дуло распылителя на вязкую тьму под ногами.

А во тьме между опорами могут укрываться черные плотоядные твари. Тот еще вариант.

Они вставили распылители в фиксаторы на бедрах и полезли вниз по расшатанным скобам одной из опор. Нормальная лестница была разбита, приходилось цепляться за тонкие и ржавые перекладины. Делать это в перчатках было сложновато. Парень над Луцием все время торопился, едва не вставал ему на голову, цепляя мысами ботинок макушку шлема. Это отвлекало. Сдерживая растущее раздражение, Луций смотрел по сторонам, выслеживая тени.

Движение. Держась одной рукой за перекладину, Луций выхватил распылитель.

Внизу, между опор эстакады, кто-то шел. Шаги медленные и неуверенные, силуэт размытый, наполовину погруженный в тень. Как назло, ни у кого в группе Луция не было окуляра.

Еще шаг, неуверенный взмах руками. Луций расслабился и опустил оружие. Точно не имманес. Человек, может, раненый или истощенный. «Ноксер» Ливий тоже заметил движение, одной рукой ловко выхватил «пиллум».

– Стоять, – велел Луций. – Пятый, отставить.

Пока человек их не видел, и отлично. Еще начнет кричать, привлекать к себе внимание, просить о помощи, а то и увяжется следом. Балласт им сейчас не нужен ни в каком виде.

Пока все спокойно.

Все спокойно.

Зажужжал выстрел, прозвучал слишком громко в ночной тиши. Человек вскинул руки и беззвучно упал.

– Кто сделал?! – рявкнул Луций.

Парень над его головой опустил дрожащую руку с распылителем. Луций едва не взвыл, когда дуло качнулось в его сторону.

– На предохранитель, идиот!

И наградили же боги такой командой… Зеленые легионеры, чокнутый «ноксер» и марсианин, готовый в любой момент предать. Лучше бы он взял Ветурия. Почему-то в нем Луций был уверен больше, чем в остальных.

Хотя «ноксер» в бою куда эффективнее, чем спец по экономическим преступлениям.

Теперь они торопились. Звук выстрела встревожил машину имманес, ее шаги отдались гулким эхом под влажными сводами. Перчатки скользили по перекладинам, в шлеме, казалось, не хватало воздуха.

Шаги ближе. Еще ближе.

До земли осталось расстояние с четыре человеческих роста, и Луций прыгнул. Костюм смягчил удар, Луций перекатился и пробежал в укрытие к остальным. Дождавшись, пока группа не соберется, он повел их прочь от опор эстакады и укрылся за стеной бывшей автомастерской. Вовремя – из тьмы выступила паукообразная машина. Остановившись над телом убитого, она провернула купол. Сканировала местность, наверное.

Луций затаил дыхание.

Машина крутанула купол еще раз, затем замерла, будто задумавшись. И двинулась от автомастерской, аккуратно переступая между обломками.

Пронесло.

Луций осмотрел помещение, куда они попали. От противоположной стены уходил коридор, за которым наверняка был запасной выход. Луций двинулся туда, включил фонарик на груди.

Нужно было прорываться там или подняться на крышу – там наверняка был мост с соседним зданием. Целый, если им повезет.

БУМ!

Луция бросило на пол, припорошило бетонной пылью. В ушах повис тонкий, на одной ноте, свист. Мир качался и плыл в тумане. Луций поднялся на колени, уперся локтями. Сверил цифры, мигающие на изнанке шлема – показатели в норме. Обернулся. За ним в стене зияла дыра размером с корпус шаттла в разрезе. Стена была толстая, спасла от взрыва.

Спасла его. Одному из легионеров повезло меньше: верхняя половина его тела лежала в двух шагах от нижней. Растекалась лужа стынущей крови.

Луций поднялся, жадно глотая воздух из фильтров. Побежал,

то и дело отталкиваясь руками от стен. Ребята мелькали серыми тенями где-то впереди, у светлеющего пятачка в конце коридора.

– Все к запасному выходу!

«Его тут нет, центурион», – ответил кто-то.

– Тогда сделайте, мать вашу!

Грохнула взрывчатка, и конец коридора заволокло дымом. Луций влетел в него, включив тепловизор. Костюм сам дорисовывал очертания помещения, работала специальная программа запоминания ландшафта. Серые стены, контур пола, дым, кругом дым…

За спиной очередной взрыв. Здание содрогнулось, медленно проседая.

Проклятье!

Вырвавшись на улицу, Луций припустил еще быстрее.

– Меня слышно? – проорал он.

«Слышно хорошо, центурион», – отозвался Первый. Нажатием подбородка Луций вывел список синхронизированных костюмов. Все в порядке, кроме Второго. Он остался в автомастерской.

У восточных жилых колонн крутились черные твари.

– Ливий, – бросил он. «Ноксер» пробрался к Луцию, опустился на колено, споро достал оружие и разблокировал систему. «Нокс» тихо загудело, набирая мощность. Рявкнул, дернулся, воздух расколол взрыв. Площадку перед колонной заволокло облаком пыли, которая поднялась к небу седым грибом.

– Вперед! – крикнул Луций.

Выстрел – одна тварь рассыпалась пеплом, не добежав. Еще выстрел сбросил тварь со спины Третьего.

Еще один спас самого Луция. Луций посмотрел, откуда стреляли – Энцо салютовал распылителем и заехал подлетевшему пришельцу с локтя. Быстро перехватил его так, чтобы тот не мог укусить, а только бессильно щелкал зубами, и медленно, с натугой и дрожью синтетических мышц костюма, оторвал ему голову. Вылитый, мать его, Геракл, бьющийся с гидрой.

В подъезде было сыро и темно, освещение не работало. Энцо взбежал на этаж первым, водя дулом по углам. Безошибочно отыскал дверь, которую Луций помнил, будто был здесь вчера, и открыл ее с ноги.

Сунул распылитель в комнату.

Затем медленно вышел. Глаза за забралом шлема были полны удивления.

«Ее здесь нет».

– Сам вижу, – бросил Луций.

Что же, они потратили столько зарядов, сил и времени, чтобы

прорваться в пустое здание? Или… Он обернулся на пустой холл первого этажа. Или в западню…

Этаж за этажом они обыскали здание. Обошли десятки мертвых тел, пристрелили двух тварей. Девчонки в колонне не было.

На балконе в квартире коменданта Луций устало присел. Ночная курия плыла под ним, темная и омертвелая, тонущая в тишине. Не отступало ощущение, что за ним наблюдают. Что где-то там, далеко внизу, принюхиваются десятки плотоядных тварей, ведут носами-обрубками по ветру, вычленяя запах Луциевой плоти.

«Четыре-сорок пять! Четыре-сорок пять! У нас прорыв по периметру, внешний контур».

Сообщение перекрыли другие каналы.

«Четыре-сто восемь!»

«Меня кто-нибудь слышит?.. Меня…»

Луций замер, чувствуя, как по телу разливается мертвенный холод.

Пока они искали девчонку, имманес напали на бункер. Трибун Клавдий Нерон. Юлий Ветурий. Две декурии и сотни четыре гражданских. Все находятся там, в западне.

Луций вскочил и кинулся к лестнице. Первым желанием было вернуться в бункер, помочь своим. Размазать пришельцев ровным слоем по бетону. Пять человек могут сыграть роль.

Но что это даст? Временную отсрочку? Сейчас, когда девчонка находится на поверхности, Луций может нанести удар. Да, это рискованно и опасно, но, как говорил Публилий Сир, нельзя победить опасность без опасности.

Кровь убитых в бункере останется на руках Луция. Ничего, он – римлянин, он выдержит. Предки и боги, в которых он не верит, его поймут.

Ведь долг превыше всего.

Спустившись, Луций понял, что легионеры тоже слышали позывные.

«Центурион, мы должны вернуться!» – прохрипело в динамике.

Луций развернулся, взрыхлив пятками бетонную крошку, ровным слоем устилавшую пол. Кто посмел это сказать? Кто?

– Если мы сейчас вернемся, то все будет зря! – рявкнул он. – Тогда мы точно умрем, все до единого! Мы и все, кто прячется сейчас в других убежищах.

Легионер смотрел на него из-за тонированного забрала. В глазах читалась нерешительность. Он не был трусом, этот легионер, нет. Он просто не видел картину в целом.

А разделяться им сейчас нельзя.

– Мы – римляне, – сказал Луций. – Мы не отступаем и не сдаемся! Ты римлянин или трусливая тварь, солдат?

Легионер вытянулся по струнке.

«Я – римлянин, центурион», – отчеканил он.

– Тогда подбери сопли и сосредоточься на цели. Сейчас пришельцы не ждут от нас удара. Они следят за бункером. Мы должны подобраться к ним с тыла. Обезглавить их армию. Всем понятно?

«Да, центурион!» – прогремел хор в динамике.

– Кто вы?

«Римляне!»

– Кому вы служите?!

«Императору!»

– Еще раз, не слышу, мать вашу!

«СЛУЖУ ИМПЕРАТОРУ!»

Луций кивнул и обратился к марсианину Энцо.

– Где она может быть еще?

На этот раз они сами не лезли, пустили разведку. Дрон облетел здание кругом и нырнул туда, где была булочная. Когда-то в ней работала Сорок Пятая, теперь же обугленные помещения пустовали. Над булочной слоями гнездились рестораны: оконные проемы во всю стену, витражи, мозаичные залы. Дорогое место.

Было. Сейчас даже вывесок не осталось, сгорели.

Дрон поднялся выше, еще выше… И вдруг дернулся, словно что-то перехватило над ним контроль. Ударился об стену, проскрежетал корпусом, со всей силы врезался в бетон и отключился.

Луций почувствовал, как по спине поползли мурашки.

Это была Сорок Пятая. Точно она.

Он достал распылитель из кармана на рукаве и снял его с предохранителя.

– Пошли.

* * *

Верхний уровень – плохое место для прогулок.

– Первый, Пятый! Движение на счет три, – горло уже болело от крика. – Раз!

Нужно перебежать на ту сторону, через излинованный утренними лучами перекресток. По бокам стреляют машины, с тыла подходит еще одна. Плохое место для прогулок.

– Два!

Если повезет, в живых останутся трое.

– Три!

Очередь Луция. Ноги скользят, не слушаются. Стрекот орудий где-то слева. Сзади подходит машина, протыкает асфальт ногами-ходулями. По стене дома скользит тень, втекает в оконный проем прежде, чем кто-либо успевает ее подбить.

– Пошли, пошли! – Луций поднялся с колен и обернулся.

Шестой продолжает стрелять, высаживая в машину и подбиравшихся тварей весь заряд. Бесполезно, Луций уже это понял, пришельцев слишком много. Они текли по стенам, выползали из щелей.

Нужно уносить ноги и быстро. Из-за Шестого под угрозой оказалась вся группа.

– Шестой! Оставить стрельбу! – рявкнул Луций.

Шестой его не слышал. Может, динамик отказал?

Свернуть шлем Луций не рискнул.

– Шестой! В укрытие! – повторил. Никакой реакции.

«Центурион, машина приближается!»

Проклятье!

Луций обернулся на своих, – те стояли, готовые кинуться на подмогу. За ними темнел разверстый въезд в гараж здания, куда они так долго пробирались.

– Всем оставаться на местах! – крикнул Луций и бросился обратно через перекресток. Почти добежал, как с другого конца улицы, из-за спрессованных аварией машин кто-то вышел.

Сперва Луций подумал, что это гражданский потерялся: какой-то тощий парень лет двадцати. В режиме ночного видения он казался зеленовато-бледным, как мертвец, в руках держал вытянутую трубку, очень похожую на оружие. Луций хотел крикнуть, предупредить, чтобы тот убрался с линии огня. Шестой тоже прекратил стрельбу и спрятался за перевернутую тачку. Бросил на Луция свой последний взгляд.

Парень подошел к укрытию Шестого. Легко толкнул машину, и та со скрежетом отъехала в сторону. У выходного отверстия трубки собрался туман, коротко полыхнуло – и Шестой разлетелся на части. Будто его разорвало изнутри.

Парень повернулся к Луцию. Его глаза светились в визоре. Светились, мать его, как у кота… Имманес.

– Туда нельзя, – сказал он с легким акцентом и снова нацелил трубку.

Луций вовремя перекатился. Петляя, кинулся к гаражу.

– В укрытие! – проорал, срывая глотку. – Впередвпередвпередбля!

Ребята бросились в гараж. Внутри что-то коротко пальнуло,

похоже, твари прятались и там. Один из парней, бежавших впереди, развалился надвое – просто ноги отделились от туловища, упали рядом. Луций перепрыгнул его и навалился с другими на рукоять ручного управления створками. Та туго подалась. Затем провернулась, и створки заскрипели по рельсам, сдвигаясь.

Выдохнув, Луций бросил рукоять, предоставив крутить другим. Привычно проверил углы и потолок. Чисто, никого, только наполовину распыленное черное тело растянулось на полу. Луций коснулся его мысом ботинка, и голова качнулась, блеснули тонкие зубы.

Ну и мерзость…

«Центурион, шлюз не закрывается до конца!»

Что за черт?

Луций обернулся. Между створками осталась тонкая щель в руку толщиной. Что-то держало их, может, грязь, застрявшая на рельсах…

Нахмурившись, Луций подошел ближе. Заглянул в щель с локоть глубиной.

Внутри, на грани створок белели пальцы. Толстые стальные края промялись под ними, как тесто, шлюзовой механизм натужно гудел, пытаясь сомкнуть створки до конца, но те не смыкались.

Тонкие пальцы не давали.

Имманес. Шлюзовые створки переламывали людей пополам, гнули стальные арматуры, а этот просто держал их голыми руками.

Да из чего эти пришельцы сделаны?!

«Центурион, позвольте».

Ливий бесцеремонно подвинул его. Сунул дуло «нокса» в щель между створками шлюза, и остальные легионеры быстро подались назад. Гулко бахнуло, облако пыли вырвалось из-за створок. Тишина.

Ливий закинул «нокс» на плечо, обернулся и салютовал Луцию.

Из обугленной развороченной щели метнулась белая рука. Ухватив «нокс» за ствол, она притянула его к себе.

– Назад! – прокричал Луций.

Ноксер дернулся, но поздно. Имманес уже крепко держал его за руку. Сжал так, что из стыка перчатки с рукавом закапала кровь. Луций вытащил распылитель и выстрелил в руку имманес в упор. Одежда разлетелась пылью, а кожа осталась белой и нетронутой. Еще раз, и еще… Пот залил глаза, выедал их, крик буравил из динамиков в шлеме.

Вторая ладонь метнулась к горлу и пробила его насквозь. Крик оборвался. Ливий обмяк и рухнул на колени.

Мертв. Так быстро… Минус трое.

– Дерьмо, – процедил Луций. Ухватив «нокс», он попятился в глубь цеха. Створки шлюза скрежетали и медленно, но верно раздвигались. – Отступаем!

* * *

Интересно, обугленные стены цеха все еще пахли ванилью?

Почему-то именно этот вопрос крутился в голове, пока Луций во главе отряда шел через кухни, анфиладой выстроившиеся под ресторанами. Первым был кондитерский цех с ополовиненным знаком «Вега-конфитерии» на створках дверей. Известная кондитерская контора. Когда Луций был маленьким, он любил их «Завитки» – лакричные палочки в форме спирали. Облизывал, затем заворачивал в фантик и хранил под подушкой, пока ее не выбрасывали вместе с одноразовым бельем.

Здесь «Завитков» уже не было, только убитые повара. Униформа мокрая и посеревшая, тела истерзаны. Луций перешагнул одного, перечеркнул дулом темный выход. За ним открылся еще один цех: раскиданные в стороны печи, сорванная конвейерная лента змеится по полу.

Нужно торопиться. Ведь по пятам следовал имманес. Щуплый паренек, одним ударом ладони пробивший Ливию костюм и позвоночник.

Монстры, просто раса монстров какая-то.

– Где лестница? – бросил Луций. Распознавание помещений перестало работать еще на входе, видимо, повредился костюм.

«Через сто пятьдесят метров, центурион».

Луций ускорил шаг. Под ботинками захрустело стекло.

Ничего, не станет девчонки – считай полдела сделано. Черные твари глупы, в этом Луций был уверен. Подчиняются приказам со стороны и просто остановятся, если приказы прекратятся. Не будут действовать слаженно, это точно.

Хуже будет, если он ошибся, и таких, как Сорок Пятая, у имманес целый корабль.

И, – он покосился на идущего рядом Энцо, – нужно успеть выстрелить прежде, чем марсианин вмешается. Он обязательно что-то выкинет, Луций был уверен. Нужно держать его на прицеле.

Энцо обернулся, вскинул винтовку, коротко пальнул. Пролетом ниже кто-то беззвучно повалился.

Черная тварь пауком пробежала над головой, оставляя следы. Кровь на них была еще теплая, светилась в слое тепловизора. Луций проследил по ним распылителем и выстрелил.

И снова вверх по ступеням. Пальцы сводит на рукояти распылителя. «Нокс» стучит по щитку на ноге.

Дальше подниматься было некуда. Они оказались в ресторане в римском стиле: высокие потолки, мраморные колонны, лектусы вместо стульев, чтобы можно было есть полулежа. За разбитыми стенами ярко светила луна с пятнами брошенных колоний.

Поймав тепловое пятно в перекрестье прицела, Луций хотел стрельнуть, но в последний момент расслабил палец на спусковой кнопке и шагнул ближе.

Кто в этом здании может быть живым? Только тот, кому нужно попасть прямо в лоб. Нужно подобраться ближе, исключить возможность промаха.

– Предкрио будет взорвано через тридцать минут.

Хлопок в ладоши, и лампы под потолком ресторана зажглись, залив пространство зеленоватым светом. Изображение на изнанке шлема стало рябить, и, сморщившись, Луций выключил ночной режим.

Голос Сорок Пятой был таким же, каким Луций его запомнил: тонкий, надломленный, неуверенный. Но что-то изменилось в осанке и взгляде. Девчонка выглядела заторможенной, неживой. Даже улыбка на ее губах была, как наклеенная. Единственный глаз поблек, лишился выражения.

Луций видел таких после крио. Личность умерла, работа мозга нарушена, говорящий овощ, а не человек.

– Орбитальная! – гаркнул он, сменив частоту. Его сигнала должно быть достаточно, предкрио находилось не так уж далеко. – Прием!

Тишина, ни шороха.

– Орбитальная…

– Не выйдет, – перебила Сорок Пятая. – Я блокировала все сигналы.

«Центурион, нужно их предупредить», – сказал кто-то. Капитан Очевидность, мать его. Луций сжал рукоять распылителя.

Он просто убьет ее и дело с концом.

– Моя смерть вам не поможет. Удар будет с орбиты, – девчонка будто читала его мысли. Может, так оно и было. У стен шевельнулись черные твари. Пока не двигались, но Луций знал, как быстро они умели передвигаться.

Большим пальцем он разблокировал распылитель. Вжал кнопку спуска, но костюм словно взбесился. Палец не двигался. Рука медленно согнулась и повернулась, целя распылителем

Луцию в голову…

«Центурион, я пошевелиться не могу», – бросил кто-то.

Какая ошибка – идти в экзокостюмах к той, что управляет электроникой.

Дуло распылителя медленно ползло к голове.

– Энцо, – прохрипел Луций.

Стоявший рядом марсианин понял. Нажал подбородком кнопку на изнанке шлема, свернув его. Девчонка замерла, уставилась на Энцо, приоткрыв пухлый рот. Вся выцвела, побледнела так, словно увидела призрак, и костюм перестал сопротивляться.

Быстрей. Сейчас.

Луций прицелился, давил кнопку спуска, выпустив очередь. Достигнув Сорок Пятой, заряды резко свернули и обошли ее, как спутники по орбите. Не причинили вреда.

Кто-то выстрелил еще раз, снова мимо. Девчонка смотрела на Энцо.

Энцо не шевелился, на лбу и скулах блестели капли пота. Он не стрелял, опустил руку с распылителем.

– А знаешь, в чем прикол? – вдруг сказал, не отводя от имманес взгляда. – Как раз в предкрио я видел твою напарницу.

Забыв о Сорок Пятой, Луций обернулся и в упор посмотрел на Энцо. Тот улыбнулся.

Он у-лыб-нулся, мать его…

– Где? Как? – выдохнул Луций.

– Когда за трупными батарейками ходили. – Энцо говорил спокойно, будто о погоде. – Все это время она была у тебя под носом, прикинь?

Холод разлился по спине. Луцию хотелось орать. Бежать в Орбитальную. Свернуть марсианину шею за то, что не сказал раньше.

Он не успел проверить крио. Забыл про самое очевидное, идиот.

Сорок Пятая коснулась пояса. Их с Энцо фигуры вдруг замерцали, стали тускнеть и растворились в воздухе. Луций кинулся на девчонку, но руки прошли сквозь нее, как через голограмму. Не удержав равновесие, он с размаха шлепнулся на живот. Поднял взгляд на тварей у стен и расстрелял каждую в упор.

Они не сопротивлялись.

Что теперь? Он убьет Энцо, это уже решено, обязательно прикончит… Но позже.

– Найдите их, – рявкнул он. – Я в Орбитальную.

Когда-то мы были людьми

Холод. Тошнота. Боль.

Кто она? Где она?

В первый миг она не поняла. Вспомнила, только когда увидела рослого марсианина в легионерском костюме. Он целился в нее из распылителя и был так похож на умершего Энцо…

Это не мог быть он.

Или мог?

Малая огляделась. Посмотрела в ночное небо над головой, оперлась ладонью на парапет. Рядом темнела гладкая тень алада. Гребень связи чуть колыхался, как рыбий плавник.

Она на крыше, да. Корабль готов к вылету.

Активировать транспортацию Малая должна была в крайнем случае, и переместиться одна, чтобы остался дополнительный заряд. Но когда она увидела *его*, то просто потеряла голову.

– Кто ты? – спросила она, глядя на марсианина искоса. Смотреть прямо она не могла, было страшно и немного больно внутри. Странное ощущение, даже инферио не помнили такого, а они помнили сотни, тысячи лет из истории имманес.

Марсианину тоже было не по себе. Он покосился на пустой и темный алад.

– Ты меня не помнишь?

Дурацкая манера отвечать вопросом на вопрос.

– Я задала вопрос и жду ответа. Ты похож на моего друга, но он давно умер.

– Насколько давно? – очень знакомо сощурился марсианин.

Малая хотела ответить, но запнулась. По меркам имманес, по времени их пространственной складки, прошло не меньше года… Или больше? Сколько она отсутствовала здесь? Малая запуталась в некроднях.

– Не знаю, – ответила честно. – Я многое не помню.

Марсианин качнул распылителем.

– Меня зовут Энцо. – Он помолчал. – И ты все так же похожа на сахар.

Осознание накатило огненной волной. Смыло лекарственное спокойствие, подняло со дна все то дерьмо, которое Малая пыталась забыть.

Это он. Правда он.

Малая попыталась глубоко вдохнуть – просто чтобы голос не дрожал. Не получилось. Ей будто врезали под дых, грудь смяли, разорвали. Больно, так больно.

– Почему ты не нашел меня? – Она облизнула сухие губы. – Где… Где ты был все это время?

Он молчал. Целился из распылителя, о боги…

По щеке скатилась слеза. Малая стянула перчатку и размазала мокрую дорожку.

– Меня чуть не убили, ты знаешь?

Энцо кивнул. У губ залегли жесткие складки.

И он молчал. Чего он молчал?!

– Тебе что, все равно?..

– Нет! – рявкнул Энцо, тряхнув головой. – Меня в больницу сунули. Я как овощ был из-за ранения.

В больницу? Все это время…

Малая покачала головой.

– Тебя не было в документах. В сети. Я искала.

– Я без понятия, не спрашивай. – Энцо пожал плечом. – Помню только день, когда твои пауки палить начали.

Ее пауки… Он говорит про онагров? О, Юпитер, что же, он все это время находился под обстрелом?

Понимание окатило холодом. Энцо, получается, пережил бомбежку, спасся от инферио, которых… Которым помогала она. С радостью. С готовностью. Пыталась выбить любовь тех, кто в принципе любить не умеет.

Боги, какая же она мерзкая.

– И теперь ты пришел… – Малая кивнула на распылитель. – Ради этого, да?

Энцо молчал. И правда, что тут скажешь? Все и так понятно.

Малая опустилась на влажный парапет, свесила руки вдоль тела. Оно вдруг стало таким тяжелым. Сердце будто вынули, оставив открытую рану.

Зачем все это?

– Я столько тебя искала, – сказала она одними губами. Слова не проходили через застывший в горле ком. – Столько искала.

И все зря.

Она потупилась. Смотреть на Энцо не было сил. Драться больше не было сил. Сунула ладони между острых, затянутых в зеркальную ткань коленей. Пальцы дрожали. Ноги леденели. Инферио ожидали рядом, во тьме и сквозняке, но звать их уже было ни к чему.

Хватит.

Пусть стреляет.

Только бы в голову, чтобы наверняка.

* * *

Путь в допросную был очень знаком Бритве. Но обычно это она шла сзади, наставив на осужденного распылитель.

Теперь осужденной была она. Топала по измазанным засохшей кровью лестницам и пустым коридорам. «У них что, убираться некому?» – подумала и сама удивилась своей мысли. Откуда такая роскошь, как уборка? Орбитальной не хватало даже легионеров. На парне, который вел ее в допросную, живого места не было: что не синее, то перемазано медгелем и заклеено.

– С чего вдруг допрос, зелень? – крикнула она через плечо.

Парень за ее спиной молчал.

– Да хорош, я же своя.

– Сказали, приказ консула. Больше ничего не знаю, – коротко ответил легионер.

Странно. Что консулу могло понадобиться от нее, простой марсианки? Именно сейчас, когда вокруг творился полный Тартар. Купол то и дело сотрясался от залпов охранной системы. Наверняка где-то периметр прорвали, с полчаса назад выла сирена.

Белая дверь отъехала в сторону, и Бритва зашла первой. Тюремный этикет, осужденные дамы вперед. Ожидавший легионер был в экзокостюме со свернутым шлемом. Центурион, судя по полосам на плечах. К столу привалена труба «нокса».

Он обернулся и смерил ее холодным взглядом.

Все тот же взгляд, все те же поджатые губы. Так Луций смотрел на осужденных.

Кивнув, Бритва присела напротив. Снова взвыла сирена, охранник у двери переступил с ноги на ногу, обеспокоенно глянул в оконце переговорной.

– Привет, декурион, – сказала Бритва, потому что хоть что-то требовалось сказать. Вырвалось по привычке, несмотря на метки на его костюме.

Луций не ответил и не поправил. Смотрел на нее так, как в том дерьмовом сне, одну руку держал под столом. Настоящий патриций, молчаливый, с имперской осанкой.

О Марс! Бритву накрыла дурнота, к горлу подкатил горький ком. Ее сейчас просто стошнит…

Она выдохнула, вдохнула. Терпеть, не опускать взгляда. «Бритва» Три-Два-Шесть никогда не отступает.

Луций вытащил из-под стола нейтрализатор и выстрелил.

* * *

Между небоскребами выл ветер. Что-то капало сверху, с краев

обломанного козырька. В луже под ногами отражалась тень Малой. Черное на темном.

Что-то звякнуло, упав на бетон. Плечи Малой сгребли в жарком, сильном объятии.

– Ты что, думала, я в тебя выстрелю? Да я никогда, слышишь? Никогда! Малая, я…

Окончание она не расслышала – в голос разревелась. Вцепилась в холодный нагрудник Энцо, зарылась пальцами в отросшие волосы. Прижалась щекой к липкой от пота и крови шее. Он пах землей и оружейной смазкой, бугрился твердыми карманами костюма. И что-то говорил, говорил…

– …давай со мной, – поймала она обрывок.

Кивнула.

– Ты же остановишь их? Мы остановим. Не надо войны.

Кивнула снова.

– Ты же не это дальнегалактическое говно. Ты – человек. Ты наша.

Малая все кивала, кивала, согласная на все.

Инферио зашептали в голове. Как нарастающий шелест песка, как пустая радиоволна, как жуки на мертвом теле…

К ним приближались.

Малая толкнула Энцо в сторону, и что-то ударило в грудь. Отбросило к стене.

Инферио взвыли, почуяв ее боль.

* * *

– Привет, декурион, – сказала Бритва. Слова донеслись глухо, будто со дна лифтовой шахты. Луций коротко кивнул, перебирая варианты ответа и возможных действий.

Выбрав самый безумный, он вытащил нейтрализатор из кобуры на бедре и стрельнул в охранника. Попал чуть выше ворота экзокостюма. Легионер упал, дернулся от заряда и утих.

Теперь у них пять минут.

Луций вскочил, коснулся обожженной шеи легионера. Пульс есть, жить будет. Травму тот получил несерьезную – просто шок, как Луций и рассчитывал. Он нажал кнопку под орлом на груди костюма охранника, проверил открывшийся карман. Как и думал, ключ от наручников и ключ-карта от двери лежали внутри.

Бритва молчала. Вздрогнула и слегка побелела, когда он приблизился. От страха? От ненависти?

– Он жив, – тихо сказал Луций. Магнитная палочка ключа вошла в замок наручников, те щелкнули, открывшись. Бритва

потерла запястья, не отрывая от Луция странно напряженного взгляда.

Ее лицо осунулось с момента их последней встречи. Щеки запали, очертив высокие скулы, нос заострился, ухо… Луций еле сдержался, чтобы не отвести прядь волос и посмотреть ближе на то, что осталось от ушной раковины, где раньше стоял некс. Вообще не место и не время, и он совсем не знал, что сказать…

– У нас четыре минуты, – выдавил и отступил. Бритва пружинисто поднялась, шурша тюремным комбинезоном, придвинулась и прижалась к его губам. Пальцы, требовательно ухватившие Луция за подбородок, были холодными, а частое дыхание – горячим, как из сопла.

Луций притянул ее за талию. Казалось, пол качнулся под его ногами…

Или он и правда качнулся. Здание содрогнулось, с потолка посыпалась пыль. Луций увлек Бритву в дверной проем.

Надрывно выла сирена. За окошком двери легионеров видно не было, в темноте сверкали алые всполохи.

Бритва стояла близко, щека к щеке. Так близко, что он услышал, как она принюхивается.

– Ты что, под кликом? – Ее дыхание опалило ухо.

– Немного. – Луций вспомнил про горсть «гелиоса» и двойную дозу «квикшота». – Пора уходить.

Бритва подскочила к охраннику, вытащила из кобуры распылитель и отсканировала пальцы легионера на рукояти. Оружие пискнуло, мигнуло индикаторами, готовое к бою.

Луций откатил дверь.

Проходная за шлюзом тоже пустовала. Ни дежурных, ни охраны – никого. Куда все делись? В дальнем конце коридора мелькнула чья-то тень, и Луций выставил распылитель.

Пришельцы все-таки прорвались?

– Их много? Этих тварей.

Луций поймал настороженный взгляд Бритвы и неохотно кивнул.

Свет снова погас. Общий сбой питания? Сирена не давала прислушаться, глаза не успели привыкнуть к кромешной тьме, как Бритва выстрелила в кого-то в глубине коридора. Вспышка заряда ослепила.

Полыхнуло снова, и зажегся свет.

В пятидесяти шагах стоял мужчина в крио-комбезе. Вооруженный. Больной на всю голову, улыбка выдавала. Знакомое лицо, Луций много раз видел его на панелях в Управлении.

Эзоп, тот самый главарь «Псов», сбежавший из крио. Он

целился в Луция, а Луций целился в ответ, проклиная свою глупость. Стрелять в шлеме было куда удобнее, точность попадания увеличивалась раза в два.

Бритва качнулась и, тихо охнув, упала.

– Бритва? – Луций покосился в ее сторону, стараясь не отводить взгляда от Эзопа. – Бритва!

– Я же говорил, что за мной придут! – проорал Эзоп с улыбкой и выстрелил снова.

Одновременно с Луцием.

* * *

Силу она не рассчитала – так толкнула Энцо, что тот ударился о корпус алада и отключился. Но Арий промахнулся. Он стоял у выхода на крышу. Зеркальный костюм порван на руках и груди, через дыры виднелась белая кожа. Ветер трепал копну вьющихся волос, набрасывал их на лицо.

Как он здесь оказался? Она же велела ждать внизу.

Еще одна новость – имманес способны на непослушание.

– Арий, опусти оружие, – велела Малая.

Арий опустил. Медленно, давая понять, что делает это не из-за приказа, а потому что он сам так захотел. На его лице гуляла странная полуулыбка, глаза блестели, как у пьяного.

– Ты не понимаешь, – он рассмеялся. Малая впервые слышала его смех – как храмовый колокольчик, звонкий, неприятный в обожженных взрывами стенах. – Это – просто большое непонимание.

– Все дело в перерождении, – сказал он. – И «нити». Почему ты перестала ее использовать? Без нее нельзя, она защищает твой разум.

– Ты перестанешь злиться, когда вспомнишь, ради чего мы это делаем, – добавил он. – Ты же одна из нас.

Он приблизился, слегка прихрамывая. Протянул руку.

– Ты же знаешь меня. Дольше, чем ты думаешь.

Малая протянула руку в ответ. Арий распахнул глаза шире, когда она тронула его щеку, не отстранился, как делал обычно. Приоткрыл рот и с облегчением выдохнул.

– Я рад. Значит, они были неправы. Ты все-таки смогла вспомнить…

Малая кивнула. О да, теперь она помнила.

И рубанула ладонью, целясь в шею. Он успел выставить руку. Кожа на ней лопнула, но кость не хрустнула, осталась целой. Кровь заструилась по предплечью, но Арий будто не чувствовал

боли. Радость на его лице сменилась недоумением.

– Почему?

Вместо ответа Малая ударила снова. Снова блок. Арий тоже был усилен, мог обезвредить ее в любой момент, но почему-то не бил в ответ. Он легко уклонился. Перехватил ее запястье и дернул на себя. Малая потеряла равновесие и упала на колени. Битое стекло прорезало защитный костюм, из-под зеркальной ткани проступила кровь.

Малая обернулась, готовая перекатиться, но Арий не смотрел в ее сторону. Он изучал лежащего без сознания Энцо.

– Почему? – снова спросил, недоуменно хмурясь. Его рука дрогнула, заряженный конец трубки поднялся, целясь в Энцо.

Нет!

Малая поймала сгусток искусственных нейронов в его голове – как незаметного жучка в мусоре. Он пульсировал, связанный с имплантатом-коммуникатором. Забился быстрее, еще быстрее, пшикнул и исчез из поля зрения Малой.

Арий выронил трубку. Дернулся, выгнулся дугой и повалился на землю. На губах выступила пена. Малая подошла к нему и оттолкнула оружие подальше. Всмотрелась в остекленевшие глаза. Казалось, где-то там в них таится ее отражение.

Дело в перерождении, сказал он. Интересно. Что он имел в виду?

Ты любишь детей, Беа?

Костюм был порван на боку, что-то текло по бедру. Кровь. Малая попыталась вытереть ее о штанину, но только размазала по зеркальной ткани. Пальцы слиплись. Рука нестерпимо зачесалась. Малая хотела ее почесать, но ногти чиркнули по чему-то, похожему на древесную кору. Теперь золотой рисунок сменился бурой коростой, покрывшей руку от кончиков пальцев до запястья.

В похожей дряни спали сытые инферио на корабле.

Малая с трудом растопырила пальцы – эта короста облепила руку, как перчатка. На коже она не ощущалась, ногтями не отскребалась. Странно…

Энцо протяжно застонал. Малая подбежала к нему. Перевернула на спину и села рядом.

– У нас же все равно ничего не получится, верно? – сказала.

Он что-то выдохнул, поморщился. Ничего не ответил, да и ни к чему – Малая и так знала ответ. Хватит быть эгоисткой.

Она пригладила его волосы, стерла кровь со лба. Кровь на ее руках. Его кровь, ее кровь. Все смешалось.

– Прости меня, ладно? Я такая глупая.

Теперь понятно, куда идти и для чего она здесь. Теперь

точно. Теперь все ясно.

Энцо часто заморгал, приходя в себя. Попытался ее ухватить, но Малая увернулась. Пружинисто выпрямившись, пошла к аладу. Усилием мысли вызвала на гладком корпусе панель управления, набрала код для разблокировки и…

Мир перед глазами качнулся и потемнел.

* * *

Эзоп повалился: рот раскрыт, над ним обугленное, припорошенное пылью месиво. Руки дрогнули в предсмертной судороге, выпустив разряженное оружие.

Не смог выстрелить, распылитель лишь щелкнул.

Луций сунул оружие в кобуру и подскочил к Бритве. Мертвенно бледная, она лежала на полу, а под левым боком растекалась кровь.

– Бритва! – Луций тронул ее щеку, и голова безвольно качнулась. – Не засыпай, слышишь?

Ясное дело, она не слышала.

Из глубины корпуса доносились лающие голоса и стрельба. Похоже, из-за сбоя питания отключились силовые поля камер, и теперь все крио бродили по Орбитальной.

Плохо дело.

Подскочив к телу Эзопа, Луций сорвал с него куртку – с треском оторвал одну полу. Прижал ее к ране Бритвы.

– Держи крепче! Держи!

Нет, потеряла сознание. Ткань быстро пропитывалась кровью. Кровь стыла на лице. На шее. На руках. На металле его экзокостюма.

Луций стиснул зубы, выровнял дыхание. В таком состоянии и с такой кровопотерей она вряд ли дотянет до базы. Да и там, скорее всего, не помогут без нужной аппаратуры и медикаментов. Медблок в предкрио мог находиться только наверху, в отсеке охраны или в лаборатории. Лаборатория была ближе, на этом уровне, но в другом корпусе. В стороне от камер и взбесившихся крио.

И там наверняка остались рабочие криокапсулы. Может, они подключены к аварийному генератору, маловероятно, но вдруг, вдруг… А потом в рабочий шаттл, он наверняка на площадке, и в Первую курию. Был там один хорошо оснащенный бункер, в котором Бритву могли залатать…

Это хоть как-то походило на план действий. Взвалив Бритву на плечо, Луций понесся по коридору. Спасибо костюму, нести ее

было легко.

У входа в крио-корпус ему стали попадаться первые трупы. Лиц не различить, кожа содрана. Шеи разорваны, из пробоин в костюмах стекали внутренности. Луций заставил себя не смотреть в их сторону. Инферио бродили рядом, он чуял их след. А они наверняка чуяли его страх и кровь Бритвы. Пара теней скользнула в боковых ответвлениях коридора, но пока никто не нападал.

Дверь в лабораторию была заблокирована. Луций глянул в прозрачное окошко. Внутри метнулась тень в белом халате.

Лаборант?

– Эй! – рявкнул Луций и ударил ладонью по стеклу. – Открой!

Белый халат не шевелился. Проклятье, заснул, что ли?

– Именем императора, открой! У меня раненый!

Ничего, дверь оставалась заблокированной.

Цедя бранные слова, Луций отошел подальше, положил Бритву на пол и снял с плеча «нокс». Выпустил последний заряд по двери и втащил Бритву в образовавшуюся дыру.

– Готовь капсулу, мудак! – он ткнул в лаборанта распылителем.

Парень выглядел так, будто вот-вот обмочится. На белом лице застыл страх, засохла кровь.

– Сейчас! – Луций заорал.

– Она не совсем… Она может немного…

– Генератор работает? Гель есть?

– Да, но…

– Так заводи, мля!

Больше повторять не пришлось. Вздрогнув, лаборант кинулся к пульту, принялся нажимать какие-то кнопки. Машина загудела, выдавила порцию геля в дозатор с трубками. Не теряя времени, Луций положил Бритву на ложе. Пристегнул руки и ноги, выбросил насквозь пропитавшуюся тряпку. Подкатил гелевый диспенсер, с силой разжал челюсти Бритвы и просунул трубку ей в горло.

Он и предположить не мог, что сунет ее в крио своими руками.

– Заморозка может получиться слишком глубокой… – проблеял лаборант, глянув на Луция. – Если будет скачок напряжения …

Лицо Бритвы теряло краску. Губы синели, кровь заливала ложе.

– Давай.

Лаборант наметил точки проколов, манипуляторы с иглами выдвинулись вперед. Луций сцепил вспотевшие руки за спиной.

Вроде все верно. Гель в пищеварительную систему, специальный раствор – в кровь.

Крышка капсулы опустилась на ложе и заиндевела с обратной стороны.

* * *

Где она?

Узкий коридор с гладкими стенами, будто облитыми черным лаком. Потолок висит низко, так, что Малая может коснуться его кончиками пальцев. Единственный свет, кажется, исходит от самой Малой. Впереди и за спиной ничего. Темнота.

Ее перенесли в другое место? Не могли, ведь заряд прибора она истратила полностью.

Малая осмотрела себя. Раны на боку не было, крови на костюме тоже. Получается, ее сознание заключено в проекцию. Но где она? В чьем разуме? И где осталось тело?

Стена коридора засветилась изнутри, и на поверхность проступило изображение Бел Шаи. Белые волосы собраны в пучок, лицо лишено возраста и эмоций. Все как в преследовавших Малую кошмарах.

«Здравствуй, Беа», – сказал он. Его бледные губы шевелились, но звук рождался у Малой в голове. Будто в ее мозг вживлен крохотный динамик.

– Перерождение, – она сразу перешла к делу. – Расскажи мне о нем.

Шаи улыбнулся со смирением терпеливого папочки. Как вшивый римский сенатор из телепанели.

«Тут нечего рассказывать, ты и так все знаешь. Инферио – это вторая часть цикла имманес. Ты, я – мы все порой бываем инферио».

– И порой едим людей заживо? Вот так все просто?

«Пища нужна нам для создания новой колонии».

Он будто о креветках говорил. Или о свиньях на патрицианских фермах. Малая поджала губы, чувствуя тошноту. Странно, виртуальная тошнота в виртуальном мире.

– А вы не думали жрать морковку?! – спросила она, попутно отыскивая нить её связи с Шаи. Ничего, пустота. Он будто был ею… Или она – им.

«Не знаю, что такое „морковка“, но для полноценного перерождения нужна живая, натуральная пища и подготовленное место для охоты. Поэтому мы и создали эту колонию биоматериала…»

– Людей, – упрямо поправила его Малая, с трудом понимая смысл услышанного. – То есть, это вы…

«Мы, Беа, ты одна из нас. И да, именно мы в одном из ранних циклов создали эти колонии упрощенных биоформ».

Колонии. Значит, их много. Но сколько же лет самим имманес? Сколько же лет ей самой? Если с незапамятных времен никто не размножался, а лишь перерождался, пожирая себе подобных…

Эти цифры не укладывались у Малой в голове.

«Твоя работа была очень неаккуратной, Беа. Потери большие, из-за чего изменились показатели…»

– Да мне срать на ваши показатели. Они же живые люди!

«Они – биоматериалы. Упрощенная генетическая форма имманес, прошу, относись к ним так».

Шепот Шаи ввинчивался в висок. Тонким червем въедался в мозг, отпечатывался на каждой мысли.

«*Отдельно взятая жизнь – это мелочь в сравнении с выживанием целой расы. Тем более жизни тех, кого для этого вывели. Ты должна понимать. Ты же ела мясо животных на Земле. Чем это лучше того, что мы делаем сейчас?»*

Не выдержав, Малая зашагала по коридору. Где-то должен быть выход. Намек на отключение, остановку цикла, выход из программы – что угодно. Он может быть визуальным, или в звуковой форме, или же странное чувство, толчок к пробуждению… Что угодно.

Изображение Шаи скользило за ней по стенам. Куда ни повернешься – везде он, глава колонии Мармароса. Белая моль с жестокими глазами.

«Знаешь, иногда некоторых имманес посещают такие мысли. Они не думают о том, что будет, если инферио останутся голодны. Нас просто не станет. Наш цикл остановится, мы все погибнем».

– Рожайте, как обычные люди.

«Беа, мы давно не живородящие млекопитающие, как биоматериалы…»

– Люди! – рыкнула Малая, сжав кулаки, и Бел Шаи вскинул руки.

«Хорошо, люди. Мы не способны к размножению, и я не совсем уверен в необходимости возврата к животному состоянию. Сейчас ты смотришь на ситуацию очень эмоционально в силу… – Он задумался. Его изображение прыгало со стены на стену, отпечатывалось на изнанке глаз. – *В силу времени, которое ты провела на Земле. Но это поправимо. Скоро ты перейдешь в первую фазу нового цикла и, уверяю тебя, придешь в ужас от прошлых*

мыслей и идей. И ты уже не будешь помнящей. – Он развел руками. – *Твоя миссия будет выполнена».*

Изображение его лица увеличилось.

«Просто верни оставшихся инферио на корабль, Беа. Ситуацию ещё можно исправить».

Другой поворот. Малая не сбавляла шаг. Виртуальный Шаи теперь скользил по прозрачным перегородкам, за которыми плыли серебристые плато. С небес тонкими нитями стекал расплавленный металл. Через туман пробивался грязно-желтый свет звезды.

Где она?

Думай, Малая, думай. Он сейчас в твоей голове, как вирус. Контролирует твои импланты, как ты когда-то контролировала других…

«Подумай вот о чем, – говорит голос где-то на изнанке мозга. – *Сотни имманес хотят начать новый цикл, чтобы снова встретиться со своими близкими. С теми, с кем они провели бок о бок тысячи лет. Ты хотела бы увидеться с теми, кто тебе дорог?»*

Малая поморщилась. Уже увиделась. Едва не убила самое дорогое, что было в ее проклятой жизни.

Нужен выход. Нужно вспомнить точку отсчета.

Туман за прозрачными стенами. Гладкий пол, по которому скользят ботинки.

«Ты нужна им, Беа. Нашим мертвым и живым. Своим близким, которые отправились с тобой в эту миссию. Ты их не помнишь, но они помнят тебя. Они даже прилетели за тобой».

Срать она хотела на «близких» с Мармароса. И она не желала перерождаться. Она вспомнила про коросту, покрывшую ее руку до локтя. Нет, ни за что…

– А почему не ты?! – выкрикнула в белое лицо голограммы. – Ты – такой же, как я!

«У меня есть опыт в управлении колонией, – без заминки ответил Шаи. – *От меня больше пользы на Мармаросе».*

Малая вытаращила глаза, часто глотая воздух. В голове гудело, все сложилось в единую картинку.

Помнящий может быть только один, верно? Верно? В этом все дело? Остальных в утиль? Если с ней здесь что-то случится – а оно уже происходит, это сумасшествие, это безумие, которое накатывает темными волнами, – то не жалко? Бел Шаи просто подставил её.

Откуда пришло это знание? Неужели оно всегда было с ней?

«Люди испортили тебя, Беа. Не поддавайся примеру упрощенной генетической матрицы. Я думаю не о себе. Единственная цель нашего с тобой перерождения – обеспечить

безопасность имманес и завершение цикла. Мы живем для них, а не для себя».

Малая перешла на бег, но голос все еще звучал в голове. Справа и слева попеременно мелькали белые отблески, затем лицо Шаи возникло на полу.

Малая едва сдержала крик и закрыла глаза.

Он не настоящий, он просто в ее голове.

– А что с тем кораблем? С «Аккароном»?

«Команда Аккарона хотела действовать изнутри. Новый подход. Они пытались наладить контакт, хотя я предупреждал, что переговоры с биоматериалом – пустая трата времени и ресурсов».

Поворот, еще поворот.

«Биоматериалы убивают сильнейших из страха перед ними. Нападают стаей, это животный инстинкт. Хорошо, что они не успели убить тебя».

– И почему вы не прилетели? Не вытащили своих, меня?

Бел Шаи вдруг улыбнулся, и от этой его улыбки по спине сбежали мурашки.

«Разве ты не видишь? Внедрение прошло успешно. Стараниями людей, с которыми мы связались, ты доставлена на землю, выросла в колонии и помогла нам своими знаниями. Имманес очень тебе благодарны».

Перед глазами поплыло.

У них все получилось. Все пошло по плану. Она – часть плана.

«Но больше мы так делать не будем. Опыт не удался, биоматериалы не способны на сотрудничество. – Казалось, Бел Шаи уже беседовал с собой, забыв про Малую. – *Они не должны знать о нас. Когда они забудут, мы прилетим снова для полной зачистки. Цикл следует начать заново. К тому же, есть масса удаленных и менее запущенных колоний…»*

Никаких ответов, лишь отговорки. Пляска змеи. Черное, белое, черное, белое – не разберешь.

– Лучше бы вы оставили меня на Мармаросе, – пробормотала Малая.

Изображение Шаи прыгнуло на потолок. Теперь он смотрел на неё сверху вниз, как белый бог.

«Ты никогда не была на Мармаросе, Беа».

Малая резко остановилась. Но как же ледяные пустоши Мармароса, и Некро, холодно светящий с высоких небес, и разговоры с Шаи в его кабинете?..

– Как? Я же помню…

«Мы подобрали тебя на Земной орбите и погрузили в сон, пока

шла подготовка к операции. Я счел нужным записать определенные воспоминания, чтобы тебе было легче адаптироваться. Все это время ты не покидала кластера, в котором находишься».

Да пошел он. Счел он нужным.

Пошарив в кармане, Малая вытащила и надела «нить». Закрыла глаза и сосредоточилась на месте, в котором она находилась. Не в бесконечном лабиринте, а на крыше ресторанного центра.

Четвертая курия.

Планета Старая Земля.

Солнечная система.

Млечный Путь.

Сверхскопление Девы.

Сперва она почувствовала руки. Под пальцами холодный бетон и теплая влага. На языке кровь, волосы налипли на лицо. Лопатки болят, должно быть, после падения. Рядом приходит в себя Энцо – она чувствует его нейроимплант.

Она отсутствовала пару секунд.

Ей нужно торопиться.

Первым делом Малая вывела из строя передатчик в своей голове. Поднялась на ноги, пошатываясь и морщась от разноцветных кругов перед глазами. Забралась в алад и двинулась по отсеку, хватаясь за рукояти, установленные на стенах. За прозрачными перегородками темнели коконы вернувшихся инферио. Они чуяли ее боль. Пытались утешить, но Малая отталкивала их ментальные прикосновения – неловкие, как тычки пальцев.

Она вернет их на «альфу», о да.

Устроившись за штурвалом и велев кораблю взлетать, Малая разодрала рукав маскировочного костюма. Короста покрыла ее руку до плеча, мизинец сросся с безымянным пальцем.

Земля уменьшалась, обломки жилых колонн и белые особняки превратились в ровные квадраты, затем в точки, а после и вовсе слились с серым массивом курий, обведенных куполом вдали. За куполом – рыжая зона отчуждения, узкая, как пролив между куполами.

Вскоре купола стали цепью горошин, мелких на фоне зараженной выжженной земли. Южнее курий багровел циклопий глаз Ливийского разлома. Вокруг сеткой расходились высохшие русла рек и берега заливов.

Интересно, что сделает Шаи, когда она так далеко? Малая представила, что будет, если он все-таки может до нее дотянуться.

Он прямо за спиной. Шуршит его одежда, поет натянутая

струной «нить».

Плевать.

Земля стоит дороже ее жизни и жизни всех имманес вместе взятых. Этих… монстров. Она и сама монстр. Превратится в такого после смерти, будет ползать по стенам и жрать человечину. Охотиться. Жадно ловить обрывки старых воспоминаний и прокручивать их снова и снова в попытке снова *почувствовать* хоть что-то.

От одного воспоминания об этом Малую едва не вывернуло.

Пора все исправить, верно?

Она оторвала взгляд от прозрачного пола кабины и посмотрела наверх. «Альфа» приветственно мигнул гребнем внешней связи. Распустил его, как гигантская рыба – плавник. Манипуляторы разошлись в стороны, открыв самое уязвимое место объединенного корабля – его брюхо.

Готовность к стыковке номер один.

Все-таки от судьбы не убежишь. Кажется, так говорил Энцо. Сколько ни старайся, предназначения не изменить.

Ей боги уготовили смерть на орбите. И теперь, в третий раз она не будет сопротивляться.

Малая закусила губу до крови, разогналась до предела и направила корабль мимо шлюзов к хвосту. Туда, где за обшивкой скрывался выход энергоблока.

Она зажмурилась. Ускорение размазало по креслу.

Энцо, она постаралась передать вниз, в курию. Найти тот самый имплантат.

Энцоэнцоэнцо.

Плоский хвост «альфы» совсем близко.

Они прилетят снова. Они прилетят сно…

* * *

На стенах ангара сидели пришельцы. Распластались, скаля белые зубы. С туго колотящимся сердцем, Луций наставил на них распылитель, но те не двигались. Не среагировали даже когда он потащил погрузчик к шаттлу.

Ну и хрен с ними.

Один код – раскрылся шлюз. Шаттл на ходу, хорошо.

Второй код – корабль мигнул огнями. Луций рванул на себя ручку погрузчика. Тот едва тащился, скреб краем платформы по бетону, затем по трапу шаттла. Уже в кабине Луций отключил погрузчик, и тот обрушился на пол, едва не сбросив с себя капсулу.

Задраить шлюзы.

Зафиксировать ремнями капсулу.

Зафиксировать ремнями себя.

Проверить герметичность кабины.

Открыть ангар.

Индикаторы панелей мигнули зеленым. Сигнал появился, но слабый.

«…нцо…нцо…нцо», – прошуршало за белым шумом.

– Один-четыре! – крикнул он по громкой связи. – Вызываю один-четыре, прием!

В ответ только попискивание и шуршание. Луций попытался вызвать диспетчеров взлетной площадки Орбитальной, но так же без результата.

«…нцо…цо…», – цокали приборы.

А, в Тартар все. Больше никто взлетать не собирался.

Что-то грохнуло, высоко и глухо. Раскат походил на гром, вроде взрыва где-то на орбите. Луций даже не посмотрел туда. Некогда. Времени не осталось.

Он ввел межзвездный код космодрома Первой курии, выбрал траекторию без выхода на орбиту. Вывел шаттл на полосу, разогнался и взлетел. Убрал шасси. Ветер был сильный, пришлось скомпенсировать боковой снос и увеличить угол.

Шаттл зашел на круг над взлетной площадкой Орбитальной. Теперь с высоты стали видны пришельцы – десятки, сотни на изломанных улицах курии. Они не шевелились. Часть из них падала под выстрелами легионеров с восточной стороны Орбитальной. Кто-то из солдат махнул на угнанный шаттл Луция, что-то проорал.

Луций показал ему средний палец в ответ.

Белый шум стих, и через помехи пробились ясные позывные. Что-то кричали по общей связи, наверное, что-то срочное, но Луций их не понимал.

Он поднимался выше.

Еще выше, в раскаленные небеса.

Триумф

Имманес походил на андроида. Сидел на приваренном к полу стуле, по-детски поджав ноги, и без особого любопытства рассматривал белые стены, белый потолок и легионера, нависшего над ним. Никакого страха. Вообще никаких эмоций. Как будто совсем не он переломал руки и ноги четверым легионерам при поимке. Просто мальчик, который сидит и думает о своем.

Луций тоже думал о своем.

Об удобной мебели в кабинете отца в бункере 1–1. О белоснежных складках отцовской тоги. Ни следа грязи или, например, рвоты, в которых лежали тела патрициев Четвертой. О стыде, когда он произнес это ненавистное «прошу», а отец скривился так, будто учуял вонь. О молчании, прерываемом далеким хохотом и музыкой. Первый бункер праздновал победу, политую чужой кровью. Молодцы, отсиделись.

«Твоя месячная зарплата – это стоимость одного моего завтрака, – так сказал он, когда Луций предложил все свои деньги. – Не позорься».

Луций сказал, что бросит работу. Что сделает все. Будет ряженой марионеткой, послушным сыном, о котором отец так мечтал. Красивой собачкой для выгула на приемах.

Что угодно ради спасения одной марсианки.

Странно, что в итоге отец не воспользовался этим шансом. Больше их у него не будет.

– «Они прилетят снова», – крик из комнаты для допросов привел Луция в чувство. – Что это? Вы собираетесь атаковать снова? Какие системы?

Имманес смотрел на Энцо, как Луций когда-то – на картину одного известного художника. Картина была полное говно.

– Посылать Беа на Землю было ошибкой, – наконец изрек он. – Беа нестабильна, она не в себе…

– Да что ты говоришь, – проворчал Луций.

– … Слишком вовлечена эмоционально в происходящее. Слишком много эмпатии.

Много эмпатии? У I-45? Да уж. Имманес и люди и правда были очень разными.

Энцо прошагал по комнате. У зеркального стекла между допросной и комнатой наблюдения развел руками. Мол, что мне с ним делать?

Идиот.

Луций вдавил кнопку некса на ушной раковине.

– Поменьше эмпатии, Двести Шесть, – сказал. – Повтори вопрос.

Энцо нехотя кивнул и вернулся к имманес, сцепил руки за спиной.

– Что значили ее слова перед смертью?

Имманес вскинул тонкие брови и рассмеялся. Этот смех прозвучал совсем некстати.

– Перед какой смертью? Она не умерла, – сказал он, и Энцо вздрогнул, как от удара. Он склонился к носу имманес, занес кулак. Со свеженабитого орла на запястье капала кровь – похоже, успел где-то содрать болячку.

– Не морочь мне голову, тощий ублюдок! – проревел он. – Она взорвалась вместе с половиной ваших кораблей.

– Нет. Нет, – продолжал качать головой имманес.

– Осторожнее… – пробормотал Луций, и стоящий рядом Юлий Ветурий указал двум легионерам на дверь в допросную. Те заняли позицию, готовые в любой момент ворваться. Еще не хватало потерять единственного оставшегося в живых имманес. Его предстояло доставить в системы Ядра, императорские лаборатории жаждали разобрать его на кусочки.

– Где она тогда?! – заорал Энцо. – Где?!

Имманес поднял обманчиво худую руку – о, Луций знал, как легко этими руками они ломали людям кости, – и коснулся впалой груди.

– Здесь. И здесь, – он коснулся лба. – Тысячи перерождений мы остаемся вместе, и останемся сейчас. Ты никогда этого не поймешь. Мозг биоматериала слишком слабо развит, чтобы осознать процессы, происходящие между имманес…

На этом имманес получил в зубы от биоматериала по имени Энцо. Энцо в свою очередь получил нейтрализатором от влетевших в допросную легионеров, а Луций, глянув на все это, сплюнул и вышел в коридор.

Некс кольнул ухо трелью сигналов. Внешняя линия. Луций тронул мочку и оперся на стену.

– Центурион Луций Цецилий.

«Трибун Марк Валерий Аппий. Мне сообщили, что вы допустили марсианина к расследованию сверхсекретного дела».

Пару мгновений Луций прикидывал, какого именно марсианина и какое дело трибун имеет в виду.

– Так точно, – ответил на всякий случай.

«Немедленно отзовите Два-Ноль-Шесть».

– Не имею права. Согласно указу от седьмого июля этого года за самоотверженную помощь в освобождении Солнечной системы марсиане получают равные права с легионерами, являющимися

гражданами Римской Империи, включая доступ к секретным делам с разрешения центуриона. Я свое разрешение дал.

«Но вы же понимаете, что это ненадолго?»

– Я понимаю, что это – императорский указ, трибун. Прямиком из Ядра, – ответил Луций и оборвал связь. Где он был, тот Марк Валерий, когда легионеров Четвертого расстреливали и сжигали? В каком бункере отсиживался? А он по-любому отсиживался, по одному его тону было понятно.

Немного подумав, Луций сунулся обратно в допросную и поманил Юлия. Тот вышел, без малейшей эмоции на смуглом лице. Вылитый пленный имманес, только ростом выше и кожа темнее, невольно отметил Луций. Вокруг могли падать шаттлы, стрелять легионы, жрать инферио, а Юлий Ветурий оставался спокоен, как бревно.

– Центурион? – безо всякого выражения осведомился Юлий Ветурий.

Луций до сих пор не привык к такому обращению. Каждый раз хотел поправить. К тому же, как он подозревал, Юлий был не совсем подчиненным. Поэтому принятое им решение казалось особенно правильным.

– Остаешься за главного, – ответил он. – Я в отпуск на месяц. Командованию сообщу сам.

За время службы у него накопился, наверное, целый отпускной год. Как-то руки не доходили, да и делать в эти самые отпуска было совершенно нечего.

Теперь же все изменилось.

Юлий Ветурий смотрел на него серьезно, между бровей пролегла складка. Серьезный, как заключенный перед крио.

– Вы не будете присутствовать на триумфе Клавдия Нерона?

По правде говоря, Луция тошнило от Нерона. Кто-то сливал «псам» информацию, и этим кто-то наверняка был бывший трибун. Перед нападением на бункер появилась информация о связи Клавдия с «псами». Что номер-слуга оказался его внебрачным сыном.

Луций этому не удивился. Почему нет? Таких случаев было много в его практике. Вот только доказательств пока не было, иначе Клавдий давно бы отправился в крио за предательство и соучастие в массовых терактах.

А теперь планировали его триумф, как победителя? Нашелся победитель, всеми правдами и неправдами старался помешать Луцию убить девчонку. Которую в итоге убил ее же приятель, Двести Шесть. По крайней мере, такова была официальная версия. Ему даже дали наградной браслет.

Как странно иногда поворачивается жизнь.

– Обойдусь без шествий и триумфов, – ответил Луций.

Юлий Ветурий кивнул.

– Принято, центурион. Приятного вам полета.

Луций салютовал, дождался ответного салюта и зашагал к лифтам.

Его полет вряд ли будет приятным.

* * *

Одеяние триумфатора тяжелое до безобразия. Вышитая туника, пурпурная тога, неудобные туфли. Лавровая ветвь в одной руке, скипетр с орлом в другой – проклятье, Клавдий напоминает самому себе ряженого в театре. Он еле выдержал все подготовительные процедуры: ритуальное омовение и благословение жреца в храме. Но теперь предстоит главное – дотерпеть до храма Юпитера на верхнем уровне.

Вверх, по развалинам Первой курии, на платформе, покачивающейся в трех метрах над толпой. Внизу, под прозрачным стеклом головы – рыжие, светлые, темные. Все смотрят на него, как на зверя в зоопарке.

– Io triumphe! – кричат они.

– Ты – всего лишь смертный, – шепчет помощник за его спиной.

Он держит над головой Клавдия лавровый венок. Лицо кажется знакомым, скорее всего, кто-то из легионеров, но Клавдию слишком жарко и тяжело, чтобы вспоминать. Пот струится по телу, до смерти хочется почесать спину. Хотя бы вот этим самым скипетром с орлом на конце.

Скорей бы форум.

– Io triumphe!

– Ты – всего лишь смертный.

Когда имманес впервые связались с «Псами», Клавдий им не поверил. Ни «Псам», ни пришельцам. Слишком уж красиво те пели. Про помощь, освобождение. Всего-то следовало найти одну девчонку. Если бы идиот Аларих не решил, что может использовать ее в своих целях… Может, тогда все было бы по-другому.

– …triumphe!

– … смертный.

Девять-Девять-Два, несносный мальчишка. Теперь он прячется где-то в тоннелях. Клавдий в юности был таким же: упрямым, взбалмошным и сильным.

Ничего, теперь, с новым законом, мальчишку можно

протолкнуть в помощники при Сенате. А, может, и в сам Сенат. Конечно, про вшивых друзей из «Псов» ему придется забыть… Хотя их тоже можно использовать.

Венок ложится на его голову. Нерон хочет повернуться, сказать нерадивому помощнику, чтобы не расслаблялся и держал до конца.

– Император знает о ваших заслугах, – говорит помощник, и грудь пронзает тонкая боль. Сперва она слабая, как укол, а затем разливается по телу. Легкие наполняет жидкость, Клавдий Нерон падает на спину. Венок, чуть прокатившись, замирает у ног убийцы.

Тот стоит, подняв руки. Точки прицелов бродят по его спокойному лицу, под закатанным рукавом чернеет клеймо. Имперская служба квесторов, успевает разглядеть Клавдий. Надо же, они узнали.

– Старший квестор Юлий Ветурий, Управление Ядра, – кричит убийца. – Действую на основании лицензии, выданной Императорским домом. Консул Клавдий Нерон устранен на основании закона о государственной измене. Если позволите, я покажу собранные мной данные…

* * *

Луцию не хватало воздуха. Странно, все системы работали исправно, сопло вентиляции дуло прямо в лицо, а дышать все равно было тяжело.

Хотелось «гелиоса», которого не было в радиусе нескольких тысяч километров. Этот радиус постоянно увеличивался по мере того, как корабль удалялся от Земли.

И пункт назначения до сих пор не был задан.

– Куда бы ты хотела полететь? – спросил он, развернувшись к Бритве. Та подняла на него спокойный взгляд.

– Куда-нибудь, откуда не видна эта блядская система. Желательно за пределы Империи.

– У нас не хватит топлива, – мягко напомнил Луций.

Бритва закусила трубочку, сжала пакетик с вином и всосала разом треть. Обритые перед операцией волосы теперь отросли и падали на лоб завитками. Красноватые блики габаритных огней освещали лицо с одной стороны, другая же половина находилась в глубокой тени – свет в рубке они выключили, создав тоскливое подобие интима. Все вместе производило жуткое впечатление, и Луцию захотелось опустить шторку иллюминатора. Оказаться в полной темноте, где можно только чувствовать.

– Лет десять не водил трансгалактические, – он разбил тишину.

Если точнее, последний опыт его вождения трансгалактического корабля был в академии, на тренажере.

Бритва вскинула бровь.

– Ну ты меня успокоил.

– Ничего сложного, – сказал он как можно увереннее. – Все делает автопилот.

Дерьмо, снова ляпнул что-то не то…

Луций отвернулся к панели управления. Щелкнул тумблерами и выставил маршрут. Была одна система, куда он летал еще в детстве: сплошь снега и водопады, а на склонах гор дышали теплом и дымом гостевые дома, вытапливали проталины. Луций смутно помнил свой восторг, когда впервые провалился по колено в сугроб. Он никогда не видел столько замерзшей воды, а там она падала с небес, таяла на языке…

Снова повисла тишина, вдруг понял он. В последнее время такое случалось все чаще.

– Ты помял мой аэроцикл, – напомнила Бритва.

– Я куплю тебе новый.

– Мне не нужен новый, мне нужен мой.

Она обожгла взглядом и крутанулась в кресле, спрятав лицо. Вообще вела себя странно с самого вылета, напряженная, как сжатая пружина. Может, и не нужно было ее увозить? Может, стоило оставить в покое, вдруг именно этого она хочет? Луций окончательно запутался.

Дерьмо.

Он проверил настройки автопилота. Ближайшие сутки вмешательство человека не требовалось.

Бритва допивала вино, повернувшись к нему спиной. Смуглое плечо под лямкой майки тускло блестело, жилка на шее подрагивала. Захотелось прижаться к ней губами, почувствовать биение языком. Пропустить тугие кудри через пальцы…

– Можно я отдам натурой? – спросил Луций.

* * *

Койка в каюте служебного челнока была рассчитана на одного, поэтому прижиматься пришлось тесно. Луций не был против. Амортизационный гель холодил вспотевшие спину и задницу. Бритва наоборот грела, обвив его тело ногами, прижалась горячим лбом к его плечу.

– Давай представим, что не было войны, – Луций услышал

шепот и тут же выпал из наплывающей дремоты. – На этот месяц. Или на одну ночь. Что я из знатного рода патрициев, а ты много зарабатываешь.

Она провела кончиками пальцев по его животу. Луций поежился от щекотки, уставился в низкий потолок. На нем ровно зеленели индикаторы состояния челнока. Мерно гудела вентиляция.

– И мы лежим в спальне нашего особняка на верхнем уровне, скажем, Второй курии…

– Лучше Четвертой, – перебил он, чувствуя, как что-то заунывно щемит в груди. – Подальше от центра.

Подальше от его семьи.

Бритва хмыкнула.

– Хорошо, пускай будет Четвертой. И у нас есть дети. Или, может, мы ждем ребенка.

– Да. Хорошая мысль.

Повисла тишина. Тягостная. Луция от нее тошнило.

Что теперь? Промолчать или что-то сказать? Ни одной дельной мысли в голове. И что дальше, после поездки? Разойтись своими дорогами: номера налево, патриции направо, так? Продолжить жить по накатанной, бессознательно, в полубреду. Отмечать смену дней, дежурств, времен года.

Он не хотел обратно. Он не вернется в душный ящик квартиры. Не потеряет Бритву, только не снова. От одной мысли об этом внутри вспучивалось животное, чистое бешенство.

Луций приподнялся на локтях, навис над Бритвой. Завитки ее волос снова пахли сладким табаком и маслами. Не химией, как после криокапсулы. Не лекарствами, как в палате больницы в Центральной курии. И кожа не была серой, с налетом регенератора. Теперь она стала прежней. Той самой марсианкой. Коллегой. Другом. Женщиной.

Самой настоящей из всех, кого доводилось встречать.

– Выходи за меня, – сказал он.

Эпилог

Триумф Клавдия Нерона закончился публичной казнью на Большой Парковой площади.

Имперский приговор был приведен в исполнение старшим квестором Юлием Ветурием, который более пяти лет работал под прикрытием, собирая информацию о деятельности бывшего трибуна. Квестор Ветурий действовал на основании лицензии, выданной Светлейшим Императорским домом.

Консул Клавдий Нерон устранен в соответствии с законом о государственной измене. Его заочно обвинили в оказании помощи имманес в обмен на защиту и неприкосновенность его и его людей, пособничество террористам и подпольным организациям планеты Старая Земля, разжигании беспорядков и торговле собственностью легиона, в частности оружием и крио-инструментарием…

Сетевое издание «Первый Имперский», 5 марта 6041 года, Старая Земля

* * *

Земля вложит средства в развитие Марса?

Сенаты планет договорились о сооружении земной военной базы в районе горы Олимп и поставке новых систем для марсианских водосинтезирующих машин.

Однако главным шоком первой недели ноября стало постановление о создании Триумвирата, в который войдут представители номеров, патрициев и марсиан. Эта новость ожидаемо подняла волну возмущения среди уважаемых членов земного общества и получила большую поддержку у номеров и марсиан. «Глупейший шаг! Своими действиями Сенат провоцирует рост эмиграции среди благородных семейств. Никто не будет жить под управлением головорезов и чистильщиков сортиров», – заявил Тиберий Клавдий Пульхр, известный меценат и владелец ныне разрушенной сети торговых башен «Нимфа».

Конечно, пока Триумвират будет действовать только в системе Солнца. Срок его действия пока не известен, и остается надежда, что новый законодательный орган будет распущен уже через год…

Сетевое издание «Первый Имперский», 6 ноября 6045 года, Старая Земля

* * *

Голос Гая Марция Цензорина, малолетнего героя войны и наследника трансгалактической империи развлечений, уже начал ломаться, из-за чего иногда срывался на девчачий визг. Звучало до усрачки смешно, но Энцо всячески старался не фыркать. Еще обидится, ищи потом с ним связь. Подросток, что с него взять. Вымахал с того времени, как Энцо таскал его тощую задницу по «Нимфе». Годы пролетели, как зубы над асфальтом, кто бы знал, что дети растут так быстро.

«Я до конца месяца в академии, потом на пару недель нас отправляют на Эриду».

Энцо все-таки не удержался и фыркнул.

– Чего вы там забыли? На Эриде жопу отморозить можно.

Помолчав – сигнал доходил до Марса не сразу, с отсрочкой в минуту, – Гай ответил:

«Там полигон. Будут учения в условиях низких гравитации и температуры. А потом домой».

Домой. Звучало неплохо. Энцо не видел мальца уже месяцев восемь.

– Ясно. Заскочи ко мне, когда будешь в Четвертой, – он наконец произнес то, о чем думал на протяжении всего разговора. – И к Весте, она будет рада.

«Хорошо. – Гай помолчал, на этот раз не из-за задержки сигнала. – *Ладно, мне пора».*

– Ага, бывай.

Энцо прервал связь.

Конечно, нехорошо он сделал, не по уставу. Типа, некс нельзя использовать для личных нужд, тем более для межпланетных переговоров. Но Гай тоже вступил в легион, так что этот разговор можно было считать почти рабочим. Коллеги с коллегой.

Он подошел ближе к краю этажа. За ограждением развернулась стройка века: котлован под фундамент пролегал от центра верхнего уровня до самой границы Четвертой курии. В нем пылили машины, грохали отбойники, жужжали дроны и орали люди. Кипела отдельная жизнь, как в муравейнике.

– Почему не в спецовке?! Почему прохлаждаемся?! – за спиной раздался крик. Обернувшись, Энцо уставился сверху вниз на мужичка в строительном костюме с шлемом и рукавицами с усилителем.

– Настроения нет, – ответил Энцо, задрав рукав и продемонстрировав клеймо с имперским орлом. Его путали с рабочим не в первый раз, и даже не в третий. Он уже не злился, хотя первому говнюку чуть все зубы не выбил. – Энцо Русо,

Восьмая декурия Управления Четвертой курии. А ты, случаем, не прораб?

– Один из, – сообщил мужичок на тон вежливее. – У нас все в порядке. Документы, разрешения – все есть. Все номера зарегистрированы.

– Чудно. Мне нужны копии счетов. И сметы, а конкретно – перечень материалов, из которых ты строишь это говно. Вы не подали их в строительную комицию.

– К вашему сведению, это не говно, а жилье повышенной комфортности, – заявил прораб, но Энцо махнул на него рукой.

– Называй как хочешь. На твою контору жалоба поступила, нарушение строительных нормативов и трудового договора. И, говорят, вы за квартиры бабло берете, а это уже нарушение имперского указа от десятого мая этого года. Здесь хаты полагаются бесплатно. Так что гони-ка договора на передачу квартир. Тащи все, что есть.

Переварив услышанное, прораб умчался за личной панелью. В ожидании, пока тот вернется с нужными писульками, Энцо привалился к бетонной опоре.

Жилье повышенной комфортности – это звучало гордо. Конечно, пока комнаты выдавали не всем номерам, а тем, кто официально работает. Но все равно неплохо. Типа бесплатное жилье. Новые больницы и школы, новые возможности для тех, кто выжил.

В пропасти глубиной в сотню этажей светились нити траншей и фары строительных машин. Номера строили себе новые дома.

Все-таки Малая сделала то, что хотела. Изменила эту гребаную планету.

Энцо сплюнул в пустоту под ногами. Сунул за щеку золотую бляшку «гелиоса», развернулся на пятках и двинулся искать, куда запропастился прораб. Похоже, возвращаться тот не собирался.

На нижних уровнях курии осталось еще много дел.

notes

Примечания

1

Пер. с англ. В. Огневой

2

Публий Овидий Назон. Метаморфозы / пер. с лат. С. В. Шервинского